

МИОН
Межрегиональные
исследования
в общественных науках

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«**ИНОЦЕНТР**
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

Ковалев Борис Николаевич

**Коллаборационизм
в России в 1941–
1945 гг.:
типы и формы**

Великий Новгород

2009

УДК 930
ББК 63.3,6
К 56

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *И. Ю. Козлихин*

доктор исторических наук, профессор *С. В. Кулик*

Печатается по решению Научного Совета

Новгородского межрегионального института общественных наук

Ковалев Б. Н.

К 56 Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы; НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – 372 с. (Серия «Монографии»; Вып. 10).

ISBN 978–5–98769–061–1

В данной работе рассматриваются малоизученные в отечественной науке типы и формы коллаборационизма в России в годы Великой Отечественной войны.

Монография написана со строго научных позиций с использованием большого количества архивного материала, ведомственных документов и материалов печати.

Книга предназначена для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических и исторических факультетов вузов, работников правоохранительных органов, а также всех интересующихся вопросами истории Второй мировой войны.

**УДК 930
ББК 63.3,6**

Издание осуществлено при научной и финансовой поддержке Германского Исторического Института в Москве (стипендия 1/2006).

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 978–5–98769–061–1

© Новгородский государственный университет, 2009
© Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2009
© Ковалев Б.Н., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Военный коллаборационизм.....	17
Экономический коллаборационизм.....	78
Административный коллаборационизм.....	123
Идеологический коллаборационизм.....	160
Интеллектуальный коллаборационизм.....	202
Духовный коллаборационизм.....	244
Национальный коллаборационизм.....	293
Детский коллаборационизм.....	308
Половой коллаборационизм.....	348
Заключение.....	366
Список аббревиатур.....	367

Введение

*Своим родителям, Людмиле Михайловне и
Николаю Дмитриевичу Ковалевым
посвящает эту книгу автор*

С точки зрения международного права военная оккупация – временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Сам факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов – она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором.

Захватив в 1941–1942 году западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила здесь жестокий оккупационный режим.

Северо-Западные районы РСФСР находились под немецкой оккупацией более трех лет. Так, Псков был захвачен вермахтом 9 июля 1941 г., а освобожден только 23 июля 1944 г.

Области Центральной России были заняты нацистами на протяжении почти двух лет. Они вошли в Орел 3 октября 1941 г. (освобожден Красной Армией 5 августа 1943 г.), в Брянск – 6 октября 1941 г. (освобожден Красной Армией 17 сентября 1943 г.), в Курск – 2 ноября 1941 г. (освобожден Красной Армией 8 февраля 1943 г.).

В ходе наступления германских вооруженных сил на Москву им удалось захватить крупный областной центр Калинин. Он находился в руках немцев с 14 октября по 16 декабря 1941 г.

На территории Крыма нацисты хозяйничали с ноября 1941 г. по май 1944 г.

Летом 1942 г. войска Германии и ее союзников перешли в наступление на южном участке фронта. 24 июля ими был занят Ростов-на-Дону, 3 августа – Ворошиловск (Ставрополь), 12 августа – Краснодар. Эта территория была очищена от врага в январе-феврале 1943 г.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры». Участие граждан СССР в войне на стороне нацистской Германии советской стороной изначально замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и “пятой колонны”, при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребренников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...»¹. Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война – не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев»².

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется следующим образом: «(*от франц.* collaboration – сотрудничество) изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)»³.

Но уже в годы первой мировой войны этот термин стал приобретать подобную трактовку и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

Можно согласиться с М. И. Семирягой, который в своем фундаментальном исследовании, посвященном коллаборационизму в годы Второй мировой войны, писал о том, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и т. д.⁴. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма.

К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации⁵.

А. Даллин в своей фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны уже обратил внимание на основные противоречия, вытекающие из военных целей нацистской Германии и ее руководства на Востоке. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой – собственно методы достижения поставленных целей. Даллин, как и многие авторы, занимающиеся данной проблематикой, пришел к выводу, что без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла⁶.

В нашей стране термин «коллаборационизм» для обозначения людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стал употребляться лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

В советской юриспруденции достаточно четкое определение понятия военных преступлений по отношению к деяниям гитлеровских оккупантов на территории СССР отсутствовало. Применительно к ним следственные и судебные органы, а также специалисты отказались даже от самого наименования «преступление». Для их обозначения применялись термины «зверства» и «злодеяния», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий.

Поскольку деяния, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», отмечал академик И. П. Трайнин, даже при формальном сходстве, их нелегко приравнять к преступлениям, записанным в национальных кодексах⁷. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тягчайшим уголовным нормам. Таким образом, признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

Преступления коллаборационистов попадали под действие норм советского уголовного законодательства. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые месяцы войны.

Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в рай-

онах, временно занятых врагом» от 15 мая 1942 г. советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности карательных органов немцев, подлежали ответственности по ст. 58-1/а УК РСФСР⁸.

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: за совершение убийств и истязаний гражданского населения, согласно его ст. 1, они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами. Статья 2 Указа целиком посвящалась пособникам из представителей местного населения, уличенным в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков ...» (далее – ЧГК) от 2 ноября 1942 г. в числе чудовищных преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности во всей полноте, перечислял пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного имущества советских граждан, а также колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание утвари религиозных культов. При этом в качестве их субъектов Указом от 2 ноября 1942 г. рассматривалось преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Лишь в Инструкции ЧГК о порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооруженных сил и оккупационной администрации. При этом должны были выявляться фамилии лиц, наименования воинских частей, учреждений и организаций. Устанавливались также признаки, характеризующие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники¹⁰.

Следует отметить, что меры по уголовному преследованию гитлеровских военных преступников и их пособников в Советском Союзе стали осуществляться лишь с середины 1944 г.¹¹. Поскольку до этого времени связанные с ним вопросы разрешались только в декларативной форме, то выполнение насущных задач в рассматриваемой сфере оказалось возможным лишь в результате осуществления властных полномочий представи-

телями карательных органов на местах. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим не только разрабатывать детали процесса расследования, но и определять признаки деяний гитлеровских захватчиков как преступлений в издаваемых ими служебных руководящих актах¹².

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладало обоснованное мнение о том, что субъектами военных преступлений является государство и его организации, на территории СССР в данном качестве рассматривались только физические лица.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 года, принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Согласно этому документу, амнистия применялась «...в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлеченными в сотрудничество с оккупантами»¹³. Четвертая статья данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан»¹⁴.

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной Армии, ненавистью к советской власти, мстостью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации, сделать карьеру при новой власти. Например, Новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарев, репрессированный в начале 30-х годов. Но были и такие граждане, которые занимали определенное положение и при коммунистах. Городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП (б) Грузинов. О работе этих людей заместитель бургомистра Смоленска Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений»¹⁵.

Но не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировалась нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением Вермахта с той или иной территории.

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что все эти люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли не взаимодействовать или не сотрудничать с ними в каких-либо формах, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своим близким и родным.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавало руководство советским Сопротивлением еще в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

Мы должны учитывать при рассмотрении этой проблемы социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами. В условиях оккупации перед миллионами наших сограждан встала проблема физического выживания. При этом нужно помнить, что в значительной степени речь идет о стариках, женщинах и детях. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

В данной работе рассматриваются различные виды военного, административного, идеологического, экономического, интеллектуального, духовного, национального, детского и полового коллаборационизма.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Бесспорно, среди этих людей имела значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам.

Коллаборационизм как явление был неоднороден. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага и с оружием в руках, или используя свой интеллект, воевавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут не рассматриваться как преступники.

Однако вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова бытовой коллаборационизм, как например: размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т. д.). Трудно обвинить в чем-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог.

Особого внимания заслуживает судьба миллионов женщин и детей, оказавшихся тогда в экстремальных условиях войны и оккупации.

Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добыть средства существования для родных и близких. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказалось там не по собственной воле (в особенности в 1941 году), а в силу не зависящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью.

Немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, в значительной степени пострадавших от необоснованных репрессий в конце 30-х годов. Поэтому эстонцы, латыши, финны рассматривались как потенциально союзное население. Особое место занимали фольксдойчи – люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение.

Особое место во взаимоотношениях населения и солдат оккупационной армии занимает проблема сожительства русских женщин с немцами. В ней присутствует все: и случаи изнасилования, и стремление таким образом заработать на хлеб для себя и голодных детей, и даже настоящие романы в духе «Ромео и Джульетты». В 1941 году все эти факты (кроме, конечно, случаев изнасилования) рассматривались советской стороной как преступления со стороны женщин. Но в дальнейшем их к уголовной ответственности не привлекали. Речь могла идти только о морально-нравственной оценке их поведения.

У некоторых людей появилось чувство благодарности немцам и их союзникам за «освобождение от проклятого ига жидо-большевизма». Оно нередко возникало под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Накануне Великой Отечественной войны органы пропаганды в фашистской Германии являлись одними из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживающим на оккупированных нацистами территориях.

Как отмечали позднее представители советского сопротивления, фашисты пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной Армии, парализовать волю к борьбе с фашизмом, а так же максимально привлечь их на свою сторону.

Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах, умелой пропаганде, но и из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, конфликта государства с церковью.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Понятно, что после срыва планов блицкрига, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима, в условиях активизации советского сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты стали пытаться как-то искупить вину перед своими соотечественниками¹⁶.

Большая заслуга сил советского Сопротивления заключается в том, что они в ходе боевых действий отказались от жесткого деления общества на «своих» и «чужих». Советская сторона отлично понимала, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг –

иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить. Что касается остальных, с ними велась активная разъяснительная работа. Она проводилась как с мирным населением: рабочими, крестьянами, интеллигенцией, священнослужителями, – так и с полицейскими, легионерами, власовцами. Многие из оказавшихся на стороне врага раскаялись и присоединились к борьбе с захватчиками. Те же, кто оставался с нацистами до конца, полностью разделяют их ответственность за кровавые преступления против человечества.

Английский автор Д. Каров, утверждая, что почти все население Советского Союза ненавидело советскую систему, Сталина и партию и что оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своим грабителем» против немцев, неправ¹⁷. Обстановка в СССР в то время была гораздо сложнее и противоречивее, чем это представляется Карову.

В последние годы изменился подход и к изучению истории Второй мировой войны. Историкам стали доступны закрытые до последнего времени документы. Всё это позволило по-иному рассмотреть многие события 1939–1945 гг. Они иногда трактуются как столкновение двух тоталитарных систем: Советского Союза и Германии, которые изначально являлись агрессорами. Подобные утверждения ставят под сомнение отечественный характер войны. Критика порядков, имевших место в СССР в годы культа личности Сталина, подкрепляется сейчас положением о том, что в годы Великой Отечественной войны наше общество оказалось расколото на два лагеря: союзников фашизма (в лице полицейских, сотрудников «новой русской администрации», легионеров, власовцев, националистов и прочих коллаборационистов) и их противников.

При рассмотрении вопроса, связанного с различными формами сотрудничества населения России с нацистским оккупационным режимом, исследователь сталкивается с проблемой достоверности имеющихся материалов по данной проблеме. За последние десятилетия по истории Великой Отечественной войны и, в частности, о положении на захваченной немцами территории, по партизанскому движению написаны сотни трудов. К ним относятся мемуары непосредственных участников событий, воспоминания партийных, советских и военных руководителей, диссертации, монографии и статьи учёных-историков.

К источниковой базе следует отнести периодическую печать времён войны, листовки, плакаты, воззвания как с советской, так и с противоположной стороны.

Особый интерес представляют документы, хранящиеся в государственных, ведомственных и личных архивах. Значительная часть из них была рассекречена только в середине 90-х годов XX века. К ним относятся распоряжения, приказы, сводки штабов партизанского движения, опросные листы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), чекистские донесения в Центр о положении на временно оккупированной врагом тер-

ритории, архивно-следственные дела и материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах Управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Невозможно всесторонне исследовать ситуацию на оккупированных территориях без ознакомления с материалами различных немецких и коллаборационистских служб. Это документы военных комендантов, городских и районных управ, полиции, образовательных учреждений, церквей, различных организаций, созданных гитлеровцами для более успешного проведения своей политики. К ним также относится переписка нацистов с различными коллаборационистскими структурами, методические разработки и планы работы различных фашистских пропагандистских школ, архивы коллаборационистских газет и журналов.

Достоверность источников во многом связана с временем их появления. В данном исследовании затрагиваются события, имевшие место на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. На начальном этапе войны представители советского Сопротивления и советских спецслужб не всегда могли дать объективную оценку событий, происходящих на оккупированной нацистами территории России. Это положение можно объяснить, с одной стороны, их неопытностью и неготовностью к подпольной работе в условиях вражеской оккупации, а с другой – недооценкой пропагандистского потенциала противника. Часто советские агенты боялись посылать в Центр информацию, которая могла не понравиться их начальству. Однако уже к 1942 г. эта порочная практика была преодолена.

Наибольший интерес представляют те документы советской стороны, которые несут в себе элемент критики источника информации. К ним относятся разведывательные сводки, опросные листы НКВД, материалы допросов или ревизий. Ни в коем случае не преуменьшая значение и влияние советской периодической печати и листовок, нужно признать, что изложенные в них факты (в особенности в начальный период войны) далеко не всегда соответствовали действительности.

Что касается правдивости нацистских средств массовой пропаганды, то она была полностью связана с положением дел на фронтах. В 1941 году, до начала Московской битвы, ложь и дезинформация в них подавались в весьма умеренных дозах. По мере срыва плана молниеносной войны объективность оккупационных изданий стала резко падать.

Естественно, эта объективность никак не была связана с теми планами по вопросу о будущем России, которые вынашивали руководители III Рейха.

В послевоенные годы были написаны сотни трудов по разным аспектам истории Второй мировой войны. Но в российской науке до сих пор нет работ, в которых комплексно анализируются типы и формы коллаборационизма на временно оккупированной территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

- ¹ Пролетарская правда: газ. 1941 г., 19 июля.
- ² **Эренбург, И. Г.** Война / И. Г. Эренбург. М., 2004. С. 131.
- ³ Современный словарь иностранных слов. М., 1993. С. 287.
- ⁴ **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. М., 2000. С. 5.
- ⁵ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 293.
- ⁶ **Dallin, A.** German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation polities. London, McMillan, 1957.
- ⁷ См.: **Трайнин, И. П.** Избранные труды. СПб., 2004. С. 564–565.
- ⁸ **Епифанов, А. Е.** Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005. С. 39.
- ⁹ Там же. С. 39–40.
- ¹⁰ Там же. С. 19.
- ¹¹ См.: **Епифанов, А. Е.** Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997. С. 9–26.
- ¹² **Епифанов, А. Е.** Ответственность за военные преступления. С. 18.
- ¹³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991 гг.: Сборник правовых актов. М., 1997. С. 89.
- ¹⁴ Там же. С. 90.
- ¹⁵ АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 15.
- ¹⁶ **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006. С. 118.
- ¹⁷ Цит. по: **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. С. 8.

Военный коллорационизм

В условиях боевых действий одним из типов коллаборационизма является военный – оказание содействия противнику с оружием в руках. Он может проявляться в различных формах: служба в военных и военизированных формированиях, в полицейских структурах, в органах разведки и контрразведки.

Среди исследователей проблемы коллаборационизма на территории нашей страны нет единого мнения относительно численности советских граждан, поступивших на службу фашизму. По данным генерала армии М. А. Гареева, в различных охранных, карательных частях, в РОА и других националистических формированиях находилось около 200 тыс. человек, из них в боевых вооруженных формированиях более 100 тыс¹.

По подсчетам Л. Репина, проведенным по документам военного архива в Потсдаме (Германия), служить в немецкую армию пошли не более 180 тыс. советских граждан, из них примерно половина – военнослужащие, а остальные – из числа гражданского населения².

В некоторых работах, вышедших на Западе после Второй мировой войны (например, в книге А. Казанцева «Третья сила» (выпускалась издательством НТС «Посев» в 1952, 1974 и 1994 годах)), дается информация, что в борьбе со сталинизмом в 1941–1945 годах принимало участие до 10 миллионов советских граждан. Эта цифра явно завышена. В исследовании петербургского историка

В. А. Ежова «Народ и война: некоторые проблемы и тенденции их изучения» говорится о том, что в гитлеровских формированиях находилось 100 тысяч бывших бойцов и командиров РККА³.

В монографии А. Е. Епифанова приводится следующая информация: «До 1 миллиона человек выступали на стороне гитлеровцев с оружием в руках. Вооруженные силы “Русской освободительной армии” достигали 50 тыс. человек; отдельные объединения “Русской освободительной народной армии” – 20 тыс. Граждане СССР в войсках СС – 150 тыс. Вспомогательная полиция на оккупированной территории, находившаяся в военном управлении, – 60–70 тыс. В гражданском управлении – 300 тыс.; национальные “восточные легионы” – 250 тыс.; казацки войска – 70 тыс. Обслуживающие и специальные подразделения вермахта – 500 тыс.»⁴

По современным немецким данным, в начале 1943 года в вермахте действовало до 400 тыс. «добровольных помощников», от 60 тыс. до 70 тыс. находились в войсках службы по поддержанию порядка и 80 тыс. – в восточных батальонах; около 183 тыс. человек работало на железной дороге в Киеве и Минске⁵.

При рассмотрении последних цифр следует учитывать, что в большинстве случаев речь шла не о политическом выборе, а о стратегии выживания. Никогда немецкое руководство (в отличие от своих пропагандистских заявлений) не считало эти силы своими политическими союзниками, никогда серьезно не рассматривало идеи воссоздания «Великой России без коммунистов».

Однако в современной российской исторической литературе появились авторы, которые пишут о том, что некоторые руководители фашистской Германии стремились создать жизнестойкое русское антисталинское движение. Генерал Власов ими сравнивается с де Голлем, а его движение называется общенациональным, имевшим поддержку большинства населения на занятых немцами территориях⁶.

Эти утверждения не выдерживают никакой критики. Нацистам и их пособникам на оккупированных территориях противостояло массовое народное сопротивление – партизаны и подпольщики. По советским оценкам, в централизованном партизанском движении участвовало около 280 тыс. активных бойцов, а в общей сложности их насчитывалось от 700 тыс. до 1,3 млн. человек⁷.

Перед нападением на Советский Союз Гитлер скептически отнеся к предложению Геббельса (хотя оно и было принято) объявить

войну против СССР «походом народов Новой Европы против ига большевизма». Фюрер Третьего рейха считал, что это до какой-то степени принизит славу Германии в ее неизбежной победе. Участие в войне представителей советских народов под какими-либо политическими лозунгами, будь то борьба за уничтожение большевизма или восстановление национальной независимости, выглядело в свете объявленных нацистским руководством целей просто невыполнимым. «Никогда не должно быть позволено, чтобы оружие носил кто-либо иной, кроме немцев, – заявлял Гитлер. – Даже если в ближайшее время нам казалось бы более легким привлечь какие-либо чужие, покоренные народы к вооруженной помощи, это было бы неправильным. Это в один прекрасный день непременно и неизбежно обернулось бы против нас самих. Только немец вправе носить оружие, а не славянин, не чех, не казак и не украинец»⁸.

Но уже с первых недель войны вместе с вермахтом сражались против Красной Армии солдаты Финляндии, Венгрии, Румынии, Италии, Словакии. Генерал Франко послал на северный участок советско-германского фронта испанскую «Голубую дивизию». В частях СС воевали добровольцы из Норвегии, Дании, Франции, Бельгии. Во многом это было связано с большими потерями вермахта в живой силе, которые он понес в первые месяцы войны.

Рассчитывая использовать в своих целях национальную вражду между народами СССР, немецкие власти уже в первые месяцы оккупации начали формировать различные антисоветские националистические отряды. В этом отношении наибольшую силу представляли украинские и прибалтийские вооруженные формирования.

25 августа 1941 года командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб официально разрешил принимать на службу в вермахт литовцев, латышей и эстонцев и создавать из них особые команды и добровольческие батальоны для антипартизанской борьбы. Зимой 1941–1942 годов были сформированы балтийские охранные батальоны – первоначально с целью заменить в тылу немецкие войска для использования последних на фронте, однако, начиная с июля 1942 года, эстонские батальоны наравне с немцами сражались на передовой линии⁹.

С привлечением русских дело обстояло несколько сложнее. И проблема здесь заключалась не только в том, что арийская теория считала славян «недочеловеками». Изначально руководство III Рейха не хотело давать им в руки оружие даже в пропагандистских целях.

Срыв плана «блицкрига» заставил нацистов по-другому оценить потенциал русских, готовых сотрудничать с ними. Так что силам советского сопротивления противостояли не только войска немецко-фашистской Германии и ее союзников, но и различные коллаборационистские подразделения из числа местных жителей, часто созданные при участии сотрудников нацистских спецслужб: полицейские и карательные отряды, разведывательные и пропагандистские школы, Русская освободительная армия, Русская освободительная народная армия и другие.

Некоторые руководители партизанского движения в своих воспоминаниях относят к вооружённым коллаборационистским формированиям и вспомогательные отряды вермахта. Это не соответствует действительности: подразделения, сформированные из русских гражданских лиц, носившие старую немецкую форму без знаков различия, оружия не имели и использовались тыловыми службами германской армии для поддержания порядка на шоссе и железных дорогах¹⁰.

Ещё в ходе Великой Отечественной войны историографы владовского движения предприняли ряд попыток начинать отсчёт своей деятельности с октября 1941 года. На страницах газеты «Доброволец» и журнала «Блокнот солдата РОА» приводились якобы имевшие место факты совместных боевых действий вермахта и «русских добровольческих ударных отрядов». С этого времени, по их утверждению, началось «возрождение русских боевых национальных противобольшевистских сил»¹¹.

Газета «Голос народа» посвятила процессу становления «Русского освободительного движения» несколько своих номеров. Она писала: «Уже к осени 1941 года можно было встретить немало народных героев, плечом к плечу с германскими солдатами штурмующих жидовскую крепость. Со временем эти подразделения выросли в крупные боевые единицы, пользующиеся большим доверием у германского командования и не раз отличившиеся в боях с большевиками.

Так росла, крепла, завоевывала себе авторитет Русская народная армия, которая сейчас представляет собой грозную силу для сталинской банды»¹².

Эти заявления не соответствуют действительности. В условиях успешного продвижения германских войск командование ставило перед ними задачу повсеместного разоружения населения. Офице-

ры вермахта, кроме права казнить или миловать, могли отпустить пленного красноармейца домой, если он производил впечатление «честного хлеботорга», но при этом им строго указывалось, что «оружие в любом случае должно быть изъято или уничтожено»¹³.

О том, что тысячи русских людей уже летом 1941 года изъявили желание помогать нацистам, пишет в своей книге В. Штрик-Штрикфельд: «В первые несколько месяцев войны офицеры и солдаты Красной Армии, а также горожане и крестьяне в большом количестве присоединялись к германским воинским частям...

Сперва в частях добровольцев называли “наши иваны”, а затем за ними закрепилось обозначение “хиви” (Hilfswillige (Hiwis) – “желающие помогать”, или добровольные помощники)¹⁴.

Но этот же автор признает, что использовались «добровольные помощники» на самых тяжелых работах: на постройке дорог, мостов и других объектов обеспечения тыла гитлеровцев¹⁵.

К концу 1942 года «хиви» имелись во многих подразделениях вермахта. Только в службе снабжения пехотной дивизии штатами было предусмотрено 700 должностей для «добровольных помощников». В соответствии с приказом командира 79-й пехотной дивизии, бывшие военнопленные должны были замещать половину личного состава ездовых и шоферов грузовых машин, все должности сапожников, портных, шорников и вторых поваров, половину должностей кузнецов. Кроме того, каждый пехотный полк формировал из военнопленных одну саперную роту численностью в 100 человек, включая 10 человек немецкого кадрового состава¹⁶.

В первые месяцы войны эти люди представителям советского сопротивления казались врагами гораздо более ненавистными и опасными, чем немцы. Что касается солдат вермахта, еще оставалась надежда, что одетые в военную форму рабочие и крестьяне одумаются и перестанут воевать против «братьев по классу» и «первого в мире социалистического государства».

Партизаны и подпольщики в 1941 году провели ряд успешных операций по физическому уничтожению пособников врага. Никаких пропагандистских акций, кроме извещения населения о том, что смерть ждёт каждого сотрудничающего с врагом, предпринято не было¹⁷.

Для начального этапа Великой Отечественной войны не характерно широкое использование оккупантами местного населения в военных целях, даже для борьбы с партизанами. Но были и исклю-

чения. Так, в ноябре 1941 года немцы создали в Поддорском районе Ленинградской области из местного населения и лиц, дезертировавших из Красной Армии, три вооруженных отряда общей численностью более 50 человек. Участники этих отрядов были вооружены винтовками и ручными пулеметами, вели борьбу с партизанами, осуществляли охрану немецких тылов в прифронтовой зоне¹⁸.

Но в начальный период войны оккупанты делали основную ставку на карательные отряды, сформированные на территории Прибалтики¹⁹. В них входили в первую очередь эстонцы, латыши и финны.

Победа советского народа под Москвой и, как следствие этого, срыв плана молниеносной войны против СССР заставили оккупантов пересмотреть свои взгляды на использование представителей народов Советского Союза в боевых действиях.

Весной 1942 года в оккупированных нацистами районах нашей страны появилось значительное количество различных «вспомогательных подразделений», не имевших, как правило, ни четкой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецкие войска, необходимые на фронте. В группе армий «Север» они назывались «местные боевые соединения» (Einwohnerkampfverbände), в группе армий «Центр» – «служба порядка» (Ordnungsdienst), а в группе армий «Юг» – «вспомогательные охранные части» (Hilfswachmannschaften)²⁰.

Формирование восточных войск на начальном этапе гитлеровцы пытались осуществлять на основе добровольного волеизъявления граждан. Когда же таковых оказалось крайне мало, были приняты иные меры: истязания голодом и побоями, дезинформация, шантаж, провокации и т. д. Как свидетельствуют многочисленные источники, комплектование восточных формирований производилось примерно по такой схеме. В лагерь военнопленных прибывали вербовщики из представителей немецкого командования, белоэмигрантов, различных эмиссаров и приступали к выявлению лиц, по различным причинам согласившимся вступить на службу в германскую армию. Из них создавалось ядро будущего подразделения. По количеству добровольцев оно, как правило, значительно не достигало до установленной штатной численности. Недостающих новобранцев отбирали уже по принципу физической

годности к несению строевой службы. Они оказывались перед ограниченным выбором: либо принудительная служба в германской армии, либо голодная смерть. От безысходности многие соглашались надеть фашистский мундир, надеясь при удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной Армии. У молодых парней и мужчин призывного возраста, загнанных в гражданские лагеря, также не было выхода: или служба в восточных войсках, или каторжные работы в Германии.

Таким способом, в частности, формировались летом 1942 г. три батальона на оккупированной территории Орловской области: 1-й батальон – в Орджоникидзеграде (район Брянска), 2-й – в районе г. Трубчевска, 3-й – в районе Плюсково (20 км севернее Трубчевска). Во главе батальонов, рот и взводов находились бывшие советские офицеры. При командирах батальонов состояли немецкие офицеры не ниже лейтенантов, в ротах, взводах и отделениях – немецкие унтер-офицеры и солдаты. Они выступали в качестве контролеров-надзирателей за правильным и своевременным выполнением приказов немецкого командования, и их указания были обязательны для каждого бывшего русского военнослужащего, какую бы должность в данном воинском формировании он ни занимал²¹.

К концу лета 1942 года по мере значительного роста потребностей в охранных войсках германское командование наряду с набором добровольцев приступило к насильственной мобилизации годных к военной службе мужчин от 18 до 50 лет. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных районов ставилась альтернатива: быть завербованными в «добровольческие» отряды или угнанными на принудительные работы в Германию.

На смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклоняющихся санкций – вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессий.

Под Брянском осенью 1942 года к охране железных дорог привлекались местные жители. Они охраняли пути под виселицами, на которых их должны были повесить в случае успешной партизанской акции²².

В начале 1942 года под Брянском началось формирование полка «Десна». Предполагалось, что в него вступят пленные украинцы-красноармейцы. Решение использовать именно украинцев было

основано на издавна существующей, как считали немцы, вражде между ними и русскими.

Солдаты и офицеры этого подразделения носили немецкое обмундирование, а принадлежность к русскому полку обозначалась белой повязкой на рукаве²³.

Отношения между немецкими офицерами полка и солдатами были плохими. Офицерам разрешалось бить солдат. До наступления Красной Армии немцы часто собирали солдат для агитационных бесед, при этом они не скупались на слова, рассказывая об успехах германской армии. После того как инициатива на фронте перешла к советской стороне, подобные мероприятия перестали практиковаться, а на вопросы солдат о положении на фронтах офицеры предпочитали отнекиваться или отмалчиваться²⁴.

Батальоны полка «Десна» действовали на Брянщине до конца августа 1943 года, после этого они были выведены в Белоруссию, а затем, в конце года, переброшены в Западную Европу – Францию и Италию²⁵.

Никем не контролируемый рост числа «туземных» воинских частей весной 1942 года вызвал негативную реакцию у Гитлера, который 24 марта 1942 года запретил их дальнейшее формирование на том основании, что это могло оказаться с военной точки зрения невыгодным при последующем «окончательном решении русского вопроса», т. е. физическом уничтожении значительной части славянских народов. В то же время было приказано сохранить уже существующие части в необходимом количестве.

Но положение дел на советско-германском фронте внесло коррективы в эти планы. И уже в мае 1942 года главным командованием гитлеровской сухопутной армии и командованием армий запаса на оккупированной территории Советского Союза были учреждены четыре националистических легиона: туркестанский, кавказско-магометанский, грузинский и армянский. Они использовались руководством вермахта для борьбы с сопротивлением фашистскому режиму²⁶.

С июня 1942 года на страницах оккупационной печати появились воззвания, призывающие «всех честных русских граждан вступать в добровольческие отряды»²⁷.

Эти формирования по своему составу были крайне неоднородными. Кроме предателей, добровольно идущих на службу к оккупантам, там находились бывшие военнопленные и мирные жители.

Последних принудили надеть вражескую форму при помощи системы террора, шантажа, подкупа, обмана и насильственной мобилизации. Пленным красноармейцам было обещано хорошее питание и возможность в скором будущем отбыть на Родину²⁸.

В некоторых случаях обращалось внимание на социальное происхождение вербуемых. В докладе штаба 5-й танковой дивизии об использовании «добровольческой роты» рекомендовалось отбирать в первую очередь крестьян и сельскохозяйственных рабочих, «поскольку в них таится непримиримая ненависть к коммунизму». О промышленных рабочих говорилось, что они «в большей степени заражены коммунизмом, и их вступление и согласие служить чаще всего объясняется желанием на какое-то время получить хорошее содержание, чтобы потом при первой возможности исчезнуть». Что же касается офицеров Красной Армии, то их предложения рекомендовалось отклонять в связи с тем, что «они находятся под коммунистическим влиянием и в большинстве являются шпионами». В подтверждение этому приводился факт, когда двое принятых в роту офицеров в первом же бою перебежали на сторону Красной Армии, прихватив с собой еще трех человек из числа «добровольцев»²⁹.

Фашистские вербовщики не учли тот факт, что для многих пленных форма добровольцев была единственной возможностью вырваться из лагеря. Всё это изначально делало невыполнимым немецкий план полного вывода на фронт тех частей, которые использовались в тылу для борьбы с партизанами и охраны коммуникаций.

Фашистское наступление на партизан на Северо-Западе России осенью 1942 года несколько потеснило силы сопротивления, но не смогло его уничтожить. Напряженное положение на фронтах не позволяло командованию вермахта постоянно держать у себя в тылу значительные воинские подразделения немецких войск. Было принято решение о переброске на оккупированную территорию Ленинградской области «национальных легионов». Все они комплектовались за счёт вербовки военнопленных. «Легионеры» носили красноармейскую форму, советские знаки отличия. Нацистские тайные агенты, используя это, получили задание распространять среди населения слухи о том, что все легионы состоят из бойцов РККА, добровольно перешедших на сторону германских вооружённых сил. Эта акция провалилась. Сразу же по прибытии на место дислокации несколько бывших военнопленных бежало к партизанам, разоблачив этим инсинуации противника³⁰.

При подготовке очередного наступления на партизанские соединения оккупанты были вынуждены отозвать легионеров с линии их соприкосновения с народными мстителями и использовать в дальнейшем только на хозяйственных работах. Национальный состав карательных отрядов, пришедших им на смену, был представлен в основном немцами, латышами и эстонцами, а также русскими, уже совершившими различные преступления против своего народа³¹.

Некоторые из этих отрядов, созданных нацистами в 1942 году, скрывали свою связь с германским командованием, но зато они открыто говорили о своей враждебности к советскому строю и партизанам, объявляя своей целью «борьбу за Новую Россию». На Брянщине и Смоленщине распространялись антисоветские брошюры и листовки от лица организации «русских фашистов»³².

Особое внимание со стороны советского сопротивления и НКВД уделялось тем подразделениям, которые предназначались фашистами для разведывательно-диверсионной работы в советском тылу. 22 января 1942 года вышли указания НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с “добровольческими” отрядами». В них все коллаборационистские формирования назывались бандами. Предполагалось «по получении проверенных сведений о формировании банды подбирать и направлять через линию фронта в пункты формирования банды надёжную агентуру с задачей внедрения в состав банды». Чекисты должны были «вести разложеческую работу среди рядовых участников, склонять их к переходу в Красную Армию, насильно уводить с собой руководителей банд; осуществлять ликвидацию отдельных руководителей банд, вербовщиков в эти отряды и отдельных активных рядовых участников; вербовать старост с целью получения возможности вливать через них в банды нашу агентуру»³³.

В августе 1942 года начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин отправил начальнику опергруппы Северо-Западного фронта и командирам партизанских отрядов «Указания о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупируемой территории» (аналогичные документы были направлены из Москвы брянским и смоленским партизанам)³⁴.

Впервые с начала войны в этом документе прямо писалось о том, что не все лица, служащие захватчикам, являются потенциальными врагами советской власти. Кроме вооружённой борьбы с

полицейскими и карателями, партизанам предлагалось использовать все возможности для разложения этих формирований³⁵.

В соответствии с указаниями из центра, сопротивление организовало свою работу с коллаборационистскими подразделениями следующим образом: выявлялись дислокация, организация, численность и порядок комплектования тех антисоветских «добровольческих отрядов», которые действовали в районах, контролируемых народными мстителями. В подразделения «добровольцев» засылалась партизанская агентура, которая путём распространения листовок и устных бесед с «добровольными помощниками» склоняла их к переходу с оружием на сторону партизан. Там, где сочувствующих силам сопротивления было несколько, создавались подпольные группы для разложения отрядов изнутри.

Подобные акции значительно ослабляли вражеский тыл и делали весьма затруднительным активное использование добровольческих соединений, набранных из местных жителей.

Но работа по разложению коллаборационистских формирований не всегда была успешной для советской стороны. В практике агентурной работы имелись случаи, показывающие наши недоработки. Так, 1 июля 1942 года Навлинским оперативным чекистским объединением (Орловская область) был завербован начальник штаба полицейского отряда Р. Вербовкой преследовалась цель добиться через него проведения агентурных мероприятий по разложению полицейского отряда. Связь с Р. систематически поддерживалась через агента-связника Н., контактировавшего с группой навлинских девушек, распространявших советские листовки и в результате этого арестованных гестапо. Вместе с ними был схвачен и агент Н. В результате этого все мероприятия по вербовке Р. и разложению полицейского отряда были провалены³⁶.

Поскольку немецкие пропагандистские службы поместили в печати ряд статей о зверской расправе, учинённой партизанами над перешедшими на их сторону коллаборационистами, стали практиковаться персональные письменные обращения групп и одиночек-перебежчиков к личному составу тех антисоветских формирований, где их знали лично. Если отряды «добровольцев» переходили на сторону партизан в полном составе, то им выделялись специальные районы действий и ставились самостоятельные боевые задачи.

В тех местах, где деятельность советских агитаторов и пропагандистов была затруднена из-за большой концентрации вражеских

войск, особыми отделами партизанских бригад и отрядов проводились операции по дискредитации отдельных коллаборационистов³⁷.

Кроме всего прочего, оккупанты формировали «вспомогательные подразделения» путем насильственной мобилизации мирного населения. С этой целью предварительно проводилась обязательная регистрация мужчин в возрасте 14–60 лет. За уклонение от регистрации виновные подвергались репрессиям. В первый период оккупации прошедшим регистрацию предлагалось подавать заявления о добровольном желании служить в антисоветских формированиях. «Добровольцев» соблазняли высоким жалованием, хорошим питанием и обмундированием, обещали выдачу продовольственного пайка семьям, а после войны – предоставление больших земельных наделов, льгот при поступлении в учебные заведения и уравнивание во всех правах с немцами³⁸.

18 декабря 1942 года состоялась конференция, организованная Альфредом Розенбергом. В ней приняли участие начальники оперативных тыловых районов Восточного фронта и представители центральных военных управлений, ответственные за проведение оккупационной политики и осуществление хозяйственной деятельности на захваченной территории Советского Союза. Обсуждая возможности привлечения советского населения к активному сотрудничеству, немецкие военные представители высказывали мнение, что вермахт нуждается в непосредственном использовании жителей оккупированных районов для ведения боевых действий и восполнения потерь личного состава войск, а также успешной борьбы со все усиливающимся партизанским движением. Поэтому было решено пойти на определенные уступки в обращении с населением. Вместе с тем открыто заявлялось, что речь идет лишь о мероприятиях временного характера, которые сразу же после окончания войны могут и будут подвергнуты любой ревизии³⁹.

Несмотря на свое согласие с некоторыми предложениями Розенберга, Гитлер отказался до окончания войны вносить в проводимую политику какие-либо изменения.

Единственным официальным документом, получившим поддержку со стороны руководства III Рейха, стала инструкция министерства пропаганды, подписанная Геббельсом 15 февраля 1943 года. В этом документе требовалось избегать в пропаганде, рассчитанной на народы Советского Союза, всех дискриминирующих их

высказываний и ни в коем случае не упоминать о колониаторских планах Германии⁴⁰.

В специальные лагеря военнопленных, где содержались политработники Красной Армии, были направлены немецкие вербовщики. Так, в сентябре 1942 года в лагерь под Борисовым прибыл немецкий офицер фон Рам, в совершенстве владевший русским языком. Целью его командировки являлся подбор из числа советских политработников пропагандистов идей национал-социализма.

На общем собрании он заявил следующее: «Мы, немцы, совершили много ошибок, не зная характера русского народа. Сами, без вашей помощи, мы никогда ничего не сможем сделать. Вы должны нам помочь. Мы не имеем никаких территориальных или иных претензий к России. Мы только против советской системы. У нас нет противоречий. Вы за социализм, и мы за социализм. Только мы за национальный социализм для своей страны, а в России интернациональный социализм. В интернационализме в России заинтересованы евреи, их господство нужно уничтожить»⁴¹.

Усиление сопротивления и коренной перелом в Великой Отечественной войне заставил нацистские оккупационные и пропагандистские службы разработать новый план по активному вовлечению в коллаборационистские подразделения русских граждан. В 1941 году немцы требовали от населения в основном экономической поддержки, с 1942 года командование вермахта пошло на создание вспомогательных отрядов из местных жителей. 1943 год был характерен «союзной инициативой» ведомства Геббельса. Согласно ей, эта война велась самим русским народом против поработившего его большевизма, Германия же выступала в качестве союзника России.

По мере роста людских потерь вермахта, и особенно после Сталинградской битвы 1942–1943 годов, мобилизация местного населения приобрела еще более широкие масштабы. В прифронтовой полосе немцы стали мобилизовать поголовно все мужское население, включая подростков и стариков, по тем или иным причинам не увезенных на работу в Германию. К скрывающимся от мобилизации применялись всяческие репрессии, вплоть до расстрела. В этих условиях многие русские мирные жители бежали в леса и пополнили ряды партизан.

В 1943 году мелкие команды вспомогательной русской полиции в некоторых районах стали немецким командованием оформ-

ляться в роты и батальоны, которые получали армейское вооружение, проходили военную подготовку и переименовывались в подразделения РОА.

Как правило, «добровольческие части», независимо от их национального состава, получали форму немецкого военного образца, различались они шевронами на рукаве и использовались преимущественно для борьбы против партизан, для охраны железных дорог и военных объектов, в качестве различных вспомогательных и тыловых подразделений. Во время битвы на Курской дуге было отмечено участие РОА в операциях непосредственно на фронте, хотя последнее было сделано в основном в пропагандистских целях. Иногда немецкое командование использовало «добровольческие части» в качестве прикрытия отступающих немецких войск⁴².

Зимой 1942–1943 годов в глубине оккупированной территории России происходила замена некоторых немецких гарнизонов «добровольческими частями». Личный состав, помимо обмундирования и питания, получал денежное довольствие. Официально оно делилось на три разряда: по первому разряду получали 375, по второму – 450 и по третьему – 525 рублей⁴³. Фактически выдаваемые суммы были меньше. Так, в одной из «русско-германских» частей солдатам платили по 240 рублей в месяц, а младшим командирам – по 465 рублей. В казачьих частях холостые солдаты получали по 250 рублей, а женатые по 300 рублей⁴⁴. Питание, квартиры и медицинское обслуживание, как и для немецких военнослужащих, были бесплатные, причем они должны были проживать отдельно от немецких солдат и офицеров.

Для награждения «добровольцев», полицейских, старост и прочих коллаборационистов немцами был учрежден специальный знак «За храбрость и заслуги». Отличие имело два класса, которые, в свою очередь, подразделялись на ряд ступеней. Награжденный получал грамоту, дающую ему ряд привилегий. Награжденные отличием 1-го класса могли рассчитывать на значительную денежную сумму или участок земли. Отдельные командиры «добровольческих» частей за участие в боевых действиях против партизан награждались «железным крестом»⁴⁵.

Морально-политическое состояние «добровольческих частей» было весьма неустойчивым. Имели место выступления против немцев и их пособников. Отдельные группы и подразделения после перехода на сторону советского сопротивления выполняли вместе с

партизанами различные боевые задания. Поэтому оружие им выдавалось только для участия в операциях. «Русских добровольцев» запрещалось ставить на охрану складов оружия и боеприпасов. Чтобы затруднить побег, утром и вечером устраивались переключки. Перебежчики из Красной Армии должны были подвергаться проверке на протяжении двух месяцев. Широко практиковалась засылка в подразделения тайных агентов, чтобы препятствовать появлению там антифашистских организаций и установлению военнослужащими связей с советским сопротивлением.

Под влиянием поражений вермахта и его союзников, а также в связи с пополнением коллаборационистских вооруженных формирований принудительно мобилизованными лицами, антинемецкие настроения стали проявляться еще активнее. Участились случаи отказа от выполнения боевых приказов и перехода на сторону партизан. Особенное возмущение вызывало требование немцев о принесении присяги «на верность фюреру Великой Германии – Адольфу Гитлеру».

Наибольшие надежды фашисты возлагали на полицейских и карателей, которые в свое время были репрессированы советской властью. В работе с ними партизанские агенты признавали незаконность вынесенных им приговоров, но отмечали, что обида на конкретных представителей советской власти и НКВД ещё не повод к активному сотрудничеству со злейшими врагами русского народа⁴⁶.

В условиях нестабильности своего тыла германское командование издало ряд постановлений, приказов, распоряжений, из которых следовало, что «каждый честный русский гражданин должен доносить в ближайшую воинскую часть и учреждение всё, что он знает о большевистских агентах, которые грабят русских крестьян». Любая форма сотрудничества с немцами и их союзниками поощрялась выплатой денег, выдачей табачных изделий, водки, сельхозинвентаря и скота. При этом утайка подобных сведений каралась смертной казнью⁴⁷.

Особое место среди вооруженных коллаборационистских формирований занимали ложные партизанские отряды. Так в ноябре 1941 года полицией безопасности и «СД» в городе Луге Ленинградской области из уголовных элементов была создана разведывательно-карательная группа, которая в первый период насчитывала 8 человек. Руководителем этой группы немцами был назначен Николай Александрович Мартыновский, 1920 года рождения, уроже-

нец г. Омска, бывший студент 2 курса Ленинградского медицинского института.

Группа с декабря 1941 года до весны 1942 года выходила в населённые пункты Лужского района, выдавая себя за участников советского сопротивления. Общась с населением, она выявляла места расположения партизан, подпольных организаций, советских разведчиков и лиц, оказывавших помощь партизанам.

Таким провокационным методом было вскрыто и уничтожено несколько советских разведывательно-диверсионных групп, а также много партизан и лиц, оказывавших им помощь.

К апрелю 1942 года группа «СД» была реорганизована в отряд, который насчитывал к тому времени около 70 человек. С апреля по май 1942 года отряд действовал в Лужском районе Ленинградской области, с мая по сентябрь – в Новоржевском, в сентябре и октябре – в Островском, с октября 1943 года по февраль 1944 года – в Себежском, с февраля по март 1944 года – в Островском и Пыталовском районах Псковской области.

Участники этого отряда, который к этому времени именовался «Ягд-командой», применяли исключительно коварные методы борьбы с советскими патриотами. Все они были одеты в гражданскую форму, а Мартыновский носил форму капитана Красной Армии и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Каратели, выдавая себя за партизан, при выявлении лиц, оказывавших помощь партизанам, производили расстрелы, подвергали сожжению населённые пункты, грабили имущество у советских граждан.

Захваченных в плен партизан расстреливали, а некоторых вовлекали в «Ягд-команду», а для закрепления их дальнейшей службы у карателей заставляли расстреливать перед строем своих же товарищей.

За пассивные действия во время операций, трусость, малейшее недовольство, попытки перейти на сторону партизан Мартыновский или его заместитель Решетников расстреливали участников отряда перед строем.

В отряде процветало пьянство, массовое изнасилование женщин в местах расположения «Ягд-команды», а захваченные в плен партизанки после изнасилования расстреливались.

За время нахождения «Ягд-команды» на территории Псковской области её участниками было расстреляно свыше 100 человек, в

том числе стариков, женщин, детей, сожжено и разграблено несколько населённых пунктов.

В марте 1944 года «Ягд-команда» была переброшена в Белорусскую ССР, где в районе города Полоцка и Дрисском районе чинила массовые зверства над мирными советскими гражданами.

Так, 1 мая 1944 года в местечке Крышборок карателями на почве мести за убитого партизанами командира взвода Пшик было расстреляно 30 человек ни в чём не повинных детей, женщин и стариков. А всего в этом районе было расстреляно около 60-ти человек мирных граждан и партизан.

В конце 1944 года «Ягд-команда» была переброшена в Польшу, а затем в Югославию для борьбы с партизанским движением. На территории Югославии каратели также чинили массовые зверства, насилия, грабежи.

В сентябре 1944 года по пути из Югославии в Польшу Мартыновский из-за личных счётов был убит своим заместителем Решетниковым, который с этого времени и возглавил «Ягд-команду».

В январе 1945 года под городом Иноврацлав (Польша) «Ягд-команда» была разбита войсками Красной Армии. 39 карателей взяты в плен, арестованы и осуждены военным трибуналом. 10 человек из них было расстреляно.

Командира «Ягд-команды» Решетникова в 1947 году удалось арестовать, и он был осуждён на 25 лет лишения свободы. Во время следствия он скрыл своё участие в массовых расстрелах и зверствах, в связи с этим в 1963 году было проведено новое расследование, и этот военный преступник 4 декабря 1963 года Псковским Областным судом был осужден по ст. 64 п. «а» УК РСФСР к расстрелу⁴⁸.

Так закончилась история этого лжепартизанского отряда, повинного в гибели сотен ни в чем не повинных людей.

Ленинградские партизаны регулярно сообщали в ЛШПД: «Окупанты стремятся всеми средствами расколоть связь населения с партизанами. Они организывают шайки бандитов из числа эвакуированных жителей или «отрядчиков» (полиция, отряды самообороны и т. д.) по 10–15 человек, задачей которых является грабить мирное население под видом партизан и тем самым оправдывать название “партизаны–грабители”, чтобы восстанавливать таким образом население против советского сопротивления»⁴⁹.

Определенную поддержку нацисты смогли получить во время своего наступления на Северном Кавказе. В 20–30-е годы Сталин

проводил там политику расказачивания, что вызвало сопротивление местного населения.

По политическому и экономическому состоянию и по географическому положению казаки делились на две группы: одну из них составляли солдаты и офицеры белой армии и эмигранты 20-х годов, проживавшие в разных странах Европы; другую – солдаты и офицеры Красной Армии, оказавшиеся в немецком плену, а также те, кто проживал на родине в период оккупации и, предложив свои услуги противнику, стал коллаборационистом. Они приветствовали немецкие войска как своих освободителей, создавали вооруженные легионы в рамках вермахта, сотрудничали с оккупационными властями.

К сентябрю 1942 года практически вся территория проживания казаков на Северном Кавказе оказалась захвачена вермахтом. В этих условиях командование группы армий «Юг» стало формировать казачьи воинские части. На протяжении сентября этой акцией занимался полковник фон Панквиц. Через месяц его назначили командующим всеми казачьими частями. Атаманами казачьих войск были избраны: полковник Духопельников – донских, полковник Белый – кубанских и есаул Кулаков – терских⁵⁰. Для идеологического обоснования своих действий нацистами была разработана теория, согласно которой казаки являлись потомками остготов, владевших причерноморским краем во II–IV веках нашей эры и, следовательно, не славянами, а народом германского корня, «сохраняющим прочные кровные связи со своей германской прародиной».

Эта теория, нелепая и фантастическая, очень понравилась Гитлеру⁵¹.

К сентябрю 1942 года в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной Армии. Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо значительная часть казаков вступила в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 рублей, некоторым из них предоставлялись дополнительные земельные наделы в один га на человека и по две лошади на хозяйство. Налоги им уменьшались в два раза.

На помощь немецким властям в формировании коллаборационистских казачьих войск на Северный Кавказ прибыли атаманы времен гражданской войны П. Краснов и А. Шкуро и представитель «Казачьего национального движения» Р. Алидзаев.

Генерал Краснов обратился к «родным казакам и братьям иногородним и пришлым из советчины русским, с кем довелось прожить казакам вместе и перестрадать 23 года тяжелой неволи под жидовской советской пятой на кровью залитом Тихом Дону, на вольнолюбивой Кубани и бурном Тереке» с призывом вступать в германскую армию.

На Кубани формированием воинской казачьей части «Свободная Кубань» занимался бывший полковник Красной Армии М. М. Шаповалов. В Адыгею прибыл бывший командир «дикой дивизии» генерал Султан-Гирей Клыч.

Казачьи роты, эскадроны и батальоны были обеспечены конским составом и насчитывали в своих рядах соответственно по 145, 300 и 900 всадников. Помимо оказавшихся в плену советских граждан, в казачьих войсках было значительное число белоэмигрантов. Эти формирования отличались особой жестокостью в борьбе с собственным народом. Так, например, 448 немецкий казачий отряд был сформирован из изменников Родины, военнопленных Красной Армии, в марте-мае 1942 года на территории Смоленской области. Отряд состоял из четырёх эскадронов и насчитывал около 500 человек.

С мая 1942 года до июля 1944 года казачий карательный отряд на территории Смоленской, Калужской, Брянской и Псковской областей активно участвовал в операциях по борьбе с партизанами. В июне 1942 года из указанного отряда были отобраны наиболее враждебно настроенные казаки и направлены в Берлин, где из них сформировали «Казачью сотню СС». После формирования из числа личного состава сотни 30 человек в качестве делегатов посетили белоэмигранта генерала Краснова⁵².

Каратели этого отряда отличались исключительной жестокостью по отношению к мирному населению, проводили массовые аресты, расстрелы, истязания, сжигали населённые пункты.

Как свидетельствуют немецкие источники, гитлеровское руководство было удовлетворено деятельностью добровольческих формирований. В донесении командования 4-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 18 декабря 1942 г. отмечалось: «Большинство восточных и казачьих частей несет службу охраны в тыловом районе армии, в тылу корпусов, дивизий, а также они используются для охраны железных дорог. Часть из них ведет борьбу с партизанами... Во всех вышеперечисленных мероприятиях подразделения показали себя с хорошей стороны. Командные инстанции, которыми

подчинены восточные и казацкие части, особо отмечают, что личный состав подразделений охотно принимает участие в акциях против партизан. Все поставленные перед ними задачи были выполнены»⁵³.

Альфред Розенберг, как было вскрыто на Нюрнбергском процессе, предлагал энергичнее использовать «исторически закоренелую ненависть между кавказскими народностями, развивая ее, идя навстречу гордости и тщеславию тех или других», обострять национальные противоречия с целью господства в районе⁵⁴.

В дополнение к этому рейхсминистр Восточных областей «заботился» и о послевоенной судьбе кавказских национальных формирований, которые, по его мнению, необходимо было использовать в дальнейшем как особые охранные части, «так как этого потребует местная сложная обстановка». Определять места дислокации национальных частей следовало с расчетом на углубление противоречий между разными народами. Розенберг цинично заявлял, что «формирования кубанцев будут дислоцироваться в Азербайджане, или азербайджанские – на Тереке, или грузинские – среди горных народностей». Для достижения целей нацистской оккупационной политики он считал необходимым соблюдение следующих требований: «...во-первых, чтобы офицерские должности во всех воинских частях занимали только немцы, во-вторых, чтобы воинские подразделения путем вербовки на 10–20 лет могли бы обеспечить себе замену выбывающих, в-третьих, численность формирований должна быть такой, чтобы они ни в коем случае не смогли оказывать давление на немецкие оккупационные власти»⁵⁵.

Для осуществления своих политических устремлений в данном районе оккупационные власти создавали батальоны легионеров-добровольцев. Во второй половине 1942 года в составе немецкой группировки, наступавшей на Кавказе, насчитывалось 25 таких батальонов, а к 5 мая 1943 года было сформировано уже 90, в том числе 9 северокавказских. Как считает историк Р. Г. Трахо, на стороне вермахта воевало 28 тысяч представителей народов Северного Кавказа⁵⁶.

Таким образом, немецкое командование выделяло следующие категории советских граждан, использовавшихся вермахтом в своих целях:

1. Представители тюркских народностей и казаки, которые рассматривались как равноправные союзники, сражающиеся вместе с германскими солдатами против большевизма в составе особых бое-

вых частей, таких как туркестанские батальоны, казачьи части и крымско-татарские формирования.

2. Местные охранные части из добровольцев, включая освобожденных военнопленных из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов и этнических немцев, используемых для обеспечения порядка и борьбы с окруженными группами Красной Армии и партизанами.

3. Части из местных добровольцев и освобожденных военнопленных, привлеченные для несения полицейской службы.

4. Добровольцы из гражданского населения и освобожденных военнопленных, действующие при германских частях в качестве вспомогательного персонала.

5. Советские граждане, помогающие германской армии на дорожно-строительных, фортификационных и других работах.

6. Советские военнопленные, использовавшиеся для нужд германской армии на хозяйственных работах⁵⁷.

По инициативе немецких разведывательных служб и министерства пропаганды рейха в середине 1943 года была создана Русская освободительная армия (РОА), во главе которой был поставлен бывший генерал-лейтенант РККА А. А. Власов.

Первыми частями, являвшимися прообразом будущей Русской освободительной армии, стала бригада под командованием Станислава Каминского (район Брянск – Локоть) и бригада полковника Гиль-Родионова (Белоруссия). Вместе с немецкими карателями они воевали против советского сопротивления. Но в 1943 году бригада Гиль-Родионова почти в полном составе перешла на сторону партизан, а ее командир через некоторое время погиб в бою с карателями.

В районах, переданных немцами в состав «самоуправляющегося округа» с центром в поселке Локоть (западные районы Орловской области), отряды местной самообороны были объединены в бригаду во главе с локотским обер-бургомистром Б. В. Каминским. К концу 1942 года в составе бригады, которая стала именоваться Русской освободительной народной армией (РОНА), имелось 14 стрелковых батальонов, бронедивизион и моторизованная истребительная рота общей численностью около 10 тысяч человек. В их распоряжение немецкие власти передали трофейное советское вооружение, включая артиллерию, бронемашину и танки.

Личный состав был представлен перебежчиками из партизанских отрядов, окруженцами, а также местными жителями (в основном, молодежью 17–20 лет), набравшимися в порядке общей мобилизации. Командование бригады было русским (за исключением Каминского, поляка по национальности), уровень его был весьма низким, так как из-за недостатка кадровых командиров РККА на командные должности часто назначались сержанты и старшины, а то и рядовые красноармейцы. Соответствовала уровню состава военная подготовка личного состава и его дисциплина⁵⁸. По своему поведению «каминцы» напоминали банду уголовников. Немцы использовали их для выполнения самой грязной работы. Грабежи и насилие над мирным населением – таков был почерк этих «борцов за Новую Россию».

Несколько иначе процесс формирования РОНА освещался на страницах прессы. Так в статье «Место русских – в Народной армии», опубликованной в локотьской газете «Голос народа», писалось: «Мы – сыны русского народа, наша мать – Россия, мы любим её, как может любить свою Родину истинный патриот. Ради этой любви, ради спасения наших отцов, матерей, жён, детей от варварства большевиков, мы взяли в руки оружие и пошли в бой плечо к плечу с германским солдатом...

Мы были рабами большевиков и евреев. Больше не бывать этому! Германия доверила нам оружие, которое мы не выпустим из рук до окончательной победы. Мы будем храбро биться до последней капли крови, храбро и мужественно – как боролись наши предки».

Автор статьи патетически восклицал: «Сегодня в наших рядах борются тысячи – завтра будут миллионы»⁵⁹.

Но этого, конечно, не произошло. В результате успешного наступления частей Красной Армии летом 1943 года Локотский район был освобожден. Бригаду Каминского немцы перебросили в Витебскую область Белоруссии. Здесь сотни солдат РОНА перешли на сторону партизан. Оставались те, кто совершил военные преступления и не мог рассчитывать на снисхождение со стороны советского сопротивления. В августе 1944 года каминцы приняли участие в подавлении Варшавского восстания. Грабежи перемежались с убийствами. По утверждению польского историка А. Пшигоньского, они только за один день – 5 августа – уничтожили более 15 тысяч мирных жителей польской столицы⁶⁰.

Эта кровавая вакханалия возмутила даже нацистов. Каминский был вызван в Лодзь, где располагался штаб обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевского, ответственного за подавление восстания. Там командующего РОНА предали суду военного трибунала, на котором в качестве доказательства фигурировал конфискованный немцами грузовик, доверху набитый ценностями. Вынесенный трибуналом смертный приговор был приведен в исполнение 19 августа в обстановке полной секретности. Солдатам же РОНА объявили, что их командир погиб в стычке с партизанами. После этого их влили в состав РОА.

С весны 1943 года деятельность РОА, характеристика ее целей и задач широко освещали в коллаборационистской печати. Таким образом осуществлялась эта крупномасштабная пропагандистская акция: «Русские воюют против русских». Пропагандистское воздействие по подсчетам генерала Гелена охватывало до 80 миллионов человек⁶¹.

Населению объявлялось, что в частях РОА для солдат и офицеров вводится документ единого образца – «книжка военнослужащего». В нем, рядом с графами, удостоверяющими личность, были вписаны слова из военной присяги: «Я вступил в ряды “Русской Освободительной Армии” для борьбы против Сталина и его клики, за светлое будущее русского народа.

Русский народ в союзе с Германией свергнет ненавистный большевизм и установит на своей Родине справедливый порядок»⁶².

Появление этого нового документа преподносилось как факт окончательной организации разрозненных групп антибольшевистских добровольцев в «единые сплоченные вооруженные силы русского народа»⁶³.

Для подготовки квалифицированных кадров, занятых работой в коллаборационистских подразделениях, была создана сеть специальных школ. Наиболее известной из них была школа пропагандистов и подготовки офицерского состава в Дабендорфе (под Берлином). К преподаванию в этих школах привлекались эмигранты и политработники РККА из военнопленных, согласившиеся сотрудничать с врагом. Курсантам читались лекции по истории России и Советского Союза. На занятиях анализировалась внутрипартийная борьба в ВКП (б) с 1903 года, жизнь в СССР противопоставлялась системе власти в фашистской Германии. Слушателей знакомили с основными аспектами нацистского национального социализма и

темпами роста промышленности и сельского хозяйства рейха за 10 лет, с 1933 по 1943 годы.

К основной задаче РОА преподаватели школ относили совместную с германской армией борьбу против большевизма и построение после войны Новой России без евреев и коммунистов⁶⁴.

Интересна в связи с этим статья под названием «Воин Русской Освободительной Армии», опубликованная в газете «Заря». В ней говорилось: «Германская армия не борется против русского народа. Война русского народа против большевизма священна, борьба русского народа против Германии бессмысленна. Германские вооружённые силы, освобождая русский народ на территории России, не посягают на суверенные права русского народа...

Разгром большевизма создаёт основу заключения почётного мира с Германией, причём это будет не мир в обычном представлении этого слова, а договор о нерушимой дружбе между германским и русским народами, связавшими свою судьбу в боях против общего врага и смешавшими свою кровь в борьбе против жидо-большевизма»⁶⁵.

Активизация деятельности немецко-фашистских оккупационных и разведывательных служб, направленная на вовлечение в коллаборационистские формирования русского населения, создание в Смоленске так называемого Русского национального комитета не могли быть проигнорированы советскими органами государственной безопасности. 1 мая 1943 года начальник управления НКВД СССР по Ленинградской области, комиссар госбезопасности 3-го ранга Кубаткин утвердил план агентурно-оперативных мероприятий 4-го отдела УНКВД ЛО по разработке Русского национального комитета и разложенческой работы в частях Русской Национальной Армии⁶⁶.

Согласно данным советской разведки, нацисты предполагали через смоленский комитет консолидировать все профашистские силы на временно оккупированной территории, активизировать подготовку кадров шпионов, диверсантов и террористов для организации в советском тылу терактов, создать военную организацию для борьбы с антифашистским подпольем и партизанским движением, а также для участия в военных действиях против частей Красной Армии.

Среди населения оккупированных районов стала проводиться большая агитационно-пропагандистская работа как силами самих

немцев, так и представителями коллаборационистской «новой русской администрации».

Помимо этого, распространялось большое количество литературы, листовок и различного рода плакатов, призывающих население поддерживать генерала Власова и его движение.

Несмотря на крупномасштабную пропагандистскую работу, оккупанты и их пособники не смогли достичь поставленной цели. В этих условиях они вынуждены были перейти от политики вербовки добровольцев к насильственной мобилизации молодежи и широкому привлечению в РОА военнопленных.

Советской агентурой были зарегистрированы отряды коллаборационистов численностью от 200 до 600 солдат в ряде районов Ленинградской и Смоленской областей⁶⁷.

Первоочередной задачей советских органов государственной безопасности стало проведение ряда агентурно-оперативных мероприятий, парализующих деятельность «Русского национального комитета», а именно:

1. Внедрение квалифицированной агентуры в Русский национальный комитет с целью перехвата линий связи РНК с антисоветскими формированиями на нашей территории и использование их в наших интересах.

2. Уничтожение активных деятелей РНК.

3. Разложение частей и отрядов Русской освободительной армии.

4. Разработка командного состава РОА, родственников и иных связей, находящихся на нашей территории⁶⁸.

В связи с этим руководством было принято решение о внедрении в Русский национальный комитет агентуры НКВД и подготовке специальных групп для проведения терактов. Предполагалось заслать в тыл противника агентуру в лагерь военнопленных с целью внедрения в РОА и вербовки агентов для ведения разложеческой работы, а также:

1. Использовать партизанские отряды и бригады для внедрения нашей агентуры в РОА под видом сдавшихся в плен немцам партизан.

2. Направить имеющуюся проверенную агентуру на оккупированной территории для внедрения в отряды РОА с целью разложения и разработки связей командного состава.

3. Сформировать ряд групп с разработанной легендой для сдачи в плен и проникновения в места формирований отрядов РОА.

4. Организовать работу среди пленных солдат РОА с целью отбора и перевербовки для внедрения в националистические организации и отряды РОА⁶⁹.

Не все из этих задач были решены органами государственной безопасности, но в целом задание советского командования было выполнено. Большинство коллаборационистских формирований, созданных немецко-фашистскими захватчиками, в 1943–1944 годах являлись не боеспособными.

Успешное наступление Красной Армии, подъём всенародной борьбы в тылу врага, явная подчинённость всех структур РОА гитлеровцам не позволили нацистам осуществить свой план тотальной шпионской войны. Практически во все разведывательные школы советская разведка смогла внедрить своих агентов, которые не только информировали наше командование о ситуации в них, но и успешно занимались разложением слушателей. Всё это привело к срыву далеко идущих планов немецко-фашистских оккупантов.

Работу, направленную на разложение коллаборационистских формирований, сотрудники органов государственной безопасности вели в тесном контакте с политработниками партизанских соединений.

Чекисты проводили беседы практически с каждым полицейским и солдатом РОА, оказавшимся в рядах партизан. Кроме дислокации и степени вооружённости тех районов, из которых они бежали, узнавались имена, место рождения, деятельность перед войной, привычки их бывших сослуживцев. Эта информация использовалась в том числе и при написании листовок, адресованных конкретным адресатам и подписанных бывшими власовцами⁷⁰.

Мероприятия, направленные на подрыв боеспособности вражеских формирований, осуществлялись партизанскими разведчиками и пропагандистами, а также добровольцами из мирного населения. Силам сопротивления в процессе подготовки вооружённого восстания в тылу врага летом-осенью 1943 года на оккупированной территории Ленинградской области удалось внедрить своих агентов практически во все сферы деятельности коллаборационистов. Только в сентябре 1943 года ими успешно была проведена пропагандистская работа более чем в десяти крупных власовских гарнизонах. С оружием в руках к партизанам перешло около 1300 человек⁷¹.

Ввиду усиления боевой и политической деятельности партизан противник предпринял против них несколько больших карательных

экспедиций летом-осенью 1943 года в составе регулярных и жандармских войск, а также частей РОА, придав им танки, артиллерию и авиацию. В ходе этих операций Русская освободительная армия показала свою низкую боеспособность, несколько десятков человек перешло на сторону сопротивления. Это заставило нацистов воздерживаться от активного использования коллаборационистских частей⁷².

13 сентября 1943 года из-за неустойчивости частей РОА и национальных формирований сорвалась попытка немцев воспрепятствовать выходу советских войск к Днепру в районе Оболони, а действовавший на этом участке фронта туркестанский батальон перебил немецких офицеров и в составе трех рот с оружием в руках перешел на сторону Красной Армии. Узнав об этом, Гитлер собирался разрушить восточные части, а их личный состав отправить на работу в угольные шахты. Однако представители командования сумели убедить его отказаться от столь жестких мер, указав на их катастрофические последствия для немецкой стороны. Вместо этого они предложили перебросить «восточные формирования» на второстепенные театры военных действий, что дало бы возможность использовать на советско-германском фронте освободившиеся немецкие войска и ограничиться разоружением лишь тех частей, надежность и верность которых действительно вызывает сомнение. Решение о замене немецких батальонов на Западе (во Франции, Италии и на Балканах) «восточными частями» было принято 23 сентября 1943 года⁷³.

Массовая передислокация гарнизонов РОА осенью 1943 года на некоторое время прервала контакты с ними сил сопротивления. Но последовавшая за этим подготовка к эвакуации населения создала благоприятные условия к их активизации.

Среди тысяч коллаборационистов, оказавшихся в рядах сопротивления, были как бывшие уголовники, так и вражеские агенты. Их деятельность могла нанести ущерб и дискредитировать партизанское движение. Для того чтобы это предотвратить, на всех бывших полицейских, армейцев РОА и военнопленных особые отделы партизанских бригад заводили досье для наблюдения. В районах, взятых под контроль сопротивления, ещё до прихода Красной Армии прошли открытые народные суды над изменниками и активными пособниками фашистов.

Успехи СССР на фронтах Отечественной войны, крупномасштабные наступления РККА, немецкая оккупационная политика,

направленная на ограбление мирного населения, изменили настроение народа в пользу партизан. К концу 1943 года фашистская система по привлечению русского населения на службу III Рейху была полностью дискредитирована.

Вот уже на протяжении многих лет идет дискуссия о том, как правильно рассматривать создание «власовской армии»: в качестве детища германского руководства в условиях близкого поражения Германии, пропагандистского трюка ведомства Геббельса или же как автономную акцию Власова и его сподвижников при поддержке некоторой части антифашистски настроенных германских офицеров. Любому непредвзятому исследователю совершенно ясно, что без заинтересованности германских военных властей (неважно, верховного командования или фронтовых командиров) любые иностранные воинские формирования были бы немыслимы. Другое дело, что в 1941–1942 годах Гитлер был в этих формированиях менее заинтересован, чем в последний период войны. Недаром боевое столкновение собственно частей РОА и Красной Армии произошло только 13 апреля 1945 года на подступах к Берлину⁷⁴.

Антисоветские воинские формирования, с оружием в руках оказывающие содействие вермахту, никогда не были массовым движением. Оккупанты использовали их на начальном периоде войны в качестве карателей, воюющих против партизан и мирного населения. Позднее сам факт их существования стал крупномасштабной пропагандистской акцией ведомства Геббельса.

На оккупированной территории России действовали многочисленные сыскные, полицейские и карательные органы: гестапо, части СС, полицейские батальоны, дивизии охраны тыла, полевая жандармерия, тайная полевая полиция, охранная полиция. Все эти немецкие органы активно использовали местную «русскую вспомогательную полицию». Формально вспомогательная полиция подчинялась сельскому старосте или бургомистру, а в городах и крупных населенных пунктах – городской управе. Фактически же вспомогательная полиция работала по заданиям и под контролем германских комендатур, гестапо и т. д.

Вспомогательная полиция называлась в некоторых областях «стража порядка», «служба порядка» или «организация самозащиты». Она занималась наведением внешнего порядка, надзором за выполнением различных запрещений, ограничений и приказов, слежкой за антинемецкими элементами, участвовала в борьбе против

партизан, в проведении репрессий и погромов. Немецко-фашистские захватчики отлично осознавали, что только при активном взаимодействии с людьми, вставшими на путь измены родине, можно максимально использовать потенциал оккупированных территорий.

Развязав войну против Советского Союза, Германия не планировала использовать его население в качестве военного союзника. Отработанная система пропагандистских мероприятий под общим лозунгом «Гитлер-освободитель» изначально носила декларативный характер.

Однако полностью отказаться от привлечения мирного населения и некоторых военнопленных к полицейским функциям оккупанты были не в состоянии. Это объясняется, с одной стороны, недостаточным знанием немцами местных условий, а с другой – относительной слабостью тыловых гарнизонов, их удаленностью друг от друга.

Так, для контроля над захваченной территорией уже с августа 1941 года на Северо-Западе РСФСР германские вооруженные силы начали создавать «службу порядка». В её задачи, как следует из устава службы, входило «поддержание общественного порядка и безопасности среди местного населения, содействие [оккупантам] при выполнении уголовно-полицейских поручений, в особенности информирование СД и полиции безопасности, обо всех фактах противогосударственной деятельности»⁷⁵.

Городское полицейское управление имело следующие отделения: паспортное, уголовно-следственное, политическое, охраны порядка, пожарное. В городах, имеющих районное деление, городскому полицейскому управлению подчинялись районные полицейские управления. Последним подчинялись полицейские участки, имеющие в своем составе кварталных полицейских. Полицейские функции возлагались также на домоуправов, комендантов домов или домовых уполномоченных. В Смоленске домовые уполномоченные выполняли следующие обязанности: сбор квартплаты, наблюдение за приходом и уходом квартиросъемщиков, за выявлением новых лиц в квартирах, за пропиской жильцов, сбор и сдача властям советских листовок, сброшенных с самолетов.

«Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев, – вспоминал вышедший из окружения лейтенант П. Е. Брайко, впоследствии командир партизанского полка, Герой Советского Союза. – Немец – это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способ-

ностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев активно и старательно учила. Это значительно затрудняло наше движение на восток»⁷⁶.

Кроме чисто контрольных функций, полицаи (так сразу же стало называть представителей «службы порядка» мирное население) были обязаны оказывать содействие старостам и волостным старшинам в доставке, расклейке и распространении немецких приказов, листовок, газет и плакатов⁷⁷.

Для выполнения отдельных полицейских функций в принудительном порядке привлекались и мирные жители, не состоящие на постоянной службе в полиции. Так, например, велосипедисты мобилизовывались для сбора листовок, сброшенных с советских самолетов. Сельские жители привлекались для охраны железнодорожных путей и т. д.

Численность вспомогательной полиции определялась в размере 1% от населения данного пункта, а в небольших селах и деревнях – по усмотрению немецких властей.

Изначально представители «службы порядка» не имели права носить оружие (вооружались деревянными палками), форму (знаком отличия была повязка на рукаве) и производить аресты без санкции германских властей⁷⁸. На все просьбы немцам об их вооружении им было отвечено категорическим отказом⁷⁹.

В различных регионах оккупированной вермахтом России полицейские подразделения формировались по-разному. Были города, где они создавались по инициативе местного населения (например, Локоть Орловской области). Но в большинстве случаев их образование было связано с деятельностью нацистов. В Старой Руссе немецкий комендант города Мосбах предложил бургомистру Невскому «подобрать на должность начальника городской полиции надежного человека не только в политическом отношении, но и нерусской национальности, например, из латышей или эстонцев»⁸⁰. Последнее было вызвано тем, что «русский стал бы сводить счеты со своими недругами»⁸¹.

Было решено использовать для этой работы местного эстонца Кютт Александра Карловича. В 1949 году, арестованный советскими органами государственной безопасности, он так описал процесс вербовки его в полицию: «При беседе интересовались моими политическими убеждениями, национальностью, моим отношением к немцам. Я говорил, что к советской власти и большевикам отно-

шусь враждебно, что я, будучи эстонцем, советской властью притеснялся и к приходу немцев отношусь как к освобождению.

После этого Мосбах вручил мне анкету, которую я должен был заполнить и заверить двумя поручителями, пострадавшими от советской власти. Кроме этого, я должен был написать подробную автобиографию»⁸².

После предъявления анкеты, заверенной двумя поручателями, каждый поступавший на службу в полицию давал специальную подписку: обязательство честно служить фашистской Германии и бороться против советской власти⁸³.

Кютт и его помощники составили два списка: один – на евреев и другой, общий список, в котором значилось более 100 человек политически неблагонадежных – для немцев.

Старорусская уездная полиция строилась следующим образом: при каждом волостном правлении был урядник, во всех деревнях, входивших в волость было по одному полицейскому. Урядникам назначался оклад в размере 300 рублей в месяц, а рядовые полицейские, работая бесплатно, пользовались большими льготами у немецких властей, в частности, с них не брали никаких налогов, им выдавалась лучшая земля, вместе со старостами они являлись фактическими хозяевами в своих деревнях⁸⁴.

К концу декабря 1941 года в аппарате уездной полиции работало около 60–70 урядников и полицейских⁸⁵.

Во главе полицейской службы соседнего со Старой Руссой Новгорода был поставлен Никита Яковлевич Расторгуев, до революции служивший полицейским в Санкт-Петербурге. Задержанный советскими органами государственной безопасности, на допросе 16 ноября 1947 года он показал: «Отправившись в городскую управу, я предложил свои услуги для работы там. Тут же я предъявил им свою справку о том, что я был при советской власти репрессирован, осуждён и отбывал наказание на 10 лет. Заявил, что я был обижен советской властью. Меня тут же назначили начальником охраны города Новгорода, передав мне в моё непосредственное подчинение 10 человек полицейских»⁸⁶.

К октябрю 1941 года оккупантам стало очевидно, что собственными силами осуществлять тотальный контроль за населением, эффективно бороться с силами сопротивления они не в состоянии. В начале ноября 1941 года в горуправе состоялось собрание, на котором выступил с речью немецкий городской комендант и пред-

ложил реорганизовать полицию, подчинив её непосредственно оккупационным властям. После этого собрания всем полицейским были выданы немецкой комендатурой специальные удостоверения за подписью коменданта.

Полицейские должны были усилить несение службы по обеспечению безопасности германских войск, расположенных в городе, т. е. вести борьбу с нежелательными немцам лицами. Для этой цели Расторгуев получил девять боевых винтовок. Горуправа стала постоянно охраняться, а всех полицейских вооружили наганями. На рукаве они обязательно носили повязки с надписью «полицейский».

В новые функции «охраны города» вошли следующие: несение охраны города и поддержание порядка, установленного немцами, аресты коммунистов и советского актива, обыски на квартирах, изъятие у населения продовольствия, вещей и ценностей⁸⁷.

Сразу по назначении на должность начальника полиции Расторгуев приступил к созданию полицейского аппарата. Им было подобрано 20 человек полицейских и штат тюрьмы. Начальником последней был назначен Барташевич, до августа 1941 года отбывавший наказание на торфоразработках около Новгорода. Первое время полиция располагалась в подвалах городской управы, а потом переехала в Дом культуры, и там же была образована тюрьма. В тюрьме находились арестованные советские граждане – бывшие партийцы и советский актив, кроме того, там сидели люди, уличенные в воровстве, а также отказывавшиеся работать на немцев. Начальник полиции имел право санкции на обыск и арест, и без нее никого нельзя было арестовывать и отправлять в тюрьму. При допросах полицейские систематически применяли физическую силу и избивали арестованных⁸⁸.

Будучи допрошенной в качестве свидетеля о преступной деятельности своего мужа, второго бургомистра Новгорода Морозова, убитого испанским солдатом в ноябре 1941 года, Раиса Морозова 15 ноября 1947 года показала: «В октябре 1941 года, числа 11–12, Расторгуев пришёл к нам на квартиру и говорит: “Нужно организовать арест Силантьева Василия”. На второй день после этого Силантьев был арестован и в деревне Григорово расстрелян. Кроме того, Расторгуев при немцах был резко антисоветски настроен. Он заявлял, что, наконец, он дожидается времени, когда можно жить по настоящему, и есть возможность лично, собственными руками отом-

стить большевикам-паразитам. Мне также известно, что он избирал советских граждан и их вещи обращал в личное пользование»⁸⁹.

Первым помощником Расторгуева являлся Иван Сергеевич Обтемперанский. Он сам пришел в городскую управу, где отрекомендовался как бывший штабс-капитан, имеющий различные награды (георгиевское золотое оружие и офицерские ордена), а также высшее образование. В подтверждение этих слов им были предъявлены дореволюционные фотографии. «И я, – сказал он, – очень хочу устроиться на службу в полицию для более активной борьбы с большевиками и их пособниками»⁹⁰.

Полицейские работали в тесном сотрудничестве с гестапо. Русским сотрудником данной организации с сентября 1941 года стал Борис Филистинский. Предполагалось, что все лица, заподозренные в связях с советским подпольем, относятся к ведению только тайной государственной полиции рейха. При выявлении полицейскими таких людей о них докладывалось Филистинскому. Последний выделял нескольких вооруженных немецких солдат, и люди, выражавшие недовольство нацистским оккупационным режимом, арестовывались и доставлялись в немецкую комендатуру для разбирательства. Многие арестованные после этого бесследно исчезали.

Наибольшее рвение в борьбе с просоветскими настроениями проявлял Обтемперанский. Выступая перед полицейскими и дворниками, он неоднократно говорил о том, «что нужно активизировать выявление коммунистов и передавать их на расправу немцам. Нечего их жалеть»⁹¹.

Рядовых полицейских мог принимать на работу как городской голова, так и представитель гестапо. Брели только тех, кто мог доказать, что у него есть причины ненавидеть советскую власть: был репрессирован, пострадал после революции или во время коллективизации и др.

Новгородская полиция, получая указания от немецкой комендатуры или Бориса Филистинского, занималась не только арестами советско-партийного актива и лиц еврейской национальности, но и собирала вещи, оставшиеся без хозяев в городе. Собирались они в один склад, после чего распределялись между сотрудниками управы и полицейскими. Частично вещи отправляли в Германию⁹².

В сентябре 1941 года в городе начались восстановительные работы. Они были направлены, в первую очередь, на обустройство германских частей. Кроме этого, к первоочередным объектам были

отнесены тюрьма и Софийский собор. Работы эти проводились силами советских граждан, насильно согнанными полицейскими. Использовались здесь также и арестованные⁹³.

Немалое содействие полиции оказывали добровольные помощники из числа обывателей. Многие из них, обиженные советской властью или желавшие выслужиться перед оккупантами, добровольно приходили в городскую управу, гестапо или полицию и доносили на членов ВКП (б) и комсомола, не успевших эвакуироваться, а также на лиц еврейской национальности⁹⁴.

Все полицейские ежедневно в 9 часов являлись на доклад к начальнику полиции и сообщали о всех происшествиях на их участках за ночь, и тот давал им указания, полученные от немецкой комендатуры. После получения информации о положении в городе начальник полиции отчитывался перед немецким военным комендантом.

Номинально предполагалось, что полиция находится в двойном подчинении: как член управы Расторгуев подчинялся городскому голове, а как начальник полиции – военному коменданту. Но на практике реальная власть была лишь в руках германских оккупационных служб. Пропуски на право круглосуточного хождения по городу сами полицейские и члены управы получали в немецкой комендатуре⁹⁵.

В сельской местности, удаленной от линии фронта, представители русской коллаборационистской администрации пользовались большими правами, чем в городе. Они обеспечивали порядок, собирали налоги, выступали посредниками между гражданским населением и немецкими оккупационными службами. В Новгородском районе для свободного передвижения между деревнями требовалось наличие справки, подписанной старостой или полицейским. За единовременный пропуск взималась плата 3 рубля советскими деньгами⁹⁶.

Места заключения создавались в самих деревнях. Повсеместно они получили название «бункер». В бункера забирались люди за невыполнение распоряжений немецкой и русской администраций, за грубое обращение со старостой, за несвоевременную поставку продуктов⁹⁷.

Так, в приказе № 185 по Локотьскому управлению (Орловская область) от 23 июня 1942 года говорилось о том, что при распределении бывшего колхозного имущества его должны отдавать «в

первую очередь... работникам полиции, раскулаченным, пострадавшим от партизан, сотрудникам (управы)...»⁹⁸.

Несмотря на все эти льготы, не во всех сельских районах оккупантам удалось оперативно создать полицейскую службу. Иногда вербовка в полицию проводилась обманными путями. В некоторых населенных пунктах к несению охраны привлекались все крестьяне по очереди. Через некоторое время «добровольной охране» давались одна-две винтовки на населенный пункт, как говорилось, «для порядка». Далее намечались полицейские, занимавшие эту должность в порядке очереди.

Вскоре временных полицейских «в условиях военного времени» делали постоянными. Затем полицейских внезапно забирали для участия в различных акциях: облавах на партизан, расстрелах евреев и коммунистов. Последнее проходило публично. «Крещение кровью» подкреплялось продуктовыми пайками, самогоном, вещами, награбленными во время арестов.

Пленных красноармейцев принуждали вступать в полицию, угрожая отправкой в концлагеря и расстрелом⁹⁹.

Следует отметить, что практически везде оккупанты стремились переложить расходы на содержание полиции на мирных жителей. Командование группы армий «Центр» обязывало русскую администрацию в каждой деревне до 50 семей иметь, как минимум, одного полицейского. Каждый полицейский получал рубль в месяц с каждого дома¹⁰⁰.

Руководство и контроль за деятельностью полицейских участков возлагались на городскую полицию. По указанию немецкого коменданта городская полиция должна была иметь начальника городской полиции; двух его заместителей – один заместитель по политической части, другой – по хозяйственным вопросам; следственный и паспортный отделы¹⁰¹.

Предполагалось, что после двух-трех месяцев работы хорошо зарекомендовавшие себя полицейские будут отправлены учиться на специальные курсы по повышению квалификации¹⁰². Наиболее крупный «центр по подготовке стражей порядка» действовал в Смоленске. Обучение там в течение трех месяцев проходили полицейские города и округа¹⁰³.

Повсеместно наибольшие надежды фашисты возлагали на ту часть полицейских, которые были репрессированы советской властью. Кроме бывших уголовников, среди них были люди, постра-

давшие во время коллективизации и репрессий 1937–1938 годов¹⁰⁴. Так, заместителем начальника полиции в Таганроге был бывший полковник царской армии Степанов, в г. Феодосии в полиции служил грузинский меньшевик Барамидзе, а начальником полиции в Белгороде стал бывший инженер маслозавода Белых, пострадавший в конце 30-х годов от советской власти¹⁰⁵.

Функции полиции были весьма разнообразны – от поддержания порядка на улицах и выявления уголовных преступников до борьбы с «подрывными элементами». На начальников участков возлагался систематический контроль за санитарным состоянием города, чистотой улиц, благоустройством дорог, фасадов домов, заборов и т. д. Но все-таки главная задача полиции заключалась в том, чтобы выявлять всех коммунистов, комсомольцев, активистов, просоветски настроенных людей и арестовывать их, вести беспощадную борьбу со всеми нарушителями режима, установленного немецким военным комендантом в городе и уезде, и обеспечивать условия, исключающие всякую возможность проникновения в расположение немецких войск партизан, советских разведчиков и других подозрительных оккупантам лиц¹⁰⁶.

В каждом населенном пункте немцы поручали сельскому старосте или бургомистру через полицейских составить два списка местных жителей. В первый список заносились лица, прибывшие после начала войны (беженцы, сезонные рабочие и т. п.). При этом туда вносились только те люди, которые имели исправные личные документы и за благонадежность которых бургомистр или его ближайшее окружение могло поручиться.

Выявленных среди пришлого населения командиров и красноармейцев, отставших от своих частей, партизан и их помощников, советских разведчиков и парашютистов немцы отправляли в лагеря военнопленных или расстреливали. Прочих людей, которые не вызвали у них доверия, оккупанты отправляли в лагеря или в рабочие колонны.

Во втором списке полицией регистрировались постоянные жители данной местности. В него вносились только те лица, которые не вызывали у бургомистра и немецкой комендатуры каких-либо подозрений. Но были и исключения. Так, после взятия Севастополя все оставшееся в городе гражданское население было объявлено военнопленными.

К 1942 году оккупанты наладили поставку в полицейские участки бланков, отпечатанных в типографии. Это облегчало ведение их практической деятельности. В бланке протокола допроса имелись следующие графы: фамилия, имя, отчество, национальность, пол, возраст, образование, партийность, отношение к воинской службе, репрессировался ли советской властью, словесный портрет, особые приметы¹⁰⁷.

Активизация партизанского движения заставила оккупантов искать новые формы организации полицейской службы, в первую очередь, в деревнях. Весной 1942 года в центральных областях России публикуется «Положение о работе сельских дружин мира и порядка».

В «дружину мира и порядка» призывали вступать всех мужчин старше 18 лет, коренных жителей села. Основной целью данной организации называлось содействие тому, «чтобы каждая крестьянская семья добросовестно и с наилучшим результатом трудилась на своём земельном наделе, так как только упорный и разумный труд является основой благосостояния каждого семейства. Дружинники укрепляют в русских людях уверенность в будущем и сплачивают крестьян в их совместной работе под германским управлением»¹⁰⁸.

Достичь этой цели, по мнению оккупантов, можно было, оказывая активное содействие «доблестной германской армии», борясь с «подлыми сторонниками сталинской колхозной системы», партизанами, охраняя свои села от проникновения в них «жидо-большевистских агентов» и «осуществляя общественный контроль за тем, чтобы все распоряжения германского управления и местных гражданских властей выполнялись точно, добросовестно и к сроку»¹⁰⁹.

В дружину не могли приниматься «пьяницы, лентяи, взяточники, а также члены и кандидаты коммунистической партии и комсомола»¹¹⁰.

О своей текущей работе руководство полиции ежедневно отчитывалось перед военной комендатурой, гестапо и бургомистром.

Гитлеровцы организовывали и другие вспомогательные полицейские силы под различными кодовыми названиями. На оккупированной территории Северного Кавказа существовали полицейские группы: «Гиви» (добровольная помощь), «Оди» (внутренняя служба), «Шума» (полицейские). Задача этих групп состояла в оказании содействия оккупационным органам. «Гиви» следовали вместе с войсковыми частями, «Оди» использовались для охраны объ-

ектов на местах, «Шума» – для охраны хозяйственных объектов. Солдаты и офицеры вермахта не любили русских полицейских, чинили им всевозможные препятствия. Германское командование вынуждено было издать 8 февраля 1942 года специальный приказ, где указывалось: «Служащие регулярных германских вооруженных сил, виновные в проявлении несправедливых действий против “Гитви”, “Оди” и “Шума”, будут строго наказаны»¹¹¹.

Все эти группы были небольшими по численности и носили временный характер. На службу сюда никто не шел, задачи, поставленные перед полицейскими, выполнялись плохо. Гитлеровцы были вынуждены эти подразделения распустить.

В 1943 году в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне нацисты решили создать новую форму организации полицейских служб на оккупированной территории России. Согласно «Особому постановлению по полицейскому делу», структура и организационная работа полиции теперь должна была строиться следующим образом:

1. Gemaind politcai (волостная полиция).
2. Ordnungedinst (стража).
3. Hifsordnngasdinst (деревенская стража)¹¹².

К функциям волостной полиции было отнесено проведение в жизнь распоряжений районного начальника либо бургомистров, например: взыскание установленных ими административных штрафов, надзор по делу регистрации и явки в волостях и прочее. В ее личный состав входили один или два полицейских на каждую волость.

На городскую и сельскую стражу (службу охраны порядка) оккупанты возлагали следующие задачи:

а) Уголовно-полицейские – пресечение и профилактика всех уголовных проступков, а также охрана производственных объектов и складов.

б) Государственно-полицейские – раскрытие и пресечение всех действий и замыслов, направленных против германских интересов.

в) По охране общественного порядка – надзор за дисциплиной дорожного и уличного движений, охрана от пожаров, охрана дорог и населённых пунктов от нападений партизан, обеспечение проведения в жизнь хозяйственных задач, надзор за содержанием в чистоте улиц (в пределах более крупных населённых пунктов), карательная служба.

г) Особые задачи – содействие войскам охранения либо непосредственная активная борьба против бандитов, воздушно-десантных войск и парашютистов под руководством местной комендатуры¹¹³.

По мере расширения партизанского движения использование полицейских в борьбе с ними становилось все более неэффективным. Из-за участвовавших случаев переходов на сторону советского сопротивления и низкого боевого духа «полицаев» в 1943 году использовали в основном для проведения различных реквизиций у мирного населения. Так, 26 сотрудников Солецкой гражданской полиции (Ленинградская область) в течении июля выполнили следующую работу: «Произведено санитарных обходов дворов и улиц 2, изъято крупного рогатого скота от населения по распоряжению хозкомендатуры 67 голов. Рассмотрено различных заявлений 27, по мелким кражам, спорам об имуществе, подвергнуто аресту от 3 до 10 дней за кражи и драки 5 человек»¹¹⁴.

Оккупанты перекладывали на русских полицейских выполнение самой грязной работы, в частности насильственных реквизиций у мирного населения. На выражение протеста представители тыловых служб вермахта «невинно» и возмущенно отвечали: «Вам нечего обижаться на немцев. Мы ничего не берем, а если у вас что забирают, так это ваши же русские»¹¹⁵.

Городская полиция состояла из нескольких отделов с различными сферами деятельности. Например, во время оккупации города Орла в русскую полицию входило четыре отдела.

Отдел «А» курировал полицейские участки, полицию при театре, при ремесленных производствах, следил за санитарным состоянием в городе, наблюдал за ценами на рынках.

В ведении отдела «Б» находились уголовные дела, проверка политической благонадёжности. Он вёл следствия по делам о растратах городскими служащими или рабочими.

Паспортно-адресный стол носил название «Отдел “В”». К области его работы относилось составление списков жителей, выдача временных удостоверений личности, свидетельств о поведении, паспортизация, контроль за приезжими и иногородними.

Отдел «Г» занимался вопросами пожарной охраны¹¹⁶. Первым полицмейстером города Орла был назначен 19 декабря 1941 года Хопёрсков Фёдор Никифорович, затем его сменил Головкин Василий Иванович¹¹⁷.

Каждый день полицмейстер подавал рапорт о проделанной работе в военную комендатуру, гестапо и бургомистру. Так, например, согласно отчету за 15 февраля 1942 года, городская полиция Орла проделала следующую работу:

«1. Отправлено на трудовые работы 527 мужчин и 1010 женщин.

2. Выявление безработных мужчин и женщин и вручение повесток на штрафы за невыход на работы по снегоочистке.

3. Производился учёт и регистрация телег и экипажей на колёсах.

4. Общее наблюдение за соответствующим содержанием в чистоте улиц и домов.

5. Наблюдение за вывозкой мусора и разных нечистот с берега реки Оки.

6. Разбор жалоб граждан г. Орла по имущественно-бытовым вопросам.

7. Производилось дознание по делу Евсеева, обвиняемого в выпiske заведомо неверных нарядов на работы в магазины №№ 1 и 2. По делу допрошены свидетели – Романов М. А., проживающий по Георгиевской улице, д. 43, и Савин И. В., проживающий по Ширококузнечной улице, д. 26.

8. Направлены в комендатуру 6 женщин, уклоняющихся от работ по снегоочистке.

9. Обычная утренняя регистрация работающих по снегоочистке.

10. Общее несение постовой службы»¹¹⁸.

По распоряжению нацистов в полицейские органы в 1943 году принимались «в политическом смысле надёжные добровольцы из числа мужчин коренного местного населения либо из числа отпущенных военнопленных. Набираются по возможности более молодые и холостые мужчины не моложе 17 лет». Практически во всех положениях о приёме на службу в полицию говорилось о том, что «бывшие комсомольцы и члены коммунистической партии не могут с оружием в руках защищать Россию в рядах русской полиции»¹¹⁹.

При вовлечении в полицейские формирования делалась ставка на тех людей, которые на протяжении длительного времени демонстрировали свою лояльность к немцам. Так, в характеристике, данной старшиной деревни Соловьевым гражданину Мечтанову, поступающему на работу в полицию, писалось: «Мечтанов Алексей, бывший военнопленный, два года работал кучером в немецкой части, нареканий не имел, в порочащих связях не замечен, и поэтому

считаю, что может работать в Волотовской жандармерии, и любое поручение им будет выполнено»¹²⁰.

Полицейские формирования действовали на протяжении всего времени оккупации западных районов нашей страны. Их функции были весьма разноплановыми, но основой их деятельности являлась активная помощь вермахту и гестапо.

Советское сопротивление отлично понимало, что вооруженный полицейский, пользующийся доверием со стороны оккупационных властей, является серьезной силой. Поэтому делалось все, чтобы наиболее активных пособников врага физически уничтожить или дискредитировать в глазах нацистов. Кроме этого, чекисты внедряли свою агентуру в полицейские аппараты, а также способствовали продвижению наших разведчиков к руководству в этих органах¹²¹.

По мере активизации всенародной борьбы в тылу врага и побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны личный состав русской полиции оказался расколот. Часть сотрудников с оружием в руках перешла на сторону партизан, убеждённые же противники советской власти вошли в состав РОА.

Оккупанты возлагали на создававшиеся полицейские службы весьма широкий круг задач. На первый взгляд, некоторые из них: борьба с уголовными преступлениями, надзор за дисциплиной дорожного и уличного движений, обеспечение пожарной безопасности, – отвечали интересам мирного русского населения. Именно об этом писали многие члены «службы порядка» в последнее десятилетие XX века, объявляя себя «жертвами сталинского режима», добиваясь своей реабилитации.

Но нельзя забывать о том, что все эти функции, с одной стороны, являлись второстепенными в их деятельности, а с другой, в них были также заинтересованы и нацистские оккупационные службы. Полицейские формирования действовали на протяжении всего времени оккупации западных районов нашей страны. Да, их функции были весьма разноплановыми, но основой деятельности русской полиции являлась активная помощь вермахту и гестапо.

Также главным в работе полиции признавалось раскрытие и преследование всех действий и замыслов, направленных против германских интересов. Сотрудники полиции с оружием в руках принимали непосредственное участие в борьбе с советским Сопротивлением, помогали немецким военным комендатурам в охране производственных объектов и складов.

Большинство полицейских никак нельзя назвать идейными противниками советской власти. Некоторые люди были вовлечены обманом, но многие согласились надеть полицейские знаки отличия из-за сиюминутных, корыстных побуждений. Именно поэтому, как только наметился перелом в войне в пользу Советского Союза, они стали в массовом порядке переходить на сторону партизан, пытаясь таким образом искупить свои преступления.

В войне против СССР Германия делала ставку не только на свои вооруженные силы. Видное место отводилось и разведывательным службам. Служба разведки и контрразведки германских вооруженных сил была известна под общим названием die Abwehr («Абвер», т. е. оборона, отражение, контрразведка).

Быстрое продвижение вермахта в глубь советской территории позволило спецслужбам противника собрать ценную разведывательную информацию о положении дел в СССР. Немцами было захвачено большое количество различных документов и материалов войсковых штабов, партийных и советских органов, которые являлись важнейшим источником информации. Другим источником развединформации служили показания военнопленных и лиц, поверивших в близкую победу Германии и вставших на путь сотрудничества с ее спецслужбами. «В самом начале войны, – говорил один из руководителей Абвера генерал Пиккенброк, – командование германской армии не проявляло должного интереса к сведениям агентурной разведки, так как в ее распоряжении имелось большое количество пленных и трофейных документов, которые достаточно характеризовали положение в России»¹²².

Каждое подразделение нацистских спецслужб формировалось из определенной категории населения. Так, например, в абвергруппе 111 в основном находились представители русской белой эмиграции, вставшие на путь активного сотрудничества с нацистами еще в 30-е годы. Абвергруппы 211 и 212 были сформированы из числа советских военнопленных.

В условиях наступления вермахта Абвер активно выполнял разведывательные, террористические и пропагандистские задачи. В тыл советских войск засылались специальные группы, которые совершали диверсии, помогали немецкой авиации и занимались дезориентацией мирного населения и бойцов Красной Армии. В каждой группе армий имелись команды, а в каждой армии – отряды Абвера, в составе которых работали группы по разложению войск противника.

В их функции входили подготовка и распространение листовок, а также обратный отпуск военнопленных. Попавших в плен красноармейцев, предназначенных для обратной засылки с пропагандистскими заданиями, тщательно подбирали офицеры Абвера совместно с администрацией лагерей военнопленных. Как правило, это были перебежчики, недовольные советской властью. Их сразу же помещали в специальные учебные центры с хорошими условиями пребывания, где в течение нескольких недель проводились занятия, в первую очередь, на политические темы. Примерно половина засылаемых за линию фронта потом обычно возвращалась к немцам. Часть из них, особенно в период наступления вермахта в 1941–1942 годах, приводела с собой других бойцов Красной Армии¹²³.

Наиболее активно сотрудники спецподразделений Абвера использовались на южном участке фронта. Ими были проведены операции «Транскаспийские народности» (содействие в организации антисоветского повстанческого движения в районе Каспийского моря), «Шамиль» (попытка захвата грозненских и майкопских нефтеперегонных заводов при помощи настроенных профашистски чеченцев)¹²⁴.

Кроме Абвера, разведывательные и контрразведывательные функции исполняли и другие подразделения нацистского оккупационного режима: тайная полевая полиция, государственная тайная полиция – гестапо, полевая жандармерия, гражданская полиция¹²⁵.

Что касается коллаборационистской «новой русской полиции», то ее сотрудники (как, впрочем, и бургомистры, и старосты) использовались немцами как осведомители.

Тайная государственная полиция – гестапо – была особым агентурным, следственным и карательным органом, который занимался выявлением, подавлением и ликвидацией антифашистов и особенно коммунистов. Основанием для репрессий служили результаты проводившейся гестапо агентурной разработки и слежки, а также агентурные материалы органов СД и непосредственные указания руководителей III Рейха. Оно не ограничивало свою деятельность рамками Германии и засылало агентуру в другие государства.

Гестапо арестовывало и заключало людей в тюрьмы и концлагеря без каких-либо санкций суда и прокуратуры. Такие аресты официально именовались превентивными. Действия гестапо не подлежали опротестованию. Практически, органы гестапо не были ограничены никакими законами¹²⁶.

Основные формы и методы работы гестапо на оккупированной территории России сводились к следующему:

1. Массовая агентурная сеть негласного наблюдения за населением по выявлению лиц, недовольных гитлеровским режимом и имеющих связь с партизанами.

2. Беспощадность и жестокость в расправе с гражданским населением, подозреваемым в связи с партизанами и советскими разведывательными органами. Летом 1942 года в зоне действий группы армий «Центр» и, в частности, в районе Смоленска гитлеровцами были организованы так называемые «трудовые лагеря». Они находились в ведении гестапо и преследовали двойные цели. Во-первых, в них согласно немецкой инструкции интернировались лица, уличенные в антигерманской деятельности, «действия которых не требуют смертной казни». Во-вторых, здесь собирались содержать и использовать на тяжелой физической работе людей, уклоняющихся от исполнения трудовой повинности.

3. Насажение контрразведывательных резидентур, действующих под видом антифашистских подпольных организаций, улавливающих провокационными методами нашу агентуру на оккупированной территории.

4. Переброска своей агентуры в советский тыл и в партизанские бригады с контрразведывательными и диверсионно-террористическими заданиями.

5. Жесточайший режим документации права жительства и передвижения в городах и сельской местности.

6. Дешифровка радиogramм органов советской разведки и штаба партизанского движения.

7. Проведение радиоигр через рации провалившейся агентуры¹²⁷.

С первых дней оккупации нацисты стали активно насаждать свою секретную агентуру среди русского населения. Так, например, начальник тылового района группы армий «Север» генерал Роквес предписал в директиве № 1198/41 от 14 сентября 1941 года «создать широкую сеть секретных агентов, хорошо проинструктированных и знающих ближайшие пункты явки», указав, что «создание этой организации является совместной задачей дивизий охраны и тайной полевой полиции»¹²⁸.

Для вербовки агентов немцы использовали, в первую очередь, следующий контингент:

1. Антисоветски настроенных лиц из местного населения, бывших репрессированных советской властью.

2. Дезертиров из Красной Армии.

3. Подростков.

4. Финнов, немцев, эстонцев, украинцев, проживающих на данной территории.

Вербуемый нацистскими спецслужбами подвергался «политической обработке». Ему доказывалась непобедимость немецкой армии и неизбежное падение советской власти. Методы вербовки были весьма разнообразны: от угроз, пыток, подкупа продуктами до игры на национальных чувствах, внушения мысли о том, что только сотрудничая с немецкими спецслужбами, человек действительно сможет помочь своей родине¹²⁹. В случае колебаний вербуемому угрожали, что его отправят в концентрационный лагерь, и он понесёт там тяжёлое наказание.

Секретной агентуре предписывалось устанавливать связи с населением, чтобы, в первую очередь, выявлять партизан и их союзников, убежища партизан и пункты снабжения продовольствием. Тайная полевая полиция должна была вести списки всех секретных агентов с их характеристиками, для того чтобы в случае перемены дислокации вновь прибывающие германские органы автоматически перенимали оправдавшую себя агентуру.

При вербовке с тайных осведомителей бралась подписка о том, что они обязуются «давать сведения, направленные против германского командования и русского самоуправления, хранить в строжайшем секрете военную тайну, нести ответственность по законам военного времени».

В отношении практического использования лиц, завербованных нацистскими спецслужбами, специальная инструкция «Тактика борьбы с партизанами» рекомендовала следующие действия: «Наша разведка (агенты) должна выдавать себя населению или партизанам лучше всего за военнопленных, пробирающихся к своему пункту из лагеря или фронта; или в крайнем случае, если это выгодно, представляться десантниками. При этом должна быть соответственно подобрана форма одежды...

Вид должны иметь разведчики запущенный (небритые, нестриженные и до некоторой степени грязные). Сигарет, сигар, табаку немецкого быть не может в употреблении на период работы.

На глазах населения создавать вид постоянного опасения регулярных немецких частей или карательных отрядов...»¹³⁰.

Провокация была одним из наиболее распространенных методов агентурной работы нацистских спецслужб. Агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных в тыл немецких войск командованием Красной Армии со спецзаданиями, поселялись у советских граждан, входили в их доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на сторону советских войск. Затем все эти люди подвергались аресту.

С этой же целью из немецких агентов создавались лжепартизанские отряды, в которые вовлекались люди, искренне желавшие вести борьбу с захватчиками. Впоследствии их арестовывали. Кроме того, лжепартизанские отряды, созданные для дискредитации партизанского движения, организовывали налеты, грабили, убивали мирное население.

Для проведения карательных акций против советских партизан создавались специальные подразделения. В районе Пскова действовал специальный антипартизанский орган «Референт-Н». Завербованные им агенты должны были выявлять коммунистов и комсомольцев, оставшихся в городе, лиц, поддерживающих связь с партизанами и подпольщиками или проявляющими недовольство оккупационным режимом¹³¹.

Отмечено много случаев, когда бывшие репрессированные, вернувшиеся в свои деревни после прихода туда немцев, выдавали оккупантам активных участников раскулачивания и коллективизации. В сентябре 1942 года ими был задержан скрывавшийся от оккупантов председатель колхоза «Новый труд» из деревни Бойково Ашевского района Ленинградской области Е. Алексеев и его жена. Немцы отрубили им обоим сначала руки, потом ноги, затем выкололи глаза и только после этого расстреляли¹³².

Немецкое «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало вербовать секретную агентуру из числа «жителей пограничных районов или лиц, семьи которых пострадали от большевиков». Секретные агенты должны были контролироваться тайной полевой полицией¹³³.

Помимо использования добровольных осведомителей, немцы вербовали свою агентуру, действуя угрозой и подкупом. В приказе по 26-й пехотной дивизии № 575/41 от 11 сентября 1941 года разрешалось оплачивать доносы деньгами в размере до 25 марок в ка-

ждом отдельном случае. Вместо денежной оплаты выдавалось иногда продовольствие, спирт, табак, а также скот и имущество, принадлежавшее колхозам. Наиболее активных помощников в борьбе с партизанами оккупанты наделяли земельными участками¹³⁴.

Кроме вновь создаваемой агентурной сети, «Наставление по борьбе с партизанами» рекомендовало использовать германскую резидентуру, существовавшую на советской территории до войны. Командование частей и комендатуры устанавливало связь с резидентами при посредстве тайной полевой полиции. Таким образом, резиденты и с приходом немецких войск оставались засекреченными¹³⁵.

Органы гестапо, прибывавшие в оккупированные города, привозили с собой агентов, которые носили штатскую одежду и хорошо знали русский язык. Обычно это были русские эмигранты и жители Прибалтийских государств. Агентам поручалось подслушивание разговоров на улицах, на рынках, т. е. в местах скопления населения¹³⁶.

Гестапо вело среди местных жителей вербовку агентов для заброски в советский тыл. Немцы стремились завербовать таких агентов из числа арестованных членов ВКП (б), ВЛКСМ, бывшего советского актива, а также среди военнопленных. С той же целью вербовалась молодежь и подростки 14–19 лет. Обучение завербованных людей проходило в специальных школах и продолжалось около месяца. Так, в одной из таких школ, которая функционировала около Пскова, курсанты разбивались на группы по 3–4 человека. Каждую группу обучал немецкий офицер, который затем перебрасывал ее в тыл Красной Армии по заранее определенному маршруту¹³⁷.

В спецшколах преподавалась техника сбора сведений о советских вооруженных силах, распознавание советского вооружения, обмундирования и знаков различия Красной Армии. Кроме того, учащиеся подвергались усиленной пропагандистской обработке. В частности, им показывали кинокартину «Разгром и отступление Красной Армии». Общение курсантов с внешним миром было категорически запрещено. Здания школ охранялись наружной и внутренней охраной¹³⁸.

Созданный в марте 1942 года в системе абвера специальный орган «Зондерштаб-Россия», поддерживавший тесную связь с карательными органами с помощью резидентур и агентов, занимался установлением мест расположения партизанских формирований, сбором информации об их руководящем составе, численности и

партийной прослойке, районов действий партизан, способов их связи с центром, организацией, а также террористических актов над лицами командно-политического состава; выявлением подпольных патриотических организаций и советских разведчиков, заброшенных в немецкий тыл¹³⁹.

Весной 1943 года немецкая разведка подготовила план операции «Акция “Просвет”». Согласно ему, красноармейцев должны были убеждать в том, что с ними воюют не только немцы, но и их «борющиеся за свободную Россию бывшие товарищи», а «при переходе на немецкую сторону их будут рассматривать не как военнопленных, а как равноправных соратников в рядах русской национальной армии»¹⁴⁰. В немецких пропагандистских радиопередачах и листовках всячески подчеркивалось, что «если раньше германское командование не придавало значения формированию русских добровольческих отрядов и смотрело на них скорее как на средство использования рабочей силы в прифронтовой полосе на предмет работ по укреплению позиций и полицейской службы, то теперь, когда численность добровольцев настолько возросла, возможность их использования на линии фронта стала напрашиваться сама по себе»¹⁴¹.

Эту акцию нацисты собирались провести под Ленинградом, между Ораниенбаумом и Петергофом. Ставка делалась на личное участие в ней генерала Власова. Но при выступлениях перед мирным населением на оккупированных территориях России и военнопленными последний допустил ряд вольностей. Его заявления о будущей независимой России вызвали неудовольствие со стороны нацистской партийной верхушки. 17 апреля 1943 года вышел приказ фельдмаршала Кейтеля, адресованный командующим группами армий. В нем говорилось о том, что «ввиду неправомочных, наглых высказываний военнопленного генерала Власова... Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандного характера, при которых может понадобиться имя Власова»¹⁴².

Это изменение в содержании фашистской пропаганды сразу же отметили советские спецслужбы. В обзоре «О структуре и деятельности “Русского комитета” и “Русской освободительной армии”, возглавляемой Власовым», составленном ленинградскими чекистами в конце августа 1943 года, отмечалось: «В течение июля-августа пропаганда “власовского движения” в антисоветских ра-

диопередачах на русском языке сведена почти на нет. За исключением переданной 7 августа “программной речи” Власова перед представителями частей “Русской освободительной армии” о нем больше ничего не сообщалось¹⁴³.

В конце 1943 года, в условиях начавшейся передислокации немецких служб из прифронтовых районов Ленинградской области, командование вермахта, Абвер и министерство пропаганды создали специальный орган «Норд», который сочетал в себе как разведывательные, так и пропагандистские функции. Размещенный в Риге, он взял под свой контроль пропагандистскую сеть Прибалтики, а также структуры, эвакуированные с территории Северо-Запада РСФСР.

В «Норд» входил отдел пропаганды – он занимался пропагандистской деятельностью в подразделениях РОА и среди депортированного советского населения.

Отдел 1-Ц – готовил агентуру из числа советских граждан для работы в СССР после войны, а также занимался контрразведывательной работой среди личного состава органа «Норд».

Этот отдел активно действовал на оккупированной территории РСФСР начиная с лета 1941 года. Его деятельность распространялась на северную группировку немецких войск. Вначале его возглавлял полковник Кипп. Работники отдела располагали широкой сетью агентуры и проводили большую вербовочную работу среди мирного населения. Агенты готовились для переброски в тыл советских войск и внедрения в ряды советских партизан и сопротивления.

В подчинении отдела 1-Ц находились 104-я, 204-я и 304-я абверкоманды. Абверкоманда 104 располагалась во Пскове. Ее возглавляли вначале подполковник Гемприх, а затем подполковник Шиммель. В команду входили 311-я и 312-я абвергруппы. Они вели разведку на участке фронта 16-й и 18-й немецких армий и диверсионно-разведывательную работу против Ленинградского и Волховского фронтов¹⁴⁴.

Отдел 1-А (подобный отделу 1-А при СД – следственный отдел. – Б. К.) расследовал полученный материал от отдела 1-Ц и отдела пропаганды и находился в тесном контакте с отделом 1-Ц.

Отдел 1-Д включал в себя фотолаборатории, где, кроме различных плакатов и фотографий пропагандистского характера, изготавливали подробные топографические карты, на которые заносились данные разведывательного характера.

Отдел 1-Б (считался наиболее засекреченным во всей службе. – *Б. К.*) готовил так называемых «агентов влияния», в задачи которых входило разложение изнутри советских и партийных органов.

Кроме перечисленных отделов, штабу органа «Норд» подчинялась типография, издававшая газету «За Родину». Формально она именовалась органом издательства «Русского комитета», но фактически издавалась отделом пропаганды.

В 1942–1943 годах Абвер имел на участке 17-й и 18-й Армий свои абвергруппы, которые вели борьбу с партизанами, создавали агентуру среди местного населения и на железнодорожном транспорте.

Но противнику не удалось хорошо изучить партизанские разведывательные приемы. Как видно из документа «Особые распоряжения по борьбе с партизанским движением и шпионажем», подготовленного сотрудниками Абвера 12 июля 1942 года, немцы в этом отношении не располагали какими-либо документами и стройными представлениями, а пользовались в основном данными из откровений предателей, перешедших на их сторону, либо допросов провалившихся советских разведчиков¹⁴⁵.

Наряду с Абвером контрразведывательную работу проводили зондеркоманды германской службы безопасности. Занимаясь зафронтной деятельностью, а также выявлением нашей агентуры, партизан и просоветски настроенных людей среди местного населения, они создавали так называемые русские группы, агентура которых формировалась из числа изменников Родины. Широко использовался и личный состав созданных немцами гражданских учреждений: начальники районов, старшины, бургомистры, старосты и другие.

Решением агентурных задач по разведке и контрразведке занимались и органы тайной полевой полиции. В отличие от СД, они выполняли также следственные и судебные функции.

Основная работа велась по следующим направлениям:

а) насаждение массовой агентурной сети, в задачи которой входило негласное наблюдение за населением и выявление лиц, недовольных гитлеровским режимом и имеющих связь с партизанами; б) создание агентурной сети среди лесников, объездчиков и т. п. в районах наиболее вероятного появления и действия партизанских отрядов и советских разведывательных групп; в) переброска агентуры в советский тыл, в партизанские отряды с разведывательными и диверсионно-террористическими заданиями.

Немецкие карательные органы в агентурной работе широко применяли провокационные методы, рассчитанные на разоблачение просоветски настроенной части населения. Для этой цели немцы под видом подпольных, партийных, революционных и других комитетов создавали провокаторские организации. Участники этих организаций по заданию немецкой контрразведки путем провокаций выявляли антифашистски настроенных лиц, партизан, коммунистов, которые затем репрессировались¹⁴⁶.

Гласная работа немецких служб шла в тесной связи с негласной. Создавая на оккупированной территории России агентурную сеть, немцы ставили перед ней задачу как активной борьбы с советским сопротивлением, так и распространение компрометирующих слухов о формах, методах и задачах деятельности советских спецслужб.

Тысячи чекистов погибли, выполняя задания командования на оккупированной врагом территории. Причиной провала многих из них были доносы местных жителей. После освобождения Красной Армией этих районов некоторые из предателей были арестованы. На допросах они показали, что причиной их действий было не только желание выслужиться перед захватчиками, получить от них награду, но и воздействие немецких средств массовой пропаганды.

Немецкие оккупационные власти пытались обеспечить себе влияние и поддержку среди населения в захваченных ими районах. Они создавали различные общества: Русское общество помощи немецкой армии, Русский комитет, Комитет народной помощи и другие. Деятельностью этих обществ и комитетов руководили органы СД, где вырабатывались уставы и программы данных организаций. Созданные немецким командованием организации, под каким бы названием они ни маскировались, ставили перед собой задачу распространения фашистской пропаганды и антисоветской литературы, призывая население к борьбе против СССР¹⁴⁷.

Большой интерес проявляли оккупанты к тем ценностям российских музеев, которые удалось эвакуировать до их прихода. Не зная о том, что знаменитые Магдебургские ворота из Софийского собора в Новгороде были вывезены в советский тыл, Абвер образовал специальную группу под командованием своего опытного агента Зинина. Одной из основных задач, поставленных перед ним германским руководством, был поиск этого выдающегося средневекового произведения искусства¹⁴⁸.

В ходе боевых действий в России фашистские разведывательные службы несколько раз меняли свои приоритетные направления в кадровой политике. После Сталинградской битвы основной упор стал делаться на тотальный шпионаж. Предполагалось, что не профессионалы высокого класса будут играть первую скрипку, а тысячи и тысячи агентов, прошедших лишь базовую подготовку. «Я требую массовой засылки агентуры. Я создал вам столько школ, сколько нужно», – заявил адмирал Канарис на совещании руководства Абвера в Риге в 1943 году. На нем обсуждались вопросы расширения шпионско-диверсионных действий в советском тылу и контрразведывательной и антипартизанской работы на занятой немцами территории России¹⁴⁹.

На Северо-Западе России разведывательные школы функционировали во многих населенных пунктах: Сольцах, Луге, Пскове, Дно. Изначально их основой являлись те подразделения немецких спецслужб, которые занимались выявлением неблагонадежных лиц, депортацией их в глубокий тыл, сбором информации о политических настроениях населения, допросом военнопленных и партизан. После реорганизации данные структуры несколько видоизменились: руководящий, преподавательский и инструкторский состав подбирался, главным образом, из официальных сотрудников военно-разведывательных органов. Методы вербовки агентуры, так же как и программа обучения, легендирование агентов и экипировка, снаряжение и обеспечение фиктивными документами являлись идентичными для всех школ.

Практически во всех местах, где находились советские солдаты и офицеры, оказавшиеся во вражеском плену, действовали работники нацистских спецслужб. Обычно на первом этапе вербовки отслеживалась реакция объекта на лекции власовских пропагандистов. Далее через внутрилагерную агентуру его подводили к мысли о необходимости подать заявление на имя коменданта лагеря о своем желании бороться с оружием в руках против советской власти.

После получения согласия вступить в РОА всеми добровольцами занимался специальный офицер из немецкой разведки. Он собирал показания об их политических убеждениях, известных им данных военного характера, а также по биографиям и связям в Советском Союзе. Все отобранные лица отделялись от общей массы военнопленных, причем их обычно сразу же переправляли в другой лагерь.

После того как оккупанты убеждались в лояльности кандидата, начиналась проверка его интеллектуальных способностей. В ходе ее принималось решение о наиболее оптимальном варианте использования завербованного: в качестве пропагандиста РОА, осведомителя в лагере, агента непосредственно на оккупированной территории или как зафронтowego разведчика. С помощью различных тестов определялись развитие, сообразительность, способность запоминания, находчивость. Если выявлялась относительная пригодность к разведывательной работе, обычно предлагалось заполнить специальную анкету, состоящую из 30–50-ти разнообразных вопросов по автобиографии, наклонностям, политическим убеждениям агента, о том, какие области СССР он хорошо знает, кого лично знает из руководящих работников партийных и правительственных органов СССР, национальных республик, областных и районных структур. Вместе с тем в этих анкетах встречались и такие вопросы: любит ли агент музыку и литературу, танцы, спорт, вино, женщин, какие у него взаимоотношения с женой, любит ли мать, владеет ли иностранными языками, любит ли вступать в споры и дискуссии?

На первых этапах вовлечения в германские разведывательные службы нацисты всячески подчеркивали, что они являются лишь помощниками нарождающихся структур Русской освободительной армии. Некоторая часть работы велась руками русских коллаборационистов. Они занимались выяснением следующих вопросов: почему вербуемый не вступал в коммунистическую партию, в чем он не согласен с мероприятиями советской власти, участвовал ли он в каких-либо антисоветских организациях, считает ли себя достойным вступить в армию Власова, верит ли в правоту дела РОА. После идеологической обработки вербуемых переводили на усиленное питание, им предоставлялись различные льготы.

Любой разведчик, даже если он работает из-за денег, должен верить в какие-либо идеалы. Спецслужбы оккупантов отлично понимали это, и поэтому параллельно с созданием школ происходил процесс оформления их как подразделений «Северного рога Русской освободительной армии», а все курсанты становились членами Союза борьбы за освобождение России. Перед началом занятий все слушатели давали присягу на верность «новому русскому правительству». Принимал ее обычно человек, называвший себя представителем генерала Власова. Агентам внушалась мысль, что они

являются не простыми разведчиками, а русскими патриотами, ведущими борьбу в союзе с Германией и Финляндией за освобождение России от большевизма.

В период обучения среди курсантов распространялись различные антисоветские газеты и журналы. В обязательном порядке они знакомились со всеми материалами «Добровольца», печатного органа РОА. Практически все школы получали коллаборационистские издания «Правда» и «За Родину». Вместе с тем, разведчиков держали в курсе событий, происходящих в СССР. Это делалось для облегчения их работы при переброске на советскую сторону. В этих же целях им давалась возможность слушать радиопередачи из Советского Союза¹⁵⁰.

Проверка знаний слушателей периодически проводилась кадровыми немецкими разведчиками. Если устанавливалось, что кто-либо плохо усвоил тот или иной предмет, то к нему прикрепляли преподавателя и заставляли снова повторить курс обучения, при подозрении на неблагонадежность заподозренных сразу передавали гестапо. Однако нацистам не удалось выявить всю советскую агентуру.

В 1942 году на советско-германском фронте были созданы специальные разведывательно-диверсионные пункты немецких войск «Цеппелин» (или «Цет»). «Цет-юг» (юг) находился на территории Украины, в городах Ворошиловск, Бердянск и Николаев. «Цет-митте» (центр), располагался в Смоленске, «Цет-Норд» (север) – во Пскове.

В задачу «Цепеллина» входила военно-экономическая разведка тыла противника, совершение диверсий в промышленности и на железнодорожном транспорте, организация террористических актов, разложение тыла противника путем пропаганды, организация повстанческого движения.

Основной функцией «Цет» являлось содействие в создании различных антисоветских союзов, партий, организаций из числа военнопленных, гражданского населения оккупированных областей и белоэмигрантов и руководство их деятельностью. К ним относились: «РОА», «Боевой союз русских националистов», «Русская народная трудовая партия», «Политический центр борьбы с большевиками», «Союз русских активистов», «Российская народная партия реалистов» и другие пронацистские коллаборационистские организации¹⁵¹.

В подчинении «Цепелина» находились так называемые «Ягдкоманды», т. е. «охотничьи команды», специализировавшиеся на

борьбе с подпольем и партизанским движением. «Ягд-команды» совершали массовые аресты и расстрелы мирных жителей, уничтожали в районах своей «деятельности» не только взрослых мужчин, которые были в состоянии оказать им хоть какое-то сопротивление, но и женщин, детей и стариков.

Вся агентура предварительно проходила обучение в деревне Печки Печерского района. В этом населенном пункте, который находился на берегу Псковского озера, была расположена диверсионно-разведывательная школа Абвера. Она готовила агентов и диверсантов для последующей массовой заброски в советский тыл. Руководство школы считало явно недостаточным лишь идеологическую обработку слушателей в антисоветском духе. Для обеспечения тотального контроля действовал штат агентов-осведомителей из числа курсантов. Сотрудники Абвера называли их внутренней агентурой, созданной для выявления благонадежности и действительных намерений курсантов после их заброски в советский тыл. Секретных доносчиков вербовали, как правило, из тех, кому все пути назад были отрезаны. Это были люди, совершившие различные тяжкие преступления против мирного населения и советского сопротивления.

«Внутренняя информация» собиралась достаточно простыми и традиционными способами – через подпаивание, «ночную подругу», слежку и подслушивание, «задушевную беседу», затеянную провокатором¹⁵².

Однако режим жесточайшего контроля в разведывательно-диверсионной школе не принес желаемого результата. В последнюю ночь 1943 года она подверглась дерзкому нападению партизан. Были похищены секретные документы, захвачен немецкий офицер, исполнявший обязанности начальника. Эту операцию удалось осуществить благодаря внедрению в структуру данного заведения советского разведчика Александра Лазарева¹⁵³.

Летом 1943 года немецким военным командованием совместно с немецкими разведывательными службами была предпринята попытка разгрома партизанского движения на территории Смоленской и Витебской областей.

На южной окраине Смоленска, в усадьбе бывшей МТС, абверкоманда 202 создала школу диверсантов, где обучались лица, доказавшие свою преданность гитлеровцам. В июне 1943 года в этой школе был сформирован спецотряд РОА для осуществления операции по разгрому партизанских бригад.

По замыслу немецкого командования, спецотряд играл роль остатков партизанской бригады из Литвы, которая понесла значительные потери в боях с немцами и литовскими националистами. Под Смоленском это формирование должно было попытаться влиться в одно из действующих партизанских соединений на правах самостоятельного отряда. Для поднятия авторитета предполагалось провести несколько успешных стычек с полицейскими и напасть на немецкий обоз.

Отряд в количестве 76 человек прошел специальное обучение. Официально командовал им капитан РОА Цамлай, но фактическое руководство осуществлял немецкий офицер-разведчик, прекрасно говоривший по-русски и имевший опыт службы в 1941 году в спецподразделении «Бранденбург». О том, что он немец, знал лишь командный состав псевдопартизанского отряда.

Подразделение полностью имитировало боевую группу народных мстителей. Роль комиссара исполнял бывший командир Красной Армии Петр Голиков, ставший убежденным власовцем и союзником немцев. Отряд был обмундирован в рваные шинели, оторванные у военнопленных, вооружен разномастным оружием.

Однако, несмотря на всю тщательность, с которой нацисты формировали данное подразделение, советской разведке удалось завербовать нескольких человек, изъявивших желание порвать с власовцами и перейти на сторону партизан.

Первый этап операции Абвера прошел успешно. Псевдопартизанам удалось внедриться в расположение отрядов советского сопротивления, но во время одной из встреч советский агент сумел предупредить партизан о готовящейся провокации. Последние оперативно сформировали группу из 25 человек, которая захватила немецких разведчиков во время очередной встречи белорусских и «литовских» партизан. Центр получил подробную информацию о Смоленской диверсионной школе и ее выпускниках, многие из которых уже выполняли задания Абвера в советском тылу¹⁵⁴.

Немецкие спецслужбы действовали против Советского Союза агрессивно и с размахом. Разведка, контрразведка и пропаганда – таковы были основные направления их деятельности. Практиковались все методы борьбы с противником: от дезинформации до террористических актов. Наиболее широко удалось развернуть свою работу на оккупированных территориях. В школах, находившихся в ведении Абвера, готовились агенты на все случаи

жизни. В основном их вербовали из местных жителей и военнопленных. При этом ставка делалась на лиц, так или иначе пострадавших от советской власти. Именно они, по замыслу немцев, должны были выполнять самые тяжелые и опасные задания, направленные на подрыв военной мощи СССР, разложения его граждан.

На оккупированной вермахтом территории насаждалась массовая агентурная сеть, которая выявляла людей, недовольных гитлеровским режимом и имеющих связь с партизанами. Активную разведывательную работу против СССР немецко-фашистские разведывательные органы вели до последних дней Великой Отечественной войны.

Можно согласиться с утверждением ряда российских и западных ученых и публицистов, что деятельность коллаборационистов, взявших в руки оружие в годы Второй мировой войны, была опасным вызовом сталинскому режиму. Но как совершенно правильно пишет М. И. Семиряга: «Трудно понять, почему в силу этого (РОА. – Б. К.), как сейчас приходится слышать, вполне достойна занять почетное место в истории России. Полагаю, что речь может идти скорее не о “почетном”, а о трагическом месте в нашей истории»¹⁵⁵.

Ни при каких условиях не мог вызвать сочувствия или симпатии тот, кто помогал противнику, вторгшемуся в нашу страну с целью ее завоевания. Наши люди были абсолютно убеждены в том, что любой человек, одетый в униформу вермахта, является личным врагом всякого русского, сообщником убийц и насильников.

Поэтому расстрелы или казни через повешенье задержанных в период наступления коллаборационистов воспринимались населением как совершенно справедливое наказание.

Примечания

¹ **Гареев, М. Л.** О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. Л. 49.

² **Ренин, Л.** Русские пленные добровольно служить не идут. // Известия. 1990. 28 мая.

³ Народ и война. 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 325.

⁴ **Епифанов, А. Е.** Ответственность за военные преступления. С. 38.

⁵ Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1994. С. 140.

⁶ **Дробязко, С. И.** Вторая мировая война. Русская освободительная армия. М., 1998; Материалы по истории Русского освободительного движения (статьи, документы, воспоминания). Архив РОА. М., 1998–1999. Вып. 1–4.

⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 530.

- 8 Преступные цели – преступные средства. М., 1985. С. 48–49.
- 9 **Hoffmann, J.** Die Ostlegionen 1941–1943. Freiburg, 1976. S. 26–27.
- 10 Из личного архива комиссара 5 ПБ Сергунина И. И.
- 11 ЦГАИПД. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
- 12 Голос народа. 1942. 1 декабря.
- 13 Из личного архива комиссара 5 ПБ Сергунина И. И.
- 14 **Штрик-Штрикфельд, В.** Против Сталина и Гитлера. М., 1993. С. 57–58.
- 15 Там же.
- 16 **Окорков, А. В.** Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 34.
- 17 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 37.
- 18 АУФСБНО. Ф. 7, Д. 33. Л. 41
- 19 Там же. Д. 193. Л. 85.
- 20 **Thomas, N.** Partisan warfare 1941–1945. London, 1983. P. 14.
- 21 **Семиряга, М. И.** Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 22.
- 22 **Дробязко, С. И.** Локотский автономный округ и Русская освободительная армия // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 1. С. 33.
- 23 ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 190. Л. 22.
- 24 **Дробязко, С.** Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С. Дробязко, И. Ермолов. М., 2001. С. 16.
- 25 Там же. С. 20.
- 26 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1695. Л. 1.
- 27 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 65.
- 28 Там же. Л. 66.
- 29 **Окорков, А. В.** Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 42.
- 30 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 193. Л. 63.
- 31 Там же. Л. 85.
- 32 АУФСБНО. Д. 21314. Л. 14.
- 33 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 34 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 65.
- 35 Там же.
- 36 АУФСБНО. Ф. 11. Оп. 1, портфель 2. Д. 23. Л. 27.
- 37 АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 56.
- 38 АУФСБНО. Д. 14432. С. Л. 34.
- 39 Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974. С. 260–261.
- 40 **Окорков, А. В.** Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 46.
- 41 СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 49956. Л. 12.
- 42 АУФСБНО. Д. 21314. Л. 42.
- 43 **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. С. 461.
- 44 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 45 Там же.
- 46 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 121. Л. 127–128.
- 47 Там же. Д. 192. Л. 22.

48 АУФСБПО. Д. 100. ЛЛ. 72–73.
49 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 11. Л. 412.
50 **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы
51 второй мировой войны. С. 461–462.
52 **Dallin, A.** German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation policies. P. 301.
53 АУФСБПО. Д. 100. Л. 15.
54 Там же, С. 300.
55 **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. С. 462.
56 Нюрнбергский процесс. М., 1966. Т. 2. С. 211–216.
57 **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. С. 462.
58 **Newland, S.** Cossaks in German army 1941–1945. London, 1991. P. 58.
59 **Дробязко, С. И.** Восточные войска и Русская освободительная армия // Материалы
60 по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 гг. Вып. 1. С. 27.
61 Голос народа. 1943. 20 февраля.
62 Цит по: **Дробязко, С. И.** Локотский автономный округ и Русская освободительная
63 армия // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 2. М.,
64 1998. С. 207.
65 **Гелен, Р.** Служба. М., 1997. С. 85.
66 За Родину. 1943. 26 мая.
67 Там же.
68 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 102.
69 Речь. 1943. 26 января.
70 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безо-
71 пасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
72 Там же.
73 Там же.
74 Там же.
75 АУФСБПО. Д. 43689. Л. 45.
76 Там же. Л. 47.
77 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 195. Л. 14.
78 **Окорков, А. В.** Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой
79 войны. С. 50.
80 **Дробязко, С. И.** Восточные войска и Русская Освободительная Армия // Материа-
81 лы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг. Вып. 1. С. 83.
82 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 34–35.
83 Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 304.
84 АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 41.
85 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 36–38.
86 АУФСБНО. Д. № 43689. Л. 85.
87 Там же. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 23.
88 Там же.
89 Там же.
90 Там же. Л. 26.
91 Там же. Л. 56.
92 Там же. Л. 46.
93 Там же. Д. 43689. Л. 3.
94 Там же. Л. 30.
95 Там же. Л. 86.
96 Там же. Л. 87.

- 90 Там же.
- 91 Там же. Л. 20.
- 92 Там же. Л. 37 об.
- 93 Там же. Л. 39 об.
- 94 Там же. Л. 75.
- 95 Там же. Л. 146 об.
- 96 СРАФ УФСБ СПБЛО. Арх. № 19344: материалы о немецких разрушениях и зверствах, о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 107 об.
- 97 Там же. Л. 110.
- 98 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
- 99 ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
- 100 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
- 101 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
- 102 Там же.
- 103 АУФСБСО. Д. 17665. Л. 87.
- 104 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 121. Л. 127–128.
- 105 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 106 АУФСБНО. Д. 1/6995. Т. 1. Л. 2.
- 107 Там же. Л. 4.
- 108 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
- 109 Там же. Л. 3.
- 110 Там же.
- 111 **Гриднев, В. М.** Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). М., 1976. С. 85.
- 112 ГАОО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3д. Л. 2.
- 113 Там же.
- 114 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.
- 115 ГАСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 13.
- 116 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 14 об.
- 117 Там же. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 25. Л. 3.
- 118 Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
- 119 Там же. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3д. Л. 2.
- 120 ГАНО. Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
- 121 ГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 356. Л. 30.
- 122 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 123 **Крысько, В. Г.** Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 359.
- 124 Там же. С. 148.
- 125 СРАФ УФСБ СПБЛО. Д. 19344: материалы о немецких разрушениях и зверствах, о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 29.
- 126 **Чернов, С. В.** Спецслужбы фашистской Германии в Великой Отечественной войне // Новый часовой. № 3. 1995. С. 64.
- 127 О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области: докладная записка Кубаткина П. Н. // Новый часовой. № 4. 1996. С. 154.

- 128 АУФСБПО. Д. 41586. Л. 66.
- 129 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 130 О деятельности контрразведывательных органов противника на оккупированной территории Ленинградской области: докладная записка Кубаткина П. Н. // Новый часовой. № 4. 1996. С. 154.
- 131 АУФСБПО. Д. 41586. Л. 68.
- 132 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 133 АУФСБПО. Д. 41586. Л. 71.
- 134 Там же. Л. 75.
- 135 Там же. Л. 67.
- 136 Там же. Д. 42255. Л. 14.
- 137 Там же. Д. 43623. Л. 43.
- 138 Там же. Л. 45.
- 139 История советских органов государственной безопасности. С. 335.
- 140 **Штрик-Штрикфельдт, В.** Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М., 1993. С. 219–220.
- 141 АУФСБПО. Д. 41563. Л. 9.
- 142 **Штрик-Штрикфельдт, В.** Против Сталина и Гитлера. С. 222.
- 143 АУФСБПО. Д. 41563. Л. 35.
- 144 Псков в годы Великой Отечественной войны: сб. ст. Л., 1981. С. 40–41.
- 145 **Попов, А. Ю.** Партизанская разведка в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., Великий Новгород, 2000. С. 66.
- 146 СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 19344: материалы о немецких разрушениях и зверствах, о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации. Л. 31.
- 147 СРАФ УФСБ СПбЛО. Д. 19344. Л. 3–4.
- 148 АУФСБНО. Д. 41586. Л. 62.
- 149 Контрразведка. Псков, 1995. С. 31.
- 150 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 151 АУФСБПО. Д. 26 (л.). Л. 16.
- 152 Контрразведка. Псков, 1995. С. 40–42.
- 153 Там же. С. 6.
- 154 ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 356, Л. 45–49.
- 155 **Семиряга, М. И.** Коллаборационизм. С. 483.

Экономический коллорационизм

Экономический профиль, намечавшийся немецкими специалистами для оккупированных областей СССР, характеризовался резким преобладанием сельского хозяйства и добывающей промышленности над всеми видами обрабатывающей индустрии. Предполагалось частичное перемещение населения России из города в деревню, а также вывоз рабочей силы в Германию. «Мы заставим работать на нас всех, до последнего человека», – заявил Гитлер в ноябре 1941 года. Его поддержал Геринг: «Русские рабочие доказали свою работоспособность при построении мощной русской индустрии. Теперь их следует использовать для Германии» .

Руководство нацистской Германии рассчитывало на то, что капиталы, накопленные за время войны крупными немецкими фирмами, а в будущем и мелкие массовые сбережения немецкого населения найдут при посредстве банков и акционерных обществ выгодное применение в освоении и эксплуатации «восточного пространства» на благо граждан III Рейха.

Нацистам виделось, что основными типами хозяйственных единиц на Востоке станут частновладельческие поместья и предприятия, а также различные акционерные общества, действующие под наблюдением государственных регулирующих органов. Частная предпринимательская инициатива в немецкой пропаганде принци-

пильно противопоставлялась советскому экономическому строю и рассматривалась как основная движущая сила хозяйственной жизни.

Директивы об использовании территории Советского Союза были разработаны еще до начала боевых действий. Этим вопросом занимался Восточный штаб экономического руководства. Он находился под руководством Геринга и его заместителя в Ведомстве четырехлетнего плана статс-секретаря Кернера.

От этого штаба исходили общие директивы по экономической эксплуатации захваченных германской армией советских областей. Они были изданы под условным названием «Зеленая папка». В директивах Восточного штаба указывалось, что вплоть до окончания войны все экономические ресурсы оккупированных областей должны целиком и полностью использоваться для единственной цели – снабжения вермахта и военной промышленности. «Зеленая папка» предусматривала полную реквизицию хлебных и продовольственных запасов, нефтепродуктов, цветных металлов, транспортных средств и всех видов промышленного сырья, полуфабрикатов и готовой продукции.

Также в «Зеленой папке» предписывалось обеспечить сохранность скота, построек, машин и сельскохозяйственного инвентаря с тем, чтобы советское сельское хозяйство могло быть на полном ходу переключено на обслуживание всех подразделений действующей германской армии.

Далее предусматривалась массовая и оперативная мобилизация местного населения для восстановления и строительства военных дорог, укреплений, казарм и т. п.

На оккупированной территории СССР намечалось провести своего рода деиндустриализацию, которая помимо всего прочего имела социальную направленность. Она должна была привести к ликвидации крупных промышленных центров. «Политически нежелательное скопление туземного населения в индустриальных центрах будет избегнуто», – говорилось в одном из секретных приказов ведомства Розенберга².

Из числа промышленных предприятий должны были быть сохранены или восстановлены только те, которые способны будут удовлетворять неотложные запросы германской армии. Все остальные виды производства предполагалось законсервировать. Появляющиеся в связи с этим безработные должны были использоваться в сельскохозяйственных и дорожно-строительных колоннах. Пред-

полагалось в короткие строки построить несколько автобанов, которые должны были связать новые немецкие поселения на востоке, а также перевести железнодорожную колею на европейский стандарт.

Работающие на военных и коммунальных предприятиях, на восстановительных работах, в сельском хозяйстве и на военном строительстве должны были принуждаться к выполнению своих обязанностей силой оружия. Прежних руководителей промышленных предприятий и специалистов предполагалось временно оставлять на их должностях и принуждать к работе угрозами и репрессиями.

В «Зеленой папке» предусматривалось создание государственных монопольных обществ, которым в будущем будет поручена эксплуатация отдельных отраслей хозяйства.

Выполнение первоочередных задач, изложенных в «Зеленой папке», поручалось непосредственно самой армии. Для этой цели был создан военно-экономический аппарат. Во главе его стояло Управление военной экономики и снаряжения главного штаба вооруженных сил (Wehr Wirtschafts und Rüstungsamt im OKW).

В штабе каждой армии имелся экономический отдел или группа. Начальник этого отдела подчинялся командующему данной армией и вместе с тем получал специальные директивы и задания непосредственно от Управления военной экономики или от Восточного штаба экономического руководства.

Как видно, в значительно большей степени, чем в предыдущих войнах нацистской Германии, меры экономического ограбления СССР базировались на активном участии вермахта.

Военно-экономический аппарат еще до начала войны против СССР начал накапливать разведывательный материал о точном размещении, характере продукции и мощности промышленных предприятий и сельскохозяйственных районов на предполагаемом театре военных действий³.

Кроме штабного аппарата, в непосредственном подчинении у начальника экономического отдела штаба армии находились отряд экономической разведки (Erkundungstrupp) и технический батальон. Перед данными службами стояли следующие задачи:

- а) выявление наличия и состояния складов, а также промышленных и сельскохозяйственных предприятий;
- б) обеспечение первоначальной охраны важнейших хозяйственных объектов;

в) организация быстрого восстановления и пуск промышленных, транспортных и коммунальных предприятий;

г) обеспечение уборки урожая и проведение неотложных сельскохозяйственных работ;

д) экономическая характеристика занятого района.

По мере перемещения фронта экономическая эксплуатация занятых районов переходила в ведение хозяйственных инспекций (Wirtschaftsinspektion), которые функционировали при каждой группе армий. Хозяйственные инспекции осуществляли следующие функции:

а) продовольственное, фуражное и вещевое снабжение действующих частей за счет захваченных, конфискованных и всех других местных запасов;

б) охрана, использование и отправка в тыл ценного имущества для нужд армии и военной промышленности;

в) налаживание военного производства;

г) мобилизация местной рабочей силы для военных надобностей;

д) регулирование снабжения населения предметами питания и первой необходимости.

Инспекции имели в своем подчинении в качестве постоянно работающих исполнительных органов хозяйственные управления (Wirtschaftskommando). Каждый такой орган, в зависимости от местных условий, ведал либо определенным территориальным районом, либо какой-нибудь отраслью хозяйства, не считаясь в последнем случае с административными границами данной территории⁴.

После формирования гражданской администрации хозяйственная инспекция свертывала свою деятельность в данном хозяйственном районе. Общее руководство принимала на себя немецкая гражданская администрация каждого конкретного района.

Итак, все промышленные структуры (заводы, фабрики и ремонтные мастерские в городах, технические службы железных дорог, машинно-тракторные станции) в оккупированных районах Ленинградской области с августа 1941 года официально переходили под контроль и в руки немецких властей⁵.

Хозяйственные управления и команды, а также управления и команды по снаряжению не охватывали все населенные пункты на оккупированной территории нашей страны. В некоторых сельскохозяйственных районах функции этих органов выполняли местные военные комендатуры, которые организовывались непосредственно

штабами действующих частей. Местные комендатуры в первый период оккупации осуществляли административное управление, организовывали борьбу с советским сопротивлением, выявляли коммунистов и евреев, назначали сельских старост и бургомистров, создавали вспомогательную полицию и гражданские административные управления.

Война, принявшая после поражения немцев под Москвой затяжной характер, все более настоятельно требовала продовольствия, металла, угля, нефти и другого стратегического материала. Необходимость ремонта боевой техники и транспортных средств, а также обмундирования заставляла нацистов организовывать на оккупированных территориях работу различных предприятий. В январе 1942 года гитлеровское руководство приняло «обязательное постановление о восстановлении промышленного хозяйства занятых восточных областей», где перечислялись отрасли и предприятия, подлежащие первоочередному восстановлению. К ним относились энергетическое и угольно-рудное хозяйство, добыча марганцевой руды, литейные, сталелитейные, железопрокатные заводы, транспортные предприятия⁶.

В ближайшем фронтовом тылу восстановление промышленных и коммунальных предприятий производилось техническими батальонами и отрядами технической помощи. Для руководства предприятиями назначались управляющие, действовавшие как уполномоченные германского государства. Кроме того, в 1941–1942 годах на оккупированной территории России было создано около 50 обществ и компаний по эксплуатации отдельных отраслей промышленности.

С июля 1941 года в Германии стали образовываться так называемые «восточные компании». Обычно они являлись филиалами крупных акционерных обществ и фирм, при помощи которых крупный германский капитал стремился к непосредственному осуществлению собственных экономических целей.

В этих условиях возникла целая система «подшефных фирм» и «опекунов», через которые крупнейшие немецкие монополии попытались взять под контроль наиболее ценные отрасли и предприятия советской промышленности. Так, например, металлургический завод в Таганроге стал опекается фирмой «Маннесман – Рёренверке»⁷.

Уже в указаниях Геринга от 27 июля 1941 года относительно управления экономикой в оккупированных советских областях в связи с образованием восточных компаний говорилось, что первоначаль-

чальное использование немецких предприятий в качестве отдельных опекунов следует рассматривать лишь как временную переходную меру. Рекомендовалось как можно быстрее организовать «сдачу восточных объектов в аренду» этим немецким предприятиям⁸.

При восстановлении предприятий немцы встречали серьезные препятствия. Большинство заводов и фабрик были полностью разрушены, так что их быстрое возрождение оказалось для оккупантов нерентабельным или даже невозможным. В мае 1942 года в месячном отчете хозяйственного штаба «Восток» с раздражением констатировался факт, что из-за отсутствия приводных ремней, запасных частей для машин, достаточного количества электроэнергии большие кирпичные заводы, например, в Смоленске, производительностью в несколько миллионов штук кирпича в год не могут быть пущены⁹.

Для восстановления менее поврежденных промышленных объектов не хватало инженерно-технического персонала, квалифицированных рабочих, инструментов, оборудования и строительных материалов. По этим же причинам тормозилась эксплуатация пущенных предприятий. Кроме того, сказывалось отсутствие сырья, недостаток транспорта и крайнее сужение энергетической базы вследствие нехватки топлива и выхода из строя электростанций. В связи с этими обстоятельствами оккупанты были вынуждены ограничиться пуском сравнительно немногих предприятий, которые в весьма малой степени могли удовлетворять неотложные нужды действующих войск и разгрузить транспорт от крупномасштабной перевозки военных грузов из Германии.

В городах создавались биржи труда. В их функции входила еженедельная регистрация населения города, которое было не занято на тех или иных работах, набор рабочей силы по заявкам немецких властей и частных предпринимателей, а также производство отбора рабочей силы для отправки в Германию.

На биржах труда происходила вербовка русских девушек в немецкие дома терпимости.

Прошедший регистрацию на бирже получал специальную явочную карточку. В ней при поступлении на работу делась специальная отметка на немецком языке следующего содержания: «такой-то человек работает, число, год, подпись». В дальнейшем эти люди от явки на биржу труда освобождались¹⁰.

Каждому рабочему и служащему на предприятиях выдавалось удостоверение, которое состояло из двух одинаковых бланков на русском и на немецком языках.

Все трудоспособные граждане оккупированных городов всегда должны были иметь при себе, кроме паспорта или удостоверения личности, свидетельство с места работы или явочную карточку. Если же человек задерживался немецкими полицейскими в дневное время без этих документов, то его подвергали аресту и посылали на какую-нибудь грязную или тяжелую работу по очистке города или строительству укреплений.

Уклонение от выполнения работ грозило расстрелом. Благодаря такому строгому учету населения, введению явочных карточек и удостоверений, оккупанты имели возможность привлечения к выполнению различных работ все трудовое население городов¹¹.

Граждане от 14 лет и до преклонного возраста, имеющие возможность передвигаться, были обязаны работать либо на дому по сельскому хозяйству, либо в принудительном порядке отправляться на трудовые, оборонительные и хозяйственные работы.

Жители оккупированных районов России были поставлены в известность немецкой администрацией о том, что «во избежание голода каждый должен оставаться при своей работе... Кто запустит свою работу, будет наказан»¹².

В конце октября командование вермахта издало «Временное распоряжение о взимании налогов и сборах», согласованное с гражданскими оккупационными органами, которое явилось для населения тяжелым финансовым бременем.

Количество налогов с различных категорий хозяйств было разным. Оккупанты не скрывали, более того, они постоянно подчеркивали, что к налогообложению местного населения они подходят дифференцированно.

Льготами пользовались лица, активно сотрудничавшие с нацистами, пострадавшие от советской власти, и некоторые национальные группы (в первую очередь, из Прибалтики).

В 1941–1942 годах наиболее активные коллаборационисты поощрялись как морально (грамота от оккупационных властей, статья в профашистской прессе «Они помогают строить Новую Европу», благодарность), так и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря).

Весной 1942 года в зоне действий группы армий «Север» оккупационной администрацией было издано распоряжение, согласно которому лица, находящиеся на службе у германского командования и в русских учреждениях (волостные старшины, писари, агрономы, учителя, землемеры и врачи), лица, добровольно поступившие на службу в русскую полицию, освобождались от всех государственных натуральных налогов на 50% по отношению к остальному населению. В тех случаях, если хозяйства вышеперечисленных лиц пострадали от нападения партизан, они освобождались от натуральных государственных налогов полностью¹³.

Особыми льготами пользовались лица, с оружием в руках боровшиеся с советским сопротивлением – каратели и бойцы так называемых «сил самообороны». Не только они, но и члены их семей освобождались от всех видов налогов и сборов.

Массовое возвращение на родину из Синявинских поселений под Ленинградом кулаков, высланных туда в 1931–1934 годах, с одной стороны, способствовало расширению и укреплению пронемецки настроенного слоя граждан, но, с другой – ухудшало положение их односельчан, так как все расходы по обустройству «пострадавших от жидо-большевистской власти» на местах были возложены на последних¹⁴.

Непосредственный сбор большинства налогов с населения осуществляла коллаборационистская «новая русская администрация». Но все это делалось под жестким контролем немецких оккупационных служб различного уровня. Приоритетные направления по сборам, как писалось выше, определялись в Берлине. На местах этим занимались военная и хозяйственная комендатуры. Районные комендатуры имели специальный отдел, который назывался «Гражданское управление». Он ведал регистрацией, учётом населения, сбором налогов. Последние раскладывались по волостям, и за их выполнение отвечали русские старшины районов и старосты.

Наибольшую зарплату среди «новой русской администрации» получал бургомистр. Его месячное содержание равнялось 1500 рублям. Заработная плата мелких служащих варьировалась от 300 до 700 рублей. Но небольшая официальная заработная плата коллаборационистов с лихвой компенсировалась взятками и поборами с населения. Что же касается рядовых граждан, то для них выплата этих налогов являлась непосильным бременем. Для русского населения, привлеченного оккупантами для выполнения различных работ, с

конца 1942 года практиковалась выдача продовольственных пайков в форме производственного питания. Ни о каких денежных выплатах здесь речь не шла, более того, за невыполнение заданий в качестве наказания люди могли лишиться и этого продовольствия.

Согласно официальной установке немецких властей, заработная плата на производстве и рыночные цены должны были сохраняться на уровне, существовавшем до оккупации. Исходя из этого, оплата квалифицированных рабочих в оккупированных районах РСФСР была установлена в размере 1 руб. 70 коп. в час, неквалифицированных – 1 руб. в час. В результате целого ряда удержаний фактическая зарплата квалифицированного рабочего не превышала 300 рублей в месяц, неквалифицированного – 150 рублей. Продолжительность рабочего дня не регулировалась. Никаких доплат за сверхурочные часы, за работу в ночное время или в воскресные дни рабочие не получали. Женщины получали равную зарплату с мужчинами, если у них была такая же производительность труда.

Указанные ставки были действительны для рабочих старше 21 года. Рабочие в возрасте от 18 до 21 года получали 80%, от 16 до 18 – 60%, моложе 16 лет – 50% от этих ставок¹⁵.

Деньги, получаемые населением, быстро обесценивались. Вследствие недостатка товарных масс, на оккупированной территории господствовала инфляция. Так, по данным Смоленской городской управы за год, с лета 1942 по лето 1943 года, цены на рынках Смоленска выросли на хлеб в четыре раза, на сало – в два с половиной раза, на туфли дамские – в два раза, на мужское пальто – в пять раз¹⁶.

Служащие предприятий получали следующее жалование (в месяц): машинистки, чертежники, завхозы и т. п. – 400 руб., бухгалтеры – 500 руб., служащие на ответственных должностях – 650 руб., служащие на руководящих должностях и специалисты – 900 руб., руководители предприятий – 1200–1500 руб¹⁷.

В сельской местности денежное содержание старост зависело от количества дворов в их деревнях. Так, в селе до 10 хозяйств оно составляло 30 рублей в месяц, от 11 до 20 – 50 рублей, от 21 – до 30 – 80 рублей, от 31 до 40 – 100 рублей, от 41 до 60 – 150 рублей, от 60-ти дворов и выше – 180 рублей. Деньги сельские старосты получали от своих односельчан. Зарплата волостных старшин составляла 400 рублей, писарей – 250, полицейских – 250 рублей в месяц. Волостные старшины получали зарплату из бюджета управления, писари и

полицейские – из бюджета волости за счет 10% отчисления из собранных налогов с населения¹⁸.

Налоговая политика была одной из важнейших составных частей нацистского оккупационного режима в России. Следует признать, что вначале она дезориентировала некоторую часть населения. Обещания об отмене или значительном сокращении поборов с населения после окончания боевых действий позволили захватчикам собрать значительное количество налогов с минимальными затратами. В своей политике нацисты делали ставку на разжигание частнособственнических интересов среди мирных жителей, их разложение по социальному и национальному признаку. Но срыв плана молниеносной войны заставил немецко-фашистских захватчиков перейти к политике открытого ограбления оккупированной территории России. И если в первый период оккупации сбором налогов в основном занимались представители «новой русской администрации», то впоследствии оккупанты отказались и от этой ширмы. Все это делалось для достижения главной цели – превращения России в аграрно-сырьевой придаток III Рейха.

Уже в первые недели оккупации в городах и крупных населенных пунктах восстанавливались объекты, обеспечивавшие их нормальную жизнедеятельность. В первую очередь восстанавливались некоторые коммунальные предприятия в городах, где размещались большие гарнизоны, штабы и военные учреждения. На начало 1942 года имеются сведения о пуске следующих коммунальных предприятий в крупных русских городах: Смоленск – электростанция «Смолэнерго», водопровод; Орел – электростанция, водопровод, баня. Брянская ГЭС снабжала током города Брянск и Карачев. При этом электрический ток подавался только в дома, занятые немцами, а также на оборонные предприятия¹⁹.

Оккупанты стремились пустить в ход предприятия по производству строительных материалов, продукция которых использовалась для постройки полевых укреплений, мостов, дорог, казарм и т. д. К 1942 году начали успешно функционировать лесопильные заводы в Лисино, Луге (Ленинградская область) и в Карачеве (Орловская область). На них широко применялся труд военнопленных. В Смоленске предприниматель С. Б. Владимиров организовал «литейно-механический завод». Об этом патетически писал в статье «Создатели капитальных ценностей», опубликованной в газете «Новый путь», журналист В. Александров. В ней говорилось о том, что «частная

инициатива, освобожденная из-под семи замков ненавистой большевистской опеки, бьет живительным ключом, создавая фундамент новой жизни»²⁰. Но на практике этот «завод» являлся небольшой ремонтной мастерской, работавшей на немецком оборудовании и, в основном, по заказам вермахта²¹.

Машиностроительные, металлообрабатывающие и химические заводы и мастерские приспособлялись немцами, главным образом, для среднего и капитального ремонта автомашин, танков, артиллерийского вооружения и самолетов. Иногда ремонтные базы оборудовались в уцелевших промышленных зданиях независимо от того, какое производство размещалось здесь прежде. Недостающие станки, инструменты, оборудование, технические кадры и часть рабочих доставлялись из Германии, а также из стран, находившихся под нацистской оккупацией. На базе некоторых советских заводов немцы организовали производство авиабомб, боеприпасов и боевых химических веществ. Так, в районе Смоленска летом 1942 года действовало шесть мастерских по ремонту танков²².

На отдельных металлообрабатывающих заводах немцы организовали ремонт тракторов и производство граблей, серпов, вил и т. п. Кроме экономической выгоды, подобные предприятия по замыслу оккупантов должны были приносить и определенные пропагандистские результаты. В коллаборационистских газетах регулярно публиковались материалы «об успешной помощи возрождающейся русской промышленности, возрождающемуся русскому сельскому хозяйству и крестьянству»²³.

Наибольшее количество промышленных предприятий на оккупированной территории России успешно функционировало в городе Орле. Здесь достаточно стабильно работали два авторемонтных завода, танкоремонтные мастерские и завод боеприпасов. Газета «Речь» неоднократно писала о том, что «скромные и честные орловские труженики находятся на переднем крае борьбы с проклятым жидо-большевизмом»²⁴.

На юге, в Таганроге, в 1942 году начал работу завод по производству мотоциклов для нужд германской армии. Выпускалось по 15–20 машин в день²⁵.

На уцелевших предприятиях пищевой промышленности перерабатывались сельскохозяйственные продукты, полученные в результате реквизиций и обязательных поставок. В связи с нерегулярным и недостаточным поступлением сырья все эти предприятия работали с

перебоями. В основном полученные продукты использовались для снабжения германских войск и военных госпиталей. Наибольшее количество продукции выдавали в центральной России завод фруктовых вод в Карачеве и маслозавод в Трубчевске (Орловская область)²⁶.

Восстановленные предприятия легкой промышленности обслуживали исключительно германскую армию. Функционировало достаточно большое количество заводов по первичной переработке льна в оккупированных районах Смоленской, Калининской и Ленинградской областей. Во Пскове и Порхове работали овчинно-тулупные предприятия, выделявавшие тулупы, шубы, жилеты, теплые одеяла и перчатки из захваченных немцами значительных запасов овчин и кож. В течение нескольких месяцев 1942 года в Таганроге действовала обувная фабрика, прекратившая работу из-за нехватки сырья.

Отсутствие каменного угля и нефти, а также разрушение электростанций тормозили работу восстановленных предприятий. В связи с этим немецкие власти предпринимали различные меры по использованию местного топлива. Повсеместно оккупанты стремились развернуть добычу торфа и других видов топлива.

Как показалось руководству III Рейха летом – осенью 1942 года, ситуация для них в энергетической сфере стала складываться более успешно. В своей речи 18 октября Геббельс торжественно заявил, что немцы вскоре будут располагать богатейшими нефтяными районами Европы.

В 1942 году в городе Лейпциге для немецких войск, направляемых на южный участок фронта, на Кавказ, был издан подробный справочник-путеводитель. В приложении к нему разъяснялись цели наступления: Баку – нефть, Грозный – лучший в мире бензин, Кабарда – молибден, Осетия – цинк, Зангезур – медь²⁷.

Задача возобновления добычи нефти на Северном Кавказе была возложена на специально созданную для этой цели экономическую инспекцию «А», во главе которой был поставлен генерал-лейтенант Нидендорф. Ей подчинялись экономические управления Ростова-на-Дону, Краснодара, Майкопа, Пятигорска и Нальчика. Цель ее работы заключалась в подготовке к активной эксплуатации северокавказских нефтепромыслов «Континентальным нефтяным акционерным обществом», которое еще в начале 1942 года создало дочернее «Восточное нефтяное общество с ограниченной ответственностью»²⁸.

Однако, несмотря на значительные усилия и посылку туда большого количества экспертов, немцам до начала декабря 1942 года не удалось добыть даже такого количества нефти, которое покрыло бы их незначительные расходы горючего, затраченного на восстановительные работы. Вскоре после этого вся деятельность «Восточного нефтяного общества» была свернута в связи с поспешным отходом немецких войск. При отступлении техническая бригада по добыче нефти была сильно потрепана и растеряла почти всю свою материальную часть.

Уже в первые месяцы Второй мировой войны в III Рейхе в связи с увеличением численности вермахта стал ощущаться недостаток рабочих рук, занятых в промышленности и сельском хозяйстве. С 1939 до середины 1941 года количество рабочих и служащих уменьшилось здесь примерно на 2,7 миллионов человек²⁹.

Поэтому, захватив ту или иную страну, нацисты наряду с ограблением ее сырьевых ресурсов, максимальным использованием местной промышленности проводили непрерывные депортации в Германию физически крепких людей.

5 августа 1941 года рейхсминистр восточных областей Альфред Розенберг издал приказ об обязательной трудовой повинности для населения этих территорий, уклонение от нее каралось тюрьмой.

Но при этом гитлеровцы отлично понимали, что для относительно полного использования экономического потенциала оккупированных районов нужно добиться хотя бы минимальной поддержки со стороны местного населения. В документах командования немецко-фашистской армии разъяснялось: «Чтобы добиться здесь наивысшей производительности, необходимы добрая воля и готовность к труду самого населения как помощника в деле восстановления страны»³⁰.

Существовавшие при советской власти артели и союзы кустарей были объявлены ликвидированными. Провозглашалось восстановление частных кустарных предприятий. Кустари, не получившие права иметь самостоятельное предприятие, могли объединиться в артели или товарищества. Для их организации требовалось разрешение оккупационных властей. Вступление евреев в артели было запрещено.

Перед кустарной промышленностью была поставлена задача выполнять для воинских частей ремонт обуви и обмундирования, изготавливать различный военно-хозяйственный инвентарь. Помимо воен-

ных заказов кустари должны были снабжать местный рынок товарами широкого потребления, используя местное сырье и остатки военных материалов, иногда, в исключительных случаях, выделяемых германскими властями. Последнее делалось по настоятельной инициативе нацистских пропагандистских служб, а также некоторых представителей оккупационной администрации. Этим путем оккупанты предполагали хотя бы отчасти удовлетворить спрос крестьян на предметы повседневного обихода, повысить покупательную способность денег и стимулировать добровольную продажу русскими крестьянами сельскохозяйственных продуктов.

Восстановлению кустарной промышленности в «освобожденных от большевиков областях» было посвящено немало материалов в коллаборационистской прессе. Так, в журнале «На переломе» писалось о «непрерывном росте ремесленных мастерских». В качестве образца приводился Симферополь, где «96 промышленных предприятий работают на германское военное командование и население, вырабатывая ежемесячно продукции на 1 300 000 рублей»³¹.

В Орле функционировали мастерские по обработке металла, хозяевами которых являлись новоявленные капиталисты Сиротский, Васильев и Ноздрунов. Они изготавливали по заказам германского командования ведра, тазы, кастрюли, кофейники, железные печи³².

Однако из-за отсутствия сырья, топлива, недостатка квалифицированных кадров кустарная промышленность не оправдала надежд германских властей. Те кустарные предприятия, которые не получали германских заказов, находились в жалком состоянии или полностью бездействовали. Характерно, что в качестве образцового кустарного предприятия, ориентированного исключительно на «культурные запросы русского населения», коллаборационистская газета «Речь» превозносила в восторженных тонах «небольшую конвертную мастерскую А. А. Кожиной». По случаю годовщины этого «предприятия» вышла большая статья. Очевидно, коллаборационистские журналисты этой газеты не смогли найти более внушительного примера восстановительной работы в сфере кустарной промышленности³³.

Не лучше дело обстояло и во Пскове. В своем развернутом докладе 22 марта 1943 года, посвященном году работы Псковского районного управления, начальник района Горожанский, говоря о развитии промышленности, смог отметить только такой факт: «Организуем выработку гонта, деревянного кровельного материала, в котором

ощущается большая нужда как в городе, так и деревне. Гонторезный станок уже приобретен»³⁴.

Систематические заявления в пронацистской прессе о том, что на подконтрольной немцам территории России создан благоприятный климат для предпринимательской деятельности, не соответствовали действительности. На практике в первые недели и месяцы оккупации многие предприятия городскими управами были проданы или переданы в частные руки. В Феодосии заместитель директора хлебозавода Нестеренко стал его хозяином. Новый владелец феодосийской табачной фабрики, ее бывший главный бухгалтер Булатович, стал налаживать там выпуск махорки и папирос. В частные руки также перешел Дом крестьянина, где начал свою работу ресторан.

Но после того как на этих предприятиях начался успешный производственный процесс, все они оказались под полным немецким контролем. Всех русских рабочих с хлебокомбината уволили и заменили их на немецких солдат, которые стали снабжать хлебом исключительно вермахт. Табачная фабрика, имевшая значительный запас сырья, оставшегося с довоенного времени, тоже стала использоваться для нужд германской армии. Ресторан получил вывеску с надписью: «Только для немцев». В этих условиях новоявленным хозяевам было объявлено, что «частная собственность, безусловно, незыблема... Но русские предприниматели смогут полностью воспользоваться плодами своих трудов только после победы над большевизмом»³⁵.

В Германии и Голландии с начала 1942 года производилась вербовка ремесленников, под руководством которых предполагалось открыть в оккупированных районах СССР «образцовые предприятия». С этой целью голландская экономическая делегация, приехавшая в оккупированные области СССР в мае – июне 1942 года, обследовала «возможности переселения ремесленников из Голландии и перевода оттуда больших кустарных предприятий». Однако этим все и ограничилось³⁶.

Гораздо большее количество коллаборационистов из стран Западной Европы стремилось просто поучаствовать в ограблении России. Официально это трактовалось как форма «крестового похода цивилизованных народов против жидо-большевизма». Для осуществления этой цели были образованы, например, «Нидерландская восточная компания», «Бельгийское восточное общество», «Датский восточный комитет», норвежское общество «Аустрвег» и «Французское восточное товарищество»³⁷.

Главная причина этого явления заключалась во все более ощущавшемся недостатке непосредственно германских сил и производственных мощностей.

Уже во второй месяц войны, 28 июля 1941 года, вышел приказ рейхсминистра Тодта об использовании труда советских граждан на самых тяжелых физических работах. В нем, в частности, писалось: «На русской территории действуют другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Использование рабочей силы нужно главным образом осуществлять в порядке трудовой и гужевой повинности без какого-либо вознаграждения»³⁸.

Гитлеровцы разработали особо жестокий метод эксплуатации населения захваченной советской территории. В циркуляре хозяйственного штаба германского командования от 4 декабря 1941 года говорилось: «Немецкие квалифицированные рабочие должны трудиться в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни, для этого существуют русские»³⁹.

Этот циркуляр предписывал использовать труд «унтерменшей» в горном деле, на строительстве дорог, различных подземных сооружений, шахтах, вредном производстве. По распоряжению Германа Геринга создавались «трудовые колонны» из местного населения. Когда эти колонны использовались в оперативном тылу вермахта, на них в принудительном порядке возлагалось строительство железных и автомобильных дорог, обезвреживание минных полей и т. д.

Для выполнения трудоемких физических работ по постройке и расчистке дорог, строительству мостов, укреплений, противотанковых сооружений и т. п. немецкие военные власти мобилизовали местное население, как мужчин, так и женщин, в возрасте от 14 до 60 лет, а иногда и старше. От работ не освобождались даже многодетные матери, высококвалифицированные специалисты, если они не были в данный момент использованы на производстве, больные и т. п. Продолжительность рабочего дня иногда доходила до 14 часов. Работы осуществлялись под постоянным надзором русских полицейских и солдат. Медленно или неаккуратно работающие подвергались различным наказаниям, вплоть до расстрела. Все это в назидание другим работающим делалось публично. Снабжение работающих продуктами не обеспечивало даже полуголодного существования. В связи с этим в рабочих колоннах и лагерях имела место большая смертность. Например, жители Оредежского и Тосненского районов Ленинградской области работали на ремонте дорог, на тор-

форазработках и лесозаготовках с 6 часов утра до наступления темноты и получали за это только по 200 граммов хлеба в день⁴⁰.

На предприятиях ряда оккупированных городов РСФСР (Брянск, Орел, Смоленск) каждому рабочему присваивался номер; фамилия и имя, как правило, при обращении к ним со стороны представителей оккупантов уже не упоминались⁴¹. Населению подобные правила объяснялись стремлением немецких властей к порядку и нежеланием немецких мастеров «неправильно произносить русские имена и фамилии»⁴².

Режим, существовавший на предприятиях, естественно, исключал создание каких-либо легальных рабочих организаций или подобия профсоюза. Они запрещались. Нацистская пропаганда демагогически заявляла, что их роль берет на себя немецкое руководство предприятия. Рассуждая об особом отношении к рабочему человеку в «истинно народном немецком государстве», русских оповещали о том, что «на работу принимаются только политически безупречные люди, т. е. те, которые не вели никакой активной политической работы, а также не занимали никаких руководящих политических постов. Убежденные сторонники коммунизма не могут быть приняты на работу. Каждый член заводского коллектива, который заметит какую-либо коммунистическую деятельность, подпольную работу или саботаж членов заводского коллектива, должен немедленно сообщить об этом руководству завода, в противном случае следует наказание... Акты саботажа или намерение к этому будут караться смертью»⁴³. Естественно, любое проявление предательства своих товарищей всячески поощрялось как морально, так и материально.

Несмотря на все широкомасштабные репрессии со стороны оккупантов, на многих промышленных предприятиях успешно действовало советское сопротивление, всячески вредившее врагу. Люди, вставшие на путь борьбы с нацизмом, становились бойцами единого антифашистского фронта. Например, в Лужском районе Ленинградской области шерстевалальный завод выпускал вполне добротные на вид валенки, которые через две-три недели расплзались⁴⁴.

Рабочие Думиничского чугунолитейного завода, узнав о намерениях немцев пустить их предприятие, под видом получения заработной платы разобрали с заводских складов всё имеющееся там оборудование. Таким образом, планы оккупантов были сорваны⁴⁵.

В Ростове-на-Дону группа подпольщиков, работавших на шорнообувной фабрике, испортила 6 тыс. штук свиных кож, 480 кавале-

рийских седел, предназначенных для немецкой армии, и 13 бочек красителей для обработки кож. Подпольщики Ялты сожгли лесопилку, готовившую материал для строительства военных укреплений. В одной из автоколонн было уничтожено 83 автомашины⁴⁶.

И таких примеров проявления патриотизма и ненависти к врагу можно привести сотни.

В тыловых районах оккупантами вводилась всеобщая трудовая повинность. В порядке отбывания трудовой повинности гражданские власти широко привлекали население на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т. п.

В качестве характерного примера можно сослаться на приказ по 20-й пехотной дивизии вермахта от 17 сентября 1941 года, содержащий обращение к жителям Шлиссельбурга. В нем было сказано, что все мужчины в возрасте от 15 до 55 лет должны собраться у комендатуры к 13.00 для направления на работы⁴⁷.

Жителям, уклонявшимся от работ, объявлялось о том, что тот, «...кто отказывается от работы, считается врагом германского государства и будет расстрелян»⁴⁸.

При этом населению постоянно внушалась мысль, что все эти трудности являются временными, поскольку все они вызваны войной.

Но к лету 1942 года даже многие немецкие чиновники признавали исключительно тяжелое положение, в котором находились русские рабочие. В одном из докладов, адресованных в генеральный штаб, говорилось: «Растущие рыночные цены находятся в резком контрасте с получаемой рабочими зарплатой. Недельного заработка не хватает, чтобы удовлетворить самые необходимые потребности в продуктах питания. И если глава семьи еще кое-что получает, то остальные члены семьи буквально голодают. Они вынуждены обменивать на продукты питания последнюю одежду и домашнюю утварь». Даже те рабочие, которые регулярно получали продовольственный паек, постепенно приходили в состояние крайнего истощения. В апреле 1942 года в одном из докладов в Берлин сообщалось: «Часто бывает, что рабочие должны бросать тяжелые работы вследствие истощения от недоедания. Производительность рабочих, которые применяют физическую силу, сильно падает»⁴⁹.

Говоря о будущем государственном устройстве России как независимого, союзного Германии государства, нацистская и коллабора-

ционистская пропаганда утверждала, что «возрождение национальной жизни России будет, безусловно, сопровождаться и быстрым возрождением экономической жизни. Народы России обретут благосостояние, вообще немыслимое при большевиках. Каждый человек получит право пользоваться правами своих трудов, повышать, если он будет честно работать, материальный уровень своей жизни»⁵⁰.

Обычно уже в первые дни оккупации в каждом населенном пункте проводился тщательный учет рабочей силы по профессиям, стажу, возрастам и т. д. В сельских местностях учет проводили волостные старшины, старосты и писари, а в городах – биржи труда. Они, как и различные «отделы по трудоустройству» и «управления труда», занимались отнюдь не свободным наймом на работу. В обязанности этих организаций входило налаживание системы принудительного труда.

Немецкое командование требовало от коллаборационистской администрации регулярных отчетов о количестве работоспособного населения в подконтрольных им районах. Так, начальник Солецкого района Ленинградской области с раздражением писал своим подчиненным в ноябре 1942 года: «Числится работоспособных 12 600 человек, кроме того, женщин и с детьми 4100 человек, работающих для германской армии 6000 человек, а дома на сельхозработках 6600 человек, дома сидят с детьми 3500 человек. Итого: трудоспособных дома 10 000 человек. Обозначенные цифры говорят, что волостные старшины неправы, когда говорят, что нет рабочих для нужд германского командования»⁵¹.

По требованию оккупантов все зарегистрированные работоспособные граждане, проживавшие в городах, обязывались ежедневно утром приходить на биржу труда, уведомлять о смене места жительства, не оставлять и не менять работу без разрешения⁵².

При регистрации на бирже труда каждому явившемуся выдавалась трудовая книжка. Не имеющие трудовой книжки лишались права на получение продовольственных карточек. Таким образом, регистрация на бирже труда являлась фактически принудительной. Через биржи труда проходило привлечение рабочих и служащих в учреждения и предприятия, а также мобилизация в порядке всеобщей трудовой повинности на сельскохозяйственные, дорожные, строительные работы, на торфоразработки, дровозаготовки и т. п. В качестве самого легкого наказания за уклонение от трудовой повинности од-

ним из указов Розенберга предусматривалось заключение в трудовой лагерь⁵³.

После того как в Армавире, несмотря на все приказы, не явилась большая часть работоспособного населения, немцы произвели массовые облавы и вывезли арестованных под станицу Новокубанскую, где их всех расстреляли. За отказ выйти на лесоразработки были уничтожены 207 жителей краснодарского рабочего поселка Михизеева Поляна⁵⁴.

Репрессии за уклонение от работы стали повседневной практикой на всей оккупированной территории России.

Кроме организации работ на оккупированной территории, биржи труда производили совместно с прибывающими из Германии вербовочными комиссиями отбор и отправку русских рабочих в III Рейх. Всего из СССР оккупационные власти отправили 4 млн. 978 тыс. советских граждан⁵⁵.

Массовая насильственная депортация советских граждан была отнесена Международным военным трибуналом в Нюрнберге к разряду военных преступлений и преступлений против человечества.

Угон граждан СССР нацисты рассматривали не как временную кампанию, а как одну из важных функций и неотъемлемое условие деятельности оккупационных властей. При этом полностью игнорировалось международное право. Массовый угон людей на положение рабов в III Рейхе противоречил международным конвенциям, в частности, 46-й и 52-й статьям Гагской конвенции, общим принципам уголовного права всех цивилизованных стран и внутреннему уголовному праву стран, на территориях которых совершались эти преступления⁵⁶.

В течение зимы 1942–1943 годов, особенно после объявления в Германии «тотальной мобилизации», в оккупированных областях прошел переучет всего трудоспособного населения и массовая принудительная отправка рабочей силы в Германию. От отправки освобождались лица, мобилизованные или вступившие добровольно в антисоветские воинские части, в полицию или в «рабочие батальоны», которые использовались на строительстве укреплений и других военных объектов.

Из некоторых волостей оккупационные власти отправляли в Германию поголовно все население, не считаясь с возрастом, состоянием здоровья, семейными обстоятельствами.

О способах набора рабочих, применявшихся в оккупированных районах РСФСР, дают представление следующие примеры. В Таганроге и его окрестностях была проведена регистрация мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет под предлогом выдачи хлебных карточек. Фактически регистрация имела целью выявить квалифицированных рабочих, которые и были отправлены на работу в Германию. Остальные жители были увезены в Донбасс и на правобережье Днепра на строительство различных военных сооружений, а также для восстановления разрушенных при отступлении Красной Армии предприятий⁵⁷.

Летом и осенью 1942 года на территории Смоленской области захватчики развернули широкую кампанию по вербовке населения якобы для поездки на полевые работы на Украину. Особенно усиленно вербовали девушек и одиноких женщин. Всех, изъявивших желание поехать на Украину, отправили на принудительные работы как «добровольцев» в Германию⁵⁸.

В Гдовском и Сланцевском районах Ленинградской области германские комендатуры издали приказы, согласно которым каждый сельский староста должен был назначить определенное число физически здоровых мужчин и женщин для отправки в Германию. Ответственность за явку людей на железнодорожную станцию возлагалась на сельских старост и волостных старшин. За уклонение от поездки в Германию виновные арестовывались и отправлялись в концентрационные лагеря. Из Красногвардейска, Пушкина, Слуцка и других оккупированных городов Ленинградской области немцы вывезли до 60 тысяч человек, при этом некоторым было объявлено, что они переселяются на «родину», так как они будто бы являются потомками немцев, переселившихся в окрестности Петербурга при Екатерине II. При этом им обещались особые льготы в «фатерлянде»⁵⁹.

Волостные старшины и деревенские старосты Солецкого района получили от немецкого командования распоряжение, в котором говорилось о том, что из-за наличия большого количества беженцев запасы продовольствия быстро уменьшаются. С целью решения этой проблемы приказывалось выселить 800 семей из Солецкого района в Прибалтику или в Германию. Обещалось, что «эти семьи будут устроены на сельхозработах и получают хорошую зарплату и достаточное продовольствие». При этом специально оговаривалось: «Выселение этих семей так разложить по деревням, чтобы очистка дорог и заготовка и вывозка лесного материала в Солецком районе не замедля-

лась. Предназначенные для выселения люди должны: а) иметь знания в сельхозработах, б) быть совершенно здоровыми, в) во всех отношениях политически благонадежными. Члены коммунистической партии и ее подразделений, комсомольцы, и все политически неблагонадежные люди к высылке не допускаются»⁶⁰.

Из-за частых побегов эшелоны с рабочими первоначально охранялись в пути вооруженными полицейскими. Так как их сил оказалось явно недостаточно, оккупационные власти были вынуждены привлекать немецких военнослужащих. Так, комендант тылового армейского района 580, находившегося в районе Курска, 16 мая 1942 года издал распоряжение, из которого следовало, что «...на 1 тысячу перевозимых русских рабочих должна выделяться охрана. Численность ее: 1 офицер, 20 унтер-офицеров и караульных. Для выделения охраны в комендатуры регулярно поступают находящиеся в их районах воинские подразделения»⁶¹.

Тяжелые условия работы и жизни в Германии скрывались от населения оккупированных областей. Объявления немецких вербовочных комиссий всячески рекламировали работу в Германии. Молодым людям обещалось, что они смогут получить любую интересующую их профессию на германских предприятиях и даже в будущем поступить в университет⁶².

Добровольно записавшимся обещали заботиться об остающихся семьях, обеспечить питание по существующим в Германии нормам, отдельную комнату, медицинское и культурное обслуживание. Орловская газета «Речь» поместила 9 сентября 1942 года объявление том, что семьям рабочих, уехавших в Германию, будет выдаваться пенсия и талоны на получение три раза в месяц молока⁶³.

Практически все газеты, издаваемые немцами в оккупированных областях, публиковали письма, якобы написанные находящимися в Германии рабочими, которые призывали своих земляков следовать их примеру и ехать в Германию.

Однако до населения доходили известия о непосильном труде, голоде и издевательствах, которым подвергались советские люди в Германии. Вот что говорилось в одном из немецких отчетов о секретной перлюстрации: «Особенно отрицательно воспримется то, что в результате принудительных вербовок женщин отрывают от маленьких детей, а детей школьного возраста – от семей. Те, кого пытаются завербовать, всеми способами стараются уклониться от вывоза в Германию»⁶⁴.

Для того чтобы усилить контроль за контактами между людьми, отправленными в Германию, и их родственниками, на территории России массовыми тиражами стали выходить брошюры «Как писать письма в Германию». «Восточным рабочим» в Рейхе предоставлялись уже готовые бланки с текстами писем на Родину, куда предлагалось вписать только имена тех, кому они будут адресованы⁶⁵.

Весной 1942 года немецкие газеты сообщали, что недостаток рабочей силы ставит под угрозу срыва весенний сев и уборку урожая в Германии. В марте 1942 года в Берлине было принято решение «срочно и в увеличенных масштабах использовать в сельском хозяйстве советских военнопленных и рабочих из оккупированных восточных областей».

Генеральный уполномоченный Рейха по использованию рабочей силы Заукель подчеркнул необходимость «мобилизации всей без остатка рабочей силы». Он установил следующую очередность удовлетворения заявок на рабочую силу, исходя из степени важности различных отраслей деятельности:

1. Германская промышленность и сельское хозяйство.
2. Военно-строительные работы на оккупированной территории.
3. Работы по обслуживанию армии.
4. Различные работы, организуемые германскими гражданскими властями на оккупированной территории.
5. Сельскохозяйственные работы в оккупированных областях⁶⁶.

Для контроля за использованием рабочей силы и организации отправки рабочих в Германию при рейхскомиссарах и германских комиссарах всех низших степеней были созданы специальные отделы. Непосредственно на местах набор производили вербовочные комиссии при содействии бирж труда, административных и полицейских органов. Каждая вербовочная комиссия комплектовалась из представителей определенной германской провинции, для которой производился набор рабочей силы. Определенных результатов им удалось достичь летом-осенью 1942 года на Северном Кавказе. Однако причины готовности некоторой части местных жителей оказывать содействие немцам крылись не столько в успехах немецкой пропаганды, сколько в успехах вермахта и до какой-то степени в советской национальной политике. Из прифронтовой полосы глубиной в 150–300 км было угнано в немецкий тыл или увезено на работу в Германию все трудоспособное население. Исключение делалось только для вступавших в полицию и мобилизованных в антисовет-

ские воинские части. Одновременно немцы реквизировали весь хлеб, продовольствие, скот и личное имущество населения вплоть до мелкой домашней утвари. Спасаясь от террора, тысячи жителей скрывались в лесах. В разграбленных районах оккупанты сжигали дотла все постройки, минировали местность, отравляли колодцы и водоемы, создавая так называемую «зону пустыни».

Сопrotивление вербовке и угону в немецкий тыл для использования в качестве рабочей силы в III Рейхе было в России гораздо более активным, чем на других оккупированных территориях. Вопрос о том, что больше содействовало этому – политическая зрелость, вера в советские идеалы или же осознание той горькой истины, что немцы пришли в качестве колониальных господ, обращавшихся с русскими, согласно одному образному выражению, «как с белыми неграми», остается дискуссионным. Но можно сказать, что все эти факторы в большей или меньшей степени сыграли свою роль.

Анализ как немецких, так и советских документов позволяет сделать вывод о том, что изменившаяся политика не принесла оккупантам желаемого результата. Несмотря на все акции фашистов, как карательные, так и пропагандистские, начался активный рост партизанского движения. Он был связан, во-первых, с победой Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге, во-вторых, с грабительской политикой оккупантов и, в-третьих, с активизацией и изменением форм и методов идеологического воздействия народных мстителей на население.

Партизаны и подпольщики делали все, чтобы не допустить крупномасштабной эвакуации мирного населения и промышленного оборудования в немецкий тыл. Во многом им это удалось. Только ленинградские партизаны сорвали отправку в Германию более четырехсот тысяч советских граждан⁶⁷.

Таким образом, советское сопротивление в тылу врага уменьшало возможности оккупантов по мобилизации людей на работу в Германию и на различные оборонные объекты, лишало их работоспособной части населения. Кроме того, тем самым усиливался мобилизационный потенциал Красной Армии на освобожденных территориях.

Немецкие оккупанты и их союзники делали все, чтобы успешно решить одну из основных своих задач: превращение захваченных областей России в сырьевой придаток III Рейха, а местное население – в рабов на немецких промышленных предприятиях.

Солдат вермахта убеждали в том, что само существование их родины как мировой державы во многом зависит от удержания и освоения областей на Востоке.

Везде, где это было возможно, гитлеровцы стремились использовать захваченные советские предприятия для нужд своей армии. Также ими широко практиковались различные формы изъятия как промышленного оборудования, так и лома черных и цветных металлов.

Для успешного осуществления нацистской оккупационной политики в сфере экономики и промышленности был создан специальный административный аппарат с широкими полномочиями. Немецкие фирмы, а также фирмы стран-сателлитов Германии создавали здесь свои филиалы.

Многочисленные публикации в коллаборационистской прессе о «возрождающемся русском хозяине промышленности» не соответствовали истине. Даже когда во главе предприятия номинально находился местный житель, фактически оно находилось в полной зависимости от немецких тыловых служб.

Ни о каком «свободном труде», базирующемся на «материальной заинтересованности работника», о чем также утверждали немецкие пропагандисты, говорить не приходится. Занятое на промышленных объектах русское население сгонялось туда под страхом многочисленных репрессий, вплоть до смертной казни.

Обещания нацистов показать населению Советского Союза, «как нужно жить и работать на примере III Рейха», вылились в насильственные депортации трудоспособных лиц для использования их на наиболее тяжелых и вредных производствах Германии.

Одним из центральных пунктов фашистской экономической и политической программы являлся тезис об «избыточном населении» Германии. Предполагалось, что немцы получают на Востоке в собственность земельные наделы и неприятельных славянских сельскохозяйственных рабочих. В первую очередь землей в оккупированных областях предполагалось наделять немцев, переселенных перед войной из СССР в Германию, затем участников войны и активистов национал-социалистической партии. Таким образом создавался слой земледельцев-колонизаторов, который должен был стать опорой нацистского режима в России. Эта первоочередная категория в общем контингенте колонистов должна была, по расчетам гитлеровцев, составлять не менее одной трети; приблизительно такую же

долю должны были составлять ремесленники, до 15% – торговцы и до 20% – различные германские руководители и чиновники.

Единое руководство по эксплуатации предполагаемых к захвату областей должен был осуществлять Восточный штаб экономического руководства. Он делился на ряд групп: руководства, использования рабочей силы, сельскохозяйственную. Последняя занималась продовольственным снабжением войск и управляла вывозом сельскохозяйственной продукции в Германию.

При каждом штабе армии имелась хозяйственная группа во главе с офицером – представителем управления военного хозяйства и вооружения. Хозяйственная группа непосредственно подчинялась начальнику штаба армии и являлась связующим звеном между армией и хозяйственными организациями.

Каждой дивизии, несущей охрану района, подчинялись хозяйственные команды. Одна из этих команд являлась головной и осуществляла общее руководство остальными хозяйственными командами в районе дислокации дивизии. Хозяйственную команду возглавлял офицер, в подчинении которого находились специалисты-консультанты по размещению рабочей силы, сельскому хозяйству, промышленности, экономике.

Хозяйственные команды с помощью полевых комендатур должны были осуществить захват продовольственных запасов. Используя имеющиеся средства транспорта, они и комендатуры были обязаны собрать все продовольственные запасы и товары в один склад и обеспечить его охрану. Зерно, оказавшееся в районе боевых действий, предлагалось использовать для снабжения войсковых частей. Запасы же зерна, которые находились рядом с путями сообщений, намечалось срочно вывезти в Германию. Скот предписывалось захватывать и забивать, в первую очередь, для снабжения вермахта. Избыток мясной продукции подлежал срочной отправке в Германию⁶⁸.

Совершенно другое заявлялось русскому населению районов, оказавшихся под немецкой оккупацией. Немецкая пропаганда твердила о том, что «германский солдат несёт в Россию землю и волю»⁶⁹.

Пропагандистский натиск принёс свои результаты: в ряде деревень немцев встречали хлебом-солью как освободителей от колхозов, налогов и репрессий⁷⁰.

«В целом, общество оказалось расколото. Часть населения, как обиженное советской властью, так и растерявшееся, разуверившееся

в успехах Красной Армии, поверила в победу фашистской Германии и надеялась получить всё то, что немцы обещали в своих прокламациях. Большинство заняло выжидательную позицию, но и оно, согласно партизанским разведывательным сводкам, считало, что лучше всё-таки, если бы было единоличное хозяйство»⁷¹, – писали в своих донесениях в центр советские партизаны в начале осени 1941 года.

Советские организационные формы в сельском хозяйстве в первый период оккупации сохранялись, но руководители совхозов, колхозов, МТС, противодействующие оккупантам, немедленно заменялись немецкими ставленниками. Действуя с их помощью, офицеры-уполномоченные по сельскому хозяйству выполняли следующие задачи:

1. Выявляли запасы хлеба, картофеля, овощей и других продуктов, наличие скота, мельниц, пекарен, молочных ферм и т. п. Обеспечивали охрану обнаруженных запасов и объектов и доносили о них в штаб дивизии.

2. Организовывали снабжение своей части картофелем, мясом, овощами, молоком и молочными продуктами до полного удовлетворения потребности.

3. Обеспечивали бесперебойное выполнение полевых и огородных работ, заготовку сена. Проводили репрессии в случае, если крестьяне саботировали сельскохозяйственные работы.

4. Вели учет лошадей и рабочий скот, оставшийся после эвакуации их владельцев⁷².

В начальный период войны нацистские экономисты считали сохранение колхозов и совхозов совершенно необходимым. Они отлично понимали, что производственный процесс в крупных хозяйствах легче держать под контролем, проще изымать произведенную продукцию. Восточный штаб экономического руководства предупреждал своих чиновников, что при разделении колхозов и совхозов на несколько миллионов крестьянских хозяйств влияние немцев на производство сводится к утопии: «Поэтому со всякой попыткой ликвидировать крупные предприятия надлежит бороться самыми жестокими мерами»⁷³.

Из сказанного видно, что колхозно-совхозная система полностью устраивала оккупантов как наиболее оптимальный аграрный придаток тыловых служб вермахта. Именно на ее базе и предполагалось в будущем проводить политику германской колонизации⁷⁴. Все про-

мышленные структуры, имевшиеся в наличии (заводы в городах, технические службы железных дорог, машинотракторные станции), с августа 1941 года официально переходили под контроль и в руки немецких властей⁷⁵.

В качестве руководящей установки офицеры-уполномоченные по сельскому хозяйству уже с конца лета 1941 года получили указание о том, чтобы «все излишки хлеба и картофеля (сверх потребности армии) в возможно большем количестве отправлять в Германию, так как в этих продуктах там ощущается крайняя нужда»⁷⁶.

Сохранение старой системы землепользования летом 1941 года объяснялось немцами тем, что массовое перераспределение земли может привести к голоду, а также привычкой русского крестьянина к колхозу или общине⁷⁷. 27 августа 1941 года это состояние дел было законодательно закреплено в «Положении об общем дворе». Кроме утверждения о том, что «немцы признают исключительно частное имущество, а колхозы придуманы коммунистами, чтобы погубить русское крестьянство», из него следовало, что:

- «1) возвращение царской реакции и помещиков не состоится;
- 2) приусадебный участок и дом остаются в личной собственности владельцев;
- 3) право на собственное хозяйство приобретает тот, кто своей работой доказывает способность к сельскому хозяйству;
- 4) тот, кто самовольно присвоит себе чужую землю, будет строго наказан, а сверх того, он будет лишён своего личного хозяйства;
- 5) за порядок в колхозе (а не в общем дворе. – *Б. К.*) отвечает не только председатель, а и всякий его член;
- 6) объём сданной сельхозпродукции должен быть по всем показателям не ниже прошлогоднего»⁷⁸.

Из кого же предполагалось подбирать кадры для оккупационных органов в русских деревнях? На этот вопрос отвечает инструкция, подготовленная перед началом нападения на Советский Союз трудовым штабом особого назначения. Для работы в центральных хозяйственных управлениях были призваны чиновники германского министерства продовольствия и сельского хозяйства, а также подчиненных ему управлений и организаций. На должности окружных и районных «сельскохозяйственных вождей», местных помещиков-латифундистов намечались зажиточные немецкие крестьяне. Предполагалось привлекать на эту работу не только немцев, живших когда-либо в России и знающих «славянский характер», советских

граждан немецкого происхождения, но и сельских жителей из Голландии, Бельгии, Дании и Норвегии.

В целом руководство общими дворами обычно возлагалось на лиц, имевших немецкое происхождение, «обиженных советской властью» и прежних председателей при условии, что они не допустят падения производства сельхозпродукции. Иногда на эти должности оккупанты назначали местных агрономов. К осени 1941 года немцы не смогли подобрать нужного им количества управляющих. На одного управляющего приходилось иногда по несколько тысяч гектаров земли. В некоторых местах руководство сельскохозяйственными делами осуществлялось непосредственно воинскими частями и комендатурами⁷⁹.

Составив представление о положении дел в вверенном ему хозяйстве, новый руководитель должен был обратиться к подведомственному русскому населению с такой речью: «Люди! С сегодняшнего дня вы находитесь под защитой немецкого военного управления. Мы пришли к вам не как враги. Мы принесли вам порядок и безопасность. В течение двух десятилетий вас угнетали и эксплуатировали, теперь вы снова являетесь свободными людьми. Вы снова будете получать вашу законную заработную плату, которой вы были обманым путем лишены в течение десятилетий. Для того чтобы быстро и прочно улучшить свое положение, вы должны точно выполнять наши постановления и распоряжения. Больше не должно быть бездельников. Если вы не будете продолжать работать, вы вынуждены будете голодать. Кто будет сопротивляться, тот, несмотря на его положение, будет предан самому строгому военному суду»⁸⁰.

Главная роль в организации сбора урожая отводилась окружным «сельскохозяйственным фюрерам». Они подчинялись непосредственно хозяйственной команде. От ее начальника окружной «сельскохозяйственный фюрер» получал все указания и приказы. Связь между ними поддерживалась через полевую или местную комендатуру. Полученные приказания он был обязан передавать районным «сельскохозяйственным фюрерам» и руководителям сельскохозяйственных предприятий. В обязанности окружного «сельскохозяйственного фюрера» также входило составление донесений, предназначенных для хозяйственных команд. Всю свою работу он проводил совместно с местными комендатурами и специалистами по сельскому хозяйству при полевой комендатуре.

В период боевых действий резиденция окружного «сельскохозяйственного фюрера» должна была располагаться в месте дислокации хозяйственной команды. Там же должны были находиться районные «сельскохозяйственные фюреры» и руководители сельскохозяйственных предприятий.

Подобные предосторожности не являлись случайными. Русское крестьянство и советское сопротивление активно боролись с нацистским ограблением российской деревни и теми, кто осуществлял эту политику на практике. В августе 1942 года на совещании у Геринга было доложено, что в России уже убито более 1500 старост⁸¹.

Полных сведений о количестве хлеба, собранного в 1941 году на оккупированной территории, нет. По оценке английского министерства экономической войны, «урожай 1941 года в оккупированных областях СССР был на 40% ниже нормального... В Прибалтийских странах он составлял около 80–90% нормального»⁸².

Провал плана молниеносной войны заставил оккупантов уже с ноября 1941 года изменить свой подход к решению аграрного вопроса. Газеты и листовки, адресованные населению, заостряли внимание на двух основных блоках:

1) Ещё более жёсткое осуждение колхозных порядков в СССР. Противопоставление города и деревни. Анализ трат Советского Союза на содержание коммунистических партий в Европе и Америке. Превращение коммунистов в новый слой эксплуататоров⁸³.

2) Критика системы «общих дворов». Она началась с публикаций в коллаборационистской печати писем русских граждан о том, что «если колхозы будут существовать дальше, то этим Германия разобьет все надежды крестьян по эту и ту сторону фронта... Крестьяне надеются на то, что Германия уничтожит колхозное хозяйство и частная собственность будет снова восстановлена». Выражались пожелания, что если это невозможно сделать в данный момент, то желательно претворить это в жизнь в 1942 году. В тех же номерах газет печатался ответ германской администрации. В нём говорилось, что Адольф Гитлер, узнав о бедах колхозников, заявил: «Существующее до сих пор положение (т. е. колхозы) немецким правительством будет постепенно изменено так, что русский снова станет хозяином своего куса земли». Но процесс переустройства хозяйства, по заявлению оккупантов, нельзя было начинать, не подготовив тщательно новое. Беспорядок – это голод народа⁸⁴.

Учитывая провал уборочных и осенних посевных работ в 1941 году, немцы заблаговременно начали готовиться к весеннему севу 1942 года. В качестве главного организационно-политического мероприятия в новых условиях затянувшейся войны рассматривалось введение так называемого «нового аграрного порядка».

В январе 1942 года нацистские отделы агитации и пропаганды оповестили граждан о том, что при распределении земли лучшие участки должны получить те, кто активно участвует в построении «Новой Европы», т. е. волостные руководители, старосты, полицейские, представители «групп самообороны», активисты.

Одним из главных пунктов фашистской пропаганды стало обещание ликвидировать колхозы. «Старательным и прилежным» крестьянам было обещано сохранить за ними их усадьбы, скот и постройки на правах частной собственности, без уплаты каких-либо налогов.

27 февраля 1942 года «рейхминистерством освобождённых областей» Альфреда Розенберга было опубликовано постановление о новом порядке землепользования. Коллаборационистская пресса восторженно нарекла его «Дар Адольфа Гитлера русскому крестьянству». Он распространялся на оккупированную Германией территорию Советского Союза к востоку от государственной границы СССР 1939 года.

В первой его части отменялись все декреты, законы и постановления советской власти о коллективных хозяйствах. «Примерный устав сельскохозяйственной артели» объявлялся отмененным и колхозный строй ликвидированным.

Конечной целью нового аграрного порядка объявлялась замена колхозов частнособственническими крестьянскими хозяйствами. Однако этот переход предполагалось провести постепенно. На первом этапе реформы колхоз превращался в общинное хозяйство, к которому целиком переходит вся земля, скот и имущество колхоза. Крестьяне не получали индивидуальных земельных наделов и были обязаны обрабатывать земли общинного хозяйства под надзором управляющего, назначаемого немецкими властями и действовавшего по их директивам.

Весь урожай должен был поступать в распоряжение немецких властей, а крестьяне за свою работу получали плату. Размеры и формы оплаты при опубликовании данного распоряжения объявлены не были. Постановление Розенберга объявляло частной собственностью

крестьян только приусадебные участки. Они могли быть увеличены по усмотрению германских властей. В своем приусадебном хозяйстве крестьянам разрешалось без каких-либо ограничений разводить скот. Земля приусадебного участка освобождалась от налогов, но при этом налогами облагался разводимый на приусадебных участках скот, постройки, домашние промыслы и т. п.

На втором этапе реформы общинные хозяйства предполагалось преобразовывать в сельскохозяйственные кооперативы. Пахота и посев там должны были производиться всеми членами кооператива на едином земельном массиве, но уход за посевами и уборка урожая должны были осуществляться каждым двором на своем закрепленном участке, который предоставлялся данному двору из года в год.

Все крестьянские дворы должны были получить одинаковые по размеру участки, независимо от числа едоков или трудоспособных членов. Каждый двор нес ответственность за выполнение агрономических мероприятий, за уборку урожая, за обмолот и хранение хлеба. Правление сельскохозяйственного кооператива составляло планы севооборота, проводило агрономические и хозяйственные мероприятия по указанию или с разрешения германской администрации.

Было объявлено, что при переходе от общинного хозяйства к кооперативу рабочий скот и сельскохозяйственные орудия будут распределены между группами крестьян или отдельными членами кооператива. С кооператива будет взыскиваться натуральный налог, исчисляемый с общей земельной площади. Правление будет распределять налог между членами кооператива, которые несут коллективную ответственность за взнос всего налога. Размеры налога в указе не определялись. Членам сельскохозяйственного кооператива никакой зарплаты не полагалось, но предполагалось, что им будут принадлежать сельскохозяйственные продукты, оставшиеся у них после взноса натурального налога. Приусадебные участки членов кооператива, как и при общинном хозяйстве, не облагались налогами, скотоводство не ограничивалось.

Переход от общинного хозяйства к сельскохозяйственному кооперативу мог произойти только с разрешения немецких властей. Разрешение давалось лишь тем общинным хозяйствам, которые аккуратно выполняли все обязательства по поставкам, правильно (с немецкой точки зрения) вели хозяйство и исполняли распоряжения оккупационной администрации. Политически неблагонадежным членам общинного хозяйства, а также тем, кто не зарекомендовал

себя способным к индивидуальному землепользованию, запрещалось вступать в сельскохозяйственный кооператив.

Третьим и конечным этапом аграрной реформы должно было быть расчленение сельскохозяйственных кооперативов на единоличные крестьянские хозяйства. Осуществление этой стадии переносилось на неопределенный срок.

Вслед за «Новым аграрным порядком» 17 марта 1942 года последовало «Распоряжение № 1 об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах».

Первый раздел «Распоряжения № 1» включал основные положения по созданию общинных хозяйств. Все сельские населенные пункты с их земельными угодьями, животноводческой базой и сельхозинвентарем объявлялись «общинными хозяйствами». С этого момента крестьяне считались наделенными приусадебными участками. Селяне получали звание «хозяева-крестьяне», а члены их семей – «участников общинного хозяйства».

«Распоряжение» обязывало крестьян осуществлять обработку приусадебных участков собственными силами, но общинные земли крестьяне должны были обрабатывать коллективно, с использованием орудий производства, находившихся как в их личном пользовании, так и принадлежащих общине. Во главе общины стояло правление, состоявшее из старшего общинного хозяйства и его заместителя. При правлении вводилась должность бухгалтера или счетовода, отвечавших за состояние бухгалтерского учета.

В порядке исключения «Распоряжение № 1» допускало создание единоличных хозяйств. Но этот процесс был весьма сложным и запутанным и допускался лишь там, где нацисты считали это нужным для себя.

Во втором разделе «Распоряжения № 1» разъяснялось, что пашни и другие основные угодья бывших колхозов относились к «общей земле». Сельскохозяйственный инвентарь делился на «общий инвентарь» (бывшая колхозная усадьба с помещениями и постройками, скот и машины) и «крестьянский инвентарь» (крестьянские дворы, личный скот, мелкий сельхозинвентарь).

Одновременно был опубликован и «Приказ № 2», который потребовал от крестьян в течение семи дней проведения во всех бывших колхозах собраний и создания «общинных хозяйств». Собрания были обязаны проводить бывшие председатели колхозов (где они сохранили свои посты) или сельские старосты. На собраниях обязаны

были присутствовать представители от каждого двора – главы семей. Крестьяне должны были познакомиться с «новым порядком землепользования», распоряжениями германского командования по этому вопросу, а также выбрать правление и дать новое название «общинному хозяйству», если оно до этого носило советское название.

Выборы правления «общинного хозяйства» проводились открытым голосованием. Кандидатуры в члены правления заранее подбирались из числа тех людей, которые за что-либо могли ненавидеть советскую власть или по своим личным качествам заслуживали доверия оккупантов. Правление приступало к исполнению своих обязанностей только после утверждения решения собрания земельным районным управлением.

Выполнение своих приказов оккупационные власти пытались ускорить с помощью приказа № 3 германского главного земельного управления, опубликованного, как и два предыдущих, 23 марта 1942 года. На основании этого приказа осуществлялся раздел колхозной земли и колхозного сельскохозяйственного инвентаря по «общинным хозяйствам».

Согласно приказу, «общинные хозяйства» создавались в пределах старых границ деревни и принадлежащих ей земель. Колхозные постройки и инвентарь на время переходили в собственность «общинного двора», который нес ответственность за его сохранность до того времени, пока земельное управление не примет приказа о его разделе.

Стремясь придать характер равного распределения инвентаря между «общинными хозяйствами», оккупанты разрешали передавать часть инвентаря из более обеспеченных сел менее обеспеченным. Часто это делалось без учета желаний законных владельцев.

Приказом № 4 от 23 марта 1942 года германское главное земельное управление запретило крестьянам проводить самовольный раздел пастбищ, пустырей, садов, питомников и огородов крупного размера. Разделу также не подлежали школьные участки и леса. Уход и контроль за этими сельскохозяйственными угодьями и их обработку приказывалось проводить сообща.

Приказом № 5 от того же 23 марта 1942 года вводилась единая система сельскохозяйственных поставок – так называемый «натуральный военный сбор». Его крестьяне должны были выполнять с 1 апреля 1942 года по 31 марта 1943 года. Размер поставок для общинных хозяйств устанавливался земельным управлением, «общины», в

свою очередь, распределяли общую сумму сбора по крестьянским дворам.

В этом приказе нормы сдачи сельскохозяйственной продукции и их цены не были точно установлены. Крестьянам только обещали оставить для собственного потребления или продажи все, что они произведут сверх «военного сбора». Поскольку не был известен размер и формы оплаты за работу в общинном хозяйстве, единственным определенным источником существования крестьянина оставался приусадебный участок и немногочисленный скот, который мог быть прокормлен на этом участке. Но и этот источник существования фактически ничем не был защищен от конфискации и поборов. С марта 1942 года началось официальное преобразование колхозов в общинные хозяйства, массовое назначение немецких управляющих и торжественное вручение грамот о передаче приусадебных участков в единоличную собственность. К лету 1942 года эти мероприятия на Северо-Западе и в Центральной России были в основном закончены.

Весь этот комплекс документов трактовался как «конец колхозной системы, начало свободного и здорового сельского хозяйства». Населению разъяснялось: «Почему государство ждёт от каждого своего крестьянина, прежде всего, крайне высокой требовательности к самому же себе? Требовательность к себе, личная инициатива, прилежание необходимы нам для того, чтобы получить в будущем времени от государства право на землю. Кто трудится с прилежанием, тот сам доказывает, что он может достигнуть большего, т. е. что его можно наделить большим имуществом и облечь большей ответственностью»⁸⁵.

Весной 1942 года активизировалась нацистская пропаганда, направленная на сельское население. Стало выходить гораздо больше наименований печатной продукции. В разнообразных «сельскохозяйственных календарях» портреты Адольфа Гитлера и биографии национал-социалистических бонз соседствовали с рекомендациями по повышению урожайности различных агрокультур.

Можно сделать вывод, что основной упор аграрной политики нацистов делался на расслоение русского крестьянства, его разложение. Как следует из фашистских газет и листовок, а также из партизанских донесений, те жители, которые лояльно и сочувственно относились к захватчикам, пользовались рядом льгот и преимуществ. Во-первых, было объявлено, что они раньше других перейдут на единоличное хозяйство, они же получали права на торговлю в горо-

дах и возможность закупок земельных, сенокосных и лесных участков. Во-вторых, им оказывалась помощь со стороны немецкой администрации путём предоставления лошадей, сельхозинвентаря и зерна во время посевной. В-третьих, им снижались или вообще отменялись некоторые виды налогов. Активно поощрялась и рекламировалась тенденция обогащения этой группы населения – строительство ими мельниц и новых домов, возвращение имущества, изъятого органами советской власти⁸⁶.

Во всех захваченных областях немцы награждали земельными наделами местных жителей, участвующих в борьбе против партизан. Предателям давали наделы земли от 11 га (в Орловской области) до 25 га (в Псковском уезде). В отдельных случаях немцы обещали еще более высокие земельные награды. Так, например, за поимку командиров партизанских отрядов, действовавших в Обоянском и Кривцовском районах Курской области, в марте 1942 года было обещано по 4000 марок и до 100 га земли. Отдельно оплачивалась любая информация о народных мстителях⁸⁷.

В оккупированных районах РСФСР порядок землепользования, размеры полевых и приусадебных участков, распределения урожая отличался большой пестротой. Поскольку на этой территории не было единой гражданской администрации, каждая местная комендатура вводила свои произвольные порядки.

В феврале 1942 года газеты и листовки, которые выходили в оккупированном нацистами Орле, призывали сельское население повышать производительность труда, серьезно, ответственно и с пониманием относиться ко всем требованиям германского командования. Лишь при неукоснительном соблюдении всех этих условий, писали коллаборационистские журналисты, русские крестьяне в недалеком будущем смогут получить право на частное обладание землей. Крестьян призывали соревноваться друг с другом: кто сможет больше произвести сельхозпродуктов. «Передовикам» обещалось предоставить большой надел и дать определенные льготы⁸⁸.

В Центральной России оккупанты предложили создать два вида крестьянского землепользования: единоличное землепользование и общинное землевладение. Предусматривалось, что «каждый крестьянский двор был бы обеспечен, исключительно в зависимости от трудолюбия и способности своих владельцев, плодами своей индивидуальной работы».

Единоличное землепользование предусматривало общую обработку земли и общий сев на больших объединённых земельных участках. Уход за этими участками, сбор урожая и реализация его передавались в руки отдельных семейств. Для этой цели производилось разделение участков на отдельные полосы. Предполагалось, что эти полосы из года в год будут выделяться одним и тем же семействам. После совместной обработки и посева семья должна была брать на себя ответственность за выделенный участок земли.

Немецкие пропагандистские службы утверждали, что переход от общинных землевладений к единоличному землепользованию может совершиться только постепенно, «так как коммунистический период в России привёл очень многие колхозы в такое состояние, что немедленный переход всех дворов невозможен. В таких случаях община обрабатывает свои земли совместно, всеми своими трудоспособными членами».

Возможность получения русскими крестьянами права частной собственности на землю оккупантами не отрицалась. Но она оговаривалась множеством условий:

1. Подача соответствующего заявления германскому управлению от конкретного крестьянина.

2. Согласие могло быть получено только в тех случаях, когда вся община добросовестно исполнила свои обязательства по отношению к германскому управлению.

3. Политически неблагонадёжные и неспособные члены общины не могли получить право на земельный надел⁸⁹.

При этом все налоги и сборы определялись исключительно немецкой стороной.

Осуществляя свою политику в сельском хозяйстве, оккупанты стремились создать такую систему, которая позволила бы накормить как солдат вермахта, так и значительную часть гражданского населения в Германии, а также создать стратегические запасы продовольствия.

Для осуществления этих планов во Псковском уезде каждому двору передавались в единоличную собственность полосы размером от 0,75 до 2,5 га в зависимости от числа едоков.

Во Восточном районе Смоленской области весь урожай был ссыпан в общие амбары якобы с целью спасения его «от разбазаривания», а крестьянам выдавалось лишь по 3,5 кг зерна в месяц на едока.

В оккупированных районах Ленинградской области была введена индивидуальная форма землепользования, но в одних районах земля нарезалась по числу едоков (Сланцевский район), а в других – на все дворы выделялись одинаковые участки (Гдовский район). Незначительная часть колхозного инвентаря и скота раздавалась в этих районах крестьянам, но большая часть реквизировалась воинскими частями. На Северном Кавказе (в Майкопском, Гиагинском, Пашковском и других районах) немцы создавали так называемые «десятидворки» для совместной обработки земли. На каждую десятидворку они оставляли одну-две лошади, на каждую семью – по 1 пуду муки и зерна, а весь остальной скот и продовольствие конфисковывались.

В Белгородском и Ивнянском районах Курской области было выделено по 0,25 га на каждый двор в качестве приусадебного участка и полевые наделы по 0,08 га на каждого трудоспособного члена семьи. Остальная земля оставалась за общинным хозяйством, которое именовалось здесь «экономией». Крестьяне обязаны были три дня в неделю работать на земле экономии, а остальное время могли использовать для обработки своих наделов. Хлеб на землях экономии был поделен на корню пропорционально числу трудоспособных членов каждой семьи. В других районах Курской и Орловской областей хлеб также делился на корню, но всем дворам выделялись равные доли, независимо от числа трудоспособных членов. Наконец, в отдельных селах Курской области крестьянам было выдано по 20 кг зерна, а весь остальной хлеб предназначался для сдачи немцам. Семьям красноармейцев и членов ВКП (б) хлеб не выдавался⁹⁰.

Кулаки же, вернувшиеся после оккупации на старое местожительство, получали повышенный продовольственный паек. Кроме того, немцы вернули, где это было возможно, лицам, пострадавшим от советской власти, их прежние усадьбы или обязывали односельчан строить для них новые дома. Наиболее радикально этот вопрос был решен в Локотском округе. 23 июня 1942 года Бронислав Каминский издал специальный приказ. В нем говорилось о том, что при раскулачивании у крестьян советской властью с нечеловеческой жестокостью производилось изъятие построек, скота, сельхозинвентаря и другого имущества. «В целях восстановления справедливости» всем категориям репрессированных (к ним относились раскулаченные, твёрдозаданцы и другие обиженные советской властью) безвозмездно возвращались принадлежавшие им ранее постройки всех

видов: жилые дома, сараи, риги и прочее, а также сельхозинвентарь: молотилки, веялки, жатки, сеялки и подсобно-промышленные предприятия: мельницы всех видов, шерстобойки, крупорушки, просорушки и прочее. Если ранее отобранные постройки были уничтожены, то репрессированным советской властью предоставлялись взамен равноценные из бывших колхозных строений в целом виде или частично. Если же дома были проданы, перестроены или использованы для общественно-полезных нужд: на постройку школ, больниц, нужных для общества складов и бань, – то им отпускаясь бесплатно лесоматериал с вырубкой и вывозкой за общественный счёт⁹¹.

Немецкая пропаганда весной 1942 года выдвинула на оккупированной территории России лозунг: «Судьба этого года войны находится в Ваших руках – русские крестьяне!»

Так как активная идеологическая обработка сельского населения не принесла тех результатов, на которые рассчитывали немецкие пропагандисты, решающую роль стал играть силовой фактор. Как мобилизованные, так и местные жители работали в сельском хозяйстве под надзором полиции и немецких управляющих. Последних к лету 1942 года во всех оккупированных областях насчитывалось от 13 до 16 тысяч человек⁹².

За ходом введения «нового аграрного порядка» следили не только тыловые службы вермахта, но и СД. Нацистские спецслужбы интересовали многие вопросы, связанные с реакцией русского населения на «Закон Розенберга». Они требовали от различных оккупационных чиновников и своей агентуры предоставления им подробной информации, не реже двух раз в месяц о ходе аграрной реформы, а также сведений о положительной и отрицательной реакции русского населения на этот комплекс мероприятий. Обязательным в отчетах было наличие цифрового материала и сравнение его с прежними показателями⁹³.

Представители советского сопротивления, находившиеся на временно оккупированных территориях, подвергли немецкий закон «О твёрдом и трудолюбивом крестьянине» жесточайшей критике. Согласно этому закону, любой хозяин, систематически не выплачивающий налоги, мог лишиться всего своего имущества. Партизаны писали: «В этом году у тебя выйдет, но будет случай, когда тебе не под силу будет выплатить налог, и твоё имущество с землёй будет отобрано. Ты станешь батраком. Таким образом будут создаваться кадры для будущих немецких помещиков»⁹⁴.

Анализ документов позволяет согласиться с партизанским донесением о том, что к лету 1942 года «крестьяне поняли, что немцы – не друзья им. Они ждали родную Красную Армию, ждали советскую власть». Но при этом отмечалось, что «частнособственническую психологию крестьянина немцы разбудили. При оккупации она несколько проснулась. Население нам постоянно говорило: “Как бы что другое, а не колхоз”»⁹⁵.

Боевые действия на фронтах Великой Отечественной войны и обострение ситуации в тылу у вермахта заставили германскую администрацию к концу 1942 года приступить ко «второй степени реформы». В ней предполагалось перейти к иной форме землепользования – единоличное хозяйство на основе земледельческого товарищества. Закон предусматривал раздел между группами крестьян или отдельными крестьянскими хозяйствами производственного и тяглого скота и сельскохозяйственных машин и давал право единоличной обработки и сбора урожая. Было предусмотрено, что животноводство при этом порядке землепользования ведётся исключительно единолично и не подлежит никаким ограничениям.

С 1943 года начинается третий этап аграрной политики оккупантов. В этот период нацисты намеревались осуществить переход от «общинных хозяйств» к «товариществам по обработке земли», а в Северо-Западных районах РСФСР ввести отрубную и хуторскую систему и сделать попытку перехода на единоличное владение землей.

Ведомства А. Розенберга и Й. Геббельса подготовили специальный секретный документ для хозяйственных и военных организаций, получивший название «Пропагандистское толкование аграрного порядка». В разделе документа «Общее рассмотрение аграрного порядка с точки зрения пропаганды» исследовались основные направления пропагандистской работы оккупационных органов, рассматривались допущенные ошибки и давались директивные указания по дальнейшему проведению нацистской аграрной политики в оккупированных районах Советского Союза. Немецкие пропагандисты отнесли к ошибкам 1942 года то, что «в пропаганде не были выделены основные вопросы». К главным проблемам, которые волновали крестьян, они теперь относили следующие: «Коллективное или единоличное хозяйство? Будут ли распущены колхозы? Произойдет ли раздел колхозной земли между крестьянами?»⁹⁶.

В условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне 3 июня 1943 года немцами была обнародована декларация «О частной собственности на землю». Объявлялось, что «в освобождённых областях начался переход на хутора и отруба. Отруб и хутор – это та форма землепользования и землевладения, которая займёт преимущественное место в сельском хозяйстве будущей новой свободной России»⁹⁷. Нацисты рассчитывали, что этот закон сможет повернуть ход войны. Для этого готовились крупномасштабные акции по распространению информации о нем по обе стороны линии фронта.

Указ о формах землепользования на востоке, подписанный Альфредом Розенбергом, декларировал «поощрение и защиту частной собственности». Объявлялось, что земля переходит в личное пользование крестьян. При этом отмечалось, что «право на землю имеют все, кто обрабатывает её своим трудом... в том числе лица, временно отсутствующие: находящиеся на военной службе как в вермахте, РОА, так и в Красной Армии, эвакуированные или увезённые большевиками, а также занятые в настоящий момент на работах в Германии или находящиеся в плену...»⁹⁸.

Намеченные оккупантами пропагандистские мероприятия и директивные указания в 1943 году были направлены на дальнейшую эксплуатацию сельского населения, получение бесплатной сельскохозяйственной продукции для вермахта и населения Германии. Но значительно изменился тон, которым нацисты говорили с русским крестьянином. На смену приказам, угрозам и презрительным рассуждениям о «миссионерской роли немцев среди славян» пришло заигрывание и призывы «стать верным союзником в борьбе с жидобольшевизмом». Теперь в декларациях, обращенных к сельскому населению, появились такие выражения: «крестьянство как передовой слой населения», «русский крестьянин должен быть достоин великой чести – работать на собственной земле». Жителей деревень запугивали не только тем, что «большевики возродят колхозы», но и ссылкой в Сибирь и сталинскими лагерями.

Провал этой хорошо задуманной акции можно объяснить тем, что в 1943 году за немецкими словами и делами не было никакой реальной основы. На практике захватчики стремились всячески увеличить все виды поборов с крестьян. Так, в приказе по Смоленской области от 28 апреля 1943 года оккупационные власти писали: «Если в 1943 году военный сбор по птицеводству исчислялся в зависимости от поголовья птицы в хозяйстве, то с 1 сентября 1943 года сдача

птицы и яиц будет производиться каждым крестьянским двором независимо от того, имеется ли птица в хозяйстве или нет»⁹⁹. В другом приказе отмечалось: «План мясопоставок с 1 сентября 1943 года по 31 августа 1944 года будет доведен до каждого двора, таким образом, участвовать в нем будут не отдельные лица, а все члены общин независимо от того, имеют ли они животных или нет»¹⁰⁰. В этих условиях все шире практиковалась коллективная ответственность деревенских жителей при сдаче оккупационным властям различных продуктов питания.

В конце 1943 года в районе действий группы армий «Север» оккупанты заявили, что хотя уходить и не собираются, обеспечить полную защиту крестьян от «бандитов» они не в состоянии. Для «спасения» личного имущества было издано постановление конференции северных комендатур от 23 декабря 1943 года. По нему весь скот и сельхозинвентарь изымался под защиту германской армии. Предполагалось повесить бирки и весной всё вернуть владельцам¹⁰¹.

Начавшаяся депортация гражданских лиц и реквизиции в пользу вермахта заставили последних сомневающихся последовать советам сопротивления. Как писалось в партизанских донесениях: «Грабёж немцев-солдат был при наступлении, затем немецкое командование начало с этим бороться. 1942 год – самый благоприятный в этом отношении. Фашисты играли с нашим населением до движения фронтов. Как стало ясно, что территорию придётся оставлять, начался ничем не прикрытый разбой»¹⁰². Это было явным симптомом провала нацистской оккупационной политики в сельском хозяйстве.

Следует признать, что немецко-фашистская аграрная политика в начальный период войны дезориентировала значительную часть населения. Во многом это связано с перегибами в проведении коллективизации сельского хозяйства в СССР, которые были характерны насильственным вовлечением крестьян в коллективные хозяйства. Но, несмотря на все это, гитлеровские захватчики не смогли добиться главного – ритмичного и все возрастающего поступления продуктов питания из российской деревни ни солдатам вермахта, ни гражданскому населению Германии.

Таким образом, на оккупированной территории России миллионы людей были вовлечены в экономический коллаборационизм. Однако лишь немногая часть из них активно помогала гитлеровцам в деле насаждения «нового порядка» в промышленности и сельском хозяйстве.

Примечания

- 1 Цит по: Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 161.
- 2 Цит по: **Загорулько, М. М.** Крах плана «Ольденбург» / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. М., 1980. С. 52.
- 3 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 4 Там же.
- 5 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 8.
- 6 **Земсков, В. Н.** Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1986. С. 24.
- 7 **Загорулько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 156.
- 8 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. С. 126.
- 9 **Загорулько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 218.
- 10 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 27. Л. 39.
- 11 Там же. Л. 40.
- 12 АУФСБСО. Д. 41586. Л. 36.
- 13 ГАНО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.
- 14 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.
- 15 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 16 ГАСО. Ф. 2573. Оп. 3. Д. 35. Л. 76.
- 17 Там же.
- 18 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 75.
- 19 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 20 Новый путь. 1943. 15 июля.
- 21 АУФСБСО. Д. 17214. Л. 56–56 об.
- 22 ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 14.
- 23 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 24 Речь. 1942. 20 апреля.
- 25 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 26 Там же.
- 27 **Загорулько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 153.
- 28 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). С. 194.
- 29 Промышленность Германии в период войны. 1939–1945 гг. М., 1956. С. 50.
- 30 Цит по: **Загорулько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 163.
- 31 На переломе. 1943. № 3. С. 99.
- 32 Там же. Л. 100.
- 33 Речь. 1942. 5 октября.
- 34 За Родину. 1942. 28 марта.
- 35 АУФСБКО. Д. 437. Л. 182–182 об.
- 36 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 37 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). С. 187.
- 38 Цит. по: Преступные цели – преступные средства. М., 1985. С. 191.

- 39 Нюрнбергский процесс. М., 1957. Т. 1. С. 493.
- 40 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов
- 41 История советского рабочего класса. В 5 т. Т. 3. М., 1984. С. 270.
- 42 АУФСБСО. Д. 22325. Л. 68.
- 43 Цит. по: **Земсков, В. Н.** Ведущая сила всенародной борьбы. С. 30.
- 44 **Дмитриев, И. Д.** Записки товарища Д. Л., 1969. С. 275–276.
- 45 ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13. Л. 22 об.
- 46 Советские партизаны. С. 434–435.
- 47 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). С. 238.
- 48 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.
- 49 Цит по: **Загорюлько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 176.
- 50 Речь. 1942. 6 марта.
- 51 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- 52 **Земсков, В. Н.** Ведущая сила всенародной борьбы. С. 27.
- 53 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 54 Герои подполья. М., 1970. Вып. 1. С. 512–513.
- 55 Немецко-фашистский оккупационный режим. С. 161.
- 56 **Земсков, В. Н.** Ведущая сила всенародной борьбы. С. 179.
- 57 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 58 **Загорюлько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 326.
- 59 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 146.
- 60 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.
- 61 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). С. 376.
- 62 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 63 Речь. 1942. 9 сентября.
- 64 **Мюллер, Р.-Д.** Насильственное рекрутирование «восточных рабочих» (1941–1944) // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 612.
- 65 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.
- 66 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 67 Советские партизаны. С. 79.
- 68 **Гриднев, В. М.** Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). С. 56.
- 69 АУФСБНО. Д. 1/7187. Л. 14.
- 70 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.
- 71 Там же. Д. 201. Л. 91.
- 72 Там же.
- 73 **Гриднев, В. М.** Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). С. 63.
- 74 **Безыменский, Л. А.** Разгаданные тайны третьего рейха. М., 1984. Т. 1. С. 346.
- 75 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 8.
- 76 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 77 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 135. Л. 15.

- 78 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 8–15.
- 79 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 16.
- 80 **Гриднев, В. М.** Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). С. 64.
- 81 **Безыменский, Л. А.** Гитлеровские генералы – с Гитлером и без него. М., 1964. С. 276.
- 82 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 83 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 14.
- 84 Там же. Л. 10.
- 85 Речь. 1942. 25 февраля.
- 86 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 212. Л. 2.
- 87 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов
- 88 ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
- 89 Там же. Л. 112.
- 90 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов
- 91 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
- 92 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов
- 93 ГАСО. Ф. 2573. Оп. 3. Д. 118. Л. 17.
- 94 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 84.
- 95 Там же.
- 96 **Гриднев, В. М.** Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики (1941–1944). С. 143.
- 97 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1721. Л. 18.
- 98 Там же.
- 99 ГАСО. Ф. 2573. Оп. 3. Д. 30. Л. 48.
- 100 Там же. Л. 52.
- 101 ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 25–29; ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 84.
- 102 ГАНИНО. Ф. 185. Оп. 3. Д. 12. Л. 1.

Административный коллаборационизм

Высшим органом III Рейха по управлению захваченной советской территорией являлось министерство по делам оккупированных областей на Востоке (Восточное министерство), учрежденное указом Гитлера 18 ноября 1941 года. Во главе министерства стоял бывший подданный Российской империи, один из ветеранов нацистского движения Альфред Розенберг, его заместителем и постоянным представителем на оккупированной территории являлся Альфред Мейер.

Для административных органов в оккупированных районах РСФСР первоначально немцы собирались готовить кадры из числа белоэмигрантов, с которыми представители национал-социалистической партии имели контакты еще в 20-е годы. Перед войной в Германию были приглашены различные представители русской антикоммунистической эмиграции из Харбина, Шанхая, Бостона, Парижа, Белграда, Софии и Бухареста¹.

Эти люди проходили подготовку на специальных курсах, где изучалась советская конституция, организация сельского хозяйства в СССР, отдельные города и районы, состав советских и партийных работников. До и после начала войны среди них подыскивались и подготавливались кандидаты в «русское правительство», которое явилось бы в глазах населения более авторитетной силой, чем немецкие оккупационные службы. Созданный немцами в Варшаве еще до войны, Русский национальный комитет вскоре после начала

войны был переведен в Берлин. Он рассматривался некоторыми западными газетами как попытка создать русское «квислинговское» правительство. Но уже к концу 1941 года его деятельность практически прекратилась. Даже не приступив к своей работе, комитет оказался ненужным для нацистов.

На совещании в штаб-квартире 16 июля 1941 года Гитлер следующим образом обосновал необходимость нового административно-территориального деления на оккупированной советской территории: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как это нам нужно, с тем, чтобы суметь, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать ее»².

Заигрывание со славянами, осуществление на практике пропагандистского лозунга «создание новой России – государства, свободного от большевиков» в условиях успешного осуществления плана молниеносной войны казалось руководству III Рейха не только непозволительной роскошью, но и ошибкой. Но подготовленные кадры из числа эмигрантов затем стали активно использоваться в пропагандистских службах, полиции, в спецслужбах и в различных подразделениях коллаборационистской «новой русской администрации» на второстепенных постах.

19 октября 1941 года обер-квартирмейстер при командовании 16-й армии вермахта выпустил циркулярное письмо «О списке гражданских лиц, настроенных лояльно к Германии». В нем говорилось, что «новое политическое деление русского населения наталкивается на этой стадии оккупации на особенные трудности. На политических основаниях в новом строительстве не могут быть использованы ни эмигранты, ни их потомки, несмотря на их однозначно антибольшевистские настроения»³.

Изменившееся отношение нацистов к антибольшевистской эмиграции объясняется во многом рекомендациями, которые исходили от ведомства Геббельса. Советская пропаганда в начале войны заявляла о стремлении гитлеровцев вернуть в Россию «помещиков и капиталистов, сбежавших после революции на Запад». Ставка на антисоветские элементы из числа граждан СССР должна была показать русскому населению обратное. Также оккупанты отлично понимали, что люди, почти двадцать лет прожившие за границей и не знающие реалий советского общества, вряд ли смогут стать их действительными помощниками.

Оккупационные власти применяли дифференцированный подход к населению (не в последнюю очередь по критерию «расовой полноценности»), определенная часть привлекалась к сотрудничеству. Все это было направлено на достижение единственной цели – установление в России долговременного господства Германии.

25 января 1942 года Альфред Розенберг дал интервью газете «Кракауэр цайтунг», в котором шла речь «о будущем Восточных земель».

Имперский министр высказал в этой беседе свои мысли о современном и будущем положении европейского Востока и, в первую очередь, Имперского комиссариата Восточных земель. По его мнению, союз СССР, Великобритании и США в случае победы над Германией привел бы народы Европы к прямому физическому уничтожению, упадку культуры и установлению кровавого режима⁴.

Следовательно, как писала пронацистская пресса, все жители «Новой Европы» должны объединяться в борьбе с «англо-американо-советской опасностью»⁵.

Но что касается будущего России, (причем это слово ни разу в его интервью не прозвучало), Розенберг отделался весьма расплывчатым заявлением: «До окончания военных действий невозможно окончательно установить политическую форму. Тут играют роль различные факторы, которые должны быть приняты во внимание: история отдельных областей, традиции различных обществ, образ поведения краёв и народов, которые находятся ныне под германским управлением, а также множество других моментов. Наша задача, а тем более задача всех других состоит только в том, чтобы упорным трудом применить к общему положению, мобилизовать всевозможные силы, чтобы обеспечить защиту Восточных областей, а германским вооружённым силам доставить всё необходимое. Готовность к честной работе и результаты её будут решающим моментом в подготовке будущего правопорядка»⁶.

Территория Советского Союза, захваченная вермахтом, подчинялась как военной (оперативная область), так и гражданской (области гражданского управления) администрации. Особые права получили уполномоченный по четырехлетнему плану Герман Геринг и рейхсфюрер СС, начальник немецкой полиции Генрих Гиммлер. Руководство экономикой в оккупированных областях осуществлялось штабом по управлению экономикой «Ост». Службы СС и полиции не ограничивались выполнением своих непосред-

ственных функций, их влияние на захваченных территориях в ходе войны постоянно возрастало⁷.

Во главе военной администрации стоял генеральный квартирмейстер верховного командования сухопутных войск. Общая ответственность за гражданское управление возлагалась на Имперское министерство по делам оккупированных Восточных областей.

Занятые немецкими войсками советские районы указом Гитлера от 17 июля 1941 года были разделены на рейхскомиссариаты, генеральные округа, области и округа, районы (уезды), во главе которых были поставлены рейхскомиссары, генеральные комиссары, гебитскомиссары и районные комиссары.

Имперский комиссариат «Московия» особенно беспокоил гитлеровцев. Он должен был, по их расчетам, состоять из семи генеральных комиссариатов: в Москве, Туле, Горьком, Казани, Уфе, Свердловске и Кирове. Для того чтобы «Московия» занимала как можно меньшую территорию, ряд областей с русским населением гитлеровцы собирались присоединить к соседним комиссариатам. Так, к «Остланду» (т. е. к Прибалтике) должны были относиться Новгород и Смоленск; к комиссариату «Украина» – Брянск, Курск, Воронеж, Краснодар, Ставрополь и Астрахань.

Захватчики хотели, чтобы исчезло само понятие «Россия». Гитлер неоднократно заявлял, что слова «Россия», «русский», «русское» необходимо навсегда уничтожить и запретить их употребление, заменив терминами «Московия», «московское»⁸.

В первые же дни оккупации советской территории нацисты ликвидировали не только все органы советской власти, но и административное деление, существовавшие до начала войны. В основу нового административного устройства территории они положили не соображения, соответствующие национальности, экономическому и культурному развитию населения, а стремление к максимальному использованию экономического потенциала, закабалению граждан нашей страны⁹.

По мере наступления германских вооруженных сил в 1941 году вся оккупированная территория России была разделена немецкими властями на три зоны.

В первой, так называемой «эвакуированной зоне», глубиной в 30–50 км, непосредственно примыкавшей к району боевых действий, административный режим был наиболее строг и жесток. Все мирное население из этих районов принудительно отселалось в

немецкий тыл. Переселенцы размещались в домах местных жителей или в лагерях, в нежилых помещениях, свинарниках, сараях. Питания в большинстве случаев они никакого не получали или получали самый минимум. В Чудовском лагере Ленинградской области в 1942 году переселенцам давали только один раз в сутки жидкую баланду. Из-за голода и болезней в лагерях была очень большая смертность¹⁰.

Из второй зоны жители не выселялись, но появление вне своих домов им разрешалось только в светлое время суток. Выход в поле по хозяйственным надобностям допускался лишь под конвоем немецких солдат. Такие зоны оккупанты часто создавали в районах активных действий партизанских отрядов и соединений.

В третьей зоне сохранялся общий режим, установленный нацистами на оккупированной территории.

Начиная с первых дней боевых действий, в прифронтовой полосе административные функции выполнялись непосредственно германскими военными комендатурами при помощи коллаборационистов: сельских старост и волостных старшин.

В тыловых районах создавались более усовершенствованные и разветвленные административные учреждения, но не объединенные, однако, в единую систему. Даже в условиях оккупации западных областей России нацисты не хотели создавать на этой территории какое-либо подобие государства-сателлита.

Но при этом, стремясь максимально подчинить себе население, нацисты создавали органы так называемой «новой русской администрации», к работе в которой они привлекали лиц, готовых сотрудничать с ними. Немецко-фашистские захватчики отлично осознавали, что только при действенной работе органов местного самоуправления можно успешно использовать потенциал оккупированных территорий.

С лета-осени 1941 года на оккупированных территориях России начался процесс создания пронацистских структур управления. Уже в первые недели оккупации немцы в обязательном порядке организовывали «съезды волостных и уездных бургомистров». На них проверялась укомплектованность органов «новой русской администрации». Официально в средствах массовой информации объявлялось, что целью подобных совещаний является «выработка порядка регулярного снабжения населения продуктами питания,

топливом, организация судебной и административной власти, работа школ, больниц, ветеринарного и пожарного дела»¹¹.

На практике же присутствующие на этих собраниях немецкие офицеры ориентировали, в первую очередь, «новых хозяев русских городов и деревень» на активное содействие в сборе продовольствия для германской армии и борьбу с советским сопротивлением.

Наибольшее доверие оккупанты испытывали к людям, репрессированным при советской власти. Чекистские группы, действовавшие зимой 1941–1942 годов на территории Ленинградской области, докладывали в Центр о следующем: «Старосты подбираются из антисоветского элемента: бывших купцов, лиц духовного звания, предателей из числа финнов и эстонцев.

В городе Любань старостами назначены:

1. Словцов М. А. – бывший певчий клироса (староста города).
2. Арсентьев Н. – родственники служили в жандармерии, староста участка.
3. Егоров В. Н. – состоял в церковной двадцатке.

В деревнях Красногвардейского района старостами стали бывший торговец, бывший белогвардеец, эстонец, финн»¹².

Параллельно с этим в ряде районов (в первую очередь, на Псковщине, Новгородчине и Брянщине) силами партизан и подпольщиков в конце 1941 года удалось восстановить и сохранить органы советской власти.

Наиболее крупной территориальной единицей, созданной оккупантами, являлся административный округ. Так были организованы Орловский и Брянский округа. Аналогичное значение имел и Псковский уезд. В Орле, Брянске, Новгороде и Смоленске существовали городские управы, а во Пскове – уездная управа. Эти учреждения подчинялись местным германским военным комендатурам. Управы действовали под руководством «городского головы», или «обербургомистра». Иногда оккупантами организовывались «выборы главами хозяйств» бургомистров (обычно из нескольких кандидатов, которые могли доказать, что будут верно служить «новому порядку»), но гораздо чаще их просто назначали немецкие власти.

Начальник окружного управления непосредственно подчинялся представителю немецкого командования и получал от него указания, приказы и распоряжения. Он обязывался сообщать нацистам о настроении и положении населения. На проведение любых окружных и городских мероприятий им должно было быть получено разреше-

ние немецких властей. Этот чиновник являлся административным начальником всех подчинённых ему районных бургомистров и старост¹³. Аппарат окружного управления делился на 9 отделов, которые взаимно не подчинялись один другому. Главным отделом считался общий. Он ведал вопросами суда, нотариата, подданства, ЗАГСа, снабжения населения продуктами питания. К функции полицейского отдела относилась организация полиции и её структура, противопожарная охрана и охрана зрелищных предприятий, адресно-паспортный стол, контроль за собраниями граждан. Третий отдел ведал финансами и налогами, их сбором и начислением. Остальные подразделения считались второстепенными. Реальной власти они не имели, и работа в них велась в основном на бумаге. К ним относились отделы, имевшие названия: «Воспитание, культура, культ», «Здравоохранение, ветеринарное состояние», «Шоссейное, мостовое и дорожное строительство», «Промышленность и торговля», «Сельское хозяйство», «Лесное и дровяное хозяйство»¹⁴.

В административном отношении крупные города делились на районы, как правило, в старых границах. В каждом городском районе создавались районные управы со старшинами во главе. В районных управах имелись следующие отделы: а) административный, б) жилищный, в) технический, г) финансовый.

Начальники отделов городской управы подбирались городским головой и с его характеристикой представлялись на утверждение германскому военному коменданту. Как уже отмечалось, в большинстве своем – это были люди, как-либо обиженные советской властью. Но были и те, кто занимал определенное положение при советской власти¹⁵.

Инициатива создания местной русской администрации обычно исходила от немецко-фашистских военных комендатур, которые крайне нуждались в институте гражданской власти. Именно с этой целью в городах создавались управы. Они находились в непосредственном ведении нацистских военных властей¹⁶. Однако были и исключения: в Феодосии органы местного самоуправления создала так называемая «инициативная группа» бывших работников горсовета¹⁷. Но в любом случае все чиновники в обязательном порядке утверждались немецкими комендантами. В аппарате городского управления могло работать от 20 до 60 человек¹⁸. В городах и деревнях представители коллаборационистской администрации занимали лучшие дома (естественно, из тех, где не обосновались ка-

кие-либо германские учреждения). Во Пскове управа находилась в непострадавшем от бомбардировок двухэтажном особняке в центре города. В нем было 30 просторных кабинетов для чиновников, а также поликлиника, зубоврачебный кабинет, столовая, склад, мастерская и хозяйственные кладовые¹⁹.

Достаточно типичной для оккупированной территории России была история создания и функционирования Новгородской городской управы. На ее примере можно рассмотреть не только основные направления деятельности этого административного органа, но и дать объективную характеристику людям, там работавшим.

В августе 1941 года Новгород подвергся ожесточенной бомбардировке люфтваффе. Жители пытались спастись от фашистских бомб в подвалах своих домов или в пригородах – Колмово и Панковке. Последние практически не пострадали, чего нельзя сказать о центре. Получил повреждения и древний Софийский собор, построенный в 1050 году. Командованию Красной Армии не удалось организовать сколь-нибудь серьезной обороны города, и 19 августа 1941 года советские части отошли за реку Малый Волховец. Линия фронта стабилизировалась до января 1944 года.

Первой в занятом немцами городе была создана городская управа. Ее организаторами в августе 1941 года явились Борис Андреевич Филистинский, Василий Сергеевич Пономарёв, Александр Николаевич Егунов и Фёдор Иванович Морозов. Все они в 30-х годах подвергались различным репрессиям со стороны советской власти²⁰. Собравшись на квартире Филистинского, они узнали от хозяина, что по поводу создания «русской администрации» им получено предварительное согласие, так как он с немцами уже говорил и те поручили подобрать ему надёжных людей, желающих помогать новым властям. Для них была организована встреча с немецким военным комендантом Новгорода (офицер в чине майора), тот расспросил пришедших об их жизни при советской власти, времени проживания в Новгороде, наличии образования и о репрессиях против них со стороны советской власти²¹.

Немецкий комендант приказал наладить порядок в городском хозяйстве и назначил городским головой Пономарёва, так как он был единственным из пришедших жителем Новгорода. Остальные обязанности члены вновь созданной управы распределили сами между собой. Перед уходом от немецкого коменданта все члены образованной городской управы получили специальные удостове-

рения на русском и немецком языках, где говорилось, что «предъявитель сего является русским администратором, утверждённым немецкой властью, и все обязаны оказывать ему содействие»²².

В первые недели существования Новгородской городской управы Пономарев и его помощники занялись подбором и наймом служащих, самостоятельно изыскивали средства для их содержания. Эта проблема была решена путём установления квартплаты и открытия столовой²³. С осени 1941 года были введены новые налоги – подоходный, с двора и за содержание домашних животных. Так, например, каждый владелец коровы должен был сдать в месяц 30 литров молока²⁴.

Располагалась управа в бывшем железнодорожном клубе имени В. И. Ленина. В конце 1941 года, накануне первой немецкой эвакуации, она перебралась в подвальные помещения, так как город подвергался сильным обстрелам и бомбежкам советских войск²⁵.

Каждое утро городской голова был обязан приходить к немецкому коменданту с докладом о всех городских делах, о настроениях среди населения. Полученные от немецких властей распоряжения затем доводились Пономаревым до остальных членов управы.

Бургомистром Новгорода Пономарев пробыл до октября 1941 года. Можно предположить, что в условиях стабилизации линии фронта оккупанты решили с большей пользой для себя использовать его знания – профессионального историка и музейного работника.

В ноябре 1941 года бургомистром стал Федор Иванович Морозов. Практически весь первый состав управы был уволен. Новый руководитель формировал свою «команду» по принципу личной преданности ему. Оставшиеся не у дел коллаборационисты, недовольные своей отставкой, написали на имя немецкого военного коменданта заявление, в котором они обвиняли Морозова и его окружение в злоупотреблении служебным положением, незаконном обогащении и разложении в быту.

После этого «сигнала» все зачинщики, пять человек, были вызваны к коменданту. Последний, вначале поругав их за склоку, согласился вновь принять на работу кого-либо из бывшего состава управы для негласного контроля за Морозовым и его окружением. Эти функции были возложены на А. Н. Егунова, который совмещал их с руководством отделом народного образования.

Примерно дней через десять после этого, 17 декабря 1941 года, Морозова убил испанский солдат. Произошло это при следующих

обстоятельствах. В городской управе была организована выдача молока служащим управы, детям и беременным женщинам – по литру на человека. За молоком стали приходиться и испанские солдаты, но так как его было мало, отпускалось оно им с большим неудовольствием. На почве этого случались частые недоразумения. В один из дней, когда испанские солдаты вновь пришли за молоком, Морозов находился в нетрезвом состоянии. Недовольный тем, что из-за испанцев сотрудникам управы остается мало молока, бургомистр начал с ними скандалить. Морозов кричал по-русски, а испанцы – на своем родном языке. В ходе этой перепалки бургомистр стал толкаться и спустил солдата «Голубой дивизии» с лестницы. Оскорбленный испанец выхватил пистолет и двумя выстрелами убил Морозова²⁶.

Третьим бургомистром Новгорода стал Дионисий Дживанни, бывший директор опытной мелиоративной станции в Болотной, по национальности итальянец. Дживанни, бывший активный деятель земства, присланный в Новгородскую губернию еще до революции П.А.Столыпиным, хорошо знал нужды новгородцев. На должности бургомистра он пробыл до апреля 1943 года²⁷. Заподозренный в связях с партизанами, был вынужден бежать от расправы гитлеровцев.

Новгородская городская управа с декабря 1941 года располагалась на станции Болотной. Теперь она называлась Новгородской районной управой. Большинство жителей Новгорода тогда же были эвакуированы из города, так как ожидалось наступление Красной Армии. Летом 1942 года часть горожан вернулась. Немцы не препятствовали возвращению тех, чьи дома находились на Софийской стороне.

Последним бургомистром Новгорода стал Николай Павлович Иванов. За свою работу от немецкого командования он получал 68 марок и рабочий паек. Согласно инструкции, полученной им от немцев, он был обязан взять под жесткий контроль все население города; по приказам немецкой комендатуры выгонять население на работы для германской армии и произвести паспортизацию всего взрослого населения города²⁸. Летом 1943 года все новгородцы получили немецкие паспорта. Одной из первоочередных задач, поставленных оккупантами перед городской управой, было поддержание в порядке автомобильной дороги Новгород–Ленинград. Были составлены списки жителей, которые постоянно направлялись на дорожные работы. Люди разбивались на бригады, и бригадиры отчитывались о проделанной работе непосредственно перед нем-

цами. Тех же, кто уклонялся от работ, бургомистр имел право отводить в комендатуру и сажать под арест²⁹.

При Иванове все население города в ноябре 1943 года было выслено за линию немецкой обороны «Пантера» – в Прибалтику. Н. П. Иванов оказался единственным из бургомистров Новгорода, кого удалось привлечь к уголовной ответственности. В августе 1945 года он был арестован советскими органами государственной безопасности и осужден на десять лет лагерей³⁰.

Большинство людей, занимавших различные посты в коллаборационистской администрации, встали на путь сотрудничества с оккупантами, преследуя свои узкокорыстные цели. В условиях войны, голода и разрухи они надеялись получить за службу оккупантам значительный продовольственный паек и относительную безопасность для себя и своих близких. Ни о какой любви к родине, «стонущей под игом большевиков», естественно, говорить не приходится. Рассказы об этом появятся позднее, на Западе, когда бывшие коллаборационисты начнут сочинять мемуары о своей жизни в годы Второй мировой войны.

В Смоленске на протяжении почти всего периода оккупации (июль 1941 – сентябрь 1943) бургомистром являлся бывший адвокат В. Г. Меньшагин. (Арестованный после войны советскими органами государственной безопасности, он был осужден на 25 лет тюремного заключения. Наказание отбывал во Владимире. Во второй половине 50-х годов находился в одной камере с известным чекистом, генералом Павлом Судоплатовым. После освобождения проживал в доме престарелых в Кировске, Мурманской области. Скончался в 1984 году. Оставил после себя воспоминания, опубликованные на Западе, где в основном написал о своей «борьбе за правду» во время работы защитником в суде в предвоенном Смоленске).

Утром 16 июля 1941 года немцы ворвались в Смоленск. 17 и 18 июля они взяли под контроль население города. Под конвоем жандармов мужчин собрали в здании бывшего универмага и проверили документы. Оккупантов интересовало, не являются ли задержанные коммунистами, евреями и где они работали до начала войны.

Несмотря на то, что город все еще подвергался обстрелу со стороны частей отступающей Красной Армии, его заполонили крестьяне из близлежащих деревень. Они стали грабить оставленные квартиры горожан, грузили имущество на подводы и вывозили его. Немцы никоим образом не мешали грабителям, более того, они со

смехом фотографировали происходящее. Мародеры хозяйничали не только в частных домах, но и во многих государственных учреждениях. Оттуда выносились столы, стулья. Из театра тащили костюмы и декорации. Именно в таких условиях создавалась смоленская городская управа³¹.

20 июля представители смоленской интеллигенции были собраны в комендатуре, где немецкий комендант заявил им следующее: «Вы должны вместе со всеми оставшимися интеллигентными людьми работать по организации жизни оставшегося в Смоленске населения». Бургомистром (или начальником города) согласился стать В. Г. Меньшагин. Ему назначили двух помощников – профессора Б. В. Базилевского и приехавшего вместе с немцами Г. Я. Гандзюка³².

В ведении Базилевского находились отдел просвещения (во главе его стоял профессор В. Е. Ефимов), отдел искусства (во главе – художник В. М. Мушкетов), отдел городского врача (во главе – доцент К. Е. Ефимов), городского ветеринара (во главе – врач К. И. Семенов) и жилищный отдел (руководитель – профессор В. А. Меланьев).

Последний отдел на то время являлся самым важным для жителей Смоленска, так как в город постепенно возвращалось население из окрестных деревень и из разбомбленных в пути эвакуационных эшелонов. Все это население нуждалось в жилье. Ситуация осложнялась тем, что германское командование запрещало выдавать ордера на комнаты евреям, а также семьям коммунистов и советских работников. По требованию оккупантов сотрудники жилищного отдела в первую очередь «очищали» от русских граждан дома, в которых должны были разместиться немцы или немецкие учреждения.

Задачи смоленского отдела просвещения сводились к сбору сведений по запросам германского командования. Немецкие службы интересовало наличие в городе школ и вузов, регистрация находящихся в Смоленске работников образования и детей школьного возраста. С лета 1942 года в отделе началась работа по составлению учебных планов и программ для средних школ³³.

Отдел просвещения занимался и укомплектованием преподавателями открывающихся школ. Все учителя через бургомистра подлежали утверждению в немецкой комендатуре³⁴.

После начала функционирования школ в сентябре 1942 года немецкий отдел пропаганды в Смоленске создал новую штатную единицу – «ответственный за русское просвещение». Им стал доктор Цигаст. Поскольку он не владел русским языком, никакого реального руководства школьным делом с его стороны, естественно, не осуществлялось. Единственно, на что обращала пристальное внимание немецкая сторона, – это оформление школ (наличие портретов Гитлера и нацистской символики в классах и уровень преподавания немецкого языка)³⁵.

Задачи отдела искусств состояли в сохранении музейных фондов, не эвакуированных перед оставлением Смоленска Красной Армией: картины, вышивки, скульптура и посуда – все это требовало сохранения от порчи и расхищения как со стороны русских граждан, так и со стороны немецких солдат. Предполагалось, что все ценности должны быть соответствующим образом оценены немецкими специалистами, которые и определят их дальнейшую судьбу. Руководство и контроль за отделом искусств осуществлял отдел пропаганды в лице доктора Кайзера. В 1942 году все наиболее ценные экспонаты были вывезены на территорию Германии³⁶.

К обязанностям Г. Я. Гандзюка относился контроль за деятельностью полиции, тюрем, связь с немецкими разведывательными органами.

Относительно деятельности смоленского городского и окружного управлений Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений»³⁷.

Но в экстремальных условиях нацистского оккупационного режима были люди, которые шли работать в коллаборационистские органы для того, чтобы профессионально выполнять свой долг перед мирным населением. К ним относились, в первую очередь, работники отделов социального обеспечения и здравоохранения.

Хотя практически во всех городских управах существовали отделы социального призрения, данная категория вопросов мало интересовала как оккупантов, так и их пособников.

Отдел социального обеспечения в Смоленске возник не сразу, а лишь в начале 1942 года. В его ведении находились Дом инвалидов и детский дом.

Когда в начале налаживания жизни русского населения в оккупированном немцами городе в местное управление стали приходить инвалиды и немощные старики, то возник вопрос о снабжении их хлебом. Эта задача была временно возложена на отдел просвещения, у которого во второе полугодие 1941 года не имелось работы, за исключением регистрации учителей и детей школьного возраста. Лишь постепенно, с ростом числа нуждающихся в социальной помощи, возник вопрос об организации самостоятельного отдела³⁸.

Дома престарелых часто существовали на одном энтузиазме их сотрудников. Так, в Смоленске хозяйство Дома инвалидов было полностью разорено немцами – скот и запасы продовольствия изъяты. Однако директор Дома В. М. Соколов, состоявший в этой должности семь лет, сумел получить для всех больных продовольственные карточки, но и они очень часто не отоваривались. Поэтому реально Дом существовал только на добровольные пожертвования смолян, которые в это страшное время смогли, отнимая от себя самое необходимое, спасти от голодной смерти больных людей³⁹.

Задача Смоленского отдела здравоохранения состояла в создании условий для оказания медицинской помощи русскому населению города и прилегающих районов. Уже осенью 1941 года были открыты аптека и больница. Стала функционировать и хирургическая лечебница, необходимость в которой была крайне велика. Контроль со стороны немцев за деятельностью больниц осуществлялся гарнизонным врачом. Некоторые немецкие врачи помогали русским больницам медикаментами⁴⁰.

Таким образом, городская управа являлась исполнительным и распорядительным органом местного самоуправления, действовавшим под постоянным жестким контролем оккупантов.

К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочих, уехавших в Германию, ЗАГС и т. п., то есть все те области деятельности, которые выходили за пределы интересов города и имели общее окружное значение.

К распорядительным функциям городской управы относились: области работы непосредственно местного характера, не имевшие общеокружного значения.

Представители советского сопротивления регулярно информировали Москву о структуре «новой русской администрации» и о наиболее активных пособниках гитлеровцев. Положение дел в

оккупированном Брянске характеризовалось следующим образом: «Город Брянск разбит на районы: Брянск-1 называется Брянск Северный, Брянск-2 – Брянск Южный...

В районе имеется районная управа, во главе которой стоит районный бургомистр. Все районные управы имеют отделы такие же, как и при городской управе.

Брянская городская управа имеет следующие отделы:

1. Финансовый, заведующий отделом Буткин, бывший член ВКП (б), старательно выколачивает средства из местного населения.

2. Отдел образования и православия. Зав. отделом Спиридонов Яков Иванович.

3. Отдел заготовок. Зав. отделом Фабрикантов Сергей, ранее работал заготовителем Брянского торгога.

4. Отдел торговли. Зав. отделом Чук Федор Иванович.

5. Отдел общественного питания. Зав. отделом Лифанов Игорь Семенович, бывший меньшевик.

6. Отдел строительный. Зав. отделом Мирошниченко, бывший член ВКП (б), находится в тесной связи с гестапо.

7. Топливный отдел. Зав. отделом Сот Альфонс Иванович, эстонец.

8. Дорожный отдел. Зав. отделом Черкасов Владимир Семенович.

Бургомистр города Брянск Шифановский Карл, имеет связь с гестапо, привезен немцами. Бургомистром Брянска Южный является Соколов Петр. Бывший инженер завода «Красный Коминтерн», сын бывшего владельца кинотеатра.

Заместителем бургомистра работает Плавин Иван Иванович, который до оккупации работал инженером дорожно-мостового отдела городского совета, имеет связь за границей, брат его в настоящее время находится в Болгарии.

Секретарем городской управы г. Брянска работает Скалкин Иван Петрович, а начальником полиции работает Канвин Николай Маркович»⁴¹.

Аналогичная ситуация была и в соседнем с Брянском Орле: «В городе Орел также имеются такие же управы. Такие же, как в Брянске, существуют управы и в других городах.

Бургомистром г. Орла работает некий Старов, который до войны работал в Орловской областной конторе сельхознаба в должности завхоза и имел фамилию не Старов, а Старых»⁴².

Структура Орловской городской управы (она была типична для большинства городов, находившихся в зоне действия группы армий «Центр») представляла из себя следующее.

Во главе горуправы стоял бургомистр, являвшийся должностным и административным руководителем всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений.

Главным отделом городского управления считался общий. В его компетенции находились следующие вопросы: право, суд, адвокатура, нотариат, подданство, ЗАГС, снабжение населения продуктами питания, распланировка городской территории, городское строительство, озеленение, новое жилищное строительство, распределение жилой площади, сохранение и ремонт жилищ, обеспечение населения жилой площадью, право застройки, социальное страхование, общее страхование и обеспечение.

Финансовый отдел с подотделами решал вопросы бюджета, кассового и финансового контроля, обложения налогами, начисления налогов и сбора их, рассматривал жалобы и протесты.

Далее шли:

- отдел госстрахования и обеспечения с подотделами;
- отдел здравоохранения с подотделами;
- отдел полиции с подотделами;
- транспортный отдел;
- отдел заготовок и снабжения с подотделами;
- отдел просвещения с подотделами (согласно положению о горуправе в его функции входило следующее: культура, культ, воспитание молодежи, благосостояние юношества, школы, религиозное воспитание детей, церковные дела, спорт, театры, кино, концерты, музеи, архивы, библиотеки, газеты и печать);
- отдел права и гражданства;
- отдел городского хозяйства⁴³.

Как видно, некоторые отделы фактически дублировали работу друг друга.

Такая форма городского управления просуществовала до весны 1943 года. Германское командование, недовольное, с одной стороны, низкой эффективностью работы этого учреждения, а с другой – непомерно раздутыми штатами чиновников, приняло решение упростить эту систему.

20 марта вышло распоряжение немецкой военной комендатуры «О новой структуре городской управы». Теперь она, согласно этому приказу, должна была выглядеть следующим образом:

1) Бургомистр города, заместитель бургомистра, чиновник особых поручений при бургомистре, ревизионная группа.

2) Общий отдел с подотделами: а) личный стол, б) канцелярия, в) хозяйственная часть, г) подотдел связи.

3) Финансовый отдел с подотделами: а) бюджетно-налоговый, б) центральная бухгалтерия, в) приходно-расходная касса.

4) Отдел государственного страхования и обеспечения с подотделами: а) социальное страхование, б) социальное обеспечение, в) страховой.

5) Отдел здравоохранения с подотделами: а) санитарный надзор, б) фармацевтический.

6) Отдел полиции с подотделами: а) паспортный, б) пожарный.

7) Транспортный отдел⁴⁴.

Практическая деятельность городской управы направлялась в основном на обеспечение немецких войск. В их распоряжение передавались больницы, жилые дома. Мебель и бельё при этом насильственно изымались у гражданского населения.

Городская управа в обязательном порядке обеспечивала немецкие тыловые службы гужевым транспортом, топливом, сеном и соломой⁴⁵.

В большинстве оккупированных районов России работа управ не устраивала оккупантов. К наиболее болезненным проблемам, имеющимся у «новой русской администрации», нацистские спецслужбы относили деятельность советской агентуры, некомпетентность сотрудников, а также массовую коррупцию и взяточничество⁴⁶.

Согласно немецким инструкциям, к наиболее важным служебным обязанностям чиновников коллаборационистской администрации относилось:

1. Повиновение.

2. Сохранение служебной тайны.

3. Запрещение посторонних занятий.

4. Запрещение принимать какие-либо дары⁴⁷.

Во многом для борьбы с «приемом даров» весной 1942 года стали создаваться инспекции по гражданскому управлению. Предполагалось, что «они должны содействовать выполнению важных и ответственных задач для возвращения русского народа к нормальной челове-

ческой жизни и для создания организационно-административных предпосылок и условий, закрепляющих это возвращение»⁴⁸.

При этом к задачам отдела инспекции относились следующие: всеобщий надзор и организация районных, городских и волостных управлений; контроль по финансовому и налоговому делу, по бюджету, кассовому делу и счетоводству района, городов и волостей; содействие при организации гражданского продовольственного, транспортного и курьерского дела, а также связи, надзор и содействие в области школьного дела и точно установленных культурных задач (т. е. различных пропагандистских пронацистских акций. – *Б. К.*), здравоохранение и землеустройство, организация охраны на местах, надзор за ценами, содействие подъему торговли и сельского хозяйства⁴⁹.

Но в целом немцы всячески заигрывали с коллаборационистами. Кроме денежных премий и значительных продовольственных пайков, их регулярно награждали специальными орденами. Обычно это происходило ко дню рождения Адольфа Гитлера или к годовщине «освобождения данной местности от ига жидобольшевизма». Наиболее отличившиеся чиновники за время оккупации успели получить по нескольку знаков отличия. Так, главный редактор орловской газеты «Речь» Михаил Окταν к лету 1943 года имел девять немецких орденов⁵⁰.

Очень часто бургомистры числились на нескольких постах одновременно. Псковский градоначальник Черепенькин получал жалование сразу в трех местах: будучи бургомистром, начальником отдела пропаганды и директором музея⁵¹. Еще более разноплановыми работниками показали себя бургомистр Орла Старов и его заместитель Алафузов. Согласно приказу № 103 по орловской городской управе от 25 мая 1943 года, они занимали не только вышеуказанные посты, но и являлись руководителями (естественно, за отдельную заработную плату) общего отдела, отдела просвещения и полиции⁵². На другие должности активно назначались их родственники и друзья. Так, например, вопросами распределения продовольствия «среди малоимущих» занималась госпожа Старова – супруга бургомистра.

Пытаясь с немецкой пунктуальностью строго регламентировать деятельность руководителей городских управ, нацистские оккупационные службы подготовили специальное «Наставление бургомистрам» (*Anweisung an die Burgermeister*). Оно состояло из

12 разделов на двух языках – русском и немецком, отражающих все стороны деятельности «руководителя города».

Этот документ убедительно показывает полную зависимость «новой русской администрации» от вышеуказанных служб.

В первом пункте наставления, который назывался «Выдача разрешений на поездки», говорилось о том, что «все разрешения на передвижение выдаются местной или полевой комендатурой и должны быть подписаны германским офицером или чиновником в офицерском чине». Получить их было можно «только в особо срочных обоснованных единичных случаях, когда поездка совершается в интересах Германской Армии»⁵³.

В полномочия же бургомистра входило всего лишь вывешивание на вверенной ему территории объявления следующего содержания: «До особого распоряжения запрещается частным лицам:

- а) ездить по железной дороге;
- б) находиться на железнодорожных путях;
- в) впрыгивать в поезд на ходу;
- г) влезать в поезд во время стоянки.

В случае нарушения этого запрета Германской охране дано распоряжение пользоваться огнестрельным оружием»⁵⁴.

Особенно подробно «Наставление бургомистрам» освещало вопрос о борьбе с партизанским движением. Все бургомистры и деревенские старшины несли ответственность за «безопасность и спокойствие в пределах своих волостей и деревень». Коллаборационистам грозили репрессии, вплоть до смертной казни, «за случаи набегов партизан в пределах порученной им сторожевой службы»⁵⁵.

Поскольку советское сопротивление представляло собой реальную силу, а в некоторых районах и реальную власть, бургомистрам рекомендовалось бороться с ним следующим образом: при помощи местных сил самообороны (или, как они назывались по-другому, *Hilfspersonal* – дополнительный обслуживающий персонал); привлекая на помощь полицейские и карательные отряды; извещая ближайшую немецкую воинскую часть. Но если это было невозможно, рекомендовалось «выставлять в районах предполагаемых действий красных бандитов посты для предостережения проезжающих германских военнослужащих»⁵⁶.

Вся служебная переписка «новой русской администрации» в обязательном порядке велась согласно распоряжению на двух языках – русском и немецком. Причем немецкий текст должен был

помещаться по отношению к читателю на левой, а русский – на правой стороне листа, разделенного на две одинаковые части⁵⁷.

На низшей ступени коллаборационистской администрации в городах и крупных населенных пунктах находились коменданты улиц и домов. В их функции входила обязанность следить за освобождающейся жилплощадью и предоставлять об этом данные жилищному отделу городской управы. По ордерам этого же отдела расселялись вновь прибывшие жильцы, а также обмерялись квартиры для начисления квартирной платы. Комендант улицы собирал квартплату, надзирал за санитарным состоянием улиц и дворов. Одной из первоочередных задач комендантов домов являлось информирование немецких властей о всех посторонних или подозрительных лицах, а также о появлении коммунистов или евреев. На коменданта и дворников возлагалась обязанность немедленного задержания этих людей и передача их в руки оккупантов⁵⁸.

При наименовании территориально-административных единиц оккупанты использовали как советские (области, районы), так и дореволюционные названия (волости, уезды). Так, территория Орловского и Брянского округов была разделена на уезды, а Псковского уезда – на районы. Административное управление в уезде (районе) осуществлялось уездной или земской управой.

Следующей административно-территориальной ступенью являлись волости. Административное управление в них поручалось волостному старшине, назначенному немцами.

Территория волости примерно равнялась территории бывших сельсоветов, и в большинстве случаев сохранялась их граница.

Волостью руководило управление с волостным старшиной во главе. В подчинении у него находились начальник волостной полиции и мировой судья. Волостной старшина имел печать, являлся полным хозяином на территории своей волости и все работы, которые ему поручали немцы, проводил через сельских старост и начальника полиции.

Представители советского сопротивления отмечали: «Очень большое значение имеет волостной писарь, который частенько через голову старшины вершит свои дела в волости»⁵⁹.

На должность волостного старшины оккупанты обычно назначали специалистов, имевших опыт работы с людьми: агрономов, инженеров, председателей сельских советов, учителей, хорошо знающих свой район.

Кроме этих людей, на должность старшины назначались лица, недовольные советской властью, в первую очередь бывшие репрессированные. В начальный период оккупации, как отмечали в своих сводках партизаны, «все они работают на немцев, стараясь заслужить расположение немецких властей»⁶⁰.

Новая система управления районов, по мнению оккупационной администрации, должна была способствовать более успешному сбору сельскохозяйственной продукции. С весны 1942 года стали организовываться так называемые «агрономические участки», каждый из которых составлялся из двух-трех экономически однотипных волостей. Во главе агрономического участка ставился специалист по сельскому хозяйству, обычно в его роли выступал агроном, освобожденный от всяких административных обязанностей. Он нес ответственность за состояние и развитие своего участка. Выполнение распоряжений участкового агронома было строго обязательным для деревенских старост.

За волостным старшиной сохранялись присущие ему как «начальнику волости» административные функции. Он не мог вмешиваться в дела участкового агронома, но был обязан в необходимых случаях помогать ему в осуществлении агрономических мероприятий и в проведении в жизнь распоряжений германского командования.

Волостные старшины назначались начальниками районов и утверждались полевой комендатурой, участковые же агрономы назначались старшими агрономами района и утверждались местной сельскохозяйственной комендатурой.

Во всех распоряжениях оккупационных властей всячески подчеркивалось, что «волостные старшины, участковые агрономы обязаны работать в контакте между собой вполне самостоятельно, т. е. без административного подчинения друг другу»⁶¹.

Таким образом, нацисты стремились создать два конкурирующих и контролирующих друг друга административных органа. Они надеялись, что постоянные доносы друг на друга лиц, работающих там, не позволят представителям советского сопротивления организовать сколь-либо действенную работу. Также они рассчитывали на конкуренцию среди коллаборационистов в стремлении выслужиться перед оккупационными властями.

Низовой административной единицей стала так называемая сельская община. Ее членами являлись все граждане сельского населенного пункта, проживающие в нем.

Во главе сельской общины стоял сельский староста, имевший в своем подчинении заместителя, писаря и нескольких полицейских. Наличие такого количества административных работников в общине обеспечивало оккупационным властям полный контроль над всеми жителями, проживающими в данной общине, а также способствовало проведению различных мероприятий со стороны немецких властей⁶².

Сельский староста избирался на сельском сходе, на котором присутствовали только мужчины, по рекомендации немецких властей. Таким образом, старосты фактически не избирались, а назначались. Во многих же случаях сельские старосты прямо назначались представителями немецкого командования без всякого подобия выборов⁶³.

К «пронемецким» признакам представителей «новой русской администрации», на которые оккупанты обращали определенное внимание, относились следующие: хотя бы частичное знание немецкого языка, бравый вид, умение приветствовать поднятием руки или просто удобная для произношения русская фамилия⁶⁴.

Старосте, как правило, была подведомственна территория бывшего колхоза или совхоза. В августе 1941 года оккупантами было заявлено, что кроме выполнения чисто административных функций (сбора налогов, контроля за порядком, донесения в нацистские службы о всех проявлениях антинемецких настроений), старосты обязаны доводить до населения все распоряжения нацистской администрации, способствовать распространению среди односельчан идей «Великой Германии и национал-социализма»⁶⁵.

Уездные и волостные управы периодически собирали совещания волостных старшин, на которых обязательно присутствовали представители от немцев. Полученные на этих совещаниях задания волостные старшины доводили до сведения сельских старост, точно так же созывая их на совещания. В некоторых уездах Смоленского округа они проводились еженедельно.

Старосты давали письменное обязательство исполнять все распоряжения германских властей, всячески препятствовать каким бы то ни было антинемецким выступлениям и сообщать немецким органам о подготовке таких выступлений. Политическая благонадежность и преданность старосты проверялась жандармерией, тайной полевой полицией или непосредственно комендатурой, и в даль-

нейшем он находился под постоянным негласным наблюдением этих органов.

Согласно немецким инструкциям 1941–1942 годов в функции старост входили:

1) организация облав и розыски скрывающихся военнослужащих РККА, парашютистов, партизан, членов ВКП (б), советских активистов и выявление лиц, дающих им убежище и пищу;

2) изъятие у населения оружия, боеприпасов, подрывных средств, советского военного обмундирования, радио- и фотоаппаратов, почтовых голубей;

3) розыски продовольственных и военных складов, реквизиции сельскохозяйственных продуктов у населения;

4) организация сельскохозяйственных работ;

5) организация вспомогательной полиции из местных жителей, поддержание внешнего порядка; наблюдение за прекращением уличного движения после установленного часа;

6) обеспечение светомаскировки, уборка улиц, погребение трупов и ликвидация других следов военных действий;

7) учет местного населения и выявление всех пришлых и подозрительных элементов;

8) привлечение населения на военно-строительные и дорожные работы;

9) проведение различных репрессий, в частности, против евреев и коммунистов.

Староста был обязан доводить до населения распоряжения немецких властей. Все просьбы и ходатайства на имя германских властей могли подаваться мирными жителями только через старосту. Им предоставлялось право наказывать жителей, но только за маловажные проступки, которые не носили характера антинемецких выступлений. Старосты могли налагать денежные штрафы до 1000 рублей, сажать провинившихся под арест и отправлять на принудительные работы сроком до 14 дней. В случае каких-либо проступков против немцев наказание определялось немцами⁶⁶.

В районах действий партизан старосты получали пистолет, винтовку или охотничье ружье и снабжались удостоверением сроком на один-три месяца, по истечении которого удостоверение продлевалось или менялось. Это делалось для того, чтобы предотвратить возможность их подделки представителями советского сопротивления.

Староста обычно назначался из местных жителей. За свою работу он получал жалование. Оно собиралось за счет самих односельчан.

Иногда немцы проводили «выборы» старост. К ним допускались только взрослые мужчины, являвшиеся «главами семей». Кандидатура в данном случае рекомендовалась немецким офицером, а сами выборы происходили в его присутствии открытым голосованием.

За неподчинение старостам, жалобы и тем более покушение на них виновники подвергались жестоким наказаниям, вплоть до расстрела или повешения⁶⁷.

В сельской общине староста являлся полным хозяином. Без его разрешения ни один житель села не имел права никуда выезжать или пускать кого-нибудь на постой. Старосты, активно работавшие на немцев, в издевательствах над населением часто превосходили самих гитлеровцев.

За свою работу старосты и полицейские получали зарплату, размер которой зависел от количества населения на селе. В среднем она составляла 300–450 руб. в месяц для старосты, 200–300 руб. для писаря⁶⁸.

Староста, его заместитель, писарь и полицейские имели удостоверения, в которых указывалось, что они находятся на службе у немцев и имеют право на передвижение по территории своей волости без специальных немецких пропусков⁶⁹.

К важной задаче, которую должны были выполнять сельские жители под руководством старост, относилось поддержание в порядке дорог, в особенности зимой. На совещании 31 января 1942 года в Смоленске представитель немецкой полевой комендатуры особое внимание уделил вопросу об обязательной очистке от снежных заносов дорог, имеющих стратегическое значение, и подъездных путей к ним. Волости, на территории которых проходили трассы, большаки, шоссе, имевшие военное значение и являвшиеся путями передвижения воинских частей, должны были систематически очищаться населением от снега⁷⁰.

С целью максимального изъятия продуктов питания в управах появились так называемые «заготовители». Официально они занимались закупкой в деревнях продовольствия для городского населения. Расплачивались «заготовители» не деньгами, а специальными бонами на определенные суммы. Предполагалось, что лица,

сдавшие продукты, смогут по этим бонам приобрести в городских магазинах военно-хозяйственной инспекции необходимые товары народного потребления: одежду, махорку, спички, стекло, женское и детское белье⁷¹. На практике это вылилось в очередной обман. Сельскохозяйственные продукты отправлялись в Германию, а в магазинах цены были выше рыночных. Затем товары в них вообще перестали продаваться русскому населению.

Такое положение сохранялось в сельских местностях оккупированных территорий до лета 1943 года, когда в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне оккупанты были вынуждены пойти на ряд уступок. В деревнях стали создаваться так называемые «Русские управления». Немецкая пропаганда теперь всячески внушала русскому населению мысль, что главная функция старосты как «хозяина» деревни заключается в заботе о вверенном ему населении. Теперь он официально должен был заниматься «заботой о привлечении всех трудоспособных к работам по хозяйству и отвечать за его исправность». Оговаривалось, что староста несет особую ответственность за своевременную уборку всего урожая и целесообразную охрану запасов. Также он был ответственен за «справедливое» распределение продовольствия среди граждан, выполняющих различные виды работ⁷².

«Русские управления» на словах ведали всеми хозяйственными и социальными вопросами, но на практике их работа, широко разрекламированная на страницах коллаборационистской печати, делалась лишь на бумаге.

В своих приказах и распоряжениях, обращенных к русскому населению в первые дни и недели оккупации, нацисты прямо указывали, что за отсутствием судебных органов все споры решают представители «русской администрации» – старосты и бургомистры. Они должны были решать все дела, опираясь на свои собственные представления о справедливости. Но при совершении опасных преступлений, староста вместе с понятными был обязан доставлять виновного на расправу немецким властям⁷³.

Размах советского сопротивления, неожиданный для агрессоров, а также неудача их попытки в первые месяцы сломить его жестоким массовым террором сделались для фашистских оккупационных органов, особенно после провала молниеносной войны, предметом величайшей заботы.

Некоторые представители немецких военных сил стали требовать изменения политико-пропагандистской тактики в отношении советского населения. Уже 13 декабря 1941 года начальник тыла сухопутных войск писал Розенбергу о том, что военное положение требует активного привлечения населения оккупированных советских областей на немецкую сторону⁷⁴.

С этим был полностью согласен рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс. В своем дневнике в середине 1942 года он сделал запись о том, что «в отдельных областях России целесообразно образовать марионеточные правительства, которые стали бы проводить в жизнь наиболее неприятные и непопулярные мероприятия. Тем самым был бы создан фасад, за которым стало бы легче маскировать свою политику»⁷⁵.

В этих условиях командование ряда частей вермахта, заинтересованное в стабильности своего тыла, зачастую стало проводить свою собственную оккупационную политику под ширмой «новых русских судов». При этом в распоряжениях Розенберга специально оговаривалось, что действительное руководство во всех вопросах должно находиться только в руках немцев.

Судьи, прокуроры, следователи, адвокаты и нотариусы допускались к работе исключительно после утверждения их кандидатур немецким командованием. Все они давали подписку о том, что «повинуются установленному порядку управления». Местный суд не вправе был судить немцев и не мог разбирать дела «по преступлениям, затрагивающим интересы германской империи».

Гражданские иски, в которых хотя бы одной из сторон являлся немец, местные суды могли рассматривать только при условии, что он давал на это согласие.

В крупных населенных пунктах суды находились в ведении городской управы. К функциям ее общего отдела, согласно немецкой инструкции, относились: «право, суд, адвокатура, нотариат, подданство, ЗАГС, снабжение населения продуктами питания...»⁷⁶.

Бургомистр, возглавлявший ее, являлся должностным и административным руководителем всех подчиненных ему чиновников, организаций и учреждений. Он имел право накладывать административные взыскания на население подведомственного ему района. На допросе в НКГБ бургомистр Пскова Василий Максимович Черепенькин заявил: «Да, я был председателем суда, председателем

общества взаимопомощи, директором музея. Но на все эти работы я шел только из любви к русскому народу.

Занимая все эти должности, я был только русским для русских. Законы наши русские распространялись только на русских, немцы, проживавшие до этого в России, под эти законы не подпадали, и их судить мы не имели права. Председателем суда меня никто не избирал, я сам был назначен на эту должность согласно выпущенному немцами положению о судах. В суде рассматривались дела, за которые полагалось не более 3000 рублей штрафа. О принудительных работах, тюремном заключении наш суд не имел права выносить решения»⁷⁷.

Слова Черепенькина не соответствуют действительности. Уже в конце 1941 года в его распоряжение были предоставлены бланки «Распоряжений о наложении административного наказания». Заполнялись они на двух языках: немецком и русском. В них имелись следующие графы, касающиеся лиц, привлеченных к административной ответственности: фамилия и имя, профессия, адрес проживания, год и место рождения. Налагал административное наказание, согласно этим документам, городской голова (бургомистр) или волостной староста. Утверждал его местный военный комендант.

В качестве возможных наказаний указывались денежный штраф, арест и принудительные работы. Из сохранившихся «распоряжений», заверенных подписью Черепенькина, видно, что он налагал все возможные и разрешенные оккупантами наказания»⁷⁸.

В соответствии с распоряжениями о наложении административных наказаний, штрафы налагались по очень широкому кругу дел: за кражи, драки, нарушение комендантского часа, нарушение светомаскировки, задержку в выплате налогов, опоздание на совещание или собрание, проводившееся немцами и их пособниками, и за многое другое»⁷⁹. Но что считалось наиболее опасным?

Так, Павлова Ефросинья, рабочая, 26 февраля 1942 года была наказана денежным штрафом в размере 2000 рублей и принудительными работами на срок в четыре недели за то, что «дала своей сестре для продажи военные брюки-галифе немецкого производства»⁸⁰. Домохозяйка Поташова Анна отправилась на 10 дней в тюрьму, предварительно заплатив штраф в 200 рублей за то, что без разрешения пользовалась электричеством»⁸¹. Предприниматель Панков Михаил выложил 3000 рублей за торговлю сахарином, а швея Фомина Екатерина – 300 за покупку на рынке немецкого

одеяла. Штрафы в 100 рублей полагались за «Нарушение постановления городского управления об очистке», «Продажу в небазарный день молока» и даже за «Нарушение постановления комендатуры о пребывании в чужих квартирах в запрещенные часы»⁸². В качестве доказательства вины обычно выступало собственное признание. Как видно, наиболее сурово нацисты и их пособники наказывали за административные правонарушения, связанные со сделками по продаже немецкого военного имущества.

Следует отметить, что немцы, устанавливая в оккупированных ими городах и селах свой режим, особое внимание уделяли осуществлению контроля за населением.

Одной из функций Общего отдела являлась перепись населения. Здесь его чиновники работали в тесном и постоянном контакте с полицией как русской, так и немецкой. Так, в Феодосии был вывешен приказ за подписью руководства городской управы, в котором говорилось о том, что «за сокрытие и уничтожение домовых книг с целью сокрытия военнослужащих, работников органов НКВД и милиции виновные будут привлекаться к ответственности гестапо»⁸³.

Согласно инструкции № 184, изданной немецкой военной комендатурой г. Брянска, во всех оккупированных населённых пунктах вводился порядок, при котором:

«1) Местные органы власти обязаны доводить до сведения немецких комендатур списки всех лиц, не проживавших до 22 июня 1941 года в данной общине, о всех приезжих и обо всех, кто будет прибывать.

2) Городской голова, волостные старшины назначают в каждом доме доверенное лицо, в обязанности которого входит следить, чтобы в доме не проживали бы лица, о которых не заявлено.

3) Жители, желающие дать приют приезжающим, обязаны заявлять об этом городскому голове, а в сёлах – волостному старшине, указывая причины приезда.

4) Лица, дающие приют причастным к Красной Армии или лицам, являющимся агентами советской разведки, подлежат расстрелу.

5) Все жители, до сведения которых дошли вести о заговорах против немецкой армии и распоряжениях, издаваемых немецкими властями о вредительских актах, саботаже, в особенности, и о всякого рода покушениях, обязаны немедленно заявлять об этом в ближайшую немецкую воинскую часть. Упущение такого заявления карается смертной казнью. Имущество таких жителей уничтожается.

Тем, кто сообщает о таких случаях, обещается вознаграждение в размере 5000 рублей»⁸⁴.

Таким образом, все действия, связанные с сопротивлением нацистскому оккупационному режиму, особо тяжкие уголовные преступления находились в ведении немецких военных властей и наказывались самым жесточайшим образом.

Следовательно, к ведению судов, находящихся под контролем русской коллаборационистской администрации, относились гражданские и маловажные уголовные дела. Как говорилось в положении о суде г. Орла (1941), «суд призван служить интересам населения, защищать имущество и личность от всяких незаконных посягательств и гарантировать правопорядок в общении и бытовых отношениях»⁸⁵. Смоленский городской суд, начавший свою деятельность 29 октября 1941 года, за два месяца своей работы провел 12 судебных заседаний. За это время в суд поступило 39 дел. В процентном отношении эти дела разделялись следующим образом: об установлении отцовства и алиментах – 31%, о возвращении расхищенных вещей – 25,2%, о выселении из квартир – 12,4%, о праве на спорное имущество – 7,6%, о взыскании квартирной платы – 7,6%, о заработной плате – 5%⁸⁶.

Для помощи населению в юридических вопросах образовывалась адвокатура. Особое предпочтение здесь отдавалось людям, получившим юридическое образование до революции.

Создавая новый суд, коллаборационисты всячески подчеркивали его гуманность по сравнению с советским судом. Как писала газета «Речь», выходившая в оккупированном немцами Орле, «этот суд резко отличается от судебной системы большевиков, имевшей целью создание многомиллионной армии заключённых в лагерях бесплатных рабов, которыми жида и коммунисты пользовались, как им хотелось... Санкция же статей, выработанных для нашего суда, имеет пределом 6 месяцев тюрьмы и 1000 рублей штрафа... Дела об убийствах, разбоях и ряд других политических дел неподсудны суду и регулируются положением военного времени»⁸⁷.

Ряд дел рассматривался одновременно в порядке и гражданско-го, и уголовного судопроизводства.

Материалы о работе судов широко и регулярно публиковались в коллаборационистской печати. Практически в каждом номере газеты имелась рубрика «Из зала суда». Так, например, в № 4 «Смоленского вестника» за 1941 год в корреспонденции «Получили

по заслугам» сообщалось о супругах Варфоломеевых, укравших чужие вещи и понесших за это со стороны охраны города наказание в виде принудительных работ. По искам пострадавших было рассмотрено дело в порядке гражданского судопроизводства. Смоленский городской суд обязал Варфоломеевых похищенные вещи вернуть, а при невозможности возвращения их в натуре уплатить пострадавшим стоимость этих вещей с возмещением понесенных последними судебных расходов⁸⁸.

Наиболее сурово наказывались деяния, прямо или косвенно связанные с невыполнением распоряжений немецких властей и их пособников. В смоленской газете «Новый путь» за 7 декабря 1941 года в рубрике «Происшествия» сообщалось о том, что два гражданина были приговорены к 14 дням принудительных работ за самовольное оставление работы, на которую они были определены биржей труда. Здесь же давался материал о штрафе в 100 рублей (минимальная сумма для штрафа) за продажу мяса лошади, скончавшейся от болезни⁸⁹.

Что касается законодательной базы, то в ряде местностей в судах использовались советские законы (если они не противоречили распоряжениям немецких властей). Те управы, которые имели штат юристов (или людей себя таковыми считавшими), издавали собственные кодексы. На оккупированной территории Северо-Запада РСФСР действовал «Псковский гражданский кодекс», сочиненный бургомистром Пскова Черепенькиным в 1942 году⁹⁰. Заместитель начальника Смоленского окружного управления Н. Г. Никитин, выступая на торжественном собрании, посвященном «двухлетию освобождения Смоленского округа от большевиков», 15 июля 1943 года заявил: «...у нас уже утверждено положение о семейном праве. Утверждается уголовный кодекс»⁹¹.

Некоторые коллаборационисты выдвигали предложения о возрождении российских дореволюционных законов⁹².

В 1943 году, в условиях коренного перелома в войне и активизации советского сопротивления на оккупированных территориях России, нацисты предприняли попытку представить себя защитниками «Великих судебных уставов 1864 года». Жесточайшей критике с их стороны подверглась советская судебная система. При этом жителей запугивали тем, что в случае прихода Красной Армии все население, «видевшее свободу», будет репрессировано. Служащие геббельсовского министерства пропаганды писали, что «большеви-

стская система, система террора и насилия в области судопроизводства, создала ряд законов и положений, направленных исключительно на укрепление жидо-большевистского режима, на укрепление власти кучки преступников, засевавших в Кремле и распоряжающихся судьбами миллионов людей.

Большевистская юриспруденция ни в коей мере не защищает интересов народа. Наоборот, она направлена против них. Советский суд представляет собой учреждение насилия над человеческой личностью...»⁹³. Рассматривая и анализируя организацию политических процессов в СССР в предвоенные годы, они напоминали русскому населению о том, что в «СССР вопрос по обвинению в так называемой измене, контрреволюции и т. д. решался не в суде, а в управлениях НКВД или в партийных органах.

Если в этих случаях и допускался разбор дела в суде, то суд выносил заранее приготовленный и санкционированный соответствующими инстанциями приговор.

Многие дела решались за закрытыми дверьми, без соблюдения судебно-процессуальных правил и положений.

Роль адвоката была фальсифицирована, и адвокат на суде из защитника превращался в обвинителя. Большая часть дел решалась вообще без адвоката»⁹⁴.

Основной целью в деле реформы суда нацисты и русские коллаборационисты провозгласили «истинное привлечение всех честных граждан к суду»⁹⁵. Во многом это делалось для расширения социальной базы противников советской власти. В конце 1941 года в Смоленске немецкое командование издало распоряжение об организации в городах и районах мирового посредничества или мировых судов.

Однако, как признавали сами оккупанты, «посредническое разбирательство имущественных споров граждан было организовано только в небольшой части районов. В большинстве же районов имущественные споры граждан разрешал начальник района или даже волостной старшина в административном порядке, т. е. без всяких гарантий, обеспечивающих интересы спорящих сторон. Без затребования достаточных доказательств, без вызова другой стороны, нередко наспех и т. д.

Результатом такого разбирательства была часто необоснованность, а иногда даже несправедливость в разрешении спора, что вызывало законное недовольство населения»⁹⁶.

Предполагалось, что мировые суды будут разбирать все имущественные споры граждан, а именно: споры, вытекающие из семейных отношений (кроме разводов, которые на время войны запрещались), из договоров найма, купли-продажи, жилищные споры и т. д.⁹⁷

Коллаборационисты признавали, что «...разработанных гражданских законов мы сейчас не имеем, но в состав посреднического управления, кроме квалифицированного и опытного юриста, входят два солидных и благонадежных представителя местного населения. Им ставится в обязанность судить, руководствуясь их народным представлением о праве и справедливости»⁹⁸.

Заявления в мировой суд подавались в управление начальника района лично или через волостную почту. На разбирательство дела обе стороны вызывались повестками. Дела разбирались публично и устно. На заседании необходимо было представлять необходимые документы или свидетелей. Размер пошлины определялся председателем при вынесении решения. Жалобы на решения мировых судей могли подаваться в немецкую военную комендатуру⁹⁹.

Каждый претендующий на должность мирового судьи был обязан заручиться рекомендациями от русских коллаборационистских, а лучше немецких оккупационных властей и заполнить анкету. В последней должны были быть представлены следующие данные о нем:

- 1) фамилия, имя, отчество;
- 2) год и место рождения;
- 3) полученное образование;
- 4) характер работы до войны;
- 5) занимаемые должности после войны.

Кандидат должен был «являться благонадежным, иметь достаточное образование и возраст не моложе 30 лет». Особое предпочтение отдавалось учителям, как людям, «хорошо знающим местную жизнь»¹⁰⁰. В Солецком районе Ленинградской области на эту должность был назначен 77-летний педагог (1865 года рождения), при нем числилось два заседателя, 66 и 68 лет¹⁰¹.

Судье устанавливался оклад содержания в 1000 рублей в месяц¹⁰². С 1 января 1943 года начали свою деятельность местные суды. Они создавались в каждом районе. Суд состоял из председателя и двух заседателей. Предполагалось, что председатель должен быть юристом по образованию. В роли заседателей выступали доверенные лица из населения. Рекомендовалось, чтобы заседателям было

более 50 лет, так как «люди старшего поколения сформировались до 1917 года и знают, что такое настоящая справедливость»¹⁰³.

Разбору и решению в местных судах подлежали гражданские дела, касающиеся трудовых взаимоотношений граждан, споров, вытекающих из различных договоров, наследственные и семейные дела. Там же рассматривались и мелкие уголовные преступления, но при условии, что они не направлены против интересов германской армии.

Специально оговаривалось, что ведению судов не подлежало рассмотрение претензий лиц, у которых советскими властями было конфисковано какое-либо имущество. Обычно подобные проблемы возникали у эмигрантов, которые требовали вернуть имущество, конфискованное у них после 1917 года, в первую очередь земли. Эти вопросы подлежали рассмотрению германских военных властей, «поскольку речь здесь идёт не о правовых спорах, а об административных действиях большевистского правительства»¹⁰⁴.

Судебные сборы по гражданским делам составляли при всякой цене иска 5% от исковой суммы. За каждую выданную гражданам копию с документов, находящихся в судебных делах, бралось по 2 рубля¹⁰⁵.

Создавая судебную систему при «новой русской администрации», оккупанты преследовали в немалой степени пропагандистские цели. Нацисты рассчитывали таким образом добиться стабильности в своем тылу, переложив часть репрессивных функций непосредственно на само русское население. Рассуждения о негуманности советских правоохранительных органов противопоставлялись «немецкому порядку».

Партизаны и подпольщики собирали подробную информацию о людях, которые пошли на службу к гитлеровцам. Это было необходимо для решения ряда вопросов, в частности, насколько убежденным сторонником гитлеровцев является тот или иной коллаборационист, можно ли его использовать в качестве советского агента, насколько необходима его дискредитация или физическое уничтожение.

В одном из партизанских донесений писалось следующее: «Так, бургомистром г. Трубчевска Орловской области был назначен Павлов, бывший инженер мебельной фабрики. Первыми помощниками этого фашистского ставленника согласились стать бывший счетный работник Будаков, бывший физрук школы Мельников, явные уго-

ловники и проходимцы Кондратенко и Панков. Путем шантажа, угроз и различных посулов они сколотили полицейский отряд, подобрав старост деревень и других пособников “нового порядка”. Однако долго выслуживаться перед оккупантами им не удалось. 2 февраля 1942 г. партизаны разгромили Трубчевский гарнизон, захватили город, и многие новоявленные “господа” получили по заслугам»¹⁰⁶.

Однако оккупанты и их пособники могли хозяйничать далеко не на всей территории России, оказавшейся в тылу германских войск. В условиях быстрого продвижения линии фронта в 1941 году некоторые районы, особенно лежащие в стороне от железных и шоссейных дорог, оказались вне контроля вермахта. В этих условиях антифашистское сопротивление смогло восстановить органы советской власти в тылу врага. Так, в Первый партизанский край на Северо-Западе РСФСР, образовавшийся осенью 1941 года, входили территории Белебёлковского и большей части Дедовичского районов Ленинградской области.

В условиях вражеской оккупации на территории России параллельно действовали как советские, так и коллаборационистские органы власти. Несмотря на активную поддержку нацистов, так называемая «новая русская администрация» не смогла взять под жесткий контроль значительную часть населения оккупированных районов России.

Оккупированные области Российской Федерации не получили единой системы управления. Нацисты изначально отвергали любые идеи о создании какого-либо подобия марионеточного русского государственного образования, пусть даже целиком зависящего от III Рейха.

В каждом районе захватчики действовали в зависимости от их потребностей. Они сводились к максимальной эксплуатации местных человеческих и материальных ресурсов.

Немецкая оккупационная политика варьировалась в разных районах в зависимости от возможности осуществления за ними тотального контроля. Там, где была высокая концентрация войск, в прифронтовых районах, она в основном проводилась репрессивными методами. В тех местах, где сил у захватчиков было меньше, широко использовалась ширма «новой русской администрации». За ее декларативными заявлениями о заботе о нуждах мирного насе-

ления скрывалась та же задача: максимальное содействие гитлеровцам в их войне против Советского Союза.

Понимая, что русская антикоммунистическая эмиграция плохо знает специфику жизни в Советской России после 1917 года, нацистами была сделана ставка на привлечение к работе в различных административных органах местных жителей.

Примечания

- 1 Неизвестная Россия, XX век. М., 1993. Вып. 4. С. 249.
- 2 Нюрнбергский процесс. Т. 7. С. 122.
- 3 Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Берлин, 1994. С. 83.
- 4 Речь. 1942. 25 февраля.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Война Германии против Советского Союза 1941–1945. С. 80.
- 8 Цит. по: **Загорюлько, М. М.** Крах плана «Ольденбург». С. 119.
- 9 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 35.
- 10 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 11 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 23.
- 12 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 13 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
- 14 Там же. Л. 20 об.
- 15 Неизвестная Россия, XX век. Вып. 4. С. 254.
- 16 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–21.
- 17 АУФСБКО. Д. 437. Л. 158.
- 18 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
- 19 За Родину. 1943. 28 марта.
- 20 АУФСБНО. Д. 43689. Л. 38.
- 21 Там же. Л. 83.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 86.
- 24 Там же. Л. 121.
- 25 Там же. Л. 220.
- 26 Там же. Л. 60–60 об.
- 27 Там же. Д. 42015. Л. 32.
- 28 Там же. Д. 1/7188. Л. 12.
- 29 Там же. Л. 35.
- 30 Там же. Л. 181.
- 31 АУФСБСО. Д. 9856–С. Л. 20.
- 32 Там же. Л. 14 об.
- 33 Там же. Л. 16.
- 34 Там же. Л. 16 об.
- 35 Там же.
- 36 Там же. Л. 17.
- 37 Там же. Л. 15.

- 38 Там же. Д. 9910. Л. 18 об.
39 Там же. Л. 18.
40 Там же. Л. 18 об.
41 РГАСПИ. Ф. 69. Оп.1. Д. 911. Л. 35.
42 Там же, Л. 35 об.
43 ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.
44 Там же. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.
45 АУФСБКО. Д. 437. Л. 163 об.
46 АУФСБСО. Д. 2231–С. Л. 54 об.
47 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 19 об.
48 Новый путь. 1942. 12 апреля.
49 Там же.
50 Речь. 1943. 25 апреля.
51 АУФСБПО. Д. 3514–С. Л. 43.
52 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.
53 ГАСО. Ф. Р-2575. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
54 Там же.
55 Там же. Л. 9 об.
56 Там же.
57 Там же. Л. 10.
58 АУФСБСО. Д. 9910. Л. 8 об.
59 **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006. С. 120–121.
60 Там же. С. 121.
61 Новый путь. 1942. 19 февраля.
62 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 35 об.
63 Там же.
64 **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. С. 120.
65 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
66 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ. «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
67 Там же.
68 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 35 об.
69 **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. С. 120.
70 Новый путь. 1942. 5 февраля.
71 Там же.
72 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 17. Л. 43.
73 АУФСБСО. Д. 14236. Л. 25.
74 **Мюллер, Н.** Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. С. 255.
75 Там же. С. 256.
76 ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.
77 АУФСБПО. Д. 2367. Л. 31.
78 Там же. Л. 135–141.
79 АУФСБСО. Д. 10345. Л. 24.
80 АУФСБПО. Д. 2367. Л. 135.
81 Там же. Л. 140.
82 Там же. Л. 137–141.
83 АУФСБКО. Д. 437. Л. 183.

- 84 АУФСБОО. Ф. 11. Оп. 1, портфель 2: Об особенностях немецкого военно-административного режима и возможностях нашей агентурной работы в оккупированных районах Орловской области и некоторых районах других областей: справка. Л. 23.
- 85 Речь. 1941. 10 декабря
- 86 Новый путь. 1942. 11 января
- 87 Речь. 1941. 10 декабря
- 88 Смоленский вестник. 1941. 12 декабря.
- 89 Новый путь. 1941. 7 декабря.
- 90 АУФСБПО. Д. 2367. Л. 14.
- 91 АУФСБСО. Д. 10345. Л. 46.
- 92 АУФСБПО. Д. 2343. Л. 24.
- 93 Речь. 1943. 12 марта.
- 94 Там же.
- 95 АУФСБПО. Д. 2343. Л. 53.
- 96 Новый путь. 1942. 7 июня.
- 97 Там же.
- 98 Там же.
- 99 Там же.
- 100 ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
- 101 ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 34. Л. 23.
- 102 Новый путь. 1942. 7 июня.
- 103 ГАНО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 18. Л. 35.
- 104 Речь. 1943. 12 марта.
- 105 ГАСО. Ф. Р-2576. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 106 **Падин, В. Л.** Трубчевск. Тула, 1975. С. 149.

Идеологический коллорационизм

В преддверии Второй мировой войны в Советском Союзе сложилось двойное отношение к фашистской идеологии и её формам воздействия на население. Выступая перед делегатами VII Конгресса Коминтерна (1935), Георгий Димитров в своём докладе «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» отметил, что «фашизм не только разжигает глубоко укоренившиеся в массах предрассудки, но и играет на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях». Вывод, который сделал выдающийся болгарский антифашист, заключался в том, что «силу идеологической заразы фашизма мы ни в коем случае не должны недооценивать»¹.

Тем не менее, в практической деятельности значение идеологических акций против фашизма нередко недооценивалось, а само их содержание примитивизировалось и упрощалось. Во многом это связано с той атмосферой шпиономании, которая установилась в СССР в конце 30-х годов. Ряд видных работников ВКП (б) и Коминтерна, имевших практический опыт борьбы с национал-социализмом, был репрессирован. Советские пропагандисты нового поколения обычно затрагивали лишь внешние проявления гитлеровской Германии – униформу и атрибутику, антикоммунизм и антисемитизм. Зачастую и это подавалось в крайне примитивных

формах, причём не только в средствах массовой пропаганды, но и в военных академиях, высших партийных школах.

Советская военная доктрина выдвигала тезисы о том, что в будущей войне Красная Армия будет воевать на чужой территории не только благодаря военному, но и идеологическому превосходству. Личный состав западных армий, в большинстве своём состоявший из промышленных рабочих, утверждала она, не захочет сражаться против первого в мире социалистического государства. Что касается конкретно Германии, то после подписания пакта о ненападении Сталин и его окружение начали вести крайне осторожную политику, чтобы не дать немцам повод начать войну.

Ряд немецких коммунистов, эмигрировавших в СССР, был депортирован в Рейх. В печати и по радио прекратились какие-либо антигерманские выступления. События начавшейся Второй мировой войны трактовались средствами массовой пропаганды в пользу Германии. И хотя высшее советское военное руководство осознавало неизбежность вооружённого столкновения Советского Союза и фашистской Германии, подобная политика в значительной степени дезориентировала гражданское население СССР.

Накануне Великой Отечественной войны органы пропаганды в фашистской Германии являлись одними из самых эффективных в мире. Сотрудники министерства пропаганды до 1939 года оттачивали свое мастерство на жителях III Рейха. Во многом благодаря их усилиям, Германия к началу Второй мировой войны имела весьма консолидированное общество. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением, проживавшем на оккупированных нацистами территориях.

Уже весной-летом 1941 года нацистская военная машина стала активно перестраиваться для войны против СССР. Немецкие пропагандисты в своей работе пользовались большой свободой и могли оперативно реагировать на любые действия противника. Согласно инструкции Геббельса от 5 июня 1941 года, пропаганда на Россию должна была заключаться в следующем: «..никакого анти-социализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобим настроенную великорусски армию); против Сталина и его еврейских приспешников; земля возвращается крестьянам, но колхозы пока сохранять, чтобы спасти урожай. Резко обвинять большевизм, разоблачать его не-

удачи во всех областях. В остальном же ориентироваться на ход событий...»².

Следовательно, основные тезисы, на которых базировалась немецко-фашистская пропаганда после 22 июня 1941 года, были разработаны ещё до начала военных действий против Советского Союза. На протяжении второй половины 1941 года немецкие пропагандисты вносили лишь незначительные коррективы в эти положения. Они заключались в следующем: представлять населению занятых территорий и бойцам РККА начавшуюся войну как освободительную миссию Германии, борющейся против большевизма. Средства массовой пропаганды оккупантов внушали жителям Советского Союза, что Гитлер и его соратники не в состоянии были спокойно смотреть на варварство Сталина и коммунистов в отношении своего народа. Успехи вермахта неизбежны не только потому, что он является сильнейшим в мире, но и потому, что Красная Армия не хочет и не может воевать за интересы англо-американских капиталистов и ВКП (б).

За несколько дней до нападения на СССР в директиве, обращённой к вермахту, Альфред Розенберг заявил о том, что «применение всех средств активной пропаганды в борьбе против Красной Армии обещает больший успех, чем в борьбе со всеми прежними противниками Германии»³.

Кроме материалов, распространяемых от лица германского командования и коллаборационистской «новой русской администрации», нацисты также выпускали и фальшивки: обращения от лица политических органов РККА и руководства ВКП (б).

Важной задачей всех подразделений нацистских пропагандистских служб летом-осенью 1941 года было внушение населению уверенности в непобедимости германского оружия и скорое окончание войны. Для этого использовались радиорепродукторы, установленные во всех крупных населённых пунктах, газеты, листовки и карты СССР, на которых был отмечен «крестовый поход против ига жидо-коммунистической власти»⁴.

Перед органами пропаганды оккупантов была поставлена задача по полному искоренению большевизма как идеологического течения, а перед органами СД, полиции безопасности, охранными отрядами – по уничтожению всех его носителей⁵.

В пропагандистских акциях также принимали участие подразделения службы безопасности, разные прогерманские общества, русские коллаборационисты. Немецкая пропаганда на оккупированной

территории носила тотальный характер, но вынуждена была приспособляться к реальным условиям.

Большие усилия прилагались нацистами для улучшения качества своей пропаганды. С этой целью они обязывали группы прессы в городах регулярно составлять обзоры газет, распространявшихся на оккупированной территории, указывая на их сильные и слабые стороны. Особое внимание уделялось критическим высказываниям читателей на публикации в периодической печати. Предпринимались меры по расширению корреспондентской сети, улучшению доставки газет в населенные пункты.

Значительное место в идеологической и психологической обработке населения захваченных районов оккупационные власти отводили визуальной пропаганде: кино, организации различных пропагандистских выставок, распространению плакатов. Перечень плакатов дает представление об их содержании. Эволюция этого вида пропаганды характеризовалась максимальным упрощением подаваемого материала, сосредоточением внимания исключительно на текущих проблемах жизни. Немцы пытались учесть специфику восприятия наглядной агитации советскими людьми, которая заключалась в том, что они, и, в первую очередь, сельское население, были приучены к моментальному восприятию четких и конкретных лозунгов, а также некоего зрительного образа. Наиболее распространенными слоганами на плакатах были следующие: «Конец колхозному рабству!», «22 июня 1941 года началось освобождение от большевистского террора», «Гитлер – освободитель» и др.

Но наиболее чудовищные методы рекламирования своих «побед» гитлеровцы применяли не в печати. Через старост всё русское население приглашалось лично посмотреть, по сколько человек сразу германские солдаты уничтожают советских бойцов и командиров.

Так, в июле 1942 года эти чудовищные экскурсии организовывались на месте расстрела раненых и пленных бойцов и командиров 2-й ударной армии. Партизаны писали в центр: «Нам не удалось найти людей, которые ходили смотреть на это беспримерное злодеяние, но население многих деревень Шимского и Солецкого районов Ленинградской области было извещено об этом»⁶.

Как отмечали позднее представители советского сопротивления, гитлеровцы пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной Армии и парализовать волю к борьбе с фашизмом. В этом и заключалась одна из

основных целей идеологического коллаборационизма – вначале разложить население, запугать его, а затем сделать своим потенциальным союзником.

Вплоть до начала битвы под Москвой коллаборационистская печать публиковала материалы, подтверждающие тезис о непобедимости германской армии и её успехах на Восточном фронте. Издававшаяся в Риге «Правда» свои материалы главным образом заимствовала из фашистской периодической печати, предназначенной для жителей Рейха. Это можно объяснить тем, что редакция была представлена в основном русскоговорящими сотрудниками Геббельса. Статьи в подобных изданиях носили описательно-аналитический характер:

11 сентября – «Германская армия под Петербургом», «Красный Балтийский флот без моря».

18 сентября – «Бои в вооружённой зоне Ленинграда», «Советское правительство взывает о помощи», «Боевые трофеи финской армии».

18 октября – «Разгром красных сил на путях к Москве и у Азовского моря», «Уже более трёх миллионов красноармейцев взято в плен», «Дни Москвы сочтены».

25 октября – «65 миллионов русского населения освобождены за четыре месяца военных действий»⁷.

Успешное продвижение немецких войск позволило работникам Геббельса достаточно точно показывать ход военных действий. Но при этом они использовали и некоторые формы дезинформации. Так, в середине октября 1941 года во всех крупных населённых пунктах Ленинградской области нацистами были вывешены плакаты: «Немецкие войска освободили Москву». Данный текст был набран крупным шрифтом. Под ним очень мелко было напечатано о том, что фашистские солдаты вошли в деревню с таким названием. Эта акция вызвала среди населения упорные слухи о падении столицы нашей Родины⁸.

Самохарактеристики оккупантов ограничивались рассказами о благородстве и гуманности немецких солдат. Население извещалось о том, что немецкие солдаты пришли в Россию на время, лишь для того, чтобы бороться с большевизмом. Подчёркивалось, что для русского народа они гораздо ближе, чем коммунисты. В сентябре 1941 года средствами массовой агитации была предпринята пропагандистская акция, из которой следовало, что «большевики

хотели сжечь святыне для каждого русского человека пушкинские места. Германские офицеры, предотвратившие это, оставили свои имена в книге почетных посетителей»⁸.

Сотрудниками Геббельса всячески распространялась информация о разброде и беспорядках в рядах Красной Армии.

Анализируя ход военных действий, немецкая пропаганда подчёркивала не только бессмысленность, но и преступность какой-либо борьбы с Германией. Фотографии пленных или сдающихся в плен предварялись надписью: «В плену у освободителей»¹⁰.

Нацисты пытались использовать в этих целях и внешний вид красноармейцев, при этом вся вина перекладывалась на советскую сторону. В статье «Несчастливые и счастливые» писалось о том, что «с каждым днём увеличивается число русских военнопленных. Большими партиями проходят они по городу под охраной немецких солдат. Жалко смотреть на них... Что сделали с русским народом большевики?»¹¹.

Подобные акции должны были, по замыслу авторов, нейтрализовать негативные эмоции мирного населения по вопросу отношения захватчиков к бойцам и командирам РККА, попавшим к ним в плен.

Особое внимание уделялось деморализации Красной Армии. Из номера в номер публиковалась информация об ошибках советского командования, например: «Как взяли в плен советского генерала», «Советские бомбовозы против своих же частей»¹².

Специально анализировалась политика репрессий как предвоенных, так и в начале Великой Отечественной войны. Она объяснялась тем, что «Сталину нужно показать народу, мол, не вся система гнилая, а есть какие-то вредители, виновные в отступлении армии»¹³.

Как в периодической печати, так и на плакатах печатались карикатуры на советских полководцев. В них гитлеровцы и их пособники пытались отобразить бесперспективность и аморальность любой борьбы с фашизмом. Наиболее характерными можно назвать следующие: «Тень Суворова» (Суворов возвышается над Тимошенко, Будённым и Ворошиловым и говорит им: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в полководцы не годитесь») и «Последний поход красных маршалов» (Тимошенко и Будённый у ворот тюрьмы. Смерть с надписью на косе «НКВД» говорит: «Добро пожаловать, товарищи!» На колючей проволоке фуражки. На них написано: Егоров, Блюхер, Тухачевский)¹⁴.

С осени 1941 года нацистские пропагандистские службы были вынуждены обратить внимание на зарождающееся партизанское движение. Русскому населению внушалась мысль: те, кто называет себя партизанами, на самом деле таковыми не являются. «Партизаны – это те, кто вооружается против армии, враждебной народу, а не освобождающей его»¹⁵.

Следовательно, делался вывод: это не народные мстители, а обыкновенные бандиты. Бороться с ними нужно путём своевременного оповещения об их появлении германской администрации. Жестокость, с которой оккупанты расправлялись с любым проявлением недовольства «новой политикой», объяснялась тем, что «партизанская борьба – это борьба за большевизм, и, следовательно, она не является народным движением... Поэтому правильно действует тот, кто наносит по ним удар безоговорочно и беспощадно»¹⁶.

Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им удастся легко внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах, умелой пропаганде, но и из-за событий предвоенных лет: насильственной коллективизации, необоснованных массовых репрессий, конфликта государства с церковью.

В этих условиях для людей, связанных с советским подпольем, ситуация осложнялась еще и тем, что они почти не имели никакой информации о состоянии дел на фронтах. Часто для них единственным средством информации была та же оккупационная печать¹⁷.

В июне 1941 года Геббельс писал в своем дневнике: «Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого – троцкистская, второго – сепаратистская и третьего – националистически русская. Все три – резко против сталинского режима... Около 50 млн. листовок для Красной Армии уже отпечатано, разослано и будет разбросано нашей авиацией... Нас упрекают в Москве в том, что мы будто бы снова хотим ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро»¹⁸.

Первая радиостанция называлась «Старая гвардия Ленина». В ее передачах часто приводились выдержки из знаменитого ленинского «Письма к съезду», в которых осуждался Сталин.

В работе этих радиопередатчиков принимали участие известные в СССР люди. Среди них были Эрнст Торглер (в прошлом один из руководящих деятелей Коммунистической партии Германии, председатель ее фракции в рейхстаге. Он был ложно обвинен

нацистами в поджоге рейхстага 27 февраля 1933 года. Но на Лейпцигском процессе вел линию исключительно своей личной, а не политической защиты. После оправдания Имперским судом стал активно сотрудничать с гитлеровцами) и Карл Альбрехт (бывший коммунист, в начале 30-х годов возглавлял наркомат лесной промышленности СССР. В середине 30-х годов был репрессирован. Смог перебраться в Германию в конце 1939 года, автор книги «В подвалах ГПУ»). Последний подробно рассказывал «о всех кругах ада», которые он прошел в застенках НКВД, при этом он акцентировал внимание слушателей на том, что его соседями по нарам часто были сами старые чекисты, еще знавшие Ленина и Дзержинского, или «следователи, которые только вчера допрашивали людей, с которыми сегодня они оказались в одной камере»¹⁹.

Поскольку радиоприемники у большинства советских граждан были изъяты в первые дни войны, можно предположить, что эти передачи были направлены на адресного слушателя. К ним сотрудники ведомства Геббельса относили сотрудников органов государственной безопасности и партийно-советскую верхушку.

Предполагалось, что немецкая пропаганда, ведущаяся от лица антисталинской оппозиции, вызовет новый вал репрессий в Советском Союзе, в том числе и в органах государственной безопасности. Также не исключалась возможность провоцирования в советском тылу антиправительственных выступлений.

Деятельность сталинского руководства в 20–30-х годах предоставила богатый материал для критики советских порядков. Невозможность дальнейшего существования советской власти наиболее полно обосновывалась в письме Генеральному секретарю ВКП (б) «Советы русского крестьянина Сталину». В нём анализировалась вероятность победы СССР и Сталина в этой войне. Автор признавал возможность этого только при претворении в жизнь ряда условий, в том числе изначально невыполнимых и фантастических: воскрешении всех убитых после 1917 года, освобождения заключённых из тюрем и лагерей, ликвидации колхозов, примирении с церковью, покаянии всех коммунистов²⁰.

Специфическим средством разложения населения России являлись немецкие листовки-провокации, писавшиеся в виде обращений командиров и комиссаров РККА к своим бойцам и мирному населению. Некоторые из них были построены на подлинных цитатах вождей Коммунистической партии и советского государства²¹.

Обычно они адресовались тем людям, которые, искренне сражаясь за идеи социализма, не могли не видеть порочные черты сталинского режима. В них говорилось: «Сам Ленин не желал, чтобы Сталин стал его преемником. Ленин не доверял Сталину и чувствовал, что при нём Советский Союз погибнет... Но мы унаследовали храбрость и отвагу Александра Невского, Петра Великого и М. Кутузова... В наших руках оружие, и мы сбросим проклятое сталинское иго!»²².

Согласно партизанским донесениям, подобные акции способствовали расколу в некоторых группах, оставленных для подпольной работы²³.

Другой формой провокаций являлась доведённая до абсурда лексика Главного политического управления Красной Армии. Листовки данной группы сообщали населению о том, что война была начата по инициативе СССР для экспорта мировой революции, вестись она будет до последней капли крови, а «в крайнем случае, наши вожди с нашим имуществом могут уйти за границу»²⁴.

Основной поток информационного воздействия нацистской пропаганды был направлен на слушателя, находившегося на оккупированных территориях. В первые месяцы войны советская сторона не смогла организовать сколь-либо существенного противодействия пропаганде противника.

Деятельность нацистских пропагандистских служб осуществлялась по нескольким направлениям: через печать (газеты и листовки); аудиовыступления (передачи проводного радио, налаженные во многих населенных пунктах уже через несколько недель оккупации, и через репродукторы и рупоры); активные акции (экскурсии для населения в тюрьмы и торжественные похороны «жертв НКВД»); передвижные выставки «Кровавые злодеяния ЧК-ГПУ-НКВД», «Красный «рай», «Так живут рабочие и крестьяне в Германии» (обычно для нее использовался специально оформленный автобус, который в воскресные дни парковался на базарных площадях областных и районных центров); кино (все художественные фильмы в обязательном порядке начинались просмотром немецкой хроники о положении в Германии, на Восточном фронте и в «освобожденных» областях); театральные и художественные постановки; адресно-тематическая, для определенных категорий населения (занятия для функционеров коллаборационистской администрации, учителей школ, полицейских, карателей и пр.).

Наиболее активно сотрудники ведомства Геббельса занимались печатной пропагандой. В первые месяцы оккупации газеты русскому населению раздавались бесплатно. Тематика номеров утверждалась министерством пропаганды III Рейха. Массовые тиражи изданий позволяли распространять их практически во всех населенных пунктах.

При составлении листовок и прокламаций за основу брался конкретный материал, который мог быть известен местным жителям, и из других источников информации. Это могла быть партизанская акция, связанная с реквизициями, с человеческими жертвами, или факт какого-либо «благоденствия» со стороны оккупантов (открытие церкви, школы или кинотеатра, освобождение военнопленных из числа «честных хлеборобов»).

Следует признать, что в первые, самые тяжелые месяцы войны, для советской стороны была характерна недооценка органов пропаганды противника. Политическое управление Красной Армии ошибочно считало, что позитивно воспринимать информацию, исходящую от противника, могут только потенциальные противники советской власти. При этом недооценивалась такая форма борьбы с врагом, как контрпропаганда. В ноябре 1941 года начальник Политического управления Северо-Западного фронта писал в Главное политическое управление РККА: «В провокационном и авантюристическом характере, в лживости враждебной пропаганды – её главная слабость... Поэтому-то фашистская пропаганда и не доходит до населения, на которое рассчитана. Поэтому-то в нашей пропаганде нет необходимости даже опровергать содержание вражеских газет и листовок, ибо их опровергают сами фашисты своими делами: убийствами, грабежами, насилием, которые они чинят в оккупированных районах»²⁵. Это была явная попытка выдать желаемое за действительное.

К этому времени гитлеровцам удалось полностью развернуть свои пропагандистские подразделения на оккупированной территории. Недооценка их деятельности негативно отражалась на всём комплексе советских пропагандистских акций: распространении советских газет и листовок, прокламаций, обращённых к солдатам противника, беседах и встречах с мирным населением.

Партизаны и подпольщики в первые месяцы войны оказались совершенно не готовы к активной контрпропагандистской деятельности. В большинстве своём приёмники, способные принимать ра-

диопередачи с большого расстояния, были изъяты у населения советскими органами ещё в конце июня 1941 года. В условиях начавшейся вражеской оккупации возможность организовать сопротивление врагу с помощью радиопередач из Москвы и Ленинграда сократилась до минимума. Находясь в информационной блокаде, народные мстители опасались самостоятельно начинать пропагандистскую работу, так как изначально предполагалось, что все материалы будут доставляться из центра²⁶.

Однако 1941 год принёс и позитивные результаты: Советский Союз сорвал планы молниеносной войны, и поэтому оккупанты были вынуждены перестраивать свою пропагандистскую работу. Партизаны и подпольщики получили первоначальный опыт в проведении идеологических акций.

Реально начало всесторонней борьбы с немецко-фашистской идеологией можно отнести к концу осени 1941 года. Оно связано, в первую очередь, с партизанскими рейдами из-за линии фронта. Народные мстители обнаружили, что советской литературы: газет, листовок – поступает явно недостаточно. Жители некоторых деревень не видели её с начала оккупации. Население высказывало жалобы, что ограниченное количество советской прессы разбрасывалось самолётами в прифронтовой зоне, откуда местные жители обычно были выселены²⁷.

Первые месяцы войны вскрыли важнейшие недостатки советской пропаганды: её абстрактность и неоперативность. Они были связаны с отсутствием у пропагандистов практического опыта ведения аргументированной дискуссии с идеологическим противником в предвоенные годы, а также страхом допустить при самостоятельной работе политическую ошибку. Партизаны и подпольщики не имели опыта практической контрпропагандистской работы, а предвоенные наработки и штампы оказались не только ненужными, но и нанесли заметный вред в процессе организации пропагандистской деятельности. Отсутствие у народных мстителей постоянной связи с центром мешало им организовывать акции по разоблачению деятельности нацистских служб.

Кроме этого, эффективность и успехи нацистской пропаганды на первом этапе войны зависели в основном от трёх условий:

- 1) дезориентации значительной части населения на оккупированной территории;

2) обеспечения относительной монополии в области информации;

3) подкрепления пропагандистских акций практическими успехами на фронтах.

Как видно, немецко-фашистская пропаганда на начальном этапе была неразрывно связана с осуществлением плана молниеносной войны. Хотя ей удалось через местную администрацию и свои подразделения охватить значительную часть населения оккупированных областей России (разовый тираж коллаборационистских газет насчитывал сотни тысяч экземпляров), оно стало быстро разочаровываться в формах и методах проведения оккупационной политики. Изменившийся характер войны требовал от нацистов перестройки их деятельности. Зима 1941–1942 годов, стабилизация линии фронта и, как следствие этого, частичный отвод подразделений вермахта в тыл значительно усложнили положение сил сопротивления.

К весне 1942 года оккупантами разрабатывается новая программа идеологического воздействия на население. Она предусматривала следующие направления. Предполагалось внушить населению мысль, что русский народ сможет получить свободу и благосостояние только после победы Германии, которая предрешена – это только вопрос времени. Резко активизировалась реклама жизненного уровня в Германии. В ней обещалось, что после войны русские крестьяне и рабочие будут жить не хуже. Жителей предупреждали, что поскольку бандиты-партизаны продлевают войну и являются врагами мирного труда, любая связь с ними приведёт к расстрелу виновных и сожжению их домов²⁸.

Новые задачи требовали расширения пропагандистской и освещительной сети, в первую очередь, за счёт привлечения коренного населения. На него оккупанты собирались переложить как пропагандистские, так и полицейско-карательные функции. Патриотизм в 1942 году провозглашался коллаборационистской печатью как противостояние русского народа «Сталину, развалившему страну, армию репрессиями, а теперь призывающему бороться с немцами, которые помогают крестьянам семенами, инвентарём и т. д., когда комиссары при отступлении поджигали поля... Патриотизм – это славная борьба с большевизмом»²⁹.

По-прежнему из номера в номер шли публикации о непобедимости немецкой армии и её союзников. Затянувшуюся войну объ-

ясняли тем, что коммунисты, не жалея свой народ, без конца бросают его в эту бессмысленную мясорубку³⁰.

Министерство пропаганды подготовило «Предложения по составлению листовок для войск противника», в которых говорилось о том, что «пропаганда разложения – грязное дело, не имеющая ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является только сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть в души солдат противника, заронить в них разлагающие их лозунги, – совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действенны!»³¹

Безусловно, эти рекомендации нельзя воспринимать буквально. Геббельс просто напоминал своим подчиненным, что для пропагандиста в его работе подходят все методы, если они способствуют достижению цели. В своих прокламациях нацисты писали о Гитлере, национал-социализме и Германии в восторженных тонах.

Несмотря на возросшее качество, немецко-фашистские пропагандистские акции во многом нейтрализовывались деятельностью партизан и подпольщиков.

Вести свою работу народные мстители реально могли лишь вдали от крупных населённых пунктов и расположенных там вражеских гарнизонов. В тех местах, где их появление было невозможно, пропагандистские функции перекладывались на патриотически настроенную сельскую интеллигенцию и старост, сочувствующих народной борьбе с фашизмом. Ими расклеивались рукописные листовки о положении дел на фронтах, о том, что Красная Армия не разбита и о том, что не надо верить фашистской пропаганде.

Подобное положение вещей заставило нацистов решить задачу, которая заключалась в том, чтобы лишить пропаганду противника всякой почвы раньше, чем его сообщения смогут достичь слушателей или читателей. Для этого оккупационная печать стала ссылаться не только на сводки германского командования, но и на Совинформбюро. При этом советские материалы подавались только с критической точки зрения. Их обвиняли в предвзятости и неоперативности в освещении хода военных действий. Коллаборационистские журналисты насмеялись над «бессмысленно-лживым описанием несуществующих немецких зверств», убожеством описаний

«героических» подвигов красноармейцев, единолично уничтожающих целые колонны немецких танков»³².

Анализируя заявления советской стороны об «экономической депрессии Германии и её союзников», оккупационные средства массовой информации не только опровергали это, но и утверждали, что «все случаи краха экономики явно списаны с каких-нибудь предприятий на Урале или Средней Азии»³³.

Но поскольку все же советские листовки стали реальной силой, с которой нацистским пропагандистам приходилось считаться, они организовали выпуск поддельных «Вестей с Советской Родины». Сделаны они были исключительно качественно: бумага, шрифты, лексика, выходные данные полностью соответствовали советскому оригиналу. В тексте отсутствовали малейшие проявления антикоммунизма и антисемитизма. Приводились подлинные цитаты из сводок Совинформбюро, выступлений И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова. Разница заключалась лишь в публикации завышенного числа советских потерь. Предполагалось, что «эти факты (потери) должны распространять главным образом члены партии, а то разочарование в том, что Красная Армия не продвигается вперед, будет слишком велико»³⁴.

Советская власть, сопротивление нацистскому режиму, коммунистическая партия и ее руководство подвергались уничижающей критике. Во многих российских проблемах обвинялись евреи. Но к одним из наиболее опасных противников нацисты относили сотрудников советских органов государственной безопасности. Советские чекисты противопоставлялись всему остальному населению СССР³⁵. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан пошел еще дальше. В своей брошюре «Евреи и большевики», которая была выпущена ко дню рождения Адольфа Гитлера 20 апреля 1942 года, он утверждал, что «так называемое ГПУ–НКВД на самом деле является марионеткой в руках мировой закулисы – еврейского заговора, цель которого – порабощение народов Европы»³⁶.

Одним из направлений нацистской пропаганды было использование советских литературных произведений или советских литературных штампов. Когда говорилось об арестах и репрессиях против неповинных граждан, всячески подчеркивалось, что совершались и совершаются они «карающим мечом пролетарской революции – НКВД»³⁷.

Некоторые пропагандистские документы оформлялись нацистами в виде трофейных документов НКВД. Причем имели место как фальшивки, так и подлинные документы. Так, широко распространялось «Дело № 18», построенное на трофейных докладных записках и спецсообщениях по особому отделу НКВД 4-го стрелкового корпуса Красной Армии.

Это «Дело» было оформлено как подлинный документ НКВД. Во введении рассказывалось, каким образом оно оказалось в руках нацистских пропагандистов: «Дребезжали стекла от грохота орудий. Чекисты с посережшими лицами трясущимися руками вытаскивали из шкафов кипы дел, тащили во двор, где среди грязи полыхал костер... Чекисты бежали. Папка осталась. На ней следы шипов от сапога немецкого солдата. Должно быть, он ногой гасил тлеющую бумагу»³⁸.

Для немецкой пропаганды были характерны так называемые «лозунги дня», помещавшиеся на первых страницах всех газет. В них резюмировались основные тактические цели и задачи, стоящие перед III Рейхом. «Дело № 18» рассматривалось как «капля, но в этой капле отражается весь злобный мир большевизма с его террором, слежкой, доносами и предательством»³⁹.

Определяя место органов государственной безопасности в советском обществе, нацисты писали: «За советскую родину идут бесславно умирать гонимые под огонь немецких пулеметов толпы красноармейцев. Они знают, что где-то там, в тылу, притаились с пулеметами чекисты из “заградительных отрядов”, что в Красной Армии есть уполномоченные НКВД, и это, пожалуй, все, что им известно о кровавой сталинской охранке... Но они не знают, какой густой чекистской паутиной опутан каждый из них...»⁴⁰

Чекистская же сеть нужна для того, чтобы вылавливать красноармейцев и командиров, которые после этого исчезают из части, «пропадают в тюрьмах, концлагерях, либо в ямах, наспех вырытых на месте торопливого расстрела»⁴¹.

У многих людей, оказавшихся на оккупированных немцами территориях, родственники и знакомые служили в Красной Армии. Им необходимо было внушить мысль, что красноармейцы продолжают вооруженную борьбу с вермахтом только потому, что они оболванены советской пропагандой, и за каждым их шагом и словом следят сотни и тысячи доносчиков. Что касается штатных сотрудников НКВД, то их задача «не только руководить сворой до-

носчиков, но и следить за следящими, доносить на доносчиков, предавать предателей». На вершине же этой лестницы, согласно немецкой пропаганде, стояли «жирные и звероподобные майоры и капитаны госбезопасности иудейского происхождения»⁴².

Немецко-фашистская печатная пропаганда в качестве примера абсолютного зла рассматривала верхушку большевистской партии, евреев и сотрудников органов государственной безопасности. Все они, как утверждали немцы, патологически ненавидят русский народ и являются абсолютно чужеродной силой для России: «Каждый опутанный тенетами доносов, погубленный русский человек – это возможность чекисту получить награду, повышение в чине, быть отмеченным в приказе. На муках сосланных в концлагеря, на крови расстрелянных жидется шкурное благополучие и карьера любого чекиста»⁴³.

Одной из форм печатной пропаганды была публикация выдержек из советских газет (иногда и из довоенных). Все они сопровождались соответствующим комментарием. Так, информация о награждении ряда сотрудников органов государственной безопасности орденами СССР завершалась следующими словами: «Социалистический рай» Сталина – это единственное в мире государство, где доносчики, тюремщики, шпики и палачи перед лицом всего народа украшаются наивысшими наградами и орденами за свои «мокрые» дела. С каждого «ордена Ленина», повешенного на грудь лейтенанта госбезопасности, сочится кровь расстрелянных рабочих и крестьян»⁴⁴.

При подборе лексического ряда для своих материалов сотрудники пропагандистских служб рейха стремились выбрать слова, которые могли бы вызвать подсознательную негативную реакцию у русского населения. Очень часто это были слова и штампы, использовавшиеся в советской довоенной пропаганде. Так, серия статей, опубликованная в 1942–1943 годах в ряде коллаборационистских изданий, получила название «В кольце шпиков». При этом использовалась терминология, которая активно употреблялась в советских фильмах о Ленине. НКВД очень часто именовался «Сталинской охранкой», а чекисты – «сталинские жандармы».

К антисоветской борьбе в довоенные годы у нацистов в их пропаганде было двоякое отношение. С одной стороны, усиленно прославлялись люди, павшие «в борьбе с проклятым жидобольшевизмом», с другой – утверждалось, что «из кровавой исто-

рии ОГПУ мы хорошо знаем, что организаторами и, вероятно, вдохновителями многих антисоветских групп и заговоров чаще всего бывали сами чекисты»⁴⁵.

Практически все немецкие газеты и листовки заканчивались выводом о том, что благодаря немецкому солдату рушатся застенки «всесоюзной тюрьмы народов», кончается власть шпиков и агентов НКВД, которые почти четверть века держали вас днем и ночью в страхе»⁴⁶.

Кроме газетных публикаций, на оккупированной территории России распространялось огромное количество книг о советских органах государственной безопасности. Это были как «научные исследования», так и воспоминания бывших узников ГУЛАГа. В 1942 году берлинское издательство Бера опубликовало на нескольких языках, в том числе и на русском, книгу, ужаснувшую всех дикими подробностями о содержании заключенных в трудовых лагерях системы ГПУ–НКВД. Книга была написана Кайтаном Ключом и называлась «Самое величайшее рабство в мировой истории». Издатели пообещали, что это произведение будет продаваться во всех магазинах и станет сенсацией во всем мире. Тираж достиг нескольких миллионов экземпляров. Как вспоминали участники советского сопротивления, большой популярностью данная литература пользовалась в немецкой контрразведке. Она являлась необходимой составляющей в обработке задержанных с целью привлечения их к сотрудничеству с немецкими спецслужбами⁴⁷.

Особо можно отметить акции, с помощью которых нацисты апеллировали к международному общественному мнению и привлекали к сотрудничеству граждан нейтральных стран. Весьма активно освещались события, связанные с Катынским делом. Члены международной комиссии в мае 1943 года ознакомились с «преступлениями цепного пса жидо-большевистского режима НКВД»⁴⁸. «Останки 12 тысяч польских офицеров, попавших в плен к советским войскам в 1939 году и позднее расстрелянных войсками НКВД», демонстрировались в кинохронике, этому трагическому событию посвящались книги и международные конференции. Широко распространялась книга «Массовые казни в Катынском лесу: документальный отчет». Наибольшее значение в этой книге имел протокол, подписанный европейскими экспертами из двенадцати европейских стран. В конце апреля 1943 года они посетили место, где производились расстрелы, и их доклад подтвердил обоснован-

ность немецких обвинений в адрес органов НКВД. Нацисты со злорадством повествовали о еврейх, сотрудников НКВД, которые «с садистским удовольствием приканчивали польских патриотов своим излюбленным приемом – выстрелом в затылок»⁴⁹.

На протяжении всей войны нацисты критиковали союз СССР с Великобританией и США. Одним из утверждений гитлеровской пропаганды было то, что эта война для русского народа является войной за чужие интересы. Газетные «лозунги дня» регулярно провозглашали, что «англо-американские плутократы и жидовствующие капиталисты – это злейшие враги всех трудящихся!»⁵⁰.

Все мероприятия союзников, как утверждали немцы, были направлены на расчленение России и превращение её в англо-американскую колонию. Публиковались документы, из которых следовало, что Великобритания и США уже пытаются сделать из Владивостока второй Сингапур, что «Англия как вредитель Европы уже в 1917 году работала для распада России». При этом коллаборационистская пресса писала о том, что СССР не получает от союзников военные материалы и боеприпасы не потому, что они не в состоянии это сделать, а «по утверждению Черчилля, США не думают помогать Советам». Подобное двуличие объясняли тем, что «президент США, бывший торговец валютой, связан с капиталистами, грабит американский народ. Нельзя удивляться, что и сейчас он всячески старается подкрепить буржуев и ненавидит борющийся с ним германский национальный социализм»⁵¹.

Одной из причин, породившей дефицит ряда товаров, корреспонденты профашистских изданий называли убыточную для СССР торговлю со странами антигитлеровской коалиции. Все факты якобы имевшей место антинациональной политики объяснялись тем, что «вот уже 23 года интернациональная банда преступников, именующая себя III Интернационалом, при посредстве жидов-капиталистов эксплуатирует русский народ»⁵².

Население целенаправленно подводили к мысли о том, что коммунистическое руководство является наднациональным и надгосударственным образованием, для которого его личные интересы и интересы его капиталистических союзников неизмеримо важнее нужд и проблем русского народа.

Критиковались и спецслужбы стран-союзников. Так, в материале «Английское ГПУ» говорилось: «Подобно советской системе, английская имеет нечто вроде собственного ГПУ. Разница заключается

лишь в том, что английское ГПУ, именуемое Сикрет Сервис, не служит для внутригосударственного потребления, но систематически работает вне пределов Британских островов всякий раз, как появляется опасность разрушения устоев Британской империи». Далее в материале шло перечисление многочисленных преступлений против национально-освободительного движения в колониях Англии этой «верной подруги НКВД» и делался вывод: «Все эти инциденты доказывают, что между гнилой английской плутократией и кровавыми диктаторами, засевавшими в Кремле, существует несомненное внутреннее сходство. Не будь ГПУ, Ленину и Сталину не удалось бы так долго удержаться у власти в “советском раю”. И лондонские империалисты держали и держат в подчинении свои народы во всех частях света, главным образом, при помощи Сикрет Сервис»⁵³.

Вопросом взаимоотношений СССР с западными демократиями немецкие пропагандистские службы занимались до конца войны, хотя количество публикаций к 1943 году несколько сократилось. Это можно объяснить, с одной стороны, провалом акций, которые вызвали недоверие (желание союзников по антигитлеровской коалиции расчлнить СССР, полное отсутствие с их стороны какой-либо помощи), а с другой – обострением отношений на оккупированной территории. Но при этом после освобождения, согласно донесениям агентуры в райотделы НКГБ, некоторые граждане все-таки считали союз СССР с США и Великобританией временной и вынужденной мерой. По их мнению, союз мог быть расторгнут:

а) войной СССР со своими вчерашними союзниками за мировое господство;

б) оккупацией СССР западными демократиями, ликвидацией коммунистического режима⁵⁴.

Подобные слухи усилились в послевоенные годы, в условиях начавшейся «холодной войны».

С середины 1942 года нацисты усиленно подчёркивали, что так называемая «свободная русская пресса в освобождённых областях» полностью независима в своих суждениях. Коллаборационистские выступления строились на противопоставлении русского народа и коммунистов. Население пытались подвести к выводу, что большевики, призывающие народ к защите национальных завоеваний, на самом деле стремятся лишь к сохранению своего господства⁵⁵.

Все публикации в пронацистских средствах массовой пропаганды преследовали одну цель – не допустить развертывания со-

ветского вооруженного и пассивного сопротивления нацистскому режиму в западных областях России.

Для ведения пропаганды среди населения временно оккупированных районов фашисты создали специальный аппарат. Общее руководство идеологической пропагандой осуществляло министерство пропаганды, во главе которого стоял Й. Геббельс. При министерстве были созданы два отдела: отдел борьбы против Коминтерна и Восточный отдел («Винета»). Восточный отдел имел подотделы активной пропаганды (в нем были отделения по выпуску брошюр и листовок, газет, плакатов, по организации выставок, по использованию передвижных громкоговорителей), кино-, радиопропаганды, культуры, книжной связи, комиссаров по особым поручениям. Параллельно действовала система организации пропаганды в аппарате А. Розенберга, имперского министра восточных территорий. При генеральном штабе фашистской армии работало специальное управление по ведению пропаганды среди населения оккупированных областей.

В каждой армии имелись взводы и роты пропаганды. В крупных городах и населённых пунктах при военно-полевых комендатурах, в городских управах действовали отделы пропаганды (иногда они назывались отделами культуры и просвещения)⁵⁶.

К моменту нападения на СССР в войсках, предназначенных к войне на советско-германском фронте, было 19 рот пропаганды (12 – в сухопутных войсках, 4 – в военно-воздушных силах, 3 – в военно-морских силах) и, кроме того, насчитывалось 6 взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, фото-, кино- и радиорепортёры, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей и киноустановок, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, плакатов, листовок, сотрудники фронтовых газет, переводчики.

Помимо этих сил, для работы с местным советским населением каждая из трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») имела специальный батальон пропаганды, который занимался изданиями газет на языках оккупированных народов.

К апрелю 1943 года численность подразделений пропаганды вермахта достигла 15 тысяч человек⁵⁷.

На начальном этапе войны роты пропаганды в основном занимались идейной обработкой своих войск, по мере же развития событий на Восточном фронте в их деятельности всё больше начала

преобладать пропаганда, нацеленная на войска и население Советского Союза.

Роте пропаганды непосредственно подчинялся ostpropzug – «взвод пропаганды на востоке». Его сотрудники, занимаясь пропагандистской и контрпропагандистской деятельностью, активно создавали школы пропагандистов, предназначенные для русского населения.

Так на Северо-Западе России в 1941–1942 годах они открылись в Дно, Порхове, Пскове, Луге. Данные школы, имевшие штат из 5–6 преподавателей и 10–20 слушателей, занимались решением следующей первоочередной задачи оккупантов: вербовкой и подготовкой пропагандистских кадров из числа интеллигенции или хотя бы идеологической обработкой её в фашистском духе.

Эти «специальные образовательные учреждения» функционировали круглый год. Для обеспечения учебного процесса имелись специальные помещения с оборудованными залами, комнаты для занятий, библиотеки. Посещение лекций считалось обязательным для учителей, врачей, служащих оккупационной администрации. На лекциях, единый цикл которых читался от одной до трёх недель, слушателей (в зависимости от их профессиональной принадлежности) знакомили с организацией здравоохранения, системы народного образования, управления и т. д. в Германии. На остальных занятиях критиковались ВКП (б) и государственный и политический строй России после 1917 года, советская культура, быт, наука и искусство. Порядки в Советском Союзе противопоставлялись «счастливой жизни простых труженников в третьем рейхе»⁵⁸.

Школами руководили офицеры-пропагандисты вермахта. К чтению лекций, кроме русскоговорящих немцев, привлекались и русские послереволюционные эмигранты, проживающие в Германии (местные, наиболее проверенные пропагандисты стали использоваться в этой роли только с середины 1943 года)⁵⁹.

Во время обучения слушатели жили на казарменном положении. Их бесплатно кормили, им выдавали книги, а с 1943 года – форму РОА⁶⁰.

В 1941–1942 годах интеллигенция составляла от 20 до 30% от общего числа обучавшихся в пропагандистских школах. С 1943 года школы практически полностью формировались за счёт русских сотрудников «взвода пропаганды на Востоке» и добровольцев,

из числа полицейских, старост, а также военнопленных и перемещённых лиц, согласившихся сотрудничать с оккупантами⁶¹.

Методика обучения сводилась к записи под диктовку основных положений лекций. Предполагалось, что эти конспекты смогут помочь в работе с населением. В конце курса учащийся был обязан выбрать какую-либо рекомендованную тему, разработать её при помощи преподавателя и выступить с нею перед своей группой⁶².

С 1943 года школы стали специализироваться по различным направлениям – отдельно готовились пропагандисты для личного состава РОА, для работы на линии фронта, с эвакуированными, женщинами, молодёжью. Для лучшего решения этой задачи с 1943 года обучение мужчин и женщин стало производиться раздельно⁶³.

В 1941–1942 годах для районных и волостных пропагандистов читались лекции по истории национал-социализма, изучалась биография Адольфа Гитлера и его соратников. Значительное место в процессе обучения занимала обработка слушателей в антисоветском, пронемецком и антисемитском духе. По окончании курса в их обязанности входило проведение нацистской агитации и пропаганды, распространение полученной в школе литературы среди населения волости или района. Все они были должны доносить вышестоящему начальству (обычно из немцев) о настроении жителей вверенных им районов, о коммунистах, комсомольцах и просоветски настроенных гражданах⁶⁴.

В 1941–1942 гг. наиболее активные пропагандисты поощрялись как морально (грамота от оккупационных властей, статья в коллаборационистской прессе «Они помогают строить Новую Европу», благодарность), так и материально (снижение налогов, выдача скота или сельхозинвентаря). С 1943 года каждое выступление перед населением стало оплачиваться – пропагандист получал по 25 оккупационных марок⁶⁵. Материальное поощрение было связано с усилением партизанского движения и участвовавшими фактами физического уничтожения коллаборационистов.

Руководство пропагандистских школ рекомендовало своим выпускникам сравнивать положение населения при оккупантах и в предвоенные годы. Темы докладов утверждались следующие: «Пороки колхозной системы и достоинства ведения хозяйства единолично»; «Налоги в Советском Союзе и при немцах»; «Почему Русская освободительная армия борется с большевизмом»; «Кто победит в этой войне». Населению зачитывались выдержки из коллабо-

рационалистской прессы, и объяснялась необходимость эвакуации в немецкий тыл⁶⁶.

Женские школы обучали пропагандисток работе с личным составом РОА и эвакуируемыми. При поступлении требовалось высшее или среднее образование, общая развитость, верность идеям национал-социализма. Возраст курсанток варьировался от 16 до 40 лет⁶⁷. На занятиях, которые продолжались одну-две недели, освещались следующие вопросы: что такое национал-социализм, расовая теория, советская и немецкая женщины, манифесты генерала Власова. Ещё в ходе обучения слушательницы были обязаны ходить на железнодорожные станции и пункты сбора эвакуируемых: среди направлявшихся в немецкий тыл советских граждан распространялась нацистская литература на русском языке, насильственно эвакуированным внушалась мысль, что все остающиеся будут уничтожены Красной Армией и её комиссарами, потому что они «видели свободу»⁶⁸.

При посещении госпиталей для солдат РОА и карателей с ранеными и больными, кроме распространения среди них газет и листовок, разучивались популярные советские музыкальные произведения с новыми словами. Так, теперь «три танкиста, три весёлых друга» служили в РОА, а смысл песни «Легко на сердце от песни весёлой» сводился к благодарности русского крестьянства немцам и Гитлеру за то, что оно стало хозяином на своей земле⁶⁹.

Молодёжные школы (туда принимались юноши 16–20 лет), кроме общепропагандистских задач, занимались подготовкой вербовщиков в РОА. Им читались лекции по методикам вербовки, о воспитании молодёжи в Германии, о задачах РОА и о роли пропаганды среди советского гражданского населения, находящегося в тылу у немецких войск⁷⁰.

Во время учёбы в школе курсанты по заданию немцев ходили на железнодорожные станции, к эвакуируемым. Посещали лагеря военнопленных (для этого им выдавался специальный пропуск) и организовывали встречи с молодёжью. В ходе этих мероприятий распространялись газеты «Доброволец», «Заря», журнал «Блокнот солдата РОА», различные антисоветские плакаты, прокламации с выступлениями генерала Власова и о нём самом. Основной целью, которая ставилась перед курсантами фашистским руководством, было вовлечение в РОА добровольцев и обеспечение очередного набора в пропагандистские школы⁷¹.

В 1943–1944 году по мере успешного наступления Красной Армии все школы были эвакуированы на территорию Прибалтики, а затем в Германию. Занятия в школах постепенно сворачивались из-за отсутствия базы и контингента учащихся. Все выпускники стали использоваться в качестве штатных сотрудников РОА⁷².

К преподаванию в этих школах привлекались эмигранты и политработники РККА из военнопленных, согласившиеся сотрудничать с врагом. Курсантам читались лекции по истории России и Советского Союза, на которых анализировалась внутривнутрипартийная борьба в ВКП (б) с 1903 года, жизнь в СССР противопоставлялась жизни в фашистской Германии. Слушателей знакомили с основными аспектами нацистского национального социализма и темпами роста промышленности и сельского хозяйства рейха за 10 лет, с 1933 по 1943 годы⁷³.

К основным задачам РОА преподаватели школ относили совместную борьбу с германской армией против большевизма и построение после войны Новой России – без евреев и коммунистов⁷⁴.

Поступавший на курсы пропагандистов заполнял анкеты, где должен был ответить на ряд вопросов: что привело его в ряды РОА, был ли он обижен советской властью и, если обижен, то как. На этот вопрос положительно ответило 60% опрошенных. В большинстве своём они писали о том, что были осуждены в 1937–1938 годах и в начале войны (но при анализе этих анкет следует учитывать тот факт, что некоторые курсанты могли специально объявить себя репрессированными для того, чтобы немецкая администрация им больше доверяла).

Значительную часть будущих пропагандистов составляли лица, всеми путями стремившиеся вырваться из фашистского плена. Некоторые из них заняли выжидательную позицию, но были и попытки создания в школах подпольных большевистских организаций. За первые два месяца деятельности этих школ (март-апрель 1943) гестапо было арестовано 90 человек из 450⁷⁵.

Ужесточив требования к поступающим, руководство курсов оказалось не в состоянии обеспечить выпуск, требуемый «взводом пропаганды на Востоке». Несмотря на расширение сети школ в августе 1943 года, удостоверение пропагандистов получили вместо 1500 всего 300 человек⁷⁶.

Даже среди той группы, которая искренне шла на сотрудничество с нацистами, не было единодушия. Многие не верили, что

Германия в случае своего военного успеха пойдёт на создание независимой русской администрации⁷⁷.

Ход боевых действий в 1943 году внёс коррективы в основную задачу, которую ставили перед выпускниками школ. Если в начале года это была консолидация всех русских в борьбе против советской власти, то со второй половины года основным объектом стали эвакуируемые, которым внушалась мысль, что сдача немцами части территории СССР является временной мерой и проводится для выравнивания линии фронта.

По замыслу оккупантов пропагандисты низшего звена: волостные пропагандисты, старосты, письмоноscopy – должны были обеспечить тотальное идеологическое воздействие на гражданское население в условиях неудач вермахта на фронтах Великой Отечественной войны.

В инструкциях *ostpropzug*'а по работе с населением предполагалось, что представители русской администрации, кроме распространения печатной продукции, будут выступать перед населением с докладами на следующие темы: «Победа Германии обеспечена, поражение большевиков предрешено», «Положение дел на фронтах», «Германия для России – пример для подражания», «Партизаны – это бандиты», «Поддержка банд – это предательство, которое будет жестоко наказано»⁷⁸.

«Пропаганда шёпотом», проводимая тайными агентами, включала в себя рассказы о конкретных фактах гуманности немцев, тяжёлой жизни в предвоенных колхозах. В инструкции специально оговаривалась важность использования в разговорах с людьми, подозреваемыми в сотрудничестве с партизанами и подпольщиками, разногласий между Сталиным и оппозицией внутри коммунистической партии, которая в 20-х годах упрекала его в измене ленинизму⁷⁹.

Все выступления, как функционеров, так и агентов, предлагалось заканчивать выводом о том, что «Сталин, коммунисты и евреи являются виновниками этой войны, а Германия выступает как освободительница от их режима. Все трудности краткосрочны и временны, и после войны русское население сможет в полной мере оценить те блага, которые принёс ему немецкий солдат»⁸⁰.

Вторым подразделением «взвода пропаганды на Востоке» являлся отдел печати. Его основные структуры сформировались ещё до нападения Германии на Советский Союз. Кроме газет, листовок и брошюр для русского населения, там издавался и солдатский бое-

вой листок для служащих вермахта. Общее руководство отделом обеспечивал немецкий офицер, обязательно в совершенстве владевший русским языком⁸¹. В его ведении также находились все типографии подведомственного ему района⁸².

На оккупированной территории России нацистами распространялись газеты и листовки, как отпечатанные в Германии (особенно в 1941 году, до развёртывания ими полиграфической базы) и Прибалтике, так и непосредственно на местах, в местных типографиях. Восстановление типографий считалось одной из первоочередных задач.

Наиболее крупными региональными газетами для Северо-Запада РСФСР были издававшиеся в Риге «Правда», в Ревеле – «Северное слово» и во Пскове – «За Родину». В центральной России широко распространялась смоленская газета «Новый путь». Наибольший тираж на всей оккупированной территории имела выходившая в Орле «Речь»⁸³.

В штате редакций обязательно были представлены профессиональные немецкие пропагандисты, а также русские эмигранты, имевшие довоенный стаж сотрудничества с ведомством Геббельса⁸⁴. Но ставка все же делалась на бывших сотрудников советских газет, изъявивших желание сотрудничать с оккупантами, т. е. на людей, которые на практике знали все советские реалии и могли их успешно критиковать.

При этом особым доверием оккупантов пользовались те люди, которые могли доказать, что у них есть повод ненавидеть советскую власть. Именно они в первую очередь привлекались к пропагандистской работе. Очень часто эти авторы публиковали на страницах газет свои воспоминания о сталинских лагерях, ужасах коллективизации и прочие «разоблачительные материалы».

Кроме журналистов и писателей, на особом контроле находились печатники. В условиях наступления гитлеровских войск летом-осенью 1941 года советская сторона не успела вывезти или уничтожить значительные материальные ценности, и они достались в качестве трофея врагу. Это касалось, в том числе, и полиграфического оборудования. Так, в Смоленске типография, которая находилась в ведении городской управы, начала свою работу 12 августа 1941 года. Работающие там получали достаточно большое для оккупированной территории жалование: от 450 до 1200 рублей в месяц. Первоначально она обслуживала нужды коллаборационистской администрации. В ней печатались различные бланки, квитан-

ции, распоряжения, объявления. В типографии на различных должностях работало свыше 200 русских сотрудников⁸⁵.

По инициативе немецких властей в начале октября начался выпуск газеты «Смоленский вестник», в конце 1941 года она была переименована в «Новый путь». Ее главным редактором стал профессиональный журналист К. А. Долгоненков. При редакции функционировало издательство, выпускавшее книги, календари и брошюры.

В феврале 1942 года типография перешла в ведение отдела пропаганды немецкой армии. Теперь она обеспечивала коллаборационистской прессой почти всю территорию оккупированных областей центральной России. Массовыми тиражами выходили многополосные газеты: «Новый путь», «Колокол», «Речь», «Возрождение», «Доброволец»; журналы: «Школьник», «Школа и воспитание» и листовки⁸⁶.

Вся деятельность смоленской типографии контролировалась немецким отделом пропаганды. Возглавляли ее исключительно представители германских оккупационных служб. За время работы типографии (1941–1943) на посту ее руководителя последовательно сменились лейтенант Шулле, лейтенант Кордес, унтер-офицер Зелькомлен, унтер-офицер Фелипс, а также белоэмигрант, долго проживший в Берлине, князь Тарковский.

Каждый сотрудник смоленского отдела пропаганды курировал какой-то определенный вопрос. Практически все они свободно владели русским языком. Начальником отдела был майор Кост, который в этой должности находился с августа 1941 года. Лейтенант Ремпе редактировал листовки для мирного населения, оберлейтенант Эбенгю являлся цензором всех гражданских газет. Всего в этом отделе числилось 20 сотрудников⁸⁷. Они (как и их коллеги в других русских городах) занимались проведением антисоветской пропаганды среди мирного населения и в лагерях военнопленных, распространяли нацистскую литературу, а с лета 1943 года издавали газеты и брошюры от имени «Русской Освободительной Армии». Одновременно пропагандисты принимали участие в вербовке русского населения в РОА, систематически выезжали на передний край обороны, где через микрофон обращались к красноармейцам с предложениями переходить на сторону вермахта, а также занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью в пользу немцев. Работа оккупационных органов тесно переплеталась

с деятельностью коллаборационистского «Русского комитета» и эмигрантского НТС⁸⁸.

На Северо-Западе России наиболее крупный отдел германской пропаганды размещался во Пскове. Первоначально его возглавлял капитан Мореншильд, а затем, с начала 1943 года, капитан Кельбрант. В состав отдела входили «группа культуры», «группа активной пропаганды», «группа прессы» и «группа фильм», с подчиненными ей киномастерскими. Группе активной пропаганды, в свою очередь, были подчинены ансамбль «РОА» (с лета 1943 года), группа цензуры, подотдел по оформлению фотовитрин и склад антисоветской литературы. На службе в группе активной пропаганды состояло более 20 русских агентов-пропагандистов, окончивших пропагандистские школы в Германии (Дабендорф и Вустрау). Эти пропагандисты имели специально отработанные лекции, с которыми выступали перед мирным населением. Также они готовились для ведения пропаганды, направленной на бойцов Красной Армии и партизан⁸⁹.

В контакте с отделом пропаганды работало местное отделение «Остланд-Прессе-фертриб» (Восточное производство печати), занимавшееся распространением антикоммунистической и антисемитской литературы, газет и журналов через сеть киосков и магазинов⁹⁰.

По своему оформлению и манере подачи материала коллаборационистские издания изначально являлись копиями с газет фашистской Германии. Все номера обязательно начинались «лозунгом дня» – кратко сформулированной информацией о характере подачи материала на текущий день. Подобная практика была введена в 1940 году заместителем Йозефа Геббельса Отто Дитрихом и неукоснительно соблюдалась журналистами коллаборационистских газет⁹¹.

Первое время работа редакции зачастую сводилась к компиляции немецких газет и адаптации статей из них для русского читателя⁹². Но после срыва плана «молниеносной войны» этого стало явно недостаточно. Для успешной организации пропагандистской и контрпропагандистской работы возникла необходимость в принципиально новом подходе к работе с читателями. От редакций коллаборационистских газет оккупанты потребовали «наличие собственного стиля в подаче материалов, который вызывает доверие у русского населения»⁹³.

Привлекая к сотрудничеству представителей местного населения, оккупационная администрация провозглашала необходимость возрождения местной печати. К работе по её организации привлекались

добровольцы из числа антисоветски настроенной интеллигенции. Практически во всех крупных населённых пунктах, оккупированных нацистами, был начат выпуск газет. Только на Северо-западе России выходили: во Пскове – «Псковские известия», «Псковский вестник», «За Родину» и «Доброволец» (с 1943 года), в Дно – «За Родину», в Луге – «Лужский вестник», в Острове – «Островской вестник», «Труд и отдых» – в Гатчине, «Порховский вестник» – в Порхове и др. Периодичность изданий была от одного до пяти номеров в неделю, тираж – от нескольких сот до нескольких десятков тысяч экземпляров⁹⁴. Такое явление наблюдалось и в других регионах нашей страны, оказавшихся под немецкой оккупацией.

Как уже отмечалось, многие журналисты данных газет имели опыт или навыки работы в советской периодической печати, и это наложило определённый отпечаток на манеру подачи материалов в них: они во многом напоминали предвоенные, только с противоположным знаком⁹⁵.

Одной из задач редакций было поддержание связи со своими корреспондентами на местах. В роли поставщиков информации выступали полицейские, старосты и, в первую очередь, районные и волостные пропагандисты. Для них с 1942 года при редакторах стали функционировать краткосрочные курсы «Что и как писать в газету». Сотрудники газеты читали для сельских пропагандистов лекции: «Критика основ марксизма», «Что такое Родина и наше отношение к ней», «Русская поэзия до и после революции», «Русская литература», «Для чего нужна газета», «Как нужно готовить материал для газеты»⁹⁶.

В 1941 году на титульном листе обычно указывалось, что, газеты выходят «для рабочих и крестьян», в 1942 году формулировка несколько изменилась: «газета рабочих и крестьян». С конца 1943 года к ним прибавились газеты и журналы, издаваемые от лица РОА⁹⁷. Но поскольку и редакции, и типографии находились в ведении «взвода пропаганды на Востоке», все попытки оккупантов изобразить «новую русскую прессу» как некое самостоятельное и независимое образование являлись чисто пропагандистскими демаршами⁹⁸.

До 1942 года большинство газет распространялось бесплатно. В конце августа 1941 года вышло распоряжение германского командования, согласно которому все находящиеся на оккупированной территории письменности должны были приступить к исполнению своих обязанностей. В тех деревнях, где их не было, эти функции

перекладывались на старост. В обязанности почтальонов входило получение в комендатурах или управах свежих номеров газет или листовок и расклейка их на специальных стендах, установленных в каждой деревне. Кроме пропагандистского материала – газет, листовок, плакатов – там вывешивались распоряжения и приказы оккупационных властей⁹⁹.

В городах, кроме расклейки на стендах, газеты распространяли через специальные ящики, где их мог взять каждый желающий. Редакция на страницах газеты объявляла, в какие дни недели можно получить свежий номер. Читателей просили брать только по одному экземпляру («ваш сосед тоже хочет читать»), а прочитанную газету не выбрасывать или уничтожать, а передать друзьям или знакомым¹⁰⁰.

С 1942 года получение газет стало платным (хотя они по-прежнему регулярно вывешивались на стендах). Представители оккупационной администрации требовали, чтобы все русские служащие, как аппарата управления, так и врачи, учителя, агрономы, в обязательном порядке оформили подписку хотя бы на одно издание. Старостам и письмоносцам «Домов просветителей» спускался план, согласно которому они должны были охватить подпиской определённое количество лиц в своих районах¹⁰¹.

В конце 1942 года при райуправлениях стали создаваться газетно-журнальные киоски, в которых ежедневно продавались газеты, журналы, брошюры, а также художественная литература¹⁰².

До 1943 года немецко-фашистская печатная продукция играла важную роль в системе идеологического воздействия на население. Активизация партизанского движения значительно ослабила возможности распространителей коллаборационистской печати, а в ряде районов полностью изолировала местное население от их проникновения (за исключением тех населённых пунктов, где стояли фашистские гарнизоны)¹⁰³. Представители сопротивления через сеть своих агентов забирали у письмоносцев коллаборационистские издания и заменяли их на свои. Изъятый материал уничтожался (кроме номеров, доставлявшихся в политические и особые отделы партизанских соединений)¹⁰⁴.

Распространение нацистской печатной продукции, включавшей в себя издание региональных и местных газет, листовок, обращений и плакатов, являлось одной из основных задач, стоящих перед структурами фашистских пропагандистских служб. Наибольшее

влияние на население оккупированных территорий они оказывали на начальном этапе войны, когда успехи вермахта на фронте и отсутствие реального противодействия со стороны сил сопротивления, популистские обещания фашистской прессы дезориентировали значительную часть мирных жителей. В 1942 году, после срыва плана молниеносной войны, сотрудники оккупационной печати делали всё, чтобы закрепить свои первоначальные успехи, изолировать ширящееся народное сопротивление врагу. В течение 1943 года советские партизаны и подпольщики при поддержке большинства населения смогли сорвать практически все фашистские акции, связанные с распространением коллаборационистской печати.

Общий контроль за осуществлением пропагандистских функций на местах *ostpropzug* осуществлял через сеть Домов просветителей. Дом просветителей являлся центром идеологической работы в районе. В его задачи входили контроль за работой школ и за штатными пропагандистами, организация киносеансов, пропаганда посредством громкоговорителей и радиопередач¹⁰⁵.

В августе 1941 года оккупантами было заявлено, что кроме выполнения административных функций, старосты обязаны доводить до населения все распоряжения нацистской администрации, способствовать активному распространению среди односельчан идей «Великой Германии и национал-социалистического учения»¹⁰⁶.

Поскольку не все старосты вызывали у захватчиков полное доверие своими политическими взглядами или образовательным уровнем, на базе советских культурных учреждений *ostpropzug* развернул свою структуру для контроля за ними – Дом просветителей. По мере деятельности фашистских пропагандистских школ идеологическая работа с населением постепенно перекладывалась на штатных районных пропагандистов¹⁰⁷.

С лета 1943 года сфера деятельности фашистских пропагандистских служб была ограничена лишь крупными населёнными пунктами. Часть Домов просветителей в районных центрах была ликвидирована, а их кадры рассредоточены по тем населённым пунктам, где стояли крупные немецкие гарнизоны¹⁰⁸.

В процессе создания структур Русской освободительной армии оккупанты всячески подчёркивали, что её организация идёт исключительно по инициативе «русского национального антибольшевистского движения»¹⁰⁹. Для придания ему большего авторитета в глазах населения оставшиеся Дома просветителей были слиты с

четвёртым и пятым подразделением ostpropzug'a – библиотекой при Доме просветителей и театральным отделом (исполнявшим до этого не только пропагандистские, но и культурно-просветительские функции).

Новая служба получила название «отдел пропаганды и просвещения». Коллаборационистские журналисты приступили к выпуску печатного органа отдела, журнала «Блокнот солдата РОА»¹¹⁰. В функции отдела пропаганды и просвещения входила организация антисоветских и антипартизанских выступлений пропагандистов перед населением. Предполагалось создать на местах (в том числе и там, где ранее существовали Дома просветителей) «уголки просвещения», снабжённые нацистскими газетами, брошюрами и плакатами. По замыслу организаторов, уголки должны были сплотить вокруг себя «всех лиц, разделяющих идеи русского освободительного движения»¹¹¹. Кроме проведения пропагандистских и культурных мероприятий, отдел активно занимался вербовкой волонтеров в РОА и помогал семьям «добровольцев»¹¹².

Из Прибалтики, а также из союзной фашистской Германии Финляндии при помощи разветвленной сети радиостанций на территорию, освобожденную Красной Армией, было организовано радиовещание¹¹³.

На Россию были ориентированы следующие радиостанции противника, находившиеся на территории Германии и ее союзников: «Висла-Варшава», «Голос Народа», «Старая гвардия Ленина», «Лахти»¹¹⁴.

Наиболее активно среди них работала «Лахти» (Финляндия), чьи передатчики ориентировались как на население советской Карелии, так и Ленинграда. В течение 1943 года она приняла участие в крупномасштабной операции нацистских спецслужб «Акция – Власов». В антисоветских передачах на русском языке регулярно сообщалось о Русской освободительной армии, созданной якобы весной 1942 года (хотя первые упоминания о данной структуре появляются в немецкой пропаганде весной 1943 года. – Б. К.). При этом бывший генерал-лейтенант Красной Армии А. А. Власов, вставший на путь предательства и сотрудничества с нацистами, именовался «вождем русского освободительного движения» и «руководителем Русской Освободительной Армии»¹¹⁵.

После Сталинградской битвы руководство Германии стало осознавать, что оно может и не выиграть эту войну. Министерство про-

паганды предприняло так называемую «союзную инициативу». Теперь немецкие пропагандистские службы получили указания в своей деятельности представлять эту войну для русского населения как гражданскую, т. е. утверждать, что «Россия объявила войну СССР», а Германия лишь выступает в качестве союзницы первой¹¹⁶.

На встрече представителей немецких комендатур во Пскове в апреле 1943 года было заявлено, что их работа должна учитывать реальность того, что «Сталину удалось превратить войну за сохранение своей системы в священную Отечественную войну и тем самым вызвать патриотическое и религиозное самопожертвование, способность к которому издавна была одним из самых сильных свойств русского человека». В итоговом документе отмечалась возросшая роль задачи привлечения населения на свою сторону. Делался вывод, что «военной оккупацией нельзя покорить революционный народ, напротив, этим только начинается его покорение»¹¹⁷.

Причины неудач на идеологическом фронте нацисты объясняли тем, что некоторая часть их солдат и офицеров не понимает значения пропаганды и даже противодействует проведению пропагандистских акций. К ошибкам и просчётам делегаты отнесли:

- 1) болтовню о колониальном народе;
- 2) перегибы в национальном вопросе;
- 3) плохое обращение с пленными¹¹⁸.

Сознавая крах своей политики, немецкие пропагандистские службы предприняли попытку её анализа. Успех партизанского движения они объясняли:

- 1) победами Красной Армии;
- 2) ухудшением для Германии международного положения, в частности, выходом из войны Италии;
- 3) отсутствием у коллаборационистов регулярных занятий по международному положению («а в партизанском районе ежедневно слушают радиопередачи, которые комментируются комиссарами»);
- 4) ошибками при проведении вербовки на работу в Германию;
- 5) пораженческими разговорами немецких солдат;
- 6) неумением немцев пить водку и, как следствие этого, неуважением к ним со стороны населения¹¹⁹.

Поскольку оккупанты признавались, что «мы имеем в России только две возможности: или уничтожить всех русских, или включить их, связать с политикой Бисмарка», было принято решение:

официально акции будут проводиться «через Власова и новейшую русскую пропаганду»¹²⁰.

12 апреля 1943 года состоялась первая антибольшевистская конференция бывших бойцов и командиров Красной Армии. На ней была провозглашена необходимость создания боевых подразделений РОА. Объявлялось, что «РОА – армия ни красная, ни белая. Просто русская армия»¹²¹.

Участниками этого совещания было декларировано, что перед русским народом сейчас стоят три главных задачи: уничтожение большевизма, заключение почётного мира с Германией, строительство Новой России без большевиков и капиталистов¹²².

В апреле-мае на оккупированной территории РСФСР было распространено открытое письмо Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?» В нём бывший командующий 2-й ударной армии рассказывал о своём жизненном пути. Специально оговаривая, что советская власть его лично ничем не обидела, первой причиной, заставившей его пойти на сотрудничество с немцами, Власов назвал несоответствие тех идеалов, за которые он воевал на стороне красных в гражданской войне, с результатами первых десятилетий правления большевиков: коллективизацией, репрессиями 1937–1938 годов.

В ходе войны с Германией он, по его словам, честно исполнял свой долг солдата и верного сына Родины. Причины поражений 1941 года виделась ему в нежелании русского народа защищать большевистскую власть, в системе насилия и безответственном руководстве армией со стороны больших и малых комиссаров.

Всё это заставило его задуматься: «Да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей. Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь русский народ?»

Выводы «открытого письма» были следующие: задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с Германией. Дело русских, их долг – борьба против Сталина, за мир, за новую Россию в рядах антибольшевистского движения¹²³.

«Открытое письмо генерала Власова» было крупномасштабной пропагандистской акцией нацистов, направленной как на население оккупированных районов, так и на бойцов и командиров РККА, жителей тыловых районов Советского Союза.

Акция «Власов» была направлена не только на создание активного русского коллаборационистского движения в зоне немецкой оккупации, но и на то, чтобы вызвать в советском тылу рецидив массовых репрессий образца 1937–1938 годов. С этой целью Власов (или, более точно, немецкая пропаганда, использовавшая предателя как ширму) заявлял о том, что в Советском Союзе всегда была активная антикоммунистическая оппозиция: «В Красной Армии, в ее высших кругах, были русские люди, истинные борцы за русский народ. Они не хотели большевизма, и мы, представители этих людей, хотели эту власть уничтожить и создать русскую власть. Но... в 1937 году лучший цвет комсостава Красной Армии был уничтожен». Выступая перед сотрудниками псковской коллаборационистской газеты «За Родину», Власов сообщил о том, что «сейчас по ту сторону фронта людям живется тяжело. Там трудно организовать восстание против сталинской клики. Но все же наши люди по ту сторону фронта не дремлют. Они соединяются между собой и готовятся к свержению ненавистного ига жидо-большевизма»¹²⁴.

Власовым весной 1943 года была совершена поездка по оккупированным районам Ленинградской области. Он посетил города Псков, Лугу, станцию Толмачево. Его выступления сводились к пропаганде так называемой «национальной идеи» и «задач русского народа», которые он противопоставлял борьбе советского народа с германским фашизмом. «Русская национальная идея» трактовалась им как «идея, поднявшая весь русский народ на борьбу против большевизма. Сталин по требованию обстоятельств схватился за русскую национальную идею. Он использует ее для того, чтобы отсрочить свою гибель, а затем уничтожить русскую национальную идею, заставляя ее служить целям большевистской пропаганды»¹²⁵.

«Задачи» мирного русского населения оккупированных немцами областей определялись следующим образом: «Сейчас мы, мирное население освобожденных областей, ведем эту борьбу против большевизма, засевая поля, открывая магазины, приступая к ремеслам, службе в учреждениях. Мы включаемся в тотальную войну против жидовско-сталинской банды и тем создаем новую жизнь. Это идея русских. Русские идут в Русскую Освободительную Армию и ради нее несут трудности тотальной войны»¹²⁶.

Для каждой категории граждан дополнительно готовились специальные листовки и прокламации. Для «русских в освобождённых германскими войсками областях» это были воззвания, призывающие

записываться добровольцами в РОА генерала Власова в ближайшей местной комендатуре¹²⁷.

В одном из первых приказов Власова заявлялось, что священный долг каждого честного человека – стать добровольцем и участвовать в общей русско-германской борьбе против большевиков¹²⁸.

Хотя власовцы пытались создать иллюзию, что их организация имеет широкоразветвлённую боевую и пропагандистскую сеть на всей территории Советского Союза, реально она могла действовать лишь на оккупированной территории, проводя свои акции в отношении мирного населения и особенно партизан. На силы сопротивления пытались воздействовать по двум направлениям пропаганды: экономическому и нравственно-политическому.

Народных мстителей коллаборационистская печать убеждала в том, что пока они воюют за якобы правое дело, их жёны и дети голодают. При этом «завмаги и политруки имеют положительно всё, вдобавок ваших жён». Им также пытались доказать, что «весь русский народ, кроме замкнутой частицы в районе ваших боевых действий, уже объединился с германской армией, и победа будет за ним». Поэтому, говорилось во власовских прокламациях, «нужно понять, что так называемая партизанская борьба велась и ведётся не за дело русского народа, а против него»¹²⁹.

Партизанам внушалась мысль о том, что когда они воевали с иностранными солдатами, у советского руководства как будто было основание говорить им, что они ведут борьбу против захватчиков русской земли. Теперь же сопротивление сталкивается с подразделениями Русской освободительной армии, которая является защитницей интересов русского народа, а не одних евреев и коммунистов. Народных мстителей призывали переходить на сторону РОА, в противном же случае «они будут прокляты всем народом за те страдания, которые принёс России Сталин и его большевизм»¹³⁰.

Реакция советской стороны на этот комплекс пропагандистских материалов была весьма болезненной. Только этим можно объяснить опубликование листовки «К русским людям, обманутым немцами». (По некоторым источникам, её текст был написан И. В. Сталиным и Л. З. Мехлисом.)¹³¹ В ней Власов обвинялся в том, что он в 1937–1938 годах был активным участником контрреволюционных троцкистских организаций и вместе с другими врагами народа пытался загубить нашу Родину. Далее из текста следует, что его неоднократно прощали и даже повышали в должности. Летом 1941 года

под Киевом он сдался немцам в плен и завербовался к ним «как шпион и провокатор». После этого он вернулся в распоряжение Красной Армии и получил возможность со стороны советского командования «доказать свою невиновность». Власов последовательно сдал немцам свои армии под Киевом, Москвой и Ленинградом, после чего окончательно перебежал к своим хозяевам летом 1942 года¹³².

Подобные публикации вызывали недоумение и скепсис среди русского населения на оккупированных территориях. Фашистские и власовские пропагандисты предприняли ряд шагов для закрепления этой реакции. Были отпечатаны листовки, факсимильно воспроизводившие те номера советской «Правды» и «Красной звезды» за 1941–1942 годы, где генерал Власов в числе других назывался одним из героев Московской битвы¹³³.

Усиленная пропаганда «власовского движения» осуществлялась для привлечения на его сторону как можно большего числа людей. При этом средства немецкой пропаганды пытались убедить общественное мнение в том, что в течение нескольких месяцев к Власову пришло более миллиона человек. Так, радиостанция «Лахти» в своей программе от 21 мая 1943 года сообщила, что численность РОА достигает 750 тысяч человек, а уже 10 июля этого же года прошла информация о том, что «на территории освобожденной от большевиков России создана миллионная Русская Освободительная Армия»¹³⁴.

К сожалению, последняя цифра и по сей день время от времени приводится в работах некоторых недобросовестных историков.

Но в целом идеологическая атака фашистов и их союзников несмотря на определенные ошибки в советской пропаганде не достигла своей цели. В 1943 году вся инициатива была в руках у советской стороны.

Активная боевая и массово-разъяснительная работа среди населения убеждала людей в том, что Советский Союз ведёт справедливую борьбу, и советский народ победит в этой войне. Разоблачались заверения немецких пропагандистов в непобедимости вермахта, прочности его завоеваний. Жителям убедительно доказывали, что немецкая оккупация – явление временное и что Красная Армия скоро освободит всю территорию страны.

Процесс реорганизации нацистских пропагандистских служб совпал с завершением коренного перелома в Великой Отечественной войне – успешным наступлением Красной Армии под Орлом и

Белгородом. В сентябре 1943 года был освобожден Смоленск. Параллельно с этим партизанские соединения Северо-Запада РСФСР под руководством Ленинградского штаба партизанского движения летом–осенью 1943 года приступили к подготовке всенародного вооружённого восстания в тылу врага. В этих условиях работа нацистских пропагандистов, которые теперь пытались внушить населению, что они являются подразделением Русской освободительной армии, могла вестись лишь в самых крупных населённых пунктах: Пскове, Луге, Дно. Юго-Восточные районы области, где силы советского сопротивления были наиболее сильны, оказались полностью очищены от оккупационных пропагандистских служб¹³⁵.

Во второй половине 1943 года коллаборационистская печать оказалась доступной лишь для жителей тех населённых пунктов, где находились фашистские гарнизоны. Недостаток информации с мест газеты компенсировали перепечатками сводок германского командования, своими комментариями этих сводок, а также регулярными публикациями русской классики. Иногда рассказы А. П. Чехова, И. С. Тургенева, стихотворения А. С. Пушкина занимали до двух полос из четырёх¹³⁶.

Подобную подборку можно объяснить не только декларированной любовью власовцев к национальному наследию, но и катастрофическим положением фашистов на фронте и в тылу. Кроме этого, нужно учитывать тот факт, что партизаны полностью разрушили связь редакций этих изданий со своими корреспондентами на местах. Вместо какой-либо информации, интересующей коллаборационистов, им присылались из районов партизанские листовки и письма нецензурного содержания¹³⁷.

Уже к концу 1942 года советской пропаганде удалось наладить работу на оккупированной территории России. Большой резонанс среди населения имели листовки, подписанные иерархами Русской Православной Церкви, известными деятелями культуры, находившимися до войны в определенной оппозиции к советской власти. Эти факты стали подтверждением того, что война с немецко-фашистскими захватчиками является Отечественной для всех русских людей.

В 1943 году большинство областей РСФСР были освобождены от немецко-фашистских захватчиков. В условиях успешного наступления Красной Армии под Новгородом и Ленинградом зимой–весной 1944 года все нацистские службы, занимающиеся пропаган-

дой на Северо-Запад РСФСР и Прибалтику, были эвакуированы в немецкий тыл и стали одним из отделов военно-разведывательного органа «Цеппелин»¹³⁸.

Основные направления в деятельности нацистской пропаганды были отработаны заранее. Это позволило на первом этапе захватить инициативу. Работа облегчалась отсутствием у советского сопротивления возможности оперативно противодействовать вражеским акциям. Первые успехи вермахта на Восточном фронте подорвали у части населения веру в возможность победы над Германией. Разгром фашистов под Москвой, срыв планов «молниеносной войны», оккупационная политика по отношению к населению позволили партизанам и подпольщикам развернуть активную боевую и политическую деятельность. С 1943 года наступил коренной перелом в идеологической борьбе противоборствующих сторон – сопротивлению удалось не только захватить инициативу в свои руки, но и полностью сорвать план по массовому вовлечению советских граждан в коллаборационистские формирования.

Идеологический коллаборационизм – явление сложное и по сути своей многоаспектное. Пропагандистские службы III Рейха для насаждения нацистской идеологии широко привлекали местных жителей. Находясь на службе у гитлеровцев, они активно занимались идеологическим разложением местного населения. При этом абсолютное большинство наших сограждан являлись пассивными потребителями нацистской пропаганды. В ряде случаев, в особенности в начальный период войны, гитлеровцам и их пособникам удалось дезориентировать определенную часть населения оккупированных областей России.

Содержание и размах нацистской пропаганды на временно оккупированной территории наряду с другими факторами потребовали от советского сопротивления не только усиления, но и поиска новых форм политической работы с населением и личным составом партизанских отрядов.

Советская пропаганда лишь тогда смогла наилучшим образом выполнить свою роль, когда в своей деятельности она стала сочетать объективность, учёт местных условий, наступательность и честность. Защищаясь от идеологического давления противника, она создала мировоззренческие и психологические барьеры на пути восприятия пропаганды врага жителями оккупированных территорий.

Примечания

- ¹ **Димитров, Г.** Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. С. 80.
- ² **Ржевская, Е. М.** Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 13.
- ³ История второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 318.
- ⁴ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 191. Л. 17.
- ⁵ **Ломагин, Н. А.** Неизвестная блокада. СПб., 2002. Кн. I. С. 348.
- ⁶ **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. С. 91.
- ⁷ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 44.
- ⁸ Из беседы с комиссаром 5-ой партизанской бригады Сергуниным И. И. 10 марта 1993 г.
- ⁹ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 133. Л. 22.
- ¹⁰ Там же. Д. 131. Л. 11.
- ¹¹ Там же. Д. 133. Л. 12.
- ¹² Там же. Д. 131, Л. 1, 6.
- ¹³ Там же. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Д. 133, Л. 14, 24.
- ¹⁵ Там же. Д. 131. Л. 16.
- ¹⁶ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
- ¹⁷ Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 83.
- ¹⁸ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 290.
- ¹⁹ СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 311, Л. 12–13.
- ²⁰ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 14.
- ²¹ АУФСБНО. Д. 1/7258. Л. 56–57.
- ²² ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 19.
- ²³ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 13–14.
- ²⁴ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 135. Л. 9.
- ²⁵ **Юденков, А. Ф.** Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). С. 85.
- ²⁶ АУФСБНО. Д. 1/7088. Л. 8.
- ²⁷ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 212. Л. 18.
- ²⁸ Там же. Д. 139. Л. 57–58.
- ²⁹ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 648. Л. 3.
- ³⁰ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 194. Л. 20.
- ³¹ **Крысько, В. Г.** Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 356.
- ³² ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 195. Л. 11.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 667. Л. 18.
- ³⁵ АУФСБНО. Д. 4327. Л. 89.
- ³⁶ ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- ³⁷ АУФСБНО. Д. 4327. Л. 91.
- ³⁸ ГАНО. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
- ³⁹ Там же. Л. 3 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 2.
- ⁴¹ Там же. Л. 4.
- ⁴² Там же. Л. 7.
- ⁴³ АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 54.

- 44 Там же. Л. 47.
45 Речь. 1942. 25 марта.
46 За Родину. 1942. 2 сентября.
47 ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 416. Л. 30.
48 Речь. 1943. 2 июня.
49 **Герценштейн, Р. Э.** Война, которую выиграл Гитлер. М., 1996. С. 445.
50 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 5.
51 Там же. Л. 1–3.
52 Там же.
53 Речь. 1942. 5 апреля.
54 ГАНИНО. Ф. 185. Оп. 3. Д. 12. Л. 9.
55 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 658. Л. 18.
56 **Прудников, М. С.** Неуловимые. М., 1961. С. 160.
57 **Крысько, В. Г.** Секреты психологической войны. С. 351.
58 АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 38.
59 Там же. Д. 1/3986. Л. 37.
60 Там же. Д. 1/7240. Л. 65.
61 Там же. Д. 2А/1084. Л. 12.
62 Там же. Д. 1/7256. Л. 38.
63 Там же. Д. 1/7255. Л. 25.
64 Там же. Д. 1/7256. Л. 94.
65 Там же. Д. 1/7223. Л. 15.
66 Там же. Д. 1/7174. Л. 62, 98.
67 Там же.
68 Там же. Д. 1/7258. Л. 48–49.
69 Там же. Л. 56–57.
70 Там же. Д. 1/7276. Л. 35.
71 Там же. Д. 1/7271. Л. 3.
72 Там же. Д. 1/7255. Л. 70.
73 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 9. Д. 138. Л. 101.
74 Там же. Л. 102.
75 Там же.
76 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 18.
77 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 138. Л. 104.
78 Там же. Д. 139. Л. 57.
79 Там же.
80 Там же.
81 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
82 Там же. Л. 104.
83 АУФСБНО. Д. 22431. Л. 64.
84 АУФСБНО. Д. 1/7096. Л. 68.
85 АУФСБНО. Д. 7876. Л. 6 об.
86 Там же. Л. 6.
87 Там же.
88 АУФСБНО. Д. 41586. Л. 21.
89 Там же. Д. 42255. Л. 26.
90 Там же. Л. 27 об.
91 **Галкин, А. А.** Германский фашизм. М., 1989. С. 347.
92 АУФСБНО. Д. 1/7096. Л. 46.

- 93 СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 14321. Л. 68.
- 94 **Ивлев, И. А.** Оружием контрпропаганды / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. М., 1988. С. 266–276.
- 95 АУФСБНО. Д. 1/7098. Л. 132.
- 96 Там же. Д. 1/3986. Л. 66.
- 97 Там же. Л. 14.
- 98 Там же. Л. 18.
- 99 Там же. Д. 1/7236. Л. 14.
- 100 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 5.
- 101 АУФСБНО. Д. 2А/1086. Л. 73.
- 102 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 76.
- 103 Из беседы с комиссаром 5 ПБ Сергуниным И. И. 10 марта 1993 г.
- 104 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 71. Л. 12.
- 105 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 24.
- 106 Там же. Л. 3.
- 107 Там же. Д. 1/7256. Л. 42.
- 108 Там же. Д. 1/1075. Л. 32.
- 109 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
- 110 Там же. Д. 1297. Л. 74.
- 111 Там же.
- 112 Там же. Л. 75.
- 113 АУФСБНО. Д. 2/1084. Л. 14–15.
- 114 АУФСБПО. Д. 42583. Л. 37.
- 115 Там же. Л. 39.
- 116 ГАНИПО. Ф. 9952. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
- 117 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 61.
- 118 Там же. Л. 62.
- 119 Там же.
- 120 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
- 121 Там же. Д. 1721. Л. 17
- 122 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 196. Л. 71.
- 123 ЦГАИПД. Д. 1297. Л. 18.
- 124 АУФСБПО. Д. 44362. Л. 21.
- 125 Там же. Л. 24.
- 126 Там же. Л. 24 об.
- 127 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
- 128 Там же. Д. 667. Л. 28.
- 129 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199. Л. 7.
- 130 Там же. Д. 667. Л. 41.
- 131 Из беседы с комиссаром 5-й партизанской бригады Сергуниным И. И. 10 марта 1993 г.
- 132 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1235. Л. 6.
- 133 Из личного архива комиссара 5 ПБ Сергунина И. И.
- 134 АУФСБНО. Д. 42583. Л. 42.
- 135 Из личного архива комиссара 5 ПБ Сергунина И. И.
- 136 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1717. Л. 1–42.
- 137 См.: ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1743. Л. 1.
- 138 АУФСБНО. Д. 2/1084. Л. 15.

Интеллектуальный коллораборационизм

В работах А. Казанцева «Третья сила», В. Штрик-Штрикфельда «Против Сталина и Гитлера», В. Артемьева «Первая дивизия РОА», Е. Андреевой «Генерал Власов и Русское освободительное движение», В. Позднякова «Андрей Андреевич Власов» и «Рождение РОА» утверждается, что наиболее патриотично настроенная русская интеллигенция вначале встретила нацистское вторжение «как освобождение от ненавистного большевизма». В условиях начала боевых действий Германии против Советского Союза она готова была оказать помощь III Рейху своим интеллектом, своими профессиональными знаниями.

О планах нацистов по использованию интеллигенции писал американский историк Александр Даллин. Он сделал вывод, что некоторые теоретики и практики оккупационной администрации видели в активной или хотя бы пассивной поддержке русской интеллигенции необходимый фактор в обеспечении господства в России.

В работах немецкого исследователя Герхарта Хасса анализируется так называемая «мягкая линия» в проведении оккупационных мероприятий. Он, используя богатую источниковую базу немецких архивов, убедительно показывает, что представители российской интеллигенции, привлечённые нацистами для работы в школах, больницах, учреждениях культуры, административных структурах, практически не представляли собой сколь-либо ярко выраженной

самостоятельной политической силы. За редким исключением нацисты считали сохранение интеллигенции в России временным явлением, до конца войны.

В системе «взвода пропаганды на Востоке», кроме отдела печати, вопросами культуры и искусства непосредственно занимались ещё три отдела: Дом просветителей, библиотека при Доме просветителей и театральный отдел. Во всех крупных населённых пунктах стали функционировать Дома просветителей, в деревнях создавались «Уголки просвещения». Коллектив Дома просветителей состоял из лекторов по вопросам политики, экономики, различных областей знаний. Сюда входили библиотекари, киномеханики, художники, книгоноши, распространители газет и журналов. Обязательно присутствовала театральная труппа: актёры, музыканты, акробаты, танцоры. Общее количество сотрудников составляло в зависимости от количества населения в районе от 40 до 70 человек¹.

В пропагандистской работе оккупанты делали все, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше представителей различных творческих профессий. На страницах коллаборационистской печати регулярно появлялись статьи под характерными названиями: «К интеллигенции!», «Освобождённому народу – народное искусство», «О месте русской интеллигенции в этой войне». В материалах известного коллаборационистского журналиста Михаила Ильинича (литературный псевдоним – Михаил Окταν) патетически писалось о пришедшем на смену царизму грубо захватившему власть в свои руки большевизме, который видел в русской интеллигенции своего врага, не доверял ей. Догмы коммунизма должны были убить всё то, что лелеялось веками в умах лучших людей. Интеллигенция не могла свободно продолжать свою работу. Её идеи, стремления и благие порывы стеснялись узкими рамками коммунистической пропаганды. «Усилиями непобедимой германской армии большевизм опрокинут, отогнан, – восторженно восклицал Окταν, – наши территории очищены, и для сохранившейся интеллигенции снова открыто широкое поле деятельности. Интеллигенция, понявшая важность исторического момента, осознавшая свой долг перед своим народом, полная непреклонной воли к установлению новой жизни, уверенная в своих силах и, идя рука об руку со своим народом, принесёт ему счастье, заслужит его благодарность и найдёт полное удовлетворение в сознании выполненной ею своей исторической задачи»².

Нацистская пропаганда требовала, чтобы русские литераторы и живописцы, театральные артисты и музыканты полностью пересмотрели те художественные позиции, которые «были насильно введены большевиками». Творческих работников призывали «...очистить искусство от всех вредных наслоений, образовавшихся за годы жидовского засилья»³. При этом специально оговаривалось, что «пересмотру подлежит не одно советское искусство, продукт очевидной лжи, но и дореволюционное, которое служило тонким орудием разложения народа, сея смуты и недовольства, чем с успехом пользовалось еврейство в подготовке революционных взрывов и потрясений»⁴.

Практически во всех коллаборационистских изданиях, начиная с 1941 года, были рубрики «уголки культуры». В них печатались произведения русских классиков: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и других. Комментарии обращали внимание читателей на те аспекты их творчества, которые при советской власти замалчивались или принижались: религиозность, великорусский патриотизм, национализм⁵. Из номера в номер публиковались новые тексты к популярным советским песням. В них Катюша уговаривала «бойца на дальнем пограничье» срочно переходить к немцам, а «три танкиста – три весёлых друга», убив жида-комиссара, помогали немцам добывать подлинных врагов своей Родины – коммунистов-грабителей⁶. Песня «Широка страна моя родная» в новой интерпретации звучала теперь следующим образом:

«Широки страны моей просторы, / Много в ней концлагерей
везде, / Где советских граждан миллионы / Гибнут в злой неволе и
нужде. / За столом веселья мы не слышим / И не видим счастья от
трудов, / От законов сталинских чуть дышим, / От засилья мерзкого
жидов. / Широка страна моя родная. / Миллионы в ней душой ка-
лек. / Я другой такой страны не знаю, / Где всегда так стонет чело-
век»⁷. Уже в 1942 году начинается выпуск специальных литературно-художественных журналов. В Берлине находилась редакция журнала «Мир» (ежемесячный журнал по вопросам политики, хозяйства и культуры, издавался с ноября 1942 года). Во Пскове выходил «Вольный пахарь» (ежеквартальный журнал по вопросам политики и «цивилизованного землепользования»). Еще большее количество периодических изданий было анонсировано на страницах коллаборационистской прессы.

Своеобразной литературной столицей оккупированной территории России стал Смоленск. Здесь выходили журналы «Бич» (сатирический, с антисоветским уклоном, с 1942 года, ежеквартальный), «На переломе» (художественно-публицистический, с 1942 года, ежеквартальный), «Школа и воспитание» (педагогический, с 1942 года, ежеквартальный), «Школьник» (детский, с 1942 года, ежеквартальный), а также газеты: «Новый путь» (с 1941 года – 4 полосы, 3 раза в неделю, тираж 150–200 тыс. экз.), «Голос народа» (1941–1943), «За свободу» (1943), «Колокол» (выходил с 22 марта 1942 года два раза в месяц для крестьян оккупированных областей. Тираж – 150 тыс. экз.)⁸. Это не было случайным. В городе на Днепре оказались сконцентрированы достаточно сильные творческие силы, в том числе и профессиональные журналисты, и члены Союза писателей СССР.

Практически все лица, сотрудничавшие с нацистами, оказавшись на Западе, скрыли этот период своей жизни. В фундаментальном «Словаре поэтов Русского Зарубежья», вышедшем в 1999 году в Санкт-Петербурге, в разделе «Вторая волна», почти нет информации о сотрудничестве литераторов, перечисленных там, с нацистами. Многие биографии вызывают многочисленные вопросы из-за недосказанности или явной фальсификации фактов. Так, в статье «Березов Родион Михайлович» говорится о следующем: «Настоящая фамилия Акульшин (8.4.1894, д. Виловатое, Поволжье – 24.6.1988, Ашфорд, шт. Коннектикут)... До войны в России у писателя вышло 8 книг, особенным успехом пользовалась его «О чем шептала деревня» (1925). В 1941 году попал в немецкий плен и был отправлен в лагерь военнопленных. После войны остался в Германии и в 1949 г. эмигрировал в США»⁹.

При чтении журнала «На переломе» можно обнаружить несколько литературных произведений Акульшина, подписанных его литературным псевдонимом «Березов». Его повести описывали крестьянскую жизнь в конце XIX века. В аннотациях сообщалось, что известный русский писатель «с 1941 года является сотрудником редакции газеты “Новый путь”»¹⁰. С 1944 года Акульшин находился в Берлине, где работал в отделе пропаганды РОА. Писатель оказался в США с поддельными документами. В 1951 году он сообщил властям свою настоящую фамилию, правда, утаил факт своего сотрудничества с нацистами. Американские иммиграционные власти приговорили его к депортации. Это дело под названием

«Березовская болезнь» (1952–1957) получило большую огласку в русских эмигрантских и американских политических кругах. В условиях холодной войны дело рассматривалось в сенате и было решено в пользу «березовцев», т. е. людей, скрывших или изменивших свою биографию перед американскими властями. Это позволило легализоваться многим военным преступникам, в том числе и бывшим карателям.

«Один из наиболее выдающихся литературоведов-русистов в США» Владимир Федорович Марков, согласно биографической справке, «...Родился 14 февраля 1920 г. в Петрограде... В 1941 пошел добровольцем в ополчение, был тяжело ранен и попал в плен. До окончания войны находился в немецких лагерях для военнопленных... В 1949 году эмигрировал из Германии в США. С 1957 г. – профессор русской литературы в Калифорнийском университете Лос-Анжелеса; в 1990 ушел на пенсию»¹¹.

Судя по всему, читая лекции перед американскими студентами, В. Ф. Марков не вспоминал о своей работе в органах нацистской пропаганды и, в частности, в ансамбле РОА. Нигде после войны он не публиковал свой «Марш РОА»:

«Отступают небосводы, / Книзу клонится трава, / То идут за взводом взводы / Добровольцев из РОА. / Перед нами будь в ответе, / Кто народ в войну втравил! / Разнесем, как тучи ветер, / Большевицских заправил»¹².

Поэт Юрий Павлович Иваск (1(14).9.1907, Москва – 13.2.1986, Амхерст, США) в «Словаре поэтов Русского Зарубежья» предстает как «Литературовед, эссеист, критик, профессор-славист... В 1920 году семья переехала в Эстонию, где Иваск в 1926 году закончил русскую гимназию. Марина Цветаева называла его “стихолоб и архивист” и признавала его одним из лучших истолкователей ее творчества. Война была причиной его переезда в Германию в 1944 году»¹³. В этой статье нет ни слова о том, что во время нацистской оккупации Иваск активно сотрудничал с газетой «Северное слово», издававшейся на русском языке в Таллине, искал для нее новых авторов. Однако это являлось скорее его хобби. Основной работой была служба в эстонской полиции в чине вахмистра¹⁴.

Целую серию художественных статей, рассказывающих о трагедии русского народа и русской культуры, написал заместитель главного редактора газеты «За Родину» (Рига) Б. А. Филистинский. Этот автор, в 1941–1942 годах возглавлявший в Новгороде так

называемое «русское гестапо» и лично повинный в гибели нескольких сот мирных граждан, пленных красноармейцев и пациентов психиатрической больницы, в 1943–44 годах преуспел на журналистском поприще. В своих материалах Филистинский использовал как собственные воспоминания (с 1936 по февраль 1941 года он находился в местах заключения), так и материалы, которые ему предоставлялись немецкими пропагандистскими службами.

Так, в статье «Театр в “вольном” чекистском городе Чибью» говорилось о великолепном театре, который был создан из заключенных для чекистов и членов их семей. Упор в ней делался на то, что артисты и артистки были обязаны выполнять все сексуальные прихоти своих хозяев и хозяек. Тех, кто уклонялся от этого, физически уничтожали¹⁵.

В статье «Герои Соловков» с подзаголовком «Воспоминания бывшего лагерника» (кстати, сам автор статьи никогда на Соловках не был. – *Б. К.*) рассказывалось о том, что в начале 30-х годов чекист Петерсон создал из уголовников банду, которая грабила и убивала. Часть похищенного он присваивал себе, а часть прятал в условленном месте. Это позволяло ему быстро находить «преступников» и получать за это различные награды.

Кроме «общих» материалов, которые показывали жестокость, корысть, антинародную сущность ЧК-ГПУ-НКВД, некоторые статьи адресовались конкретному читателю. Для крестьян и прочих сельских жителей писалось о том, как в 30-е годы «вчерашний поощряемый земледелец или скотовод был объявлен “кулаком” и ограблен, его самого и всю его семью угнали на север гнить в лагерях НКВД. Генеральная линия партии вела Русь дальше и дальше от обмана к обману, через холод, займы и лагеря – на убой в войне за мировое господство интернационального кагала»¹⁶.

Интеллигенцию убеждали в том, что «все, что было сделано хорошего в так называемой “советской культуре”, было плодом работы “недобитых”, застрявших в зубах чекистской машины интеллигентов вместе с талантливыми представителями даровитого русского народа». В статье «Импровизированная выставка гениального самоучки» рассказывалось, как гениальный самоучка, поступивший в академию художеств, устроил выставку своих скульптурных работ, среди которых находилась кружка с надписью «Помогите голодающему художнику». Это было воспринято

как антисоветская агитация, за что его арестовало ГПУ и сослало на Соловки, где он и сгинул¹⁷.

Всего Филистинский опубликовал в газете «За Родину» несколько десятков статей, таких как «О Родине и большевизме», «Борьба молодёжи с марксизмом», «Поэты-жертвы большевизма». Писал он так: «На территории нашей страны идет небывалая еще в истории человечества война – война между созидательными силами новой жизни и силами смерти и косности – силами жидо-большевизма. Мы не сомневаемся в окончательной победе жизни над смертью, творческой инициативы над безликой стадностью... Хирургический нож вскрывает наше собственное тело. И мы должны эту операцию признать необходимой. Пусть территориальные утраты и другие испытания не смущают наш дух»¹⁸.

Проживая во Пскове, Филистинский являлся агентом абверкоманды 304 и поставлял сведения о советском сопротивлении немецкой контрразведке. Там же он вступил в известную антисоветскую организацию «Народно-трудовой союз нового поколения»¹⁹.

В октябре 1944 года Филистинский с родственниками переехал в Германию, где стал работать в отделе восточной прессы имперского правительства при министерстве народного просвещения и пропаганды. Согласно ходатайству работодателя, на него не стало распространяться «положение о восточных рабочих», и ему с родственниками были выданы паспорта иностранных граждан. Подобный отход от законов III Рейха объяснялся тем, что «господин Филистинский является постоянным сотрудником на службе восточной прессы и используется в военно-важных пропагандистских целях»²⁰.

В другом документе, оказавшемся после войны в руках чекистов, говорилось о том, что «Филистинский наилучшим образом оправдал надежды как на родине, так и теперь в Рейхе». Его рекомендовалось готовить для «особого использования»²¹.

В 1950 году Б. А. Филистинский переехал на постоянное местожительство в США. Судя по всему, его таланты оказались востребованы американскими спецслужбами. Он жил сначала в Нью-Йорке, а с 1954 года в Вашингтоне, преподавал в 1968–1978 годах русскую литературу в Американском университете (Вашингтон, округ Колумбия) и параллельно работал на радиостанции «Голос Америки», писал тексты для радиопередач, адресованных советским слушателям.

Филистинский не скрывал своего негативного отношения к советскому режиму, но при этом старался внушить окружающим его людям, что он – эмигрант скорее первой, послереволюционной, а не второй, послевоенной, волны эмиграции. Очень боялся, что всплывут все его публикации периода войны. Нет, не антисоветские, а антиамериканские и антисемитские: «Кровавыми слезами оплачем мы драгоценную, священную плоть культуры – разрушаемые англичанами, американцами и советчиками храмы, дворцы, театры, парки, целые города... Но не убьют они духа свободной личности, не убьют духа гордой народной личности, не убьют высокого идеализма строителей Новой Европы, свободной от жидов и коммунистов»²².

С конца 40-х годов он начинает активно публиковаться в эмигрантских изданиях: «Грани», «Новое Русское слово», «Новый журнал», «Русская мысль» под псевдонимом Борис Филиппов. Всего до своей смерти в 1991 году им было опубликовано более 30 книг. Наиболее известные «Ветер свежеет» (стихи и проза – вышли в издательстве «Посев» в 1969 году), «Тусклое солнце» (рассказы, стихи, очерки – вышли в издательстве «Русская книга» в 1967 году), «Статьи о литературе» (вышли в Лондоне в 1981 году). Написал он и беллетризованные воспоминания о Новгороде периода немецкой оккупации. В повествовании, идущем от первого лица, Филистинский представлял себя как вечно голодного служащего больницы, находящего спасение от реалий суровой действительности в философских беседах и общении с друзьями.

В «Словаре поэтов Русского Зарубежья» о нем можно прочитать следующее: «Филиппов Борис Андреевич (наст. фамилия – Филистинский)... один из самых деятельных литераторов Зарубежья: он писал стихи, беллетристику, мемуары, литературные эссе, философские этюды, рецензии, дорожные очерки и публицистические статьи. Он был редактором или соредактором, составителем и автором вступительных статей и комментариев к книгам, в течение долгих лет бывшим подцензурными в Советском Союзе; при его непосредственном участии изданы многотомники Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Волошина, Замятина и многих других. Он также был многолетним автором ряда эмигрантских периодических изданий... Его любовная лирика психологически тонка и эмоционально напряжена»²³. Но нет в этой биографической справке о мас-титом профессоре Вашингтонского университета информации о

десятках простых советских людей, мученически закончивших свою жизнь в результате его активной работы на посту руководителя «новгородского русского гестапо».

В августе 1942 года немецкое командование решило организовать выпуск русскоязычной газеты для гражданского населения на Северном Кавказе. Из трех претендентов на пост главного редактора газеты «Русская правда» (затем она была переименована в «Утро Кавказа»): бывшего корреспондента «Орджоникидзевской правды» Гайдаша, редактора армавирской газеты «Отклики Кавказа» Дороновича и писателя Бориса Ширияева – предпочтение было отдано последнему.

Борис Николаевич Ширияев (1889–1958) – гусарский офицер царской армии, литератор. В 1922 году был приговорен к десятилетнему сроку заключения. Наказание отбывал на Соловецких островах. Там он стал сотрудником лагерной газеты «Перековка», одновременно тайно работал над книгой о соловецкой каторге «Неугасимая лампада». После освобождения работал преподавателем литературы в Ворошиловском пединституте. Став главным редактором коллаборационистской газеты, начал активно публиковать на ее страницах свои литературные и публицистические произведения. Его рассказы и статьи «Серая скотинка», «Трагедия русской интеллигенции», «Социалистами не рождаются, социалистами становятся» посвящались трагедии русской интеллигенции в условиях большевистской диктатуры. Из номера в номер Ширияевым готовилась рубрика «Тайны кремлевских владык». Это были главы из книг Ивана Солоневича «Россия в концлагере» – о Беломорканале и «Измена социализму» бывшего немецкого коммуниста К. И. Альбрехта, которые в газете шли под названием «В подвалах ГПУ»²⁴.

Борис Ширияев с отступающими немцами ушел в Германию, затем обосновался в небольшом итальянском городке Сан-Ремо. В 1950 году в Нью-Йорке вышла его книга «Неугасимая лампада» – о Соловецком лагере особого назначения. В 1991 году эта книга была переиздана в издательстве «Столица» в Москве.

Один из сотрудников «Утра Кавказа», фельетонист А. Е. Капралов, писавший под псевдонимом «Аспид», специализировался на антисемитских и антисоветских произведениях. До революции он был одноклассником и другом М. А. Булгакова по киевской гимназии. В 1945 году А. Е. Капралов оказался в американской

зоне оккупации Германии. Оттуда он выехал в США, где долгое время возглавлял один из отделов «Голоса Америки».

Корреспондентом «Утра Кавказа» являлся бывший сотрудник газеты «Молодой ленинец» Михаил Бойков. В 1937 году он арестовывался органами НКВД, и этому событию в его биографии посвящались его статьи. Бойков после войны так же, как и Капралов, оказался в Соединенных Штатах, где сотрудничал со многими американскими газетами и радиостанцией «Голос Америки»²⁵.

Литературные журналы, выходившие на оккупированной территории России, а также коллаборационистская пресса пытались доказать читателям, что все честные и талантливые русские писатели находились или находятся в оппозиции к большевизму. Вспоминались как репрессированные, так и здравствующие литераторы.

В очерке «Повесть непогашенной луны», опубликованном в газете «Речь», говорилось о том, что НКВД, как оружие в руках Сталина, повинно в гибели М. В. Фрунзе и Бориса Пильняка – талантливого писателя, не побоявшегося в «Повести непогашенной луны» написать об этом²⁶.

Газета «Голос народа» 15 января 1943 года сообщала о Сталинских стотысячных премиях, которые по-прежнему и в 1942 году получают Лебедев-Кумач и «прочие еврейские патриоты», восхваляющие гениального вождя и дарованную им счастливую жизнь. В Советском Союзе, говорилось в этом издании, теперь замолчали даже некоторые писатели-коммунисты, как, например, Михаил Шолохов. Писателям, не потерявшим стыд и совесть, нечего сказать в защиту сталинского режима, сказать же что-либо против режима они, живя в Советском Союзе, конечно, не могут²⁷.

Немецкая пропаганда строилась на тезисе о том, что все эти писатели и поэты являются рядовыми заложниками в руках НКВД. Так, в статье «Как напечатали Анну Ахматову» утверждалось, что «под угрозой гибели сына в когтях НКВД Ахматова снова пишет – пишет надутые, фальшивые агитки... Чего не сделаешь для спасения своих детей! Скверно, но понятно»²⁸.

Уничтожающей критике подвергались «официальные советские писаки»: Лебедев-Кумач, Исаковский. О последнем говорилось, что он «продал свой талант за кусок большевистской мацы»²⁹.

Но коллаборационистская пресса также давала материалы, соответствующие действительности. Например, в журнале «На переломе» писалось: «Стихи прославленного казахского народного поэта

Джамбула, воспевавшего без конца Сталина, принадлежали вовсе не Джамбулу, они были написаны советским поэтом Константином Алтайским, даже не знавшим казахского языка. Былины о Сталине, Ленине, Ворошилове, приписываемые талантливой народной сказительнице Марфе Крюковой, были “созданы” ею под диктовку писателя Викторина Попова»³⁰.

В 1942 году берлинские литераторы – доктор Курт Люк и Петр Белик – выпустили сборник антисоветских частушек, песен, поговорок и анекдотов. Во введении составители заявили о том, что все русское народное творчество дышит ненавистью к Сталину, евреям, коммунистам, колхозам и к законам фальшивого народного правительства³¹. Смоленским колхозникам, возмущенным «спровоцированной Сталиным войной» и радующимся приходу «немецких освободителей», приписывалась следующая частушка: «Эх, яблочко, покатилося, / А советская власть – провалилася. / Чего ждали мы – возвратилося». Комментарий был следующий: «Вот оно, истинное отношение русского народа к этой войне!»³². Это «творчество» трактовалось как проявление «неустанной борьбы двух пропаганд – официальной и народной»³³.

Немецкие пропагандисты отлично понимали, что меткое народное слово обладает большим воздействием на население. Некоторые тексты из их листовок стилизовались под народную речь с широким использованием различных архаизмов. На Северо-Западе России этот жанр назывался «раек» или «раёшник» (рифмованный прозаический рассказ от первого лица). Героями его, как правило, являлись пожилые, умудрённые опытом люди. Среди населения широко распространяли как листовки, так и номера дновской и псковской газет «За Родину» с выступлениями «русского крестьянина» и «Деда Берендея». Их заметки посвящались анализу дел на фронтах, мероприятиям немецкой администрации, жизни в Советском Союзе³⁴.

В Смоленске в феврале 1942 года городская управа объявила конкурс по сбору устного народного творчества: анекдотов, частушек, песен. Его актуальность объяснялась тем, что «народный юмор, остроты русского народа, направленные против еврейского произвола, против руководителей большевиков, широко распространены в массах»³⁵.

В этом конкурсе приняло участие 42 человека, в основном сотрудники коллаборационистской администрации. Они подали 250

материалов, которые были «удостоены» различных денежных премий от немецкого военного коменданта. Вручая деньги, последний заявил: «Народный юмор – крепкое оружие против евреев и большевиков»³⁶.

С конца 1942 года, после поражения немцев и их союзников под Сталинградом, у коллаборационистов возросла потребность в бравурных и торжественных маршах и гимнах. Так, газета «Голос народа» объявила конкурс на национальный гимн «Новой России». Было объявлено, что «нашему освобождённому народу нужны новые песни, такие песни, с которыми народ мог бы жить, работать и бороться. Теперь особенно необходимы русскому народу песни борьбы – марши и гимны, с которыми он должен идти в бой, разить своих врагов и побеждать»³⁷. Для разбора присланных на конкурс произведений при редакции газеты «Голос народа» было создано жюри, куда вошло все руководство Локотского самоуправления: Б. В. Каминский (председатель), С. В. Мосин, Н. Ф. Воцило, Г. Н. Смирнова, А. В. Воскобойник, Т. К. Чугуева. Лучшие произведения награждались премиями (от 100 до 10000 рублей).

В 1943 году вся нацистская пропагандистская машина активно создавала иллюзию, что в районах, находящихся под германским контролем, растёт и ширится «русское освободительное движение». Сотрудники ведомства Геббельса утверждали, что многие тысячи честных русских людей пополняют ряды Русской освободительной армии. Все это проходило под бравурные звуки сочинённых в Берлине «Песен солдат РОА».

Идеи «русского освободительного движения» отображались в словах «Гимна РОА»: «Мы побеждали голые, босые, когда-то в восемнадцатом году – одной лишь верой в Красную Россию, одной любовью к мирному труду. Мы русские, мы верили в судьбу, мы шли за жизнь под вражеские пули, народ наш честно выстрадал борьбу, большевики нас подло обманули... Мы русские, крепок наш союз, сплотим Россию в грозный час расплаты! Казах, узбек, татарин и тунгус – все добровольцы, храбрые солдаты!»³⁸ В этом произведении прослеживалась идея необходимости создания широкого антибольшевистского интернационала (за исключением, конечно, евреев). В «Марше добровольцев РОА» звучала надежда: «Скоро сломим красное насилие, / Боевой закончится поход! / Будет строить новую Россию / Закаленный в бедствиях народ»³⁹.

Подобные произведения нацистская пропаганда называла «процветанием расцвета русской национальной литературы и музыки»⁴⁰. По мнению коллаборационистской прессы, это стало возможным только благодаря очистке музыкальных школ от евреев. Например, при выступлении учащихся смоленской музыкальной студии ведущий отмечал, что «до войны играть на скрипках Страдивариуса и Гварнери могли только Гольдштейн, Дая Шафран, Эмиль Гиллельс, Яша Фихтенгольц и множество других штейнов, франов, гольцев и ни одной русской фамилии, и ни одного русского мальчика и девочки, окончивших музыкальную школу и ставших лауреатами. Что же это такое, возмущался он, неужели русский народ, давший миру таких замечательных композиторов, как Чайковский, Глинка, Скрябин, Рахманинов, и таких виртуозов-исполнителей, как Юрий Брюшков, Гусейвицкий и другие, вдруг выдохся, оказался неспособным выделять из своей среды выдающихся музыкантов и добровольно предоставил эту область искусства в монопольное пользование жидам... Конечно, это было не так. В русских семьях были очень талантливые дети, которые могли бы получить серьезное музыкальное образование, стать талантливыми музыкантами, выдающимися композиторами. Но вся беда была в том, что они не могли попасть в музыкальные школы».

Беда русских детей, по утверждению коллаборационистской прессы, заключалась в том, что во главе музыкальных школ советской России до войны стояли исключительно евреи, как, например, Столярский, Голдонвейзер, Ямпольский и другие. «Руководя приемом в музыкальные школы, они заботились о том, чтобы всяческими способами отсеять на экзаменах русских детей и набрать контингент учащихся исключительно из еврейчиков. Германская армия, освободившая русский народ от большевистского ига, широко открыла двери музыкальных школ русским детям. Впервые в музыкальных студиях замелькали русые головки русских детей»⁴¹. Естественно, в первую очередь, в музыкальных школах учащиеся знакомились с такими «выдающимися» произведениями музыкальной культуры, как «Хорст Вессель»⁴².

Интеллект коллаборационистов использовался оккупантами в различных областях. Так, например, вопросы о переименовании улиц обычно находились в ведении русской администрации. И если в некоторых населенных пунктах старые названия сохранялись достаточно длительный срок, то в других переименования произошли в

первые недели оккупации. Обычно местные власти не отличались особой фантазией. Улица Ленина переименовывалась в проспект Гитлера и т. п. Часто улицам возвращались их старые, до 1917 года, названия. Определенную оригинальность проявил в подведомственном ему Локотском округе Бронислав Каминский. 22 августа 1942 года он издал приказ «О полном искоренении из памяти населения нашего округа бывшего жидо-большевистского владычества». Согласно этому распоряжению все бывшие советские названия населённых пунктов в сельских местностях, а также установленные при советской власти названия улиц в городах, посёлках городского типа и крупных сёлах аннулировались. Временно восстанавливались их прежние дореволюционные наименования. Но в течение ближайшего времени предлагалось им «...присвоить новые наименования в русском национальном духе, а ещё лучше установить эти названия по фамилиям местных жителей, павших смертью храбрых за укрепление новой власти»⁴³.

В результате военных действий пострадало немалое количество памятников. С одинаковым удовольствием немецкие солдаты использовали в качестве мишеней изображения Ленина и Сталина, Толстого и Пушкина. Но на полуразрушенные постаменты требовалось поставить «героев новой эпохи». В передовой статье газеты «Речь» «Путь к расцвету» главный редактор Михаил Октан писал: «Нет сомнения, что художники и скульпторы покажут себя достойными сынами освобождённого народа и запечатлеют в своих произведениях бесконечную ненависть народа к большевизму, благодарность Германии и её армии и непоколебимую веру народа в своё будущее»⁴⁴.

Одним из канонизированных героев коллаборационистского движения в центральной России был К. П. Воскобойников, смертельно раненный партизанами в январе 1942 года. В его честь Каминский переименовал поселок Локоть в город Воскобойник. В годовщину его смерти рассматривался вопрос о сооружении на его могиле памятника «Битва народов» – по образцу «Битвы народов» в Лейпциге⁴⁵.

Этот грандиозный замысел осуществить не удалось, но в центре многих оккупированных русских городов на постаментах снесенных советских памятников стояли «символы благодарности русского народа Великой Германии и ее фюреру». В Калининне на Площади Революции вместо памятника Ленину была установлена

гигантская свастика⁴⁶. Почти такой же памятник оккупанты установили во Пскове. Весной 1942 года заведующий строительно-ремонтным отделом городской управы А. Ф. Сыроватский (член НТСНП) переделал монумент «Жертвам Революции». После установления на нем свастики он стал называться «Освобождение города Пскова от большевизма»⁴⁷.

Оккупанты не возражали, если русское население отмечало различные религиозные праздники, в первую очередь, Рождество и Пасху. Обязательные торжественные заседания проводились в День рождения Гитлера, но два события считались особыми. «1 Мая – День освобожденного труда» и «День освобождения родного города от ига проклятого жидо-большевизма». В эти дни устраивались торжественные митинги и народные демонстрации.

С особой помпой «День освобождения» проходил в Орле. Нерабочими объявлялись два дня – 3 и 4 октября. В первый день на всех предприятиях города проводились торжественные собрания рабочих. В городском театре перед местным руководством и наиболее активными коллаборационистами выступал местный комендант генерал-майор Гаманн. После этого там же собирались служащие городской управы, учителя, врачи. На этом собрании опять выступал генерал-майор Гаманн и бургомистр города Старов. За речами ораторов следовали выступления симфонического оркестра, что ещё больше усиливало настроение торжественности. Каждый сотрудник городской управы находил особо теплые слова в адрес III Рейха и его фюрера. Жена бургомистра от имени женщин города благодарила немецких солдат за освобождение русских женщин от ужасов НКВД, начальник отдела искусств рассказывал о расцвете искусства в Орле после бегства из него большевиков, начальник полиции рапортовал о резком снижении преступности, поскольку большевики «всегда заигрывали с уголовниками, считали их социально близким элементом»⁴⁸. 4 октября проводилась демонстрация. Город украшался зеленью, цветами и, конечно, нацистскими знаменами и портретами Адольфа Гитлера. Впереди шествия располагался оркестр. За ним в украшенной пролетке ехал бургомистр Орла Старов со своей супругой. Они приветствовали народ. За ними шли дети, размахивавшие флажками со свастикой. Шествие должно было показать возрождение города и села при оккупантах. На повозках везли продукты нового урожая: овощи, яблоки, снопы ржи и пшеницы. На других повозках демонстрировалась «возрождающаяся

промышленность и частная инициатива свободного города: пекарь у своей печи с дымящейся трубой, кузнец с молотом в руках у наковальни, сапожники, слесари и даже трубочисты»⁴⁹. После того как все население собиралось на площади, подъезжал на легковой автомашине военный комендант. Произносились речи на русском и немецком языках. Наиболее отличившиеся в «строительстве Новой Европы» жители получали ценные подарки.

В других районах области в этот день «пропагандистам, старостам, учителям рекомендовалось организовать разумные культурные развлечения, вечера, концерты, игры, танцы, физкультурные выступления и т. п.»⁵⁰.

Силы советского сопротивления делали все, чтобы сорвать эти празднества. Разбрасывались и расклеивались листовки и партизанские газеты, а там, где это было возможно, устраивались террористические акции против немцев и их приспешников.

Одной из форм разложения власовских формирований были встречи сельской молодёжи с солдатами. Вначале они проходили как танцы, затем девушки начинали петь антифашистские частушки и читать наизусть листовку «К добровольцам – что ждёт вас?» Написанная в стихотворной форме, она производила сильное впечатление на военнопленных, способствовала их переходу на сторону партизан⁵¹.

Народные мстители, в свою очередь, пытались там, где это было возможно, поддерживать советские традиции. Перед 8 марта, 1 мая, кроме докладов о текущем моменте и задачах партизанского движения, проводились концерты, в которых принимали участие самодеятельные партизанские артисты и дети колхозников. Последние обычно завершали выступления исполнением патриотических стихов и песен⁵².

На оккупированной территории России существовало несколько видов театров: театральные группы при немецких пропагандистских органах, «народные театры», созданные при участии русской коллаборационистской администрации из состава профессиональных актёров, различные любительские труппы, организованные на базе самодеятельных кружков и художественных студий. Коллаборационистская пресса писала: «Даже в тех городах, где раньше не было постоянных театров, теперь они организуются или местными самодеятельными коллективами, или артистами, заброшенными туда обстоятельствами военного времени»⁵³.

Из театральных жанров наибольшее предпочтение отдавалось драме и комедии.

Любое открытие «театра для гражданского населения» соответствующим образом обставлялось. На торжество обязательно приглашались представители германского командования, которые выступали со специальными речами. В них весьма цинично говорилось о том, что развлечения для русского населения должны способствовать повышению производительности труда в «освобожденных германскими войсками областях России: “Никто не может долгое время существовать без минут веселья и удовольствия и прежде всего без весёлого смеха, тем более целый народ, иначе он утрачивает своё духовное равновесие, радость труда и тем самым трудоспособность. Потому-то от всего этого сейчас, во время войны и предстоящей большой созидательной работы, мы никак не можем отказаться”»⁵⁴.

В свою очередь, русские коллаборационисты рассматривали театральные подмостки как место, где будет возрождаться русская культура, «очищенная от скверны жидо-большевизма»⁵⁵.

Бургомистр Орла Старов заявлял о том, что работники театра смогут по мере своих сил «оказать помощь германской армии в искоренении партизанского бандитизма, содействовать ей во всех мероприятиях, направленных на скорейшее установление нормальной жизни и утверждение великих идей национал-социализма»⁵⁶.

Безусловно, этот чиновник не имел в виду борьбу с советским сопротивлением с оружием в руках. Для этого существовали другие подразделения. Театральное искусство должно было занять свою нишу в идеологическом противостоянии нацистской Германии и Советского Союза.

Крупные театральные труппы, артисты которых получали продовольственный паек и заработную плату, имелись в Орле, Смоленске, Пскове, Брянске, Ворошиловске, Пятигорске, Вязьме. В большинстве случаев за ними стояли немецкие пропагандистские службы.

Весьма типичным в этом ряду являлся театр города Гатчины. Для нацистов его работа была несомненным успехом. Во многом этого удалось достичь благодаря кадрам: в нем работал заслуженный артист РСФСР, солист Ленинградского государственного театра оперы и балета им. Кирова, советский орденносец, бывший партнер Галины Улановой Михаил Андреевич Дудко. Также тесно

сотрудничал с этим коллективом один из самых популярных советских артистов 30-х годов, народный артист РСФСР, кавалер ордена Ленина Николай Константинович Печковский.

Этот театр был создан по инициативе начальника отдела пропаганды города зондерфюрера Шмидта. Он поручил Дудко с группой молодых людей подготовить несколько эстрадных номеров. Эксперимент удался, и все артисты после просмотра оказались принятыми на новую службу. Шмидт в короткий срок оборудовал и достал всё необходимое для театра: помещение, костюмы, парики, декорации и т. п. Дудко был назначен балетмейстером и художественным руководителем концертно-балетной группы. С этого момента работа вокруг театра стала разворачиваться. Принимали в театр всех, кто имел хотя бы небольшое театральное образование.

Через некоторое время театр уже имел несколько трупп разных квалификаций и направлений: две драматических, две просто концертных, одну деревенскую, специально для деревни. Концертно-балетная труппа состояла из пятнадцати человек: поэта, музыканта, акробатов, конферансье для русских, конферансье для немцев, немецкого фокусника и импровизатора для немцев. В программу входили русские, украинские, цыганские, классические танцы и другие номера: музыка, пение из классических русских опер и немецкие романсы, художественное чтение произведений Михаила Зощенко⁵⁷.

Согласно немецкой инструкции, этот коллектив обслуживал немецкие части, гражданское население и добровольческие части, военнопленных и русских рабочих как в городах, так и в деревнях, в тылу и в прифронтовой полосе⁵⁸.

Большинство эстрадных номеров не носило политического характера. Но отдел немецкой пропаганды, которому ансамбль подчинялся, максимально использовал его в своих целях. Арестованный советскими органами государственной безопасности Михаил Дудко показал, что, выступая неоднократно перед немецкими солдатами как в тыловой, так и в боевой обстановке, артисты его труппы тем самым оказывали желательное для германского командования воздействие на моральное состояние немецких солдат. Немцы неоднократно организовывали выступления руководимого им коллектива и перед так называемыми «добровольцами», (т. е. солдатами РОА), оказывая при этом воздействие на моральное состояние солдат, какое было желательно руководству вермахта и нацистским пропагандистским службам. Бывшая «звезда» Ленин-

градского балета признал: «Демонстрируя своё искусство перед гражданским населением, мы тем самым служили интересам немецкой пропаганды, т. к. создавали видимость того, будто немцы не препятствуют развитию русского искусства. Я сознаю и то, что немцы использовали факт моей службы в отделе пропаганды в своих агитационных целях. Они неоднократно подчёркивали то обстоятельство, что я, бывший советский ленинградский артист театра оперы и балета, заслуженный артист – орденосец, перешёл к ним на службу»⁵⁹.

В 1992 году в Санкт-Петербурге вышла книга мемуаров Н. К. Печковского «Воспоминания оперного артиста». В ней говорится о том, что «всенародная популярность великого артиста не спасла его от сталинской тирании, бросившей без вины виноватого певца в концлагерь»⁶⁰.

Безусловно, Печковский не сражался с оружием в руках против Красной Армии или партизан. Во время выступлений на оккупированной территории в его репертуаре не было ничего антисоветского. Но дивиденды немецкой пропаганде он приносил огромные. Это видно из многочисленных материалов в коллаборационистской и немецкой прессе, освещавших его деятельность. Например, орловская газета «Речь» писала 16 октября 1942 года: «Артист Мариинского оперного театра Николай Константинович Печковский на днях дал во Пскове три концерта. Псковичи с нетерпением ждали знаменитого русского артиста и чрезвычайно были рады дорогому гостю, порадовавшему население своими прекрасными песнями. Печковский не пожелал следовать с красной ордой, вожди которой несомненно желали иметь при себе такого крупного деятеля искусства. “Я рад служить своему народу и его освободителям – германским воинам», – говорит Николай Константинович»⁶¹.

Вместе с продовольственным пайком Печковский получал за каждое свое выступление крупные денежные гонорары, благосклонно принимал различные знаки внимания от немецких офицеров. Когда ему сообщили, что приставленный к нему нацистами для решения бытовых проблем часовой мастер Костюшко является агентом СД, он со смехом ответил: «Что мне оттого, что он из СД, благо поит и кормит, а до остального мне дела нет»⁶². Кроме оккупированной территории России, нацистские пропагандистские службы организовали концерты Печковского в Риге, Таллинне,

Праге, Берлине и Вене⁶³. Роль его импресарио в Прибалтике исполнял редактор газеты «Северное слово» фон Медем⁶⁴.

В «Воспоминаниях оперного артиста» написано, что «певец вел себя независимо, бесстрашно. Однажды в Гатчине, придя на концерт, он увидел объявление: “Вход только для немцев”. Печковский заявил, что в таком случае петь не станет. Никакие угрозы на него не подействовали, и начальству пришлось объявление снять. На концерте смогли присутствовать все желающие»⁶⁵. Многочисленные показания простых гатчинцев, которые они дали следователям Ленинградского УНКГБ после изгнания оккупантов, говорят об обратном. Нечастые конфликты Печковского с немцами были связаны с тем, что артист выражал недовольство по поводу «маленькой платы за выступления»⁶⁶.

В 1944 году он, находясь в Риге, вел себя растерянно и не знал, что предпринять. Вернуться на освобожденные от немцев территории он опасался. Ехать в Германию Печковский тоже не был склонен. Народный артист РСФСР хотел отправиться в Прагу и там, как он говорил, «делать европейскую карьеру»⁶⁷. Наступление Красной Армии помешало этим планам.

Ни Печковскому, ни Дудко не нужно было лично заниматься профашистской пропагандой. За них это успешно делали их конферансье. Каждое выступление артистов начиналось с благодарственного слова вождю Германии Адольфу Гитлеру «за возрожденное исконно русское, национальное искусство»⁶⁸.

Из других известных ленинградских артистов в Гатчинском театре выступали баритон Иван Корнилов, сопрано Элеонора Богданова и аккордеонист Эдуард Сакс.

В конце лета 1943 года в Гатчине в помещении бывшего Дома Красной Армии выступал генерал-лейтенант А. А. Власов. После его речи был показан концерт, в котором Печковский и Дудко принимали участие: они выступали с сольными номерами. Концерт был торжественно обставлен, публика на него приглашалась по особым билетам. По окончании концерта Власов прошёл за кулисы, пожал всем артистам руки и заявил: «Желаю ещё больших успехов на пользу русского искусства»⁶⁹.

За свои выступления артисты Гатчинского театра получали зарплату. В зависимости от занимаемой должности она весьма различалась. Дудко за одно выступление получал до 1000 рублей. У Печковского, который в состав театра не входил, а выступал в

большинстве случаев с сольными концертами, гонорары доходили до 2500 рублей за часовой концерт. Рядовые актеры имели по 300 рублей в месяц. Кроме того, они получали продукты питания, как солдаты вермахта. В паек входило в сутки: хлеба – 400–500 граммов, мяса – 35 граммов, крупы – 50 граммов, сахара – 25 граммов, сигарет – 3 штуки; один раз в месяц – 0,25 литров водки⁷⁰.

За время своего существования Гатчинский театр выезжал на гастроли в Ригу, Таллин, Остров, Псков, Лугу и в другие населенные пункты района оккупации группы армий «Север».

Одним из самых больших по численности артистического состава на оккупированной территории России был театр поселка Локоть, Орловской области, созданный по приказу Бронислава Каминского. Открытый 15 ноября 1942 года, он включал в себя драматическую труппу, состоящую из 38 человек, оркестр в составе 22 человек, хор в 20 человек, а также балетную и физкультурную труппы по 15 участников⁷¹.

В среднем он давал в месяц до 60 спектаклей как для гражданского населения, так и для немецких и венгерских частей. Для русских зрителей предназначались пьесы: «Не всё коту масленица», «Праздничный сон до обеда» Островского, «Женитьба» Гоголя, «Два брата» Лермонтова и драма известного норвежского драматурга Генрика Ибсена «Привидение». Немецких солдат развлекали в основном русскими народными песнями и плясками⁷².

Согласно приказу по Локотьскому окружному самоуправлению от 16 января 1943 года, все культурно-просветительные учреждения округа, такие как театры, кинотеатры и клубы, официально передавались в ведение окружного и районных отделов агитации и пропаганды. При районных клубах, где отсутствовали театральные труппы, утверждался штат клубных работников в количестве 6 человек. Заведующий деревенским клубом одновременно назначался штатным пропагандистом по своей волости⁷³.

В Ставрополе летом 1942 года работал музыкальный театр терских казаков, театр «Варьете», театр кукол, музыкальный театр, цирк, открылось казино. В городе действовало специальное концертно-эстрадное бюро, где давали работу всем артистам и лицам, желающим попробовать себя на сцене. Подобный «расцвет» культуры в одном конкретно взятом городе объяснялся очень просто: немецкое командование считало увеселительные заведения одним из важнейших составляющих факторов, способ-

ствующим выздоровлению раненых немецких солдат. А в городе и в его окрестностях в это время находилось несколько десятков госпиталей и санаториев, которые эти художественные коллективы и должны были обслуживать в первую очередь.

В Смоленске по инициативе отдела пропаганды в мае 1942 года был создан драматический народный театр. Официально он числился в ведении городской управы. Его артисты, кроме участия в сценических подготовках, активно привлекались к работе в различных агитбригадах, к выступлению на радио. Режиссер этого театра В. В. Либеровская ставила русскую классику – Чехова, Гоголя и Островского, – но центральное место в репертуаре занимали пьесы антисоветского и антисемитского содержания, сочиненные журналистами газеты «Новый путь». Из последних наиболее известными считались пьесы «Волк» и «Голубое небо», которые были поставлены не только в Смоленске, но и в Орле, Пскове, Борисове, Минске, Локте⁷⁴.

«Волк», написанный смоленским журналистом С. С. Широковым, был направлен на дискредитацию советского сопротивления. В пьесе рассказывалось о бессмысленности и преступности партизанского движения.

Главный герой, молодой красноармеец Бывалов, волею судьбы попадает в лес и делается участником «бандитской шайки». Но угрызения совести терзают парня, его сердце болит по любимой девушке Наде, оставшейся в родном селе. И вот однажды ночью вместе с другим партизаном, бывшим секретарём райкома Ползунковым, Бывалов пробирается в родное село. Он встречается с Надей и окончательно решает остаться.

«Герой Новой России», безоружный староста, пытается проверить документы у переодетого Ползункова, но последний ранит его ножом в спину и пытается при этом скрыться. В это время появляется Бывалов. Он набрасывается внезапно на Ползункова, которого связывают и отправляют в тюрьму. Бывалов уже не партизан. Он на стороне новой власти, он вместе со своей невестой.

Бывший партизан переменял свои взгляды благодаря беседам со своей невестой и односельчанами, которые убедительно объяснили ему, что все беды и проблемы этой войны заключаются в том, что проклятые жидо-большевики мешают им спокойно жить и мирно трудиться.

В «Голубом небе» говорилось о «кровавой вакханалии НКВД, о жертвах русской интеллигенции, растоптанной в подвалах Лубянки». Кульминацией пьесы были слова главного героя Степанова о том, что он «не хочет такой родины, как Советский Союз, он не считает СССР родным домом. Его родина – свободная Россия, за которую он будет биться с проклятым большевизмом». Под «голубым небом» свободы подразумевалось нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Премьера этой пьесы готовилась «ко второй годовщине начала освободительного похода свободных народов Европы против мирового большевизма»⁷⁵.

По «Волку» и «Голубому небу» были созданы радиопостановки. Руководитель передачи «Театр у микрофона» перед исполнением любой программы по радио был обязан явиться в отдел пропаганды для разрешения постановки. Комиссия, как минимум из трех сотрудников, выслушивала текст и давала свои рекомендации. Иногда в пьесы классического содержания вставлялись антисемитские пассажи или фразы, которые можно было расценить как антикоммунистические.

Широков публиковался в Смоленске под псевдонимом Пасхин. Кроме занятий драматургией, он активно работал в прессе и на радио. После эвакуации из Смоленска он проживал в Берлине и сотрудничал в отделе пропаганды власовской армии⁷⁶.

В Орловском театре летом 1943 года готовилась к постановке комедия днепропетровского писателя Константина Швейха «Советский калейдоскоп»⁷⁷. В ней высмеивалась процедура выборов в Верховный Совет СССР. Тогда же доброволец РОА Александр Топылев сочинил пьесу «Два брата». В аннотации к тексту отмечалось, что пьеса «может быть поставлена любым драматическим кружком». Ее содержание не отличалось особой сложностью: один из братьев служит в РОА, а второй – в Красной армии. Служивший в Красной армии, перебрасывается с парашютным десантом на усиление партизанского отряда. Его захватывает в плен часть РОА, где служит его брат. Последний, встретившись с ним, доказывает свою правоту и склоняет к вступлению в РОА брата-парашютиста⁷⁸.

Успешное наступление Красной Армии на Курской дуге сорвало эти премьеры.

В ряде оккупированных городов Северо-Запада РСФСР – Пскове, Дно, Луге, Острове – при Домах просветителей работали так называемые «народные театры». Первоначально ставились лишь

пьесы агитационного содержания: «Волк», «Голубое небо», «СССР – смерть Сталина спасёт Россию». Последняя, написанная пропагандистом из Дно Василием Ивановым, рассказывала об аресте Сталина солдатами РОА⁷⁹. Популярностью среди населения они не пользовались, поэтому было принято решение сделать все выступления бесплатными и как можно чаще выезжать в деревни. Кроме агиток, в концерте использовались произведения русской классики: Н. В. Гоголя и А. П. Чехова⁸⁰.

Но даже русские пьесы XIX века должны были нести определенную идеологическую нагрузку. Так любительский кружок города Острова (Ленинградская область) поставил старинный водевиль «Жена напрокат» и комедию Канаева «Бабыё дело». Газета «За Родину» в своей статье «Спектакль любительского драматического кружка» акцентировала внимание читателей не на содержание этих произведений и не на качество игры артистов, а на факт, что «50 процентов сбора передано в кассу комитета взаимопомощи при Островском районном управлении»⁸¹.

В своей борьбе с советским сопротивлением нацистская пропаганда всячески стремилась доказать населению того или иного города, что попытки бороться с нацистским оккупационным режимом имеются не повсеместно, а только в их районе. Для подтверждения этого тезиса активно организовывались гастролы театральных трупп, которые должны были демонстрировать «быстрое возрождение и расцвет русской культуры в тех районах, где жидобольшевики не могут помешать строительству Новой России»⁸². Так Смоленский эстрадный ансамбль под руководством Г. Гаро выезжал на гастролы в Витебск, Гомель, Борисов и Вязьму.

Помимо русской дореволюционной классики и пьес пропагандистского антисоветского характера, некоторые театральные коллективы пытались поставить произведения, запрещенные в Советском Союзе по морально-этическим соображениям, например, «Заза» Симона и Бертена⁸³.

В сентябре 1942 года в Орле открылся кукольный театр. На его первом представлении художественный руководитель С. Россоловский заявлял, что в отличие от советского театра, где «в сказку Шарля Перро “Красная шапочка” вводится милиционер, который убивает волка, затем зашивает ему брюхо и тащит его для расправы в НКВД», он будет воспитывать русских детей в духе любви к ближнему, уважения к своим родителям, к старшим⁸⁴.

Достигать этой цели предполагалось при помощи таких спектаклей, как «Конёк-горбунок» Ершова, «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина, «Иван-царевич и серый волк» по Жуковскому, «Садко-богатый гость» (по русским былинам), «Морозко» (по русским сказкам)⁸⁵.

Германское командование оказало содействие в деле организации этого театра. Но в репертуаре для детей дошкольного и младшего школьного возраста появились такие произведения, как «Голстый жиденок» (злой еврейский мальчишка обижает русских детей, немецкий солдат наказывает наглеца), «Красные пряники» (хитрый коммунист обманывает Иванушку-дурачка), «Репка» (про колхозные порядки)⁸⁶.

Нацисты и их пособники пытались внушить населению, что «тяга к культуре, к театральному искусству является верным признаком того, что дух русского народа жив и начинает возрождаться, что его не смогли умертвить ни двадцать пять лет большевистского господства, ни сегодняшняя война»⁸⁷. На практике театральные коллективы являлись одним из подразделений германских пропагандистских служб.

Министерство пропаганды III Рейха и его руководство с особым пиететом относились к кинематографу как к новой и весьма действенной форме активной пропаганды. Сам Геббельс лично занимался отбором тем, редактированием и прокатом «Германского еженедельного обозрения» – «Die Deutsche Wochenschau» (DW). Эта серия документальных фильмов, достигшая высот технического и коммерческого успеха между 1940 и 1944 годами, была весьма эффективным средством нацистской пропаганды военного времени.

В 1941 году, в первые месяцы Великой Отечественной войны, нацистские пропагандистские службы снимали киносюжеты, рассчитанные, в первую очередь, на солдат вермахта и население Германии. С весны 1942 года начинается процесс открытия в городах и крупных населенных пунктах стационарных кинотеатров для русского населения. Для этого местные руководители, согласно распоряжению германского командования, предоставляли помещение, технический персонал, рабочих и необходимые стройматериалы. Киноаппаратура, фильмы и инструкции «О правильной организации кинопропаганды» поступали из Германии⁸⁸.

Эти мероприятия оккупантов представлялись как «...забота германского командования о культурных нуждах русского народа...

Жизнерадостность, веселость, хороший здоровый отдых – факторы, способствующие труду. И открывая зрелищные мероприятия, германское командование заботится именно об этой стороне жизни трудящихся»⁸⁹.

При открытии кинотеатра в Смоленске в июле 1942 года было объявлено, что жители города смогут ознакомиться с тремя видами кинопродукции: художественными фильмами, культфильмами и военной хроникой.

В культфильмах, снимавшихся специально для населения оккупированной нацистами Европы, показывалась «жизнь и быт рабочих, крестьян и интеллигенции Германии, стран, освобожденных Германией»⁹⁰. Особенно много внимания уделялось в них новой гитлеровской молодежи».

В хронике с фронтов изображалась «героическая борьба германской армии с большевизмом и капитализмом: “И на необъятных просторах России, и в сожженной солнцем африканской пустыне, и в бушующих волнах Тихого, Атлантического, Ледовитого океанов, и в самолете над фабриками и заводами Англии – всюду сражается германский солдат”»⁹¹. Все фильмы были снабжены синхронным переводом на русский язык. На каждом сеансе демонстрировались по очереди три фильма: культфильм, хроника с фронта и художественный фильм.

В Орле открытие кинотеатра для местного населения было приурочено ко дню рождения Адольфа Гитлера. Главный редактор газеты «Речь» Михаил Оксан заявил на этом мероприятии: «Киноискусство для нас является одним из самых важных культурных и интеллектуальных средств нашей борьбы с большевиками»⁹².

Для организации кинопросмотров каждая семья в обязательном порядке сдавала в городскую управу по одному стулу. Для посещения киносеансов выдавали специальные пригласительные билеты. Перед кинопоказом зрители могли посмотреть выступление художественного ансамбля театра «Пёстрая сцена», основу репертуара которого составляли антисоветские «злободневные куплеты», а также заслушать выступления штатных пропагандистов.

Художественные фильмы демонстрировались на немецком языке, но предварительно зрителям давались пояснения о содержании картины. Широко практиковались коллективные просмотры некоторых документальных и художественных кинофильмов. Они устраивались в первую очередь для сотрудников управы и учителей.

Почти все наиболее известные произведения кинематографистов III Рейха демонстрировались для русского зрителя. Немецкие художественные фильмы военных лет обычно были столь напихованы национал-социалистической идеологией, что назвать их чисто развлекательными, безусловно, нельзя. Вне зависимости от того, о чем шла речь в кинокартине, вне зависимости от жанра (музыкальный фильм, исторический фильм, комедия или мелодрама), главным являлась пропаганда нацистской идеологии.

Особое место в кинопрокате занимали антисемитские фильмы. Дублированные версии кинокартин «Вечный жид» («Der Ewige Jude») и «Еврей Зюсс» («Jud Zuss») показывались в кинотеатрах на протяжении нескольких месяцев. На страницах газет «Речь» и «Новый путь» помещались хвалебные рецензии. Отделы просвещения настоятельно рекомендовали всем учащимся посмотреть эти фильмы и написать по этому поводу сочинение.

«Вечный жид» подавался зрителям как документальный фильм о роли евреев в мировой истории. Евреи изображались в нем как паразиты, существа, похожие на крыс, неопрятные, грязные, помешавшиеся на деньгах; лица, которым чужды все высшие духовные ценности; совратители мира. Сцены ритуальных убийств животных в кошерном стиле усиливали до гротеска впечатление от садизма еврейской «религии»⁹³.

Фильм не завершался прямыми призывами к уничтожению евреев, но его смысл был достаточно ясен: единственный путь к спасению мира лежит через ликвидацию евреев.

«Еврей Зюсс» (на оккупированной территории России он показывался под названием «Жид Зюсс») являлся одним из самых дорогих по затратам на его производство фильмом III Рейха. Исторический сюжет, изображавший жизнь Вюртембергского герцогства в начале XVIII века, был круто замешан на антисемитизме. Вывод фильма очевиден: евреи – паразиты на теле общества, и их следует уничтожить.

Почти каждый кинопоказ отмечался рецензиями в русской коллаборационистской прессе. Даже самые мещанские сюжеты позволяли делать глубокие антисоветские выводы. Так в статье орловского журналиста А. Веснина рассматривался фильм Эриха Энгеля «Любовь математика», рассказывающий о жизни немецкой школы. После идиллического и восторженного описания жизни учащихся и учителей в Германии автор делал следующий

вывод: «Какое колоссальное отличие от жизни советской школы: хулиганство, грубость, нежелание работать со стороны учеников. Очковтирательство, панибратство в самом худшем смысле этого слова или чванство со стороны учителей. Даже в фильме “Учитель” большевики при всём желании показать лучшие стороны советской школы не смогли этого сделать. И в этом явно искажённом изображении школьной жизни остались всё те же её порочные черты. Чего стоят, например, сцены ухаживания советского учителя за своей ученицей. Фильм “Любовь математика” полезен тем, что даёт нам представление о том, какой должна быть настоящая современная школа и показывает, что такая школа существует, что здоровый национальный организм создаёт и здоровую прогрессивную школу. Он делает это без малейшей тени принуждения и навязчивости. Этот фильм даёт прекрасный отдых зрителям»⁹⁴. Но некоторые кинопоказы заканчивались для немецких пропагандистских служб провалом. Так было с фильмом «Костомолка» («Die Knoschenmuhle»), который изображал стахановскую систему труда в Советском Союзе. Русские зрители резко критиковали его за неправдоподобность содержания, фальшивое освещение советских условий жизни, неграмотность режиссера и автора сценария⁹⁵.

К 1943 году при Домах просветителей на оккупированной территории России стали повсеместно действовать так называемые «русские кинотеатры». Все более заметным становился «местный колорит» – сюжеты, связанные с Россией. В июле 1943 года во Пскове демонстрировался кинофильм «Мы видели Германию» – о поездке бургомистров и начальников районов Северо-Запада России в Германию. В Орле шел псевдодокументальный фильм «Образцовый полицейский» о борьбе с партизанами и советскими парашютистами.

В Орле перед показом фильма «Мы видели Германию» выступали участники экскурсии, организованной немецкими пропагандистскими службами, в частности, бургомистр Старов. Разрушенная, разоренная Россия (в этом, конечно, фильм обвинял советское руководство), противопоставлялась жизни в III Рейхе. Газета «Речь» писала: «Орловцам любопытно следить за каждым шагом экскурсантов: едут ли они по улицам Берлина, посещают ли фабрики, школы, осматривают ли исторические памятники Германии, совершают ли восхождения в горах Силезии. Такие бытовые подробности путешествия по Германии, как обеденный стол в столичном или деревенском ресторане, встреча с

завербовавшейся в Германию из Орла Галиной Иноземцевой, её домашняя работа в германской семье, прогулки экскурсантов по улицам с покупками в руках и прочее, приковывают к себе особое внимание орловского зрителя, получающего наглядное представление о путешествии орловцев-экскурсантов и о жизни Германии как она есть во всей её правде»⁹⁶.

Одной из наиболее крупномасштабных акций министерства пропаганды рейха являлись съемки под Смоленском полнометражного художественного фильма «Наши друзья» об успехах нацистского «нового порядка» в оккупированных областях России. К съемкам в нем привлекались многие артисты смоленского театра. Гитлеровцы в нем выступали как спасающие русский народ от международного еврейского заговора⁹⁷.

Гораздо больший контроль, чем над прессой и кино, ведомство Йозефа Геббельса осуществляло над средствами радиовещания. Причиной этого была уверенность, что радио – важнейшее средство пропаганды. Вскоре после прихода нацистов к власти Геббельс заявил: «То, чем пресса стала для века девятнадцатого, радио стало для двадцатого. Радио есть первейший и влиятельнейший посредник между движением и нацией, между идеей и человеком»⁹⁸.

В Советском Союзе в первые дни войны все радиоприемники, способные принимать передачи с большого расстояния, были у населения изъяты. Эта акция предполагала исключить возможность прослушивания радиостанций противника. Однако в западных районах СССР, оказавшихся под нацистской оккупацией, она сыграла на руку противнику. Партизаны и подпольщики в первые месяцы войны оказались не готовы к активной контрпропагандистской деятельности.

Для организации радиовещания на население гитлеровцы при Домах просветителей создавали мощные радиоузлы, использовали радиотрансляционную сеть, громкоговорители. В «Указаниях о применении пропаганды по плану “Барбаросса” громкоговорители рекомендовалось использовать «для пропагандистского воздействия на население оккупированных местностей»⁹⁹.

Рупоры устанавливались в местах сосредоточения граждан: на рынках, площадях, у церквей. Через них велись передачи для жителей городов и районных центров. В деревнях оккупанты разрешали слушать радиоприёмники полицейским и старостам, которые затем

в устных беседах с населением должны были пересказывать содержание передач¹⁰⁰.

Радиоузлы и радиосети действовали во многих городах и населённых пунктах России. Во Пскове фашистам через месяц после взятия города удалось восстановить радиоузел и городскую трансляционную сеть, выведенную из строя при отступлении Красной Армии. Программа радиопередач строилась следующим образом: до шести раз в день передавались «последние и фронтовые известия», статьи из газеты «Псковский вестник» и рижской «Правды», до 3–4 раз в день транслировались концерты и записи на грампластинках, в репертуар включались русские народные песни, рассказы, музыка и т. п.¹⁰¹ Иногда на мелодии советских песен исполнялись произведения фашистского содержания. С 1942 года сотрудники псковского Дома просветителей стали организовывать по радио выступления лиц, «пострадавших от бандитов-партизан» и «раскаявшихся в своих преступлениях партизан»¹⁰².

Основной задачей всех подразделений пропагандистских служб летом-осенью 1941 года было внушение населению уверенности в непобедимости германского оружия и скором окончании войны. Тематические радиопередачи строились на рассмотрении следующих вопросов: что имел русский народ до большевиков; что ему дала советская власть; что ему дадут немцы; что он должен делать в новых условиях. Вывод всех этих программ был один: Гитлер является освободителем русского народа. За свое освобождение русские должны отблагодарить немцев честным и усердным трудом на своем рабочем месте.

Крупный радиоузел был оборудован зимой 1941–1942 годов в Смоленске. Кроме рупоров, в общественных местах коллаборационистской администрации удалось организовать в городе 845 радиоточек. Их могли одновременно слушать несколько тысяч человек¹⁰³.

Все передачи делились на несколько категорий: программы литературно-музыкальные, публицистические и политические. Регулярно шла информация с фронта, полученная от сотрудников нацистских пропагандистских органов, и городская хроника. При помощи и непосредственном участии смоленских артистов была организована регулярная передача «Театр у микрофона». Ею руководила В. В. Либеровская. Перед выходом любой постановки она обращалась за получением разрешения в отдел немецкой пропаганды, где все тексты проходили цензуру. Работавшим на радио артистам

платили за каждое выступление от 6 до 10 марок, а режиссеру – 50 марок в месяц¹⁰⁴.

В конце сентября 1941 года по инициативе немецкого отдела пропаганды была организована труппа «Гаро» (по фамилии руководителя Георгия Гаро, до войны актера одного из московских театров). Ее артисты выступали в немецких воинских частях и обслуживали ряд районов Смоленской области. Факт гибели пяти русских артистов из этой труппы в июле 1943 года в Краснинском районе во время перестрелки с партизанами был использован немцами в качестве предлога для крупномасштабной пропагандистской антисоветской кампании. Торжественно прошли не только похороны, но и траурный концерт. Он транслировался по радио.

Концерт открылся выступлением начальника города Меньшагина. Бургомистр заявил, что «убийство мирных людей, творческих работников является диким зверством, а виноваты в нем – большевики. Только они могут нападать на незащитных людей». После выступления Меньшагина каждый из принимавших участие в концерте артистов исполнял какое-либо любимое произведение одного из погибших, а потом в краткой речи рассказывал о его жизни. Закончился траурный концерт гневным выступлением Либеровской, которая, проклиная партизан и называя их шайкой озверевших бандитов, призвала смолян «сплотиться в борьбе с общим врагом – большевизмом»¹⁰⁵.

Особое внимание уделялось распространению классической немецкой культуры. Хотя в средствах массовой информации неоднократно говорилось о «приобщении русского народа к классической германской музыке», на практике это часто сводилось к исполнению солдатских песенок и военных маршей¹⁰⁶.

Но все-таки абсолютное большинство эфирного времени занимали различные пропагандистские передачи. Это видно из типичной программы Орловского радиозула с 19 по 25 июля 1942 года:

Воскресенье. 19 июля.

13.00 – Политинформация.

13.30 – Сказка для детей.

15.00 – Лекция по древней литературе, лекция 4. Лектор Д. И. Весновский.

18.00 – Передача из Орловского городского театра – «Поздняя любовь» Островского.

Понедельник, 20 июля.

13.00 – Политинформация.
17.00 – Концерт, цыганские романсы, колоратурное сопрано, солист-гармонист.
19.00 – Политинформация.
19.15 – Инсценировка рассказа А. П. Чехова «Хирургия».
Вторник, 21 июля.
13.00 – Политинформация.
19.00 – Политинформация.
19.15 – Политобозрение.
Среда, 22 июля.
13.00 – Политинформация.
17.00 – Концерт: меццо-сопрано, бас, балалайка.
19.00 – Политинформация.
19.15 – Литературная передача. «Театр у микрофона». «Волк».
Радиопьеса из современной жизни.
Четверг, 23 июля.
13.00 – Политинформация.
19.00 – Политинформация.
19.15 – Рассказы Чехова и музыка. Граммофонная запись немецких композиторов.
Пятница, 24 июля.
13.00 – Политинформация.
19.00 – Политинформация.
19.15 – Политобозрение.
Суббота, 25 июля.
13.00 – Политинформация.
17.00 – Концерт: тенор, скрипка, виолончель, рояль, песенки. В промежутках трансляции передачи имперских радиостанций¹⁰⁷.
После изгнания гитлеровцев за пределы России нацисты из Прибалтики при помощи разветвлённой сети радиостанций на территорию, освобождённую Красной Армией, организовали регулярное пропагандистское радиовещание¹⁰⁸.
Все музеи, оказавшиеся на оккупированной нацистами территории нашей страны, находились в ведении Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Изначально позиция нацистов в отношении восточных территорий состояла в том, что вывозить оттуда культурные ценности нежелательно, разве что в порядке исключения и лишь на время, до окончания войны, чтобы спасти их от повреждения или уничтожения. Руководство III Рейха планировало,

что сокровища российских музеев украсят жизнь граждан восточных гау «Великой Германии».

Практически каждая немецкая оккупационная служба пыталась внести свой вклад в «спасение» культурных ценностей на оккупированной территории России. Ведомство Розенберга, считая себя монополистом в деле разграбления памятников культуры на Востоке, постоянно конфликтовало со своими конкурентами. Иногда это противостояние завершалось успехом для сотрудников оперативного штаба. Так, от СД особая команда «Смоленск» смогла получить так называемый «Могилевский серебряный клад», состоящий из 369 предметов¹⁰⁹.

Куда сложнее было уследить за исчезновением ценных предметов в карманах и багаже десятков тысяч солдат и офицеров действующей армии. Оперативный штаб Z устроил крупный скандал в связи с деятельностью военного коменданта Пскова де Бари. В начале 1942 года экономический штаб «Ост» выразил готовность передать штабу Розенберга захваченные на Северо-Западе России и хранящиеся во Пскове в распоряжении полевой комендатуры ценности. Однако прибывшие во Псков сотрудники оперативного штаба обнаружили, что многие ценные предметы попросту растащены, причем с ведома комендатуры и даже при ее прямом пособничестве. Немецкие офицеры регулярно обзаводились музейными ценностями – порой даром, а порой за чисто символическую плату. Сохранился список имен 18 офицеров, купивших или «получивших в подарок» во Пскове в ноябре 1941 – январе 1942 года иконы, фарфор, бронзу и другие ценности культуры.

Комендант де Бари оправдывался и отвергал многие обвинения сотрудников оперативного штаба. Он утверждал, что вещи приобретались офицерами «после переговоров об их цене», а кое-что им дарили «русские власти города»¹¹⁰. По мнению де Бари, раздувание этого скандала, проверка всяческих квитанций, выписанных офицерам, дискредитировала немецкие военные власти в глазах представителей русской городской управы.

Аналогичная история произошла в это же время в Смоленске. Там музейные ценности были собраны по приказу немецкого коменданта в одном месте. Перед Рождеством сотрудники отдела пропаганды устроили частичную распродажу предметов из музейных коллекций¹¹¹.

Великий Новгород с августа 1941 по январь 1944 года находился в непосредственной близости от линии фронта. Город был разрушен почти до основания. Но безвозвратные потери этих лет можно объяснить не только бомбардировками и артиллерийскими обстрелами, но и систематическим грабежом и вандализмом немецких и испанских солдат. Хотя многие экспонаты Новгородского музея удалось эвакуировать, значительная часть фондов оказалась все же захвачена гитлеровцами. Для их оценки был привлечен Василий Пономарев – первый бургомистр города, профессиональный историк и музейный работник. Местом его деятельности стал Софийский собор, пострадавший при немецких бомбежках летом 1941 года. Для его восстановления были сформированы бригады из местных жителей. Так как данная работа выполнялась бесплатно, то граждан приходилось сгонять насильно, при помощи полицейских. Руководили восстановительными работами Пономарев и инженер городской управы Иван Даль¹¹².

Немецкие солдаты и русские полицейские несли в Софийский собор вещи новгородцев, как арестованных, так и эвакуированных в советский тыл. Координацией их «работы» занимался Борис Филистинский. Здесь же, в соборе, собирались и различные музейные экспонаты, находившиеся до войны как на выставках, так и в запасниках. Изучая полученные предметы, Пономарев определял их ценность. Что-то объявлялось собственностью III Рейха, что-то шло для подарков «господам немецким офицерам», а что-то перепало полицейским и работникам городской управы. Помощник Пономарева, кладовщик управы Матвеев, комплектовал специальные посылки «Сувенир из Новгорода» для немецких офицеров и наиболее отличившихся солдат¹¹³.

Трудно оценить тот ущерб, который был нанесен тогда новгородским музеям. Многие ценности (картины, изъятые из дворянских усадеб после 1917 года, нумизматическая коллекция, фототека и др.) пропали бесследно.

Эта «работа» продолжалась до середины 1942 года. Можно проследить судьбу ценностей, объявленных собственностью Германии. Первоначально (1941–1942) они переправлялись во Псков, а затем (1943) в Ригу. Последним пунктом выступала столица Восточной Пруссии – Кенигсберг (1944). Там они частично и были обнаружены после окончания войны. Пономареву удалось перебраться в англо-американскую зону оккупации Германии. В 50-е годы его видели в

Италии, в 60-е – в США, в начале 70-х – в ФРГ. Судя по имеющимся данным, материальных затруднений он не испытывал.

Филистинский специализировался на редких рукописных книгах из собрания новгородского музея. Его соседка по квартире Антонина Михайловна Протогенова рассказала: «Он приносил их пачками, но дома не держал, все уносил в управу. И говорил, что работает там теперь библиотекарем»¹¹⁴. В апреле 1943 года он по предложению немцев вместе с матерью и теткой перебрался во Псков, а затем в Ригу. Его отъезд не остался незамеченным для жителей оккупированного города. Согласно показаниям свидетелей, для перевозки имущества Филистинского был выделен специальный железнодорожный вагон. Для его загрузки с близлежащих деревень было пригнано 12 подвод¹¹⁵.

Но все же на путь предательства встали очень немногие. Хотелось бы рассказать об акте гражданского мужества, проявленного человеком, который видел от советской власти очень мало хорошего. Речь идет о Наталье Николаевне Гиппиус, родной сестре известной русской поэтессы Зинаиды Гиппиус. Допрошенная советскими органами государственной безопасности 5 февраля 1948 года, она рассказала о своей жизни в условиях нацистской оккупации. В период Отечественной войны она проживала с сестрой Татьяной Николаевной на оккупированной немцами территории. До января 1942 года в Новгороде занималась продажей вырезных изделий. Потом ее эвакуировали во Псков, где они жили с сестрой до февраля 1944 года и нигде не работали, хотя немцы и предлагали им работу в музее, по реставрации музейных ценностей, и даже давали для проживания две отдельные комнаты. Но сестры Гиппиус отказались. Затем их эвакуировали в Германию в лагерь Ингельштадт. После этого они работали у крестьян около Ганновера, где и были освобождены английскими солдатами.

На допросе Н. Гиппиус спросили: «Расскажите, кого вы знаете из лиц, работавших в Новгороде в управе при немцах?» Она ответила: «Городского голову Пономарёва Василия, он раньше работал в музее. Городским головой Пономарёв был очень недолго, потом он стал снова работать в музее. Пономарев приехал в 1942 году во Псков, я его снова там видела, он работал в музее – проводил инвентаризацию музейных ценностей, привезённых из Новгорода. Пономарев в одно время с нами – в феврале 1944 года выехал в Ригу. Туда

же были направлены музейные ценности, так часть этих ценностей я видела в рижском музее»¹¹⁶.

Вместе с тем нацистские пропагандистские службы и коллаборационистская пресса всеми способами внушали населению, что немцы являются спасителями русской культуры. Ими утверждалось, что разрушаются и уничтожаются только те музеи, которые являются порождением советской власти, т. е. посвященные революционному движению и различным успехам социалистического строительства. Что касается истинно русских музеев, то они, благодаря немцам, практически, воссоздаются заново. Начальник отдела искусства Смоленской городской управы художник В. И. Мушкетов восторженно писал 21 декабря в газете «Новый Путь»: «Подбираются экспонаты и идет подготовка к организации нового исторического музея, где будет представлена история Смоленска с древних времен. Здесь уже имеются материалы для залов, посвященных архитектурным памятникам XVI–XVII веков, событиям 1812 года, путешественнику Пржевальскому и древнему периоду нашего города»¹¹⁷.

На самом же деле Мушкетов по собственной инициативе обратился в немецкую комендатуру с предложением открыть в городе художественный музей не для того, чтобы показать смолянам все этапы развития их родного города, а «для ознакомления солдат вермахта с произведениями русского искусства». Очень быстро и эта экспозиция превратилась в своего рода подарочный фонд, из которого отличившиеся офицеры могли получить ценные «сувениры»¹¹⁸.

Одним из наиболее крупных музеев, успешно функционировавших во время оккупации, был Орловский краеведческий. Он открылся в феврале 1942 года и за год его посетило более 50 тыс. человек¹¹⁹. Успех орловских музейщиков можно объяснить как активной поддержкой со стороны городской управы, так и относительной бедностью фондов. Они мало интересовали немецких искусствоведов.

Нацистские пропагандистские службы активно начали комплектовать библиотеки новыми книгами. Так согласно акту передачи от 7 августа 1942 года, библиотека города Сольцы (районный центр Ленинградской области) получила от Солецкой комендатуры и отдела агитации и пропаганды следующую литературу:

1. Иван Солоневич. «Потерянные» – 2 экземпляра.
2. Иван Солоневич. «Бегство из советского ада» – 2 экземпляра.

3. Иван Лукаш. «Дьявол» – 1 экземпляр.
 4. Шенцингер А. «Металл» – 2 экземпляра.
 5. «Это английская социальная политика» – 1 экземпляр.
 6. Ф. Шаляпин. «Маска и душа» – 1 экземпляр.
 7. Л. Толстой. «Казачи» – 1 экземпляр.
 8. Р. Робикидзе. «Адольф Гитлер» – 1 экземпляр.
 9. П. Краснов. «Белая свитка» – 1 экземпляр.
 10. Рахманова. «Студенты, любовь, ЧК и смерть» – 1 экземпляр.
 11. Иван Солоневич. «Памир» – 1 экземпляр.
- Итого: 14 книг¹²⁰.

Как видно из этого списка, абсолютное большинство новых поступлений составляла антисоветская, антисемитская и пронацистская литература.

Соответствующим образом оформлялись и библиотечные помещения. Читальные залы в Орле открывались городским отделом просвещения по согласованию с немецким военным командованием в наиболее оживленных местах города. В зале № 1, на углу Карачевской улицы и Воскресенского переулка, можно было увидеть на стенах различные нацистские плакаты и портреты Адольфа Гитлера. В большом и светлом помещении стояло 20 столов. Вниманию читателей предлагались журналы: «Новый путь», «Современная Германия», «Новая жизнь», «Бич». Газеты: «Речь», «Колокол», «Школьник» и брошюры: «Что будет после», «Дело № 18», «Как сталинская шайка угнетала народ», «Каждому трудолюбивому народу своя земля», «Евреи и большевизм», «Мы побывали в гостях у германских крестьян» и другие издания аналогичного характера¹²¹.

В читальных залах регулярно устраивались читательские конференции. В Орле они обычно посвящались обсуждению очередного литературного труда главного редактора газеты «Речь» Михаила Октана.

Его работы: «Евреи и большевики», «Что такое национал-социализм» – в количестве нескольких десятков экземпляров обязательно присутствовали в каждой библиотеке.

В Брянске за 1942 год открылось четыре городских читальни. Газетная контора «Речь» выделяла для каждой из них 20 экземпляров газеты «Речь», 10 экземпляров «Нового пути», 10 экземпляров «Колокола». Кроме этого, читальни снабжались различными плакатами, брошюрами, журналами, изданными немецкими пропагандистскими службами¹²².

Нацистские службы пропаганды в июне 1943 года приняли решение о создании при уголках просвещения на Северо-западе России специальных библиотечек. Контролировала исполнение этого постановления библиотека при Доме просветителей. Каждый такой уголок снабжался:

- а) 11 книгами художественной литературы;
- б) 45–50 брошюрами пропагандистского содержания;
- в) 35–40 плакатами и одним комплектом стереофотографии¹²³.

Расширялись и сами базовые библиотеки. Кроме этого, создавалась сеть книжной торговли. 25 мая в Дно состоялся съезд представителей почтовых агентств, книгонош и распространителей газет, посвящённый второй годовщине «освобождения от жидо-большевизма».

Работников уголков просвещения обязывали проводить читки с последующим обсуждением брошюр. Основными темами являлись:

1. «Что скрывает советская власть от народа и что должен знать каждый»;

2. «Каторжный социализм»¹²⁴.

Также рекомендовалось учесть силы молодёжи на предмет их привлечения в кружки самодеятельности, проводить танцевальные вечера, организовывать духовые оркестры. Книжные киоски распространяли следующую литературу: «Каторжный социализм», «Борьба против большевиков», «В подвалах ГПУ», «Адольф Гитлер и трудящиеся», «Адольф Гитлер и крестьяне», «И мы помогаем строить новую жизнь», «Чем ты был, чем ты стал, что с тобой будет?», календари «Новая Европа» и открытки «Адольф Гитлер»¹²⁵.

Подписка на периодические издания возлагалась на старшин волостей. Их обязывали распространять определенное количество экземпляров газет «За Родину» и «Правда». Списки подписчиков из каждой волости предоставлялись в районное сельхозуправление. Плата за газеты шла туда же¹²⁶.

По данным «Блокнота солдата РОА», в среднем летом 1943 года в Лужском, Псковском и Дновском районах продавалось до 85 тыс. экземпляров книг и брошюр разного содержания¹²⁷.

В партизанских сводках информация диаметрально противоположная. Из нее следует, что нацистская печатная продукция не пользовалась у населения никаким спросом¹²⁸.

Из допроса бывшего руководителя Дома просветителей в г. Дно, проведённого работниками НКВД в 1945 году, можно сде-

лать вывод, что правду говорили обе стороны. Распространение многих тысяч экземпляров литературы объясняется развёрсткой, спущенной германским командованием на начальников районов, старост, учителей. Фашизация населения проводилась насильственными средствами¹²⁹.

Сотрудники министерства пропаганды III Рейха и их руководитель Геббельс отлично осознавали ту роль, которую может играть интеллектуальный коллаборационизм. К российской же интеллигенции отношение со стороны гитлеровцев было самое циничное и прагматичное. За редким исключением нацисты считали ее сохранение в России временным явлением – до конца войны Германии против Советского Союза.

Те представители российской интеллигенции, которые были привлечены нацистами для работы в школах, учреждениях культуры, административных структурах, не представляли самостоятельной политической силы. Под жестким контролем нацистских оккупационных властей они выполняли поставленные захватчиками задачи.

Примечания

- 1 АУФСБНО. Д. 1/7242. Л. 65.
- 2 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- 3 Речь. 1942. 15 марта.
- 4 Речь. 1942. 17 мая.
- 5 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 1. Д. 131. Л. 17.
- 6 Там же.
- 7 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
- 8 **Ивлев, И. А.** Оружием контрпропаганды / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. С. 262–278.
- 9 Словарь поэтов Русского Зарубежья. СПб, 1999. С. 285.
- 10 АУФСБНО. Д. 3792. Л. 108.
- 11 Словарь поэтов Русского Зарубежья. С. 314.
- 12 АУФСБНО. Д. 4926. Л. 34.
- 13 Словарь поэтов Русского Зарубежья. С. 110.
- 14 СРАФ УФСБ СПБЛО. Д. 46436. Л. 34 об.
- 15 За Родину (Псков). 1943. 12 ноября.
- 16 За Родину (Псков). 1943. 11 декабря.
- 17 За Родину (Псков). 1942. 16 мая.
- 18 АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 34.
- 19 СРАФ УФСБ СПБЛО. Обзорная справка по архивному делу № 41–485, на Филистинского Бориса Андреевича, 1905 г. рождения, уроженца г. Ставрополя. Л. 220.
- 20 Там же.
- 21 АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 134.
- 22 Там же.

- 23 Словарь поэтов Русского Зарубежья. С. 334–335.
24 **Беликов, Г.** Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 118.
25 Там же. С. 119.
26 ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.
27 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
28 АУФСБНО. Исторический фонд. Д. 54. Л. 78.
29 АУФСБСО. Д. 14561. Л. 23.
30 Там же. Д. 14263. Л. 42.
31 Там же. Л. 44.
32 Там же. Л. 45.
33 Там же.
34 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 17.
35 Новый путь. 1942. 22 марта
36 Там же.
37 ГАБО Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 58.
38 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 4.
39 АУФСБПО. Д. 4926. Л. 144.
40 Там же.
41 Новый путь. 1942. 30 сентября.
42 Там же.
43 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
44 АУФБОО. Справки по фашистским газетам, издаваемым в оккупированной нем-
цами территории. Л. 46.
45 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
46 От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности
Тверского края. 1918–1998. Тверь, 1998. С. 242.
47 АУФСБПО. Д. С-7014. Л. 32.
48 Речь. 1942. 9 октября.
49 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.
50 Там же.
51 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.
52 Там же. Д. 191. Л. 60.
53 АУФСБСО. Д. 3792. Л. 12.
54 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
55 Там же.
56 Там же
57 СРАФ УФСБСПбЛО. Д. 41–314. Л. 16–17.
58 Там же.
59 Там же. Л. 15.
60 **Печковский, Н. К.** Воспоминания оперного артиста. СПб., 1992. С. 3.
61 Речь. 1942. 16 октября.
62 СРАФ УФСБСПбЛО. Д. 41-314, Л. 22.
63 Там же. Л. 25.
64 СРАФ УФСБСПбЛО. Д. 46436. Л. 34 об.
65 **Печковский, Н. К.** Воспоминания оперного артиста. С. 342.
66 СРАФ УФСБСПбЛО. Д. 46436. Л. 34 об.
67 Там же.
68 Там же. Л. 21.
69 Там же. Л. 55.

- 70 Там же. Д. 38429. Л. 55.
71 АУФСББО. Д. 41587. Л. 43.
72 Там же. Л. 84.
73 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
74 АУФСБСО. Д. 3792. Л. 71.
75 АУФСБСО. Д. 3792. Л. 111.
76 Там же. Л. 109.
77 АУФСББО. Д. 3442. Л. 14.
78 АУФСБ Самарской области. Д. 12098. Л. 83.
79 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 216.
80 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 65.
81 АУФСБПО. Д. 2116. Л. 43.
82 АУФСБСО. Д. 4324. Л. 34.
83 **Бочкарев, А. А.** Критика чистого чувства. М., 1996. С. 594.
84 Речь. 1942. 4 сентября.
85 Там же.
86 АУФСБСО. Д. 1432. Л. 34–35 об.
87 Там же. Д. 3245. Л. 12.
88 АУФСБПО. Д. 13954. Л. 56.
89 Новый путь. 1942. 28 июня.
90 Там же.
91 Там же.
92 Речь. 1942. 22 апреля.
93 **Герценштейн, Р. Э.** Война, которую выиграл Гитлер. С. 375.
94 Речь. 1942. 14 августа.
95 **Штрик-Штрикфельд, В. К.** Против Сталина и Гитлера. С. 158.
96 Речь. 1943. 12 марта.
97 АУФСБСО. Д. 3792. С. 73.
98 **Герцштейн, Р. Э.** Война, которую выиграл Гитлер. С. 331.
99 Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1958. Т. 2. С. 576.
100 **Юденков, А. Ф.** Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944). М., 1971. С. 70.
101 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 177. Л. 181.
102 АУФСБНО. Д. 1/1075. Л. 23.
103 Новый путь. 1942. 9 апреля.
104 АУФСБСО. Д. 3792. Л. 78.
105 Там же. Л. 105.
106 Там же. Л. 110.
107 ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
108 АУФСБНО. Д. 2А/1084. Л. 15.
109 Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». С. 24.
110 Там же.
111 Там же. С. 238.
112 АУФСБНО. Д. 43689. Л. 37 об.
113 Там же. Л. 135.
114 Там же. Исторический фонд. Д. 54. Л. 116.
115 Там же. Л. 142.
116 АУФСБНО. Д. 43689. Л. 243–245 об.
117 Новый путь. 1941. 21 декабря.

- 118 АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 17.
119 Речь. 1943. 5 марта.
120 ГАНО. Ф. Р-2113 Оп. 1. Д. 34. Л. 12.
121 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 48.
122 Речь. 1943. 20 января.
123 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 15.
124 ЦГЛИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 74.
125 Там же. Л. 77.
126 ГАНО. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
127 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 21.
128 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 199. Л. 4.
129 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 165.

Духовный коллорационизм

Своего негативного отношения к церкви и ее служителям большевики никогда не скрывали. На протяжении 20–30-х годов шел процесс насильственной атеизации населения. Хотя Конституция СССР 1936 года гарантировала свободу совести, в повседневной жизни это практически никогда не соблюдалось. Борьба с «религиозными пережитками» проводилась самыми жесткими и безнравственными способами. В стране осуществлялась планомерная политика физического и морального уничтожения, как религиозных памятников, так и религиозного духа.

Большинство российских городов и сел оказались в числе пострадавших от беспощадной борьбы с «религиозными пережитками». Немногочисленные действующие храмы душились непосильными налогами. Советское и партийное начальство во всеуслышание неоднократно заявляло, что водка и драки – это несоразмерно меньшее зло, чем религия¹.

Перед войной во Пскове не осталось ни одного действующего храма. Последнее прибежище верующих, маленькую кладбищенскую Дмитриевскую церковь, располагавшуюся за городом, закрыли в апреле 1941 года и передали под склад².

К 1941 году священников русской православной церкви почти не осталось на свободе. Их начали арестовывать еще в 20-е годы. Советская власть видела в них своих потенциальных противников.

Немногие оставшиеся на свободе были вынуждены работать конюхами, счетоводами, сторожами. Но даже смена деятельности бывших духовных лиц не являлась для НКВД препятствием для репрессий против них.

Закрытие храмов часто сопровождалось действиями, которые должны были преднамеренно оскорбить и унижить чувства верующих. Церкви приспособлялись для складов, конюшен и хлевов, иконы сжигались, на предметы культа испражнялись, священнические ризы надевались на свиней и собак³.

Нередко бывало так, что под одной крышей одновременно проходили религиозные службы и занятия союза воинствующих безбожников. В книге известного немецкого генерала Гейнца Гудериана «Воспоминания солдата» так описывается Смоленский кафедральный собор в первые часы оккупации города нацистами: «При входе посетителю бросался в глаза антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора... Во внутренней части помещения стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и угнетает пролетариат. Правая половина церкви была отведена для богослужения»⁴.

Всё это оскорбляло и унижало чувства тысяч верующих. Русское население, в особенности проживающее в сельской местности, к 1941 году оставалось в большинстве своем религиозным. Начавшаяся война ещё сильнее обострила это чувство.

Гитлеровцы возлагали на духовный коллаборационизм особую надежду. Если Советская власть считала Церковь и священнослужителей своими врагами, нацисты рассматривали их как своих потенциальных союзников. Они рассчитывали на всестороннюю помощь со стороны духовенства при осуществлении своей оккупационной политики на территории СССР.

Что касается руководства фашистской Германии и национал-социалистической партии, то еще в 1921 году Альфред Розенберг во время встречи с русскими монархистами обсуждал план создания кадров священников для будущей России⁵.

После того как национал-социалисты пришли к власти, они потребовали, чтобы во главе православной епархии в Германии стоял немец. Таковой нашелся в лице архиепископа Серафима (Ладе). После начала Второй мировой войны он был возведен в сан митрополита. Нацисты называли его «вождем всех православных в третьей

империи и во всех контролируемых ею территориях». Но Серафим не смог сыграть сколь-либо активной роли в церковной жизни оккупированных районов Советского Союза. Во многом это можно объяснить позицией рейхсминистра Восточных территорий Розенберга. К этому времени он стал воинствующим атеистом, ненавидящим христианство. Его книга «Миф XX века» была в числе запрещенных католической церковью. Он презирал все русское и славянское до такой степени, что православие считал всего лишь «красочным этнографическим ритуалом». Поэтому, по его мнению, германская администрация должна была относиться к таким обрядам терпимо и даже поощрять их как средство, обеспечивающее повиновение покоренного славянского населения⁶.

Что касается других руководителей III Рейха, то у них отношение к христианской религии было двойственное. С одной стороны, на пряжках немецких солдат было выбито: «С нами Бог», существовал институт военных священников, но, с другой – в фашистской Германии предпринимались попытки определенной реанимации древних языческих культов. Рассуждая со своими приближенными о религии, Гитлер обычно заканчивал дискуссии следующим выводом: «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву во славу отечества? Да и магометанская вера подошла бы нам куда больше, чем христианство с его тряпичной терпимостью»⁷.

В декабре 1941 года Гитлер в кругу подчиненных рассуждал о необходимости уничтожения христианства: «Война идет к концу. Последняя великая задача нашей эпохи заключается в том, чтобы решить проблему церкви. Только тогда германская нация может быть совершенно спокойна за свое будущее.

...Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвоны будут вещать одни дураки, а слушать их будут одни старики...»⁸

Отношение к православию у Гитлера и его ближайших сподвижников было еще более агрессивным. Не отрицая необходимости активного использования в пропагандистских целях открытия храмов, он возражал против единой Православной Церкви в России. В одной из своих застольных бесед он заявил: «Церковь – это всегда государственная объединительная идея. В наших же интересах лучше всего было бы, если бы в каждой русской деревне была своя

собственная секта со своим собственным представлением о Боге. Если у них там начнут возникать всякие колдовские или сатанинские культы, как у негров или у индейцев, то это будет заслуживать всяческой поддержки. Чем больше моментов, разрывающих на части СССР, тем лучше»⁹.

Будучи воинствующими антисемитами, Гитлер и национал-социалистическая идеология видели в евреях связующее звено между христианством и большевизмом. Оба движения, по мнению нацистов, отличаются уравнильным характером и направлены против исключительной расы и отдельных личностей. Они возбуждают в массах брожение и недовольство, уничтожают все великое и выдающееся именем жалости и равенства. «Самый тяжелый удар прогрессу человечества нанесло христианство. Большевизм – это незаконнорожденное дитя христианства. У истоков обоих этих движений стояли евреи», – заявил Гитлер в июле 1941 года¹⁰.

Руководство пропагандистскими службами фашистской Германии признавало, что использование религиозных христианских лозунгов со стороны нацистов звучит несколько фальшиво. Так, Йозеф Геббельс писал в своем дневнике 23 июня 1941 года: «В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо это использовать. Но не слишком напирая на лозунг: “За христианство”. Это было бы все-таки чересчур лицемерно...»¹¹ Летом 1941 года в вермахте были запрещены христианские издания для солдат. Геббельс по этому поводу заявил: «Это бесхребетное учение самым худшим образом может повлиять на наших солдат»¹².

Но при этом при нападении на СССР фашисты активно использовали религиозную пропаганду в своих целях. Они уже имели богатый опыт проведения подобной политики как в Германии, так и на оккупированных ими территориях. В системе Главного управления имперской безопасности (СД) имелся специальный церковный отдел. В его задачи входили контроль и наблюдение за деятельностью религиозных организаций всех конфессий, изучение настроений духовенства и прихожан, внедрение агентуры в церковные административно-управленческие структуры и вербовка агентов из среды священнослужителей. Практически во всех странах Европы действовала разветвленная агентурная сеть этого отдела. Он также обеспечивал продвижение «своих» людей на различные должности¹³.

В циркуляре Главного управления имперской безопасности от 16 августа 1941 года «О церковном вопросе в оккупированных областях Советского Союза» перед нацистскими спецслужбами ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения (как враждебного большевизму), дробление его на отдельные течения, во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии, и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях¹⁴.

Более долгосрочные цели религиозной политики фашистской Германии в случае поражения Советского Союза указывались в другой директиве Главного управления имперской безопасности от 31 октября 1941 года: «Среди части населения бывшего Советского Союза, освобожденной от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей, что в особенности относится к старшему поколению... Поэтому крайне необходимо воспретить всем попам вносить в свою проповедь оттенки вероисповедания и одновременно позаботиться о том, чтобы возможно скорее создать новый класс проповедников, который будет в состоянии после соответствующего, хотя и короткого, обучения толковать населению свободную от еврейского влияния религию. Ясно, что заключение “избранного Богом народа” в гетто и искоренение этого народа не должно нарушаться духовенством»¹⁵.

Ничем не прикрытый расизм этой директивы откровенно характеризует подлинное отношение нацистов к православию, из которого они собирались выхолостить многие христианские догматы.

Большое внимание со стороны оккупационных властей уделялось использованию религиозной темы в своей идеологической и пропагандистской работе. В прессе всячески подчеркивалось, что новый режим несет религиозную свободу. Настойчиво рекомендовалось в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданические чувства к Гитлеру и III Рейху. Активно распространялась соответствующая литература, к примеру, такая листовка-молитва: «Адольф Гитлер, ты наш вождь, имя твое наводит трепет на врагов, да придет третья империя твоя. И да осуществится воля твоя на земле...»¹⁶

Однако многие русские священники-эмигранты, проживавшие в Германии, с радостью восприняли сообщение о начале войны рейха против Советского Союза. Протоиерей Александр Киселев (будущий

духовник генерала Власова и его окружения), вспоминая 1941 год, писал: «Сколько новых страданий принесет эта война... и как встречная волна моего сознания: но ведь только этой кровью может прийти освобождение от того моря крови и мук, которые претерпевал народ наш под безбожной коммунистической властью»¹⁷.

Стихийное массовое открытие церквей на оккупированных территориях, иногда с финансовой поддержкой со стороны военных властей, религиозный подъем среди широких слоев русского населения заставили Розенберга как министра Восточных областей пересмотреть свое отношение к Православной Церкви. Розенберг составил в июне 1942 года эдикт о терпимости, в котором определялась немецкая церковная политика в оккупированных областях. Из-за вмешательства Мартина Бормана этот эдикт в России так и не вышел, а Кох (Украина) и Лозе (Прибалтика) опубликовали его сокращенные версии. В опубликованных распоряжениях провозглашалась религиозная свобода и право верующих организовывать религиозные объединения. Но в то же время, как и в советском законодательстве, подчеркивалось, что отдельные религиозные объединения являются автономными, чем ограничивалась административная власть епископов. Это было направлено на недопущение возрождения сильной единой Русской Православной Церкви¹⁸.

В условиях подготовки к войне немецкие разведывательные и пропагандистские службы определили тот круг лиц, который, по их мнению, мог бы стать потенциальным союзником вермахта в условиях начавшихся боевых действий. К ним они, безусловно, относили верующих. В популярном немецком солдатском журнале «Сигнал» публиковались фотографии германских военных священников, совершающих обряд крещения русских женщин и детей. Капелланы, кроме совершения религиозных обрядов, раздавали населению нагельные кресты и листовки с текстами православных молитв¹⁹.

Немецкие пропагандистские службы объясняли солдатам вермахта, что «православие – есть религия покорности властям», поэтому им со священниками нужно обращаться вежливо.

Немецкие плакаты и листовки на церковную тему, выпущенные в первые дни оккупации, строились в основном на контрасте, с активным использованием фотоматериалов. На одном листе изображались красноармейцы, «выносящие по приказу Е. Ярославского церковную утварь из храма», и «германские солдаты, помогающие жителям тушить их подожженные дома». На всех уровнях населе-

нию внушалась мысль, что религия, нравственность и советская власть – понятия несовместимые. Торжества по поводу открытия новых храмов начинались следующими словами священников: «Или есть Бог, тогда должны быть уничтожены злодеи-большевики, или есть большевики и будут уничтожены храмы»²⁰. На всех мероприятиях такого рода обязательно присутствовали представители немецких пропагандистских служб.

Особенно сильное впечатление в этих условиях на русское население произвёл факт открытия Кафедрального собора в Псковском кремле, где до этого размещался музей безбожников. Если верить официальному сообщению немецких пропагандистских служб, солдаты германской армии во время трудного боя вынесли с риском для жизни из церкви Вознесения богородицы в Тихвинском монастыре знаменитую икону Тихвинской богородицы. 22 марта 1942 года эта икона при огромном стечении народа была торжественно (с вполне определенными пропагандистскими целями) передана во Пскове православной церкви. После этого основным местонахождением этой иконы стала хорошо охраняемая оружейная комната псковской военной комендатуры. Ежедневно в 9 часов икону отвозили в Троицкий собор, а в 18 часов возвращали оттуда назад²¹.

О месте религии в своих оккупационных планах в своем открытом отчете «Об отношении к русскому гражданскому населению» от 26 ноября 1941 года командующий тыловой армией северных областей сообщал: «Церковь начинает приобретать в народной жизни растущее значение. С успехом и усердием трудится население над восстановлением церквей. Церковная утварь, припрятанная от ГПУ, вновь начинает находить свое место. Старое поколение через церковную жизнь входит в сношение со старыми привычками и обычаями, с реальностью, которая, само собой разумеется, присуща русским в религиозных вещах. Молодое поколение, выросшее при большевизме, относится к старому поколению с любопытством. Различие между старым поколением (до мировой войны) и молодым (послевоенное поколение и позже) очень резко»²².

Так, с первых дней своего пребывания на Ленинградской земле захватчики осуществляли свой план по возрождению религиозных культов. Только на территории Новгородчины было открыто 40 новых церквей, на территории Псковщины – более 60. В самом Пскове стали действовать 6 храмов²³.

Назначаемые священники подвергались тщательной проверке, их кандидатуры согласовывались с СД. Многих из них служба безопасности вербовала²⁴.

На Северо-Западе России была образована так называемая «Православная миссия в освобождённых областях России». В своём первом обращении к верующим она призвала всех «возрадоваться своему освобождению». Одной из первых задач данной пропагандистской структуры стала подготовка и рекомендация тем для проповедей церковнослужителей. Наиболее частыми летом 1941 года были выступления, посвящённые «надругательству большевиков над церковью, о несправедливости коммунистического режима, о том, что теперь русский народ сможет спокойно жить, работать и молиться Богу»²⁵.

Органы СД, подчинив всю практическую деятельность «Православной миссии» интересам своей контрразведывательной работы, вели через церковь активную борьбу против Советского Союза. С этой целью СД проводило широкую вербовку как среди руководства «Миссии», так и среди подчиненного «Миссии» духовенства. Так, К. И. Зайц перед его назначением на должность начальника «Православной миссии» был вызван в органы СД в Риге, завербован в качестве секретного агента и получил задание вести через «Миссию» пропаганду и контрразведывательную работу в пользу немцев. О своей вербовке органами СД и полученных заданиях Зайц показал: «...В беседе с начальником отдела СД последний поставил передо мной вопрос о необходимости полного контакта в работе «Миссии» с СД и неуклонном выполнении «Миссией» всех указаний СД по беспощадной борьбе с большевизмом».

Говоря о задачах миссии, начальник отдела СД указал, что миссия обязана:

- а) всяческими путями оказывать помощь немецкой армии в ее «освободительной» миссии против большевистского ига;
- б) развернуть через членов миссии активную пропагандистскую работу, направленную против советской власти и на восхваление фашистского порядка;
- в) через священнослужителей Псковской, Новгородской и Ленинградской губерний выявлять из местного населения лиц неблагонадежных и враждебно настроенных против немцев и немедленно сообщать о них в СД.

В конце беседы начальник отдела СД предложил подписать обязательство о сотрудничестве с СД, содержание которого было примерно следующим: «Я, Зайц Кирилл Иванович, обязуюсь оказывать всяческое содействие СД и немецкой армии в их борьбе с большевизмом. Я обязуюсь строго выполнять все указания и задания СД, а также хранить в тайне мою связь с СД».

К. И. Зайц подтвердил, что предложенное ему обязательство о сотрудничестве с СД он подписал. Показания К. И. Зайца по вопросам связи «Миссии» с органами «полиции безопасности» – СД и ведения контрразведывательной работы были подтверждены показаниями ряда других арестованных органами НКГБ членов «Православной миссии»²⁶.

С целью активизации контрразведывательной и пропагандистской деятельности «Миссии» против советской власти органы СД созывали совещания духовенства, на которых обсуждались вопросы усиления антисоветской работы. В частности, об одном из таких совещаний арестованный К. И. Зайц показал: «...На этом совещании я выступил с большим докладом, в котором призывал членов миссии и всех священнослужителей развернуть активную пропагандистскую деятельность против советской власти, призывать население оказывать всяческую помощь германскому командованию в проведении работ по строительству оборонительных сооружений.

Я также предложил проводить среди верующих разъяснительную работу о необходимости сдачи для нужд немецкой армии хлеба и другого продовольствия, предложил установить на местах тесное сотрудничество с СД и всячески содействовать СД в выявлении неблагонадежных для немцев лиц.

В конце моего доклада на совещании выступил представитель СД, который призвал духовенство к более тесному сотрудничеству с немецкими органами безопасности»²⁷.

Бывший сотрудник германских спецслужб Д. Каров позднее признал: «Вообще говоря, Абвер пришел к выводу, что всех лиц, прикасавшихся или участвующих в религиозно-духовной жизни населения, более целесообразно использовать в качестве источников информации, чем как штатных агентов. Там они оказывали ценные услуги, часто даже не отдавая себе отчета в этом. Как правило, некоторые стороны работы агента в контрразведке противоречили их религиозным и нравственным убеждениям, а потому их и не использовали в качестве агентов»²⁸.

Помимо ведения активной пропаганды и сбора сведений о политическом и экономическом состоянии районов, «Православная миссия», по предварительным данным, передала в руки немецких контрразведывательных органов 144 партизан и советских патриотов, проводивших активную борьбу против немцев²⁹.

Согласно показаниям секретаря Управления миссии в июне 1942 – феврале 1943 г. протоиерея Н. Жунды, в июне 1942 г. он впервые посетил по вызову Псковское СД, где ему сказали, что миссия должна проводить работу по выявлению партизан, главным образом в Псковском, Карамышевском и Середкинском районах: «На мои наивные возражения, что она не подходит для священников, сотрудник СД не обратил внимания и просил передать начальнику и другим членам миссии, что если священники сами не в состоянии выполнить эту работу, то пусть порекомендуют светских лиц, с которыми СД могло бы вступить в связь»³⁰.

Этот разговор был обсужден в миссии только в конце июля и вызвал неоднозначную реакцию. В результате Управление миссии не решилось идти на прямой конфликт с немцами, но и не стало открыто отвергать требование СД. Было решено не издавать циркуляра, а вызывать священников и благочинных лично в канцелярию миссии и проинформировать их о предложении СД. В итоге дело затянулось на месяцы и не дало почти никаких результатов³¹.

Среди миссионеров нашелся один (псаломщик Виталий Караваев), недовольный таким решением. Он написал донос митрополиту Сергию, что Управление миссии отказалось сообщать сведения о партизанах и «вообще подвергает критике действия Экзарха». Митрополит, получив это сообщение, объявил строгий выговор руководству миссии, а специальным циркуляром от 15 сентября 1942 г. даже временно распустил Управление миссии³².

Тем не менее, прибывших по вызову в Псков в общей сложности 18 священнослужителей лишь проинформировали о задании СД и предложили действовать в отношении его выполнения «по личному усмотрению без всяких письменных обязательств».

11–14 декабря 1942 г. Экзарх приехал в Псков, и после его бесед с представителями СД они уже больше не требовали от миссии представлять сведения о появлении партизан и других неблагонадежных лиц. Митрополиту удалось убедить оккупационные власти, что более целесообразно поступление письменных отчетов

священников о встречах с партизанами непосредственно к самому Экзарху³³.

Практически в каждом городе и населенном пункте, где имелись церковные здания, население при помощи листовок и плакатов созывалось немцами «на открытие Божьего храма». Все проходило под контролем оккупантов. Под Брянском церковь, открытая местными жителями без согласования с немцами, была закрыта. Свои действия оккупанты объяснили тем, что «большевики в этом храме имели склад, а местные жители его разграбили. Нельзя начинать святое дело, возрождение храма, с тяжкого греха воровства!»³⁴

Данная политика проводилась по ряду причин. Во-первых, экономически она мало затрагивала интересы вермахта и Германии. Во-вторых, церковный амвон был идеальным местом для проведения пропаганды и, в-третьих, это была хорошо задуманная контрпропагандистская акция, ибо в первые месяцы войны советская сторона по инерции считала церковь своим злейшим врагом.

В сентябре 1941 года вышло распоряжение немецкого командования, по которому все материальные затраты на содержание культовых зданий ложились на плечи местного населения. Оккупанты ограничились лишь демонстративной передачей верующим некоторых церковных ценностей, как, например, иконы Тихвинской Божьей матери.

Одним из немногих православных монастырей России, никогда не прекращавших своей деятельности, является Псково-Печерский. Он находится на той территории, которая с 1920 по 1940 год входила в состав буржуазной Эстонской республики. Большинство монахов были настроены крайне антисоветски, и приход немецких войск в июле 1941 года ими был встречен с большой радостью и воодушевлением. Это объяснялось тем, что с первых дней восстановления советской власти в Печерском районе они почувствовали крайне негативное отношение к себе. Многие из них были арестованы советскими органами государственной безопасности.

Вскоре после прихода немцев настоятеля Печерского монастыря вызвали в военную полицию, где представитель Абвера заявил ему о том, что монахи обязаны помогать Германии в борьбе против общего врага – большевизма. К врагам были отнесены коммунисты, партизаны и все недовольные «новым порядком». Сразу же немецкой разведке были предоставлены списки печерских коммунистов³⁵.

Настоятель монастыря имел широкую сеть осведомителей из числа наиболее активных прихожан. Во время одной из исповедей он узнал о том, что жители нескольких близлежащих деревень, недовольные немецкими порядками, ушли в лес, где устроили себе лагерь. Монахи стали агитировать родственников партизан, чтобы они призвали своих родных «вернуться к честному труду и подчиняться справедливому немецким законам»³⁶.

При Печерском монастыре с самого начала прихода немцев до дня их ухода, то есть до августа 1944 года, в киоске продавался журнал «Православный христианин» и календари, издаваемые Православной миссией, где печатались антисоветские статьи. Если эта литература «залеживалась», то её бесплатно распространяли среди прихожан. Она также отправлялась в трудовые лагеря, где содержалось русское население, мобилизованное оккупантами для строительства оборонительных сооружений и дорог.

В Печерском монастыре издавалась и своя газета для прихожан. В ней помещались материалы чисто религиозного содержания.

Советская разведка несколько раз пыталась использовать Псково-Печерский монастырь как свое прикрытие. Но все попытки внедрить туда свою агентуру под видом монахов оканчивались провалом. Настоятель монастыря П. М. Горшков (монашеское имя Павел) регулярно информировал германское командование о всех посторонних и подозрительных лицах. По его информации немцы несколько раз устраивали засады и аресты³⁷.

22 июня 1942 года гебитскомиссар Псковского округа получил из Печерского монастыря письмо следующего содержания: «Почтительнейше имею честь Вам доложить, что 21 сего июня было совершено молебствие о даровании нашим освободителям окончательной победы над богопротивным большевизмом.

Да поможет Господь Бог победоносной Великогерманской армии и ее великому вождю Адольфу Гитлеру в окончательном уничтожении безбожного коммунизма». Оно было подписано настоятелем монастыря. Также монастырь торжественным богослужением и крестным ходом отмечал день захвата Печер германской армией³⁸.

Немецкие власти высоко ценили активное содействие в проведении своей политики со стороны монахов монастыря. Одна из многочисленных благодарностей была получена Печерским монастырем и от канцелярии фюрера за подарки Гитлеру ко дню его рождения.

Особое доверие оккупантам к Псково-Печерскому монастырю можно во многом объяснить особым отношением нацистов к православному духовенству прибалтийских республик, которые в 1940 году были присоединены к Советскому Союзу. В январе 1941 года экзархом Прибалтики был назначен митрополит Сергей (Воскресенский), который до этого являлся полномочным представителем Московской патриархии в этом регионе. При приближении германских войск к Риге представителями советской власти ему было рекомендовано эвакуироваться. Вместо этого он скрылся. 12 сентября 1941 года экзарх Сергей обратился к германским властям с докладной запиской, в которой доказывал оккупантам, что Московская патриархия никогда не примирялась с безбожной властью, подчинившись ей только внешне, и что поэтому он, Сергей, имеет моральное право призвать русский народ к восстанию³⁹.

Но, несмотря на все эти заявления, к рижскому митрополиту Сергию немцы все же испытывали определенное недоверие. Так, настоятель Псково-Печерского монастыря П. М. Горшков несколько раз вызывался в гестапо, в Псков, где его подробно расспрашивали о политических настроениях экзарха. Немецкие власти не скрывали от настоятеля того, что они подозревают Сергия в том, что он советский агент. Всегда, когда Сергей приезжал в Печерский монастырь, немецкая полиция посылала туда своих тайных агентов, которые следили за ним и за теми людьми, с которыми он общался.

Создание и организация Православной миссии во многом связаны с инициативой православного духовенства из Прибалтики и, в частности, с деятельностью экзарха Сергия. Последний в начале июля 1941 года вступил в переговоры с германским командованием, предложив отправить миссионеров «в большевистские области России». Активное содействие ему оказало СД, и уже 18 августа первые посланники прибыли во Псков. Всего их было 14 человек, в основном священников. Изначально они не получали никакой поддержки ни со стороны немецкой, ни со стороны русской коллаборационистской администрации. Дело дошло до того, что вновь прибывшие священники даже не получили продовольственных карточек. Ситуация кардинально изменилась после вмешательства отдела пропаганды и СД. Последние увидели в миссии надежного проводника своей политики. По требованию немцев миссионеры должны были не только (и не столько) налаживать церковную

жизнь, но и «объяснять и указывать населению преимущества и достоинства новой, открывающейся для него жизни»⁴⁰.

Все миссионеры, прибывшие из Прибалтики, стали считаться членами Православной миссии. Из их числа постепенно образовалось управление. Во главе её стоял начальник, имевший несколько заместителей, курировавших отдельные церковные дела, ревизора. Все решения, принятые миссией, утверждались экзархом.

Первым начальником псковской Православной миссии стал протоиерей Сергей Ефимов, в октябре 1941 года его сменил протоиерей Николай Коливерский, после смерти которого в октябре 1942 года новым начальником был назначен протопресвитер Кирилл Зайц. Его помощником стал священник И. Легкий, членами управления миссии – протоиерей Н. Шенрок, священник Г. Бениксен, секретарем – священник Н. Жунда. Для связи с местами и наблюдения за духовенством в 1942 году был организован институт благочинных в округах: Псковском, Новгородском, Порховском, Гдовском, Дновском, Островском, Гатчинском, Славковичском, Солецком, Ушаковском, Карташевском. Миссия стремилась взять управление в свои руки, она не только наблюдала за храмами, но и назначала новых священников.

Территория, находившаяся в ведении миссии, включала в себя все районы Ленинградской области, оккупированные немцами (за исключением Ямбургского и Волосовского – они находились под церковной юрисдикцией эстонской Нарвы), а также северную часть Калининской области, на этой территории проживало в 1941 года свыше двух миллионов человек⁴¹.

В условиях войны и, как следствие этого страшного события, обострения религиозных чувств населения церковь пользовалась огромным влиянием. В январе 1942 года в крещенском крестном ходе участвовало 40% (10 тыс. из 25 тыс.) оставшегося во Пскове населения⁴².

Для верующих создание Православной миссии объяснялось не только необходимостью быстрого возрождения в «освобожденных областях» церковной жизни, но и тем, что означенные области не имели епископа, ранее ими руководившего. Управление миссией официально учреждалось «до восстановления непосредственной связи с Патриаршей церковью». В 1941 году было объявлено, что «Высшая церковная власть в Российской Православной Церкви принадлежит Местоблюстителю Патриаршего Престола Блаженнейшему

Сергию и состоящему при нем архиерейскому собранию. Но Экзархат, – говорилось далее, – в связи с ходом военных событий оказался по эту сторону фронта и поэтому управляется самостоятельно»⁴³.

До 1943 года, до нормализации отношений между советской властью и Русской Православной Церковью, при богослужениях на оккупированной территории возносилось не только имя экзарха, но и Местоблюстителя Патриаршего престола. Потом упоминание Патриарха Московского Сергия было запрещено немцами, но в условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне многие священники отказывались этот приказ выполнить⁴⁴.

К концу немецкой оккупации число священников на этой территории возросло до 175, а число приходов до 200. Так как большая часть этой территории принадлежала Ленинградской епархии, священники должны были возносить во время богослужения имя митрополита Ленинградского Алексия, находящегося по другую сторону фронта. Но когда с советских самолетов начали разбрасывать подписанные Алексием антифашистские листовки, оккупационные власти запретили любое положительное упоминание его имени в храмах⁴⁵.

В августе 1942 года священники оккупированных районов Северо-запада РСФСР получили секретный циркуляр от Православной миссии, подписанный протоиреем Кириллом Зайцем. В нем давались следующие задания:

- 1) выявлять партизан и лиц, связанных с ними;
- 2) среди прихожан выявлять всех тех, кто настроен против немцев и высказывает недовольство немецкими порядками;
- 3) выявлять всех служителей культа, которые отправляют службы, не имея соответствующего образования, то есть священников-самозванцев;
- 4) выявлять в своем приходе всех лиц, кто ранее был репрессирован советской властью.

Здесь же указывалось, что все эти сведения должны ежемесячно пересылаться во Псков в Православную миссию. В этом же циркуляре были и задания по церковным делам, в том числе по сборам прихожан на бедных детей, ремонт храмов и т. д. 10% от всех сборов должны были посылаться на содержание миссии и экзархата⁴⁶.

В других циркулярах, рассылаемых миссией за подписями ее руководителей: Зайца, Жунды и Шенрока – священникам разъяснялся порядок богослужения, предписывалось представлять сведе-

ния о количестве молящихся, мужчин, женщин и детей, о количестве крещеных и умерших.

Немецкие власти стремились максимально использовать работу миссии для своих целей. Ее руководство регулярно получало распоряжения от нацистов о содействии оккупационным властям. Они принимались к исполнению. Представители различных германских служб – военных, экономических, разведывательных рассчитывали на то, что через Православную миссию они смогут получать значительное количество информации.

Интересы немцев находились в различных областях, часто весьма далеких от религиозных проблем. Служащие тыловых подразделений вермахта хотели знать не только о всех категориях собранной сельскохозяйственной продукции, но и о возможностях русского населения увеличить поставки продовольствия для нужд германской армии. В инструкции по работе с русскими священниками, которая была подготовлена в районе действия группы армий «Север» летом 1942 года, говорилось о том, что русские крестьяне могут лгать соседу, старосте. Они с недоверием относятся к немцам, как к пришельцам, но они никогда не рискнут обманывать своего местного священника.

Абвер постоянно рассчитывал на помощь Православной миссии при подготовке агентуры для работы, как на оккупированной территории, так и для заброски в советский тыл.

В 1943 году Православная миссия получила задание от германского командования всячески популяризировать власовское движение. В циркуляре № 714 от 9 июня 1943 года управление миссии предписывало всем благочинным представить в управление миссии сведения следующего характера: «Охарактеризовать популярность власовского движения, отношения к нему местного населения; сделать сопоставление отношения населения к власовскому движению и к партизанам; указать, на чьей стороне находятся симпатии населения, какое из них пользуется большим доверием и сочувствием»⁴⁷.

Финансовые ресурсы миссии пополнялись из двух основных источников: прибылей, поступающих из хозяйственного отдела миссии, и из десятипроцентных отчислений из доходов.

Хозяйственный отдел миссии включал в себя свечной завод, магазин церковных принадлежностей и иконописную мастерскую. В последней работало свыше двадцати человек: мастера-живописцы, золотошвейки, резчики по дереву и столяры. В мастерской создава-

лись не только новые вещи, но и реставрировались старые, в том числе переданные из новгородских и псковских музеев.

Все подразделения хозяйственного отдела приносили среднемесячную чистую прибыль до 4000 рейхсмарок. Она расходовалась на выплату жалования сотрудникам, ремонт помещений и канцелярские расходы. Немалое количество средств тратилось и на содержание двухгодичных богословских курсов в Вильнюсе. Там готовились священники для всех оккупированных областей СССР. Все воспитанники курсов проживали, питались и обучались бесплатно⁴⁸.

Широкий масштаб приобрела и издательская деятельность миссии. Об этом свидетельствует тираж выпущенных изданий. Так, в 1942 году было издано 100 000 экземпляров молитвенников и два номера журнала «Православный христианин», каждый тиражом в 30 000 экземпляров. В 1943 году выходят в свет 30 000 экземпляров Православного календаря и четырнадцать номеров «Православного христианина», с тиражом каждого номера в 20 000 экземпляров⁴⁹.

Даже благие дела православной миссии носили определенный идеологический уклон. Так, во Пскове, при церкви Дмитрия Солунского, в 1942 году стал действовать приют для сирот на 15 человек. В него принимались дети от 8 до 15 лет. Для этой цели был отремонтирован дом, принадлежавший Дмитриевской церкви. Через прихожан собиралась вся необходимая обстановка: кровати, мебель, постельное белье, столовая и кухонная посуда. Продукты частично приобретались на средства, пожертвованные прихожанами, частично приютские дети сами выращивали овощи для себя. Предполагалось, что приютские дети будут воспитываться как христианские миссионеры для религиозно-нравственной работы среди своих сверстников⁵⁰. Псковский священник Георгий Бениксен по предложению псковского отдела пропаганды с сентября 1942 года стал заведовать отделом детских передач псковского радиоузла. В этих передачах принимали участие не только священники, но и воспитанники церковной школы. Что касается взрослых, то для них еженедельно выходил специальный «религиозный час». По средам шли серии передач «Ученые и религия» и «Святые русской земли»⁵¹.

1 октября 1942 года во Пскове при церкви Дмитрия Солунского открылись церковный детский сад и церковная школа. В первый принимались дети дошкольного возраста, во вторую школьники, закончившие четыре класса начальной школы⁵². В Псковской

художественной школе обучались 60 юношей и девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Закон Божий являлся одним из основных предметов. Это можно объяснить тем, что учащиеся готовили во многом для церковных мастеров.

Тесные связи наладились между профашистски настроенным русским духовенством и непосредственно самим генералом А. А. Власовым. Последний в мае 1943 года посетил Псково-Печерский монастырь. В своем выступлении перед монахами он заявил о том, что идет воевать за свободную Россию без большевиков и попросил настоятеля благословить его. Настоятель не только благословил его «на крестовый поход против жидо-большевизма», но и, земно поклонившись, подарил ему икону. После этого монастырь несколько раз посещали представители РОА. Перед власовцами, выстроенными возле Успенского собора, выступал настоятель. Он благословлял их «на бой с большевиками до победы»⁵³.

При отступлении немецких войск из Печерского района офицер немецкой разведки Шифер пришел в монастырь и дал задание монахам всячески помогать Германии в условиях «временного отступления ее армии». Он попросил собирать сведения о передвижениях частей Красной Армии, о настроениях красноармейцев. Также им предлагалось проводить активную пропаганду о совершенстве немецкой техники и гуманизме нацистского оккупационного режима. Тогда же настоятель по собственной инициативе упаковал все ценности, находившиеся в монастыре, на сумму в 5 миллионов рублей золотом в четыре больших ящика и сдал их немецким властям на хранение⁵⁴.

Что касается деятельности рядовых приходов на Северо-Западе России, то оккупанты предполагали, что все они будут неукоснительно соблюдать распоряжения миссии. Согласно специальному циркуляру № 5 от 10 февраля 1942 года структура церковных учреждений сводилась к следующей схеме:

1) Глава Русской Православной Церкви на «освобожденных» территориях России – патриарший экзарх митрополит Сергей Воскресенский.

2) Управление Православной миссией во Пскове.

3) Благочиния.

4) Приходы во главе с настоятелями⁵⁵.

Руководителем всей духовной и хозяйственной жизни прихода и лицом, ответственным за приходскую жизнь, являлся настоятель прихода.

Эта форма церковной организации была весьма удобной для оккупационных властей. Она исключала возможность конфликтов между настоятелем и приходом, обеспечивала в приходской жизни единство церковно-политической работы, упрощала надзор за настроениями прихода со стороны гражданских властей, позволяла в случае надобности свернуть приходскую деятельность или быстро развернуть ее в желаемом для этих властей направлении.

Назначение всех священников миссией производилось после их тщательной проверки и главным образом из числа лиц, враждебно настроенных к советской власти и репрессированных за контрреволюционную деятельность. Допрошенный 25 февраля 1944 года по этому вопросу советскими органами государственной безопасности священник Заблоцкий показал, что духовенство брали в основном из приезжих. Это были священники, бежавшие из ссылки. Они подавали заявления, и им разрешалось благочинным района совершать службу с последующим оформлением в управлении Православной миссии⁵⁶.

По поводу необходимости тщательного отбора назначаемых настоятелей приходов и проверки всех претендентов в священнослужители миссия издала целый ряд циркуляров. Так, циркуляр управления миссии от 6 февраля 1943 года за № 67 предписывал: «Согласно распоряжению высокопреосвященнейшего экзарха митрополита Сергия к проверке прав и прошлого местных священнослужителей (особенно прибывших из других областей) или оставивших служение при советской власти надлежит относиться с чрезвычайным вниманием. Ни в коем случае не оказывать им преждевременного доверия и отнюдь не торопиться с выдачей им разрешения на священнослужение».

Предполагалось, что при обнаружении не известного до той поры священнослужителя надо дать пройти некоторому времени, чтобы открылся его облик и поступили сведения о нем и чтобы, насколько возможно, исследовать правильность сообщаемых им данных о себе. Таковые он должен был предъявить в виде послужного списка, и лишь тогда ему давалось назначение, в том числе и временное. Экзарх отмечал, что в условиях войны в деле проверки

местных священнослужителей обнаруживается излишняя доверчивость и недостаточная бдительность⁵⁷.

Циркуляр № 694 гласил: «Настоящим доводится до вашего сведения, что экзархом Сергием дано категорическое распоряжение о недопущении служения в храмах, вверенных вам для обслуживания приходов, посторонних священнослужителей, не имеющих на то специального письменного распоряжения, выданного управлением Православной миссии»⁵⁸.

В своем интервью газете «Северное слово» благочинный гатчинского округа Амозов заявил: «По распоряжению экзарха митрополита Сергия в монастыри принимаются монахи, которые при большевиках находились в гонении»⁵⁹.

Подобную политику можно объяснить не только опасениями миссии, что среди служителей церкви могут оказаться советские агенты, но и тем большим количеством авантюристов, которые в условиях стихийного открытия церковью выдавали себя за священников. Коллаборационистские газеты регулярно публиковали материалы о разоблачении лжесвященников. Последние, даже не зная молитв, безбедно жили за счет местного населения несколько недель, а то и месяцев. Некоторые из них смогли сытно просуществовать весь период оккупации. Так, благочинный гатчинского округа Иван Васильевич Амозов, бывший чекист и коммунист, смог сделать духовную карьеру при помощи своей справки об освобождении из заключения. Однако на Колыме в 1936 году он оказался не как «гонимый за веру», а за взяточничество, пьянство и двоеженство.

На деревенского священника оккупанты и коллаборационисты возлагали широкий круг задач. Многие из них никакого отношения к церкви и религии не имели.

По предложениям (фактически по приказам. – *Б. К.*) нацистов утверждались темы проповедей. Так, в июне 1942 года вышло распоряжение миссии, в котором говорилось: «...В ночь с 21 на 22 сего месяца исполняется год той освободительной борьбы, которую ведет победоносная германская армия с большевизмом во имя спасения человечества от сатанинской власти поработителей и насильников.

Христианский долг требует от нас искреннего сознания всей важности необходимости продолжающейся освободительной борьбы, а также соответствующего серьезного отношения и к великой дате современной истории, ознаменовавшей собой начало этой борьбы.

В связи с этим, предписываем всему духовенству 21 сего июня после божественной литургии и произнесения соответствующего слова совершить молебствование о даровании Господом сил и крепости Германской армии и ее вождю Адольфу Гитлеру для окончательной победы над проклятым жидо-большевизмом»⁶⁰.

Некоторые священнослужители сами проявляли инициативу. Примером антисоветских проповедей могут служить выступления с амвона Казанского собора в Луге Заблочного в 1941–1943 годах. В них он регулярно провозглашал: «Благоденственное мирное житие, здравие, во всем благое поспешение на враге, победу и одоление подай, Господи, вождю народа германского Адольфу Гитлеру, освободившему нас от тирании нечестивых людей. Всем начальникам армии германской и сохрани их на многие лета!»⁶¹

Не ограничиваясь одними проповедями, миссия предлагала настоятелям приходов проводить беседы в свободное время по заранее разработанной программе. С этой целью в сентябре 1942 года благочинным была разослана за № 471 такая инструкция: «Согласно распоряжению владыки митрополита предписывается организовывать в благочинческих округах религиозные собеседования, особенно с молодежью и педагогами, чтобы привести ко Христу людей, которые в советских условиях ничего, кроме лжи о религии, не слышали. Им надо дать радость и свет истинной веры. Предметами собеседования должны быть: а) выяснение слабостей и несостоятельности материализма; б) гибельность для человечества материалистического учения; в) разъяснение тех оснований, на которые указывают большевики; г) выяснение несостоятельности их, ссылки на науку и научные открытия для опровержения религиозных основ жизни; д) согласованность науки с Библией в вопросе о происхождении жизни, мира»⁶².

Летом 1942 года на оккупированной территории Северо-Запада России в массовом порядке гитлеровцами и их пособниками проводились различные торжества по поводу «годовщины освобождения от ига большевизма». Так, в Волотовском районе священник Михаил Никитин, выступая перед прихожанами с проповедью, восхвалял немецкую армию, а в конце провозгласил: «Вождю германского народа – освободителю Адольфу Гитлеру – многие лета!»⁶³.

Его поддержал начальник района Мановский: «Граждане! Благодаря немецкому командованию вы находитесь в церкви. Большевики к церкви относились варварски, разрушали ее, а немецкие

власти во всех освобожденных районах открыли церкви. Мы должны идти с германским народом рука в руку»⁶⁴.

Никитин ранее имел лишь сан диакона, но благодаря близости к начальнику района Мановскому и немецкой комендатуре, а так же к главе «Православной миссии» в Пскове протоиерею Кириллу Зайцу, он был направлен в Ригу. Там Сергей (Рижский) рукоположил его в священники⁶⁵.

В церкви города Сольцы после религиозных служб регулярно выступал немецкий пропагандист «профессор» Андриевский. В одной из своих речей перед верующими он заявил: «Будят трижды проклят тот, кто ждет прихода красных!»⁶⁶

Однако далеко не все верующие были готовы слушать антисоветские проповеди с церковного амвона. Так, священник-самозванец Амосов, активный пособник гитлеровцев, однажды в приходе Камно получил удар в голову кирпичом за то, что сообщил в СД о неблагонадежности волостного старшины и церковного старосты. Рассматривая этот случай, руководство Псковской православной миссии было вынуждено признать: «Крестьяне, очевидно, ценили этих сельских работников, не изменивших большевизму, о чем они, конечно, знали»⁶⁷.

Германское командование пыталось использовать русских священников в оккупированных районах для сбора сведений разведывательного характера, а также информации о настроениях населения. В циркуляре миссии от 4 марта 1942 года прямо указывалось: «Предписуется всем согласно распоряжений соответствующих учреждений германской власти возможно часто, не реже чем раз в месяц, доставлять в управление миссии подробный отчет о положении в ваших приходах: о настроениях населения, о деятельности городских, волостных и сельских учреждений, о школьном деле, о нашей деятельности приходско-духовной, просветительской и благотворительной»⁶⁸.

В циркуляре № 471 от 2 сентября 1942 года начальника миссии Зайца благочинным после проведения бесед с населением предлагалось о собеседованиях, характере их и о задаваемых слушателями вопросах и об отношении к собеседованиям и религии вообще давать сведения ежемесячные, а в особых случаях доносить немедленно⁶⁹.

Но «духовно-нравственное возрождение на освобожденной от ига жидо-большевизма территории России» меньше всего интере-

совало оккупантов. С середины 1942 года немецкие тыловые службы рассчитывали на помощь Православной миссии при определении количества налогов, которые должно было выплатить русское население. По требованию германского командования миссия издала 10 августа 1942 года циркуляр № 383, согласно которому священники на местах должны были в кратчайший срок и с соблюдением строжайшей конспирации собирать сведения о наличии зерна и овощей у населения. Данное распоряжение оккупантов маскировалось следующим образом: «Трудное материальное положение как городского населения, так и беженцев обязывает православную церковь исполнить свой христианский долг и всеми силами помочь германским учреждениям разрешить очень трудный вопрос обеспечения городского населения и беженцев продуктами питания на наступающую зиму.

Управление Православной миссией настоящим просит вас также исполнить свой христианский долг перед пострадавшим населением и дать объективные и правдивые сведения о нижеследующем: 1) каков в этом году урожай хлеба с одного гектара – плохой, средний или выше среднего, а также какое количество хлеба можно снять с 1 га при плохом урожае, среднем и выше среднего. Эти сведения нужно дать отдельно об урожае яровом и озимом; 2) сколько зерна надо оставить на семена для 1 гектара; 3) сколько хлеба надо оставить для прокормления одного человека на месяц; 4) сколько хлеба надо бы оставить с 1 га для продажи на свободном рынке; 5) сколько хлеба с 1 га можно сдать хозяйственным учреждениям по официальной цене.

Точно такие же сведения надо дать на все указанные 5 пунктов по картофелю и овощам (таким как капуста, огурцы, морковь, брюква, свекла).

Все эти сведения должны быть подробны и правдивы, чтобы было обеспечено городское население и беженцы и при этом оставались довольны крестьяне.

Все указанные сведения просим вас сообщить лично, никому не объясняя, для кого и для какой цели они собираются, и передать их нам в кратчайший срок через подателя сего письма»⁷⁰.

Благочинные округов, получив такие указания, передавали их настоятелям приходов, принимавших эти указания к неуклонному исполнению.

Как уже указывалось, пронацистская пропаганда активно велась через издаваемые на русском языке газеты и журналы. В частности, большую роль в этом играл журнал «Православный христианин», начавший выходить в июне 1942 года. На первой странице первого номера этого журнала была помещена редакционная статья под заголовком «С нами Бог». В этой статье можно было прочесть: «Год минуло с того момента, как над мечтавшим о мировом владычестве в течение 24 страшных лет, тяготевшим над измученным русским народом большевизмом был занесен грозный и карающий меч божьего правосудия. Мы все были очевидцами и свидетелями тому, как под первыми же ударами германского меча потряслась и распалась годами копившаяся, созидавшаяся за счет народных денег, народного пота и крови, загнанная в сталь и железо военная сила.

Освобожденная страна смогла быстро отряхнуться от кошмарного 24-летнего сна, встать на ноги и вступить в новую жизнь. При помощи освободителей она успешно стала залечивать нанесенные большевиками тяжелые раны»⁷¹.

Все номера этого журнала предварительно проходили цензуру со стороны немецких пропагандистских служб. И если в них было «слишком много православия и слишком мало антибольшевистских материалов», их выпуск не разрешался⁷².

На словах «новая русская администрация», безусловно, поддерживала церковь. Но на практике дело иногда доходило до абсурда. Так, в Пушкинском районе Ленинградской области родители были обязаны отправлять своих детей по воскресеньям в церковь. В случае неявки их туда по неуважительной причине начальник района Селезнев брал с родителей значительный денежный штраф⁷³.

Дновское городское управление, идя навстречу желаниям приходского совета, помогло последнему насильственно изъять из близлежащих деревенских церквей недостающие в Дно облачения и церковную утварь⁷⁴.

Православная миссия по последнему факту выпустила специальное постановление, в котором говорилось о том, что «при новом порядке роль городского управления в отношении церкви не должна идти дальше материальной помощи. В остальном же церковный приход руководится настоятелем церкви, утвержденным Православной миссией, совместно с церковным советом. В церковном

совете должны быть люди не только истинно преданные религии и церкви, но и знающие свое право и умеющие его защитить, так как в переживаемый момент еще находятся вольнодумцы, воспитанные большевиками, видящие в церкви «народное» достояние»⁷⁵.

Православная миссия стремилась контролировать церковную жизнь на всей оккупированной территории Северо-запада России. Она действовала в тесном контакте с различными службами вермахта и коллаборационистской «новой русской администрацией».

Но в глубинке, удаленной от крупных немецких гарнизонов, отнюдь не все священники выполняли распоряжения германского командования и Православной миссии. В их деятельности не было ни малейшего проявления духовного коллаборационизма. Так священник села Рождественно Пушкинского района Ленинградской области Георгий Свиридов активно помогал советским военнопленным.

Высланный, как и все русские мужчины, из Пушкина, он оказался в деревне. Там староста, узнав, что он до 1930 года являлся священнослужителем (11 лет Свиридов работал счетоводом), предложил служить в местной церкви. В октябре 1941 года на общем собрании жителей села он был избран священником⁷⁶.

Инструкции и наставления по службе от немцев и оккупационных властей он практически не выполнял. Как священник, он по всем праздничным дням совершал богослужения, проводил крещение и погребение, а в будни четыре раза в неделю преподавал в школе Закон Божий в трёх деревнях.

Подобное игнорирование немецких интересов во многом было возможно из-за позиции волостного старосты (как выяснилось потом, связанного с партизанами). Так, после снятия урожая 1942 года он, как священник, организовывал все большие религиозные праздники, сбор помощи военнопленным и другим советским гражданам, находящимся в концлагере села Рождественно⁷⁷.

Калининские партизаны так оценивали религиозную ситуацию, сложившуюся к осени 1942 года: «Большинство священников на оккупированной территории относится к немецким властям несочувственно, богослужения проводят согласно своих священных книг, в большинстве случаев не касаясь политической стороны, молятся вообще как русские люди. Проповедей, как правило, не произносят. Они не восхваляют ни немцев, не ругают и советскую власть».

И только один поп в д. Лобок Невельского района в проповедях восхваляет немецких захватчиков, большинство населения к этому немецкому холопу относится с презрением. Эту церковь посещают единицы. Священники церквей деревни Неведро Невельского района, деревни Жуково Невельского района настроены к нам исключительно доброжелательно. Деньги, которые они собирают от богослужений с населения, вносят в партизанские отряды. Священник Жуковской церкви Шемелев И. Я. в беседе с молодежью заявил: «Если вас будут брать немцы на работу или армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите»⁷⁸.

После изгнания оккупантов за пределы России, в марте 1944 года, в Литве была учреждена так называемая «Внутренняя православная миссия» с центром в г. Шяуляй. Она продолжила деятельность, аналогичную функциям псковской Православной миссии. Объектом ее работы стало русское население, насильственно вывезенное немцами при их отступлении на территорию Прибалтики.

В районе действий группы немецких армий «Центр» религиозные вопросы официально относились к ведению коллаборационистской администрации, в первую очередь городских управ. Естественно, они работали в тесном сотрудничестве с немецкими пропагандистскими службами.

Сразу после оккупации Смоленска в июле 1941 года нацистами был открыт кафедральный собор. Немецкое командование собиралось использовать его в качестве своего рода религиозно-идеологического центра.

В Смоленске, где до войны было почти 170 тысяч жителей, функционировала всего лишь одна действующая православная церковь, в 1942 году, когда в городе оставалось менее 30 тыс. человек, действовало уже пять церквей и пасторские курсы, которые за первые семь месяцев своего существования выпустили 40 священников⁷⁹.

В Смоленске подбором священников для храмов города занимался непосредственно сам бургомистр – Б. Г. Меньшагин. Именно он рекомендовал германскому командованию подходящие кандидатуры⁸⁰.

Немецкие власти не скрывали того, что они стремятся превратить церкви в трибуны немецкой пропаганды, а духовенство – в проповедников этой пропаганды.

В октябре 1941 года священникам, оказавшимся в оккупированном немцами Смоленске, было предписано явиться в военную комендатуру. Там они заполнили специальные анкеты, состоявшие из нескольких десятков вопросов, таких как фамилия, имя и отчество, год и место рождения, кто были родители, как давно проживает в данной местности, как давно является священником, каким репрессиям подвергался со стороны советской власти.

После заполнения анкет комендант города через переводчика заявил присутствующим: «Вы, священники, выступая перед русским населением, должны всячески поддерживать мероприятия, проводимые немецким командованием. Германия идет навстречу русским и делает все для вашего благодеяния – мы открываем храмы, в которых будет можно свободно отправлять богослужения»⁸¹.

Как видно, подбор служителей культа проводился за счет тех категорий населения, которые были в чем-либо ущемлены или обижены советской властью, а в связи с этим и недовольны ею. В этих людях оккупанты видели своих союзников, способных выполнять все их задания.

Далее перед священниками выступил представитель Абвера. Он разъяснил собравшимся о том, что немцы пришли в Россию не как враги, а как друзья, с целью освобождения русского народа от ига большевизма. Поэтому русские священники обязаны не только вести пропаганду всех немецких мероприятий, но и всячески бороться со всеми коммунистическими проявлениями. «Для этого», – сказал представитель германской военной разведки, – «...все истинно православные люди обязаны доносить германским властям о любых проявлениях неповиновения новым властям»⁸².

Не останавливались немцы и перед инсценировками. Так, в ноябре 1941 года, когда Смоленский собор был закрыт для верующих, там прошло богослужение, транслировавшееся по радио. В пустом соборе находились несколько немецких офицеров, священник и хор. Провозглашались здравницы в честь «великой Германии и ее вождя – Адольфа Гитлера». Русское население на службу не допускалось «во избежание незапланированных действий»⁸³.

С первых дней оккупации Смоленска в коллаборационистской печати на русском языке, в развешанных по городам и деревням плакатах религиозного содержания, на всевозможных торжествах (первая и вторая годовщины нападения Германии на Советский Союз, годовщины вступления немцев в Смоленск, годовщины ор-

ганизации Смоленской горуправы и др.) священнослужители заявляли о том, что только с приходом немцев стало возможно свободно молиться⁸⁴.

Однако при этом служба в смоленских церквях могла начаться только с разрешения и по расписанию, утвержденному немецким комендантом города. Последнее делалось каждый месяц. Кроме этого, немецкая комендатура утвердила должность «немецкого представителя при Смоленском соборе». Ему около храма был выделен просторный дом. Этот представитель оккупационных властей имел ключи от всех помещений, и без его присутствия служба не могла начинаться.

Поздней осенью 1941 года в Смоленске немцами был восстановлен и пущен в ход пивной завод. По этому случаю было организовано его торжественное освящение. Священник поблагодарил немцев за то, что русские рабочие «смогли получить работу и улучшить свое материальное положение даже в условиях войны»⁸⁵.

Активно способствуя развитию коллаборационистской печати на занятых вермахтом территориях, нацисты настоятельно рекомендовали, чтобы каждая газета или журнал имели религиозную рубрику. В частности, в смоленской газете «Новый путь» ее вели протоиерей М. Шиловский, профессор смоленского пединститута А. М. Колесников и писательница Е. В. Домбровская. Для большей убедительности и усиления эффективности пропаганды материалы о «религиозном возрождении в освобожденной Германией России» часто сопровождалась сериями фотографий. Открытие церквей, религиозные церемонии, фотографии священников широко публиковались не только на оккупированных территориях, но и в самом III Рейхе⁸⁶. Со страниц печати смоленские священники, сотрудничавшие с оккупантами, неоднократно выступали с призывами к населению о необходимости всячески содействовать германским властям. В 1943 году вышло несколько листовок к партизанам за подписью смоленского епископа Стефана. В них он призывал народных мстителей сложить оружие и перейти на сторону оккупантов. В противном случае, писалось в листовке, «Божья кара, которая скоро вас постигнет, будет страшной»⁸⁷. Кроме пропагандистских материалов, широко публиковалась и чисто церковная литература: молитвенники, православные календари, Священное Писание.

С начала 1942 года служба в Смоленском кафедральном соборе стала записываться и затем передаваться по радио во многих оккупированных нацистами районах России и Белоруссии.

По воскресным дням «для борьбы с атеистическим мракобесием» по радио, в газете «Новый путь» выступали как священники, сочувствовавшие немцам, так и представители «новой русской администрации». Профессора Колесников, Сошальский, Абрамович, протоиерей Смоленского собора Шиловский рассказывали не только о Священной истории, но и о безбожии советской власти.

В июле 1942 года, в день годовщины оккупации немцами Смоленска, двое священников Смоленского кафедрального собора Беляев и Глебов выступили по радио с обращением «Ко всем православным христианам». В нем духовенство и верующие России призывались к оказанию всемерной поддержки «наших освободителей – германской армии в ее борьбе с безбожными советами»⁸⁸.

С лета 1942 года в оккупированных областях центральной России немцы стали использовать русских священников в лагерях военнопленных. После молебна священник обязательно выступал с проповедью. В ней говорилось о том, что эта война послана Богом за грехи большевиков. Пленных красноармейцев призывали молиться «за скорейшее окончание войны, разгром жидо-большевизма и скорейшее возвращение домой». Явка для военнопленных на подобные мероприятия была обязательной, а на проповеди обязательно присутствовали представители лагерной администрации. За каждую такую проповедь священник и псаломщик получали 2–3 буханки хлеба и банку повидла. Все темы для проповедей утверждались смоленским епископом Стефаном, поставленным на этот пост немцами⁸⁹.

Колхозники села Марица Льговского района Курской области 28 марта 1943 года так вспоминали о событиях оккупации: «В нашей деревне немцами была открыта церковь. Во время богослужения в марте месяце 1942 года священник Василий в своей проповеди стал проклинать Красную Армию и призывать благословение на немецкие войска, величал их освободителями русского православного народа. Не дослушав проповеди, все бывшие в церкви верующие ушли из церкви»⁹⁰.

Начальник Брянского штаба партизанского движения, старший майор государственной безопасности Ширяев отмечал в своем донесении весной 1942 г.: «Вся деятельность церковников направлена на разжигание ненависти среди населения и усиление антисоветской

пропаганды, проведения контрреволюционной работы и прямого активного сотрудничества с немецким командованием и властями»⁹¹.

В конце 1942 года при активном участии немецких оккупационных служб была создана Смоленско-Брянская епархия. В ее состав входили Смоленская, Брянская, Витебская, Могилевская и часть Минской области. Во главе ее стоял епископ Стефан. 12–13 мая 1943 года в Смоленске прошел съезд духовенства и мирян этой епархии. На нем были представлены как священники, так и представители коллаборационистской «новой русской администрации». Всего приехало более 50 человек. Представителей от немецкого командования не было.

Заседание открылось в зале архиерейского дома на соборном дворе пением всеми делегатами православных молитв. Председатель съезда епископ Стефан в своей речи поблагодарил немецкое командование за то, «что оно позволило провести этот съезд, на котором предстоит решить ряд серьезных проблем, связанных с церковной жизнью»⁹².

На съезде обсуждались следующие вопросы:

1. Отчетный доклад епископа Стефана о состоянии и деятельности церковной жизни с момента установления немецкой власти в епархии.

2. Преподавание Закона Божия в школах.

3. О религиозно-нравственном воспитании юношества.

4. Пастырские курсы, их программы и организация.

5. Создание и выборы Смоленско-Брянского епархиального управления и смета расходов на его содержание.

6. Доклад протоиерея смоленского собора Шиловского о гонении Русской Православной Церкви советской властью.

7. Разные вопросы:

а) организация благочиний на местах;

б) подбор кадров священнослужителей.

Стефан в своем докладе говорил, что «с момента установления немецкой власти в епархии церковная жизнь стала быстро налаживаться, открываются новые храмы, но еще больше просьб из городов и деревень об открытии новых церквей». Одной из острых проблем он назвал нехватку людей с духовным образованием. Из-за этого приходилось назначать в храмы священников просто из числа верующих, сдавших специальный экзамен. Но, как отмечали многие

выступавшие, «преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский не имели духовного образования, однако обладали большим влиянием в Русской Православной Церкви». Следовательно, делался вывод: возможно привлечь простых верующих, желающих стать священнослужителями к службам в храмах⁹³.

Германское командование всячески способствовало изучению Закона Божьего в русских школах. В их заявлениях понятия «антирелигиозная пропаганда» и «пропаганда большевистских идей» часто рассматривались как синонимы. Так, на Смоленском епархиальном съезде в мае 1943 года было принято решение об обязательности преподавания «Закона Божия» во всех школах. При каждом храме создавались воскресные школы для работы с детьми и взрослыми. Но не только священники, дьяконы и псаломщики обязывались заниматься религиозным воспитанием. Предполагалось для этой работы привлекать мирян: жен священников, бывших учительниц с дореволюционным образованием, монахинь. По этому поводу смоленский епископ Стефан говорил: «Нужно всячески воздействовать на подрастающее поколение. Наша задача – вырвать его из большевистского плена, в котором оно находится уже 25 лет»⁹⁴.

Нацистские оккупационные службы использовали Православную Церковь для проповедования идеи шовинизма и антисемитизма. Так, протоиерей Смоленского собора Шиловский в серии радиопередач на религиозные темы доказывал, что изучая церковную историю, можно сделать вывод о том, что «евреи – народ крайне вредный и ненавидимый во всех государствах»⁹⁵. Подобные заявления должны были, по мнению нацистов, объяснить русскому населению причины физического уничтожения узников Смоленского гетто: расправа над мирным еврейским населением произвела исключительно тягостное впечатление на жителей города.

Немецкая лагерная администрация приветствовала проведение молебнов с проповедями среди военнопленных красноармейцев и выражала желание, чтобы таких мероприятий проводилось как можно больше.

В день второй годовщины объявления немцами войны Советскому Союзу, 22 июня 1943 года, в Смоленском кафедральном соборе был организован торжественный молебен. Настоятель собора получил письменные указания о тексте проповеди от начальника Смоленского округа Алексеевского. Выступая перед верующими,

священник П. П. Беляев заявил: «Вот уже два года идет война, в результате которой проливается кровь наших родных и близких. Война принесла нам страдания и муки. Но раньше храмы и верующие подвергались поруганию со стороны большевиков. Теперь же мы можем свободно молиться...»⁹⁶

Те священники, в лояльности которых у оккупантов не было никаких сомнений, привлекались к ведению «Закона Божия» в школах и училищах, а также к преподаванию на пасторских курсах. Последние должны были помочь в подготовке новых священников. В Смоленске курсы функционировали с мая по сентябрь 1943 года. Их возглавлял судья Смоленского окружного управления А. Н. Колесников. Обучавшиеся проживали на казарменном положении, явка на занятия была строго обязательной. К изучаемым дисциплинам относились следующие: учение о богослужении Русской Православной Церкви, священная история Ветхого и Нового завета, нравственное богословие, основное богословие, церковная история, общая и русская, славянский язык и церковное пение⁹⁷.

С 1943 года в Смоленском округе деятельность священников стала открыто контролироваться отделом пропаганды вермахта. На проповедях стали обязательно присутствовать нацисты, хорошо владевшие русским языком. Часто во время выездов в деревни организовывались группы из пропагандистов, артистов и священника. Каждому давались конкретные рекомендации по их работе.

Многие из открытых церквей не могли нормально функционировать из-за отсутствия священника. Для решения этой проблемы из городов в деревни и села направлялись служители культа для проведения воскресных богослужений. Темы проповедей утверждались в местной русской администрации, при этом отмечалось, что последняя является лишь передаточным звеном немецких оккупационных служб.

В условиях развернувшегося народного сопротивления на временно оккупированной врагом территории России нацисты всячески стремились дискредитировать советских партизан и подпольщиков. Они изображались как уголовники, мешающие жить и спокойно трудиться. Немецкая пропаганда всячески пыталась доказать, что партизаны воюют не с немецкими солдатами, которых они панически боятся, а с простыми мирными людьми. В начале августа 1943 года в Смоленске с большой помпой прошли похороны пяти русских артистов из группы «Гарро», обслуживавших немецких

солдат. Они попали в партизанскую засаду и были уничтожены. Германское командование решило использовать русских священников для широкомасштабной пропагандистской акции.

Гробы с телами убитых были выставлены на два дня в соборе «для всенародного прощания». Рабочих, служащих и учащихся для этого освобождали от работы и учебы. На второй день после обеда состоялось торжественное отпевание с участием всего духовенства. Перед отпеванием епископ Стефан выступил с речью, в которой проклинал партизан и советскую власть, «уничтожающую лучших и образованнейших представителей русского народа». Кроме этого, на кладбище произнесли речи представители «русской администрации» и немецких военных властей⁹⁸.

Все это действие было заснято нацистами на киноплёнку. Вскоре после этого вышедший документальный фильм широко показывался в кинотеатрах на оккупированной территории России, Украины и Белоруссии.

Накануне освобождения Смоленска советскими войсками большинство священнослужителей, активно сотрудничавших с оккупантами, выехали из города на Запад.

В Орле в 1942–1943 годах вопросами культа со стороны «новой русской администрации» занимался так называемый «Главный отдел просвещения, культуры и культа». Во главе его стоял непосредственно сам бургомистр города Старов. В функции этого отдела согласно ведомственной инструкции входили «церковное и религиозное дело, национальные вопросы, область работы – церковные дела, преподавание религии, лица немецкого происхождения и другие национальности»⁹⁹.

За первые пять месяцев оккупации в Орле были открыты четыре храма: кафедральный Богоявленский собор, Афанасьевская кладбищенская церковь, Никитская церковь, Крестительская кладбищенская церковь¹⁰⁰. В бывшем здании антирелигиозного музея открылся кафедральный собор. Председателем Орловского епархиального управления стал протоиерей Иоанн Макковеев. Представители советского сопротивления сообщали в Центр о том, что «...Основная масса церковников сотрудничает с немцами, используя церковь в целях немецкой пропаганды. Так, протоиерей Александр, обращаясь к верующим, заявил: “Теперь, когда в Орел вступило немецкое командование, оно приказало открыть все менее разрушенные наши храмы, оскверненные и разоренные безбожной

советской властью. Возблагодарим Господа Бога за его великие благодеяния и правителя Западной Европы Адольфа Гитлера, который ведет войска, чтобы освободить нашу страну во имя Бога”»¹⁰¹.

Особую роль в религиозной жизни Орловщины играла коллаборационистская пресса. В крупнейшей русскоязычной газете «Речь» регулярно публиковались различные материалы, написанные, в том числе, и главным редактором этого издания Михаилом Октаном.

В передовой статье «Христос воскрес» «Речь» следующим образом призывала русское население к борьбе против большевиков: «Эта война не только за освобождение русского народа, но и за освобождение ее души от большевистской скверны. Эта война за изгнание проклятых иудо-большевиков, продавших православную веру. Коммунисты не только враги человеческой жизни, но и враги народной души. В такой день святого воскресения возликует в народной душе великая радость освобождения.

Пусть могучим набатом несется по всей стране глас народного гнева против душителей православной веры иудеев и большевиков. И тогда на радостное: “Христос воскрес!” освобожденного народа из тысяч темниц, из концентрационных лагерей, из далекой Сибири, из лачуги маленького страдальца – со всех концов поруганной страны донесется счастливое и радостное “Воистину воскрес!” несчастных людей, не верящих в счастливый путь своего освобождения»¹⁰².

24 мая 1942 года епархиальным управлением было организовано церковное собрание всех священников города Орла и его ближайших окрестностей. Собрание открылось пением молитвы «Царю Небесному» и вступительной речью представителя епархиального управления протоиерея Иоанна Макковеева.

На повестке дня этого собрания стояли проблемы, связанные с организацией и практической деятельностью церкви. Гитлеровцы и их пособники постарались придать этим вопросам максимально антисоветский и профашистский характер.

На первый взгляд, предполагалось в первую очередь проводить мероприятия, непосредственно направленные на возрождение церковной жизни Орловщины, такие как:

1. Установление во всех городских церквях однообразия во времени начала служения и вечерних богослужений, в частности, о пасхальном богослужении.

2. Разрешение вопроса о настоятельстве в приходах, приходских храмах согласно каноническим правилам и церковным традициям.

3. О ремонте храмов, участии в ремонте храмов духовенства и освещении храмов.

4. О материальной помощи духовному монашествующему составу всего духовенства, нуждающегося в этой помощи¹⁰³.

Но кроме этого, верующим постоянно напоминалось о гонениях на православную церковь со стороны советской власти. Были установлены поминовения о здравии орловских церковнослужителей, монашествующих и верующих мирян, заключенных в тюрьмах и сосланных на каторгу проклятой большевистской властью. Служились заупокойные литургии «о замученных коммунистами патриарха Тихона, а также епископов, священнослужителей и мирян»¹⁰⁴.

Коллаборационистская пресса широко публиковала материалы о «церковно-духовном возрождении в освобожденных областях». Часто статьи посвящались событиям, происходящим в отдаленных районах (их достоверность было очень сложно проверить). Так, 23 октября 1942 года орловская газета «Речь» перепечатала материал смоленского «Нового пути» «Первые монастыри в освобождённых областях» – об открытии мужского и женского монастыря в Вырице, около Ленинграда¹⁰⁵.

Выход в Смоленске нового молитвенника рассматривался как «яркое доказательство того, что германская армия несёт с собой свободу русскому народу в делах веры». При этом отмечалось, что новый молитвенник будет продаваться не только во всех церквях Смоленского округа, но и в школах¹⁰⁶.

Для привлечения новых прихожан организовывались концерты духовной музыки в кинотеатрах, школах, библиотеках.

Очень часто пропаганда христианских идей в газетах вплотную смыкалась с пропагандой антисемитизма. В Орле наиболее активно этим занимался главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан. В своем выступлении перед учителями города в июне 1942 года он, подробно анализируя и пропагандируя «Протоколы Сионских мудрецов», заявил: «Евреи стремятся всячески дискредитировать христианскую религию, церковь, духовенство, ослабить его влияние на народ, до последней степени истребив само понятие о Боге. В “Протоколах” говорится, что крушение христианской религии – вопрос времени. Атеизм, как об этом сказано в “Протоколах”, для

иудаизма неопасен. Он является порождением евреев. Захватив власть во всём мире, иудаизм, говорится в “Протоколах”, не допустит никакой другой религии, кроме иудейской”¹⁰⁷.

К священникам-самозванцам у коллаборационистской администрации в центральной России отношение было гораздо более терпимым, чем на Северо-Западе. Так в Клинцовском районе Орловской области к концу 1941 года было открыто 45 из имевшихся 129 православных церквей. Священников на все церкви было всего 35, причем больше половины из них являлись самозванцами. Последних предполагалось высылать в районный центр к старшему священнику округа для сдачи экзамена. Если это испытание проходило успешно, то «в порядке исключения» все желающие работать получали приходы¹⁰⁸. Для того, чтобы хоть как-то смягчить дефицит священников в Орловской епархии, широко организовывались различные ускоренные пасторские курсы и кружки по изучению Закона Божьего для подготовки преподавателей. Так, в феврале 1942 года их регулярно посещало свыше 200 слушателей, 25 человек из них сдали экзамен на звание школьного законоучителя.

Весной 1943 года коллаборационистская пресса сообщила населению оккупированных районов, что православные церкви освобождаются от всех видов налогов. Но на практике это постановление, изданное накануне крупномасштабного наступления Красной Армии на Курскую дуге, выполнялось очень редко¹⁰⁹.

В газетах, издававшихся на русском языке в оккупированных областях РСФСР, регулярно публиковались материалы о том, что открытие церкви происходит по инициативе населения, за счет населения, при его непосредственном участии. Так, в Брасовской газете «Голос народа» 15 ноября 1942 года была опубликована статья «Восстановлен храм». В ней говорилось, как в короткий срок в бывшем при большевиках зернохранилище вновь возобновилась церковная служба: «Теперь каждый верующий человек может удовлетворять свои религиозные чувства свободно, без всякого притеснения»¹¹⁰.

Пытаясь доказать доброе отношение вермахта к русским добровольцам, немецкие пропагандисты иногда допускали ошибки и нелепицы. В конце 1942 года были опубликованы плакаты, на которых изображались русские и немецкие солдаты, вместе отмечающие Рождество.

Их авторы не знали о том, что в России этот праздник отмечают на две недели позже, чем в Европе¹¹¹.

В условиях начавшегося коренного перелома в Великой Отечественной войне деятельность церкви стала практически единолично контролироваться немецкими властями. «Русская администрация» все больше играла роль ничего не значащей ширмы. В Орле в январе 1943 года для проведения концерта духовной музыки потребовалось согласование с военным комендантом по следующим вопросам: состав хора, репертуар, место и время проведения, предполагаемое количество слушателей¹¹².

В новых условиях разрешение требовалось и для проведения любых религиозных мероприятий. Оно давалось немецкой администрацией через посредничество русской. В январе 1943 года в Орле для разрешения крестного хода старшина церкви епархии обратился к бургомистру со следующим прошением: «19/6 января 1943 года в праздник Богоявления Господня по заранее установленному обычаю освящается вода на реке. Просим вашего ходатайства перед г-ном ортцкомендантом разрешить духовенству всех церквей г. Орла с крестным ходом прибыть в Богоявленский кафедральный собор к 11 часам дня для участия в общем крестном ходе на Иордань на реку Оку»¹¹³. Подобные прошения подавались и перед другими церковными праздниками.

Представители немецкой военной администрации регулярно отчитывались перед вышестоящими инстанциями о состоянии церковных дел на вверенной им территории. В одной из инструкций германского командования группы армий «Центр» говорилось: «Препятствовать богослужению нельзя, но нужно знать, что там происходит».

Германское командование по мере продвижения группы армий «Юг» к Кавказу летом 1942 года стремилось внести раскол среди местных жителей как по национальному признаку, так и по религиозному. Оно издало ряд распоряжений и инструкций по поводу общения немцев с местным населением. В одном из приказов командования группы армий «Юг» говорилось следующее:

1. К кавказским народам следует относиться как к друзьям немецкого народа.

2. Допускать свободу религии¹¹⁴.

Немецкие пропагандистские службы получили от Й. Геббельса указание насчет того, что в качестве религиозной программы дос-

таточно обещания «свободы исповедания любой религии» и «защиты религиозных обрядов». «Это особенно важно, – отмечал рейхсминистр, – по отношению к исламским народам. При этом не надо ничего говорить об оставлении неприкосновенной современной церковной организации»¹¹⁵.

В этих условиях в Крыму и на Северном Кавказе оккупанты активно заигрывали с представителями мусульманского духовенства. Так, в Симферополе было создано при националистическом татарском комитете центральное религиозное управление, которое ведало всеми городскими и сельскими мечетями. В начале 1943 года оно провело так называемую аттестацию служителей мусульманской церкви с выдачей им специальных удостоверений на право служения.

По всему Крыму была создана сеть религиозных школ. Руководство ими осуществляло центральное управление. Оно же вырабатывало для этих школ спецпрограммы. Кроме этого, в обычных школах было введено преподавание религии.

Татарские комитеты и управление города Бахчисарая в день рождения Гитлера организовали шествие к могилам погибших немецких солдат для приведения их в порядок и возложения цветов.

Также в день рождения Гитлера бахчисарайское духовенство в ханском дворце организовало большой намаз. Хатип мечети выступил с проповедью, в которой призывал всех усилить борьбу с большевиками. Город в этот день был чист и украшен. В Бахчисарае состоялось большое совещание духовенства, интеллигенции, кустарей и др., на котором с речью на татарском языке выступил немецкий офицер Брунс на тему «Наша победа – ваше освобождение»¹¹⁶.

В ходе немецкого наступления на Северном Кавказе летом 1942 года представители исламского духовенства этого региона провозгласили Гитлера «великим имамом» Кавказа. В ответ на это командующий 1-й танковой армией вермахта генерал Э. Макензен принял ислам¹¹⁷.

20 августа 1942 года вышел немецкий военный приказ об организации на Северном Кавказе Временного епархиального церковного управления и о назначении его председателем священника О. Н. Польского. Это произошло через две недели после захвата немцами Ставрополя. Перед новой епархией ортскомендантура поставила следующие задачи: восстановление церкви в городе и крае, учреждение семи благочинных округов, создание 60 новых

приходов, запрещение сект, взятие твердого курса на полное снятие раскола между «тихоновцами» и «обновленцами»¹¹⁸.

При этом, поощряя сепаратизм, нацисты способствовали тому, что на Северном Кавказе активизировали свою работу украинские националисты. В 1942 году русские епископаты Таганрогский и Ростовский вошли в состав Украинской автономной церкви. В Ростове-на-Дону, где к началу войны оставалась только одна действующая церковь, теперь было открыто восемь церквей¹¹⁹.

В Ворошиловске (ныне Ставрополь) до войны действовал всего один небольшой Успенский храм, находившийся на кладбище. В первые недели оккупации с согласия немецких властей городской управой были открыты еще две церкви – Крестовоздвиженская и Вознесенская, а затем и церковь Апостола Андрея Первозванного. Правда, последняя по настоянию румынских солдат православного вероисповедания. Из музея атеизма во вновь открывшиеся храмы были переданы иконы и церковные облачения.

В то же время ортскомендатуры вели тщательный подсчет личных церковных ценностей и поступавших от населения средств на восстановление храмов. Нацисты собирали, систематизировали, составляли подробные картотеки на церкви, церковную утварь, вели досье на священнослужителей. В этих условиях, по воспоминаниям ставропольчан, переживших оккупацию, многие люди, ходившие в церкви, молили Бога изгнать оккупантов с русской земли, просили о заступничестве и помощи¹²⁰.

Заигрывая со всеми конфессиями, имевшими своих представителей на Северном Кавказе, нацисты провозгласили, что теперь каждый народ может вспомнить свою историческую религию. Для этого во всех без исключения учебных заведениях началось «углубленное изучение» христианского (православного), мусульманского и даже буддистского (в Калмыкии) учения¹²¹.

Но серьезных результатов в церковном строительстве на юге России оккупанты не достигли. Это можно объяснить как относительно кратковременным периодом нацистской оккупации этих территорий, так и заметной активизацией в 1942 году патриотической, антифашистской деятельности Русской Православной Церкви.

Московский митрополит Сергей ещё 22 июня 1941 года призвал верующих встать на защиту своей Родины от немецких поработителей. В своем втором послании, датированном 14 октября 1941 года, он с возмущением писал о сотрудничестве русского ду-

ховенства на оккупированной территории с немцами и грозил подобным отступникам церковным судом¹²².

Силы советского сопротивления в 1941 году хотя и признавали в своих донесениях в центр, что церковная политика оккупантов находит поддержку у большинства населения, боролись с ней, в основном, физическими методами. В ряде населённых пунктов священники, невзирая на степень их вины, были расстреляны¹²³.

Советские органы государственной безопасности в первые месяцы войны также видели в священнослужителях таких же врагов, как и в немецко-фашистских захватчиках. Все церковные мероприятия находились в поле внимания нашей агентуры. Согласно Указанию НКВД СССР № 64 «О задачах и постановке оперативно-чекистской работы» от 18 февраля 1942 года, требовалось выявить состав церковных и сектантских организаций, возникших при немцах, определить, в чем выражается их вражеская работа, установить, как оккупанты используют эти организации в интересах своей захватнической политики, какие мероприятия они проводят по этой линии (открытие церквей и молитвенных домов, принудительные церковные браки, крещение и т. д.), кто из местных жителей является проводником этих мероприятий.

В директиве НКВД СССР от 12 мая 1942 года констатировался факт усиления влияния церкви на оккупированной территории России. В этих условиях было предложено провести ряд мероприятий, таких как:

1. Разработка плана мероприятий по установлению связи с проверенной агентурой по церковникам и сектантам, оставшейся на территории, временно занятой противником, а также по заброске в тыл противника имеющейся агентуры по церковной линии.

2. Использование агентуры для получения широкой информации о деятельности церковников и сектантов в оккупированных местностях, о месте нахождения церковных и сектантских центров, их персональном составе, методах и мероприятиях немцев по использованию церковников во враждебных нам целях.

3. Распространение в тылу врага листовок патриотического содержания, подписанных руководством Православной Церкви¹²⁴.

4. Перед наиболее квалифицированной агентурой из духовенства была поставлена задача проникнуть в церковные центры и внутри их повести борьбу за руководство церковными организациями,

склоняя духовенство к признанию церковной власти Московской патриархии.

Данная директива была подписана заместителем наркома внутренних дел СССР.

Хотя официальное примирение Русской Православной Церкви и советской власти произошло лишь в 1943 году, уже с начала 1942 года партизаны и подпольщики, отрезанные от центра, не имевшие с ним надёжной связи, пытались наладить связь со служителями культа. Первоначально через своих агентов определялся тот круг священников, который в своих проповедях занимал по отношению к немцам нейтральную или отрицательную позицию. Далее им рассылались письма с разъяснением того, что данная война является отечественной и для победы над злейшим врагом православного народа требуется объединение всех, кто любит Россию¹²⁵.

По воспоминаниям комиссара Пятой партизанской бригады И. И. Сергунина, трагизм заключался в том, что многие священнослужители, не принимая фашистской идеологии, боялись партизан и не доверяли им. Считали их бандитами. Несмотря на это, некоторые священники согласились в своих проповедях говорить о неизбежности победы русского оружия и служить молебны за здоровье односельчан, находящихся в Красной Армии¹²⁶.

После избрания Сергия в Патриархи Всея Руси в 1943 году немецкие власти пытались сделать все, чтобы его избрание в сфере их влияния было объявлено недействительным. В Берлине прошло церковное собрание, представленное в основном эмигрантами. «Архиерейское совещание иерархов Православной Русской Церкви», как оно себя официально назвало, приняло резолюцию и воззвание. В них утверждалась незаконность избрания Патриарха Московского. Этот акт назывался не церковным, а политическим. Сергий и его сподвижники обвинялись в том, что они – простые марионетки безбожной власти, принимающие «дары от сатаны». Воззвание лживо утверждало, что совещание – это честный, правдивый голос «наиболее свободной части русской церкви», никакой внешней силой не продиктованный.

Совещание приняло решение добиваться следующего:

1. Свободного развития Православия во всех оккупированных областях и объединения всех сил «под одним общим церковным возглавлением», т. е. под эмигрантским Карловацким синодом.

2. Активизации духовенства в борьбе против коммунизма.

3. Предоставления вывезенным в Германию русским рабочим «свободного удовлетворения всех церковных нужд».

4. Введения института военных священников при всех русских воинских подразделениях в германской армии с тем, чтобы ими ведал тот же Синод, который именовал себя здесь «Русским церковным центром».

7. Широкого издания духовной литературы для перевоспитания народа, подвергшегося «растлевающему действию большевистского влияния».

8. Создания миссионерского комитета по борьбе с большевистским безбожием.

9. Организации регулярных религиозных радиопередач.

10. Организации духовных библиотек.

11. Предоставления Церкви права открывать духовные школы, семинарии, пасторские курсы¹²⁷.

Однако Экзарх Сергей убеждал немцев в том, что необходимо признать избрание патриарха и использовать его в антибольшевистской пропаганде: допущение патриарха, возрождение Церкви, мол, является доказательством полного банкротства коммунизма¹²⁸.

Практически одновременно с активизацией деятельности Православной Церкви в Советском Союзе на оккупированной территории России шёл процесс становления Русской освободительной армии под командованием генерал-лейтенанта А. А. Власова.

В конце 1942 года, во время своей поездки по оккупированным районам России, генерал А. А. Власов встретился с митрополитом Рижским Сергием. Последний выдвинул идею о необходимости создания в занятых немцами областях Святейшего Синода во главе с одним из иерархов Русской Православной Церкви. Сергей выражал опасения из-за активизации эмигрантов-карловчан (Русская зарубежная Православная Церковь). Он отмечал, что карловчане, давно оторвавшись от российской действительности, в работе с населением обнаружили свою полную непригодность и зависимость от немецких властей. Власов в беседе с экзархом Сергием заявил, что он считает: «Религия – личное дело каждого русского человека. Религия должна быть свободной. Верить – дело личной совести каждого»¹²⁹. Через несколько дней во Пскове во время выступления перед горожанами им было сказано: «Нет ничего прекраснее обрядов Православной Церкви. За две тысячи лет христианство сделало так много хорошего для нашего многострадального

отечества»¹³⁰. В августе 1943 года во время встречи с клиром Стругокрасненского района Власов заявил о необходимости создания института полковых священников в РОА¹³¹.

Вскоре после того как в Москве было заключено соглашение между Сталиным и руководством Русской Православной Церкви, германское руководство инспирировало совещание в Риге православных архиереев Латвии, Эстонии и Литвы. В совещании принимали участие Сергей, митрополит Литовский, экзарх Латвии и Эстонии, архиепископ Иаков Елгавский, Павел, епископ Нарвский и Даниил, епископ Ковенский.

Участники совещания с подачи оккупантов высказали своё мнение по поводу воззвания к русскому народу патриаршего местоблюстителя Сергея, митрополита Московского и Коломенского о сопротивлении германской армии. Они заявили о том, что «высокопочтимый иерарх, глава Русской Православной Церкви, не мог составить или по крайней мере добровольно подписать это воззвание. Целый ряд обстоятельств доказывает, что это воззвание сфабриковано кремлёвскими властителями и распространяется от лица патриаршего местоблюстителя».

Текст резолюции архиерейского совещания был следующий: «Имея возможность свободно высказаться по церковным делам, мы, участники первого совещания православных архиереев в Риге, считаем своим долгом сделать во всеуслышание следующее заявление:

“Советская власть подвергла Православную Церковь неслыханному гонению. Ныне на эту власть обрушилась кара Божия. Желая отворотить неотвратимую гибель и угодить своим лицемерным союзникам, большевики притворяются, будто бы изменили своё отношение к Православной Церкви, вернув ей свободу. Но этому обману никто не поверит. Он опровергается явными фактами, За подписью патриаршего местоблюстителя блаженнейшего Сергея, митрополита Московского и Коломенского, большевики распространяют нелепое воззвание, призывающее русский народ сопротивляться германским освободителям. Мы знаем, что блаженнейший Сергей, муж великой учёности и ревностной веры, не мог сам составить столь безграмотное и столь бессовестное воззвание. Либо он вовсе его не подписывал, либо подписал под страшными угрозами, желая спасти вверенное ему духовенство от полного истребления. Для нас это воззвание служит ярким доказательством того, что большевики по-прежнему держат Православную

Церковь в своих тисках, удушая её и фальсифицируя её голос. Оплакивая участь патриаршего местоблюстителя, мы решительно отмежевываемся от насильно навязанной ему политической установки и молимся Господу о полном и скором освобождении Православной Церкви от проклятого большевистского гнёта»¹³².

Но подобные декларации уже не имели особого влияния ни среди населения, ни среди рядовых священников.

В течение 1943 года оккупанты изменили свое отношение к Православной Церкви. От политики заигрывания они перешли к политике неприкрытого ограбления и осквернения храмов. Так, в бюллетене полиции безопасности от 5 февраля 1943 года писалось о том, что «Русские церкви, разрушенные при советском режиме или во время военных действий, не должны ни восстанавливаться, ни приводиться в соответствие с их назначением органами немецких вооруженных сил»¹³³.

Заслуживают особого внимания показания священника Ломакина о положении в Новгороде в конце 1943 года: «Чего только не устроили немцы и испанцы в домах Божьих, освященных вековыми молитвами, во что только не превращали наши святыни: казармы, уборные общего пользования, склады овощей, кабаре, в немногих случаях глазные лазареты, наблюдательные пункты, конюшни, гаражи, дзоты, штабы военных частей. Все что угодно – только не дома молитвы! А разбросанная в изобилии по храмам порнографическая литература немцев и испанцев, бесстыжие фотоснимки и беззастенчивые акварели на стенах храмов, исторических памятников и общественных зданий, устройство уборных, вонючих овощехранилищ и конюшен в святых алтарях дополняет жуткую картину морального разложения горе-победителей, недавних хозяев в городе.

Попирая чувства верующих, немцы дали распоряжение: “В церковь ходить разрешается только по пропускам, которые даются на несколько человек”»¹³⁴.

В целом можно согласиться с утверждением западных исследователей В. Алексева и Ф. Ставру о том, что «германский фашизм был не менее враждебен христианству и особенно Русской Православной Церкви, чем советский коммунизм»¹³⁵.

В марте 1944 года из Ленинграда был отправлен от митрополита Алексея с заданием А. Ф. Шишкин. Ему было нужно выяснить положение дел Православной Церкви в освобожденных районах. О поведении русских священников в условиях нацистской оккупации

он написал следующее: «В ком билось сердце патриота Родины и кому действительно дорога была Русь не профашистской миссией, а Святым Владимиром крещенная... и кровью истинных сынов своих на поле брани напоенная — тот и в немецком плену любил ее паче жизни своей и умер как истинный патриот. Таковыми были, например, священник А. Петров (г. Гатчина) и священник И. Суслин (с. Орлино). Оба они расстреляны немцами.

Те же, кто не мог отнестись к разряду героев, но кто, живя в немецком плену, думал иногда, что за фронтовым кордоном живут их братья и сестры, сыновья и дочери, терпят муки холода и голода и все во славу Отчизны своей — тот слушался “Миссии”, но при этом не порывая молитвенного общения со своими иерархами, молился за православное русское воинство и терпеливо ожидал встречи “со своими”, решив не покидать приходского места при эвакуации немцев. Таковыми были, например, протоиерей Красовский, священник Митрофанов, протоиерей Забелин.

Но были и такие, которые, проявляя “ревность не по разуму”, молились за Адольфа Гитлера, устраивали торжественные богослужения в “юбилейные” дни захвата немцами селений, чтили власть предержавших, получали от них подарки.

Наконец, были просто предатели Родины, такие, как священник Амосов, которые неистовствовали по отношению к Советской власти и Ленинградскому иерарху.

При наступлении частей Красной Армии они бежали с немцами, грабя храмы, забирая священные сосуды и фнтиминсы. Таковыми были прот. Кудринский из с. Рождествено, о. Лаптев из Орлино»¹³⁶.

Безусловно, с самого начала оккупации нацисты относились к русской духовной жизни неоднозначно и крайне непоследовательно. Церковью играли, церковь использовали. Но все же что заставляло русских священнослужителей активно сотрудничать с немецко-фашистскими оккупантами? Многие из них, арестованные советскими органами государственной безопасности, так отвечали на этот вопрос: «Во-первых, это материальная заинтересованность. Мы были обеспечены службой и получали за нее гораздо больше материальных благ, чем при советской власти. Во-вторых, нам нравилось, что мы вновь стали уважаемыми членами общества, ну а, в-третьих, практически все из нас подвергались репрессиям со стороны коммунистов»¹³⁷.

За многовековую историю нашего отечества православное духовенство не раз способствовало консолидации нации перед угрозой внешнего врага. Пользуясь тем, что церковь в предвоенные годы в СССР оказалась на грани уничтожения, нацисты всячески пытались использовать её в период оккупации для своих целей: духовного порабощения общества и изоляции Сил сопротивления. Церковь ими рассматривалась как филиал министерства пропаганды, а священнослужители как потенциальные агенты немецких спецслужб.

Пренебрежительное отношение к христианству вообще и к православию в частности скрывалось у нацистских идеологов за лозунгами об «освобождении русской церкви от ига большевизма». Каждый факт сотрудничества православных священников и нацистов широко освещался в коллаборационистской печати.

Советское Сопротивление не сразу преодолело свое негативное отношение к Русской Православной Церкви: на первом этапе войны священники по инерции воспринимались как враги и потенциальные союзники фашистской Германии. Потребовалось время, чтобы в условиях вражеского тыла партизаны, подпольщики и многие священники Русской Православной Церкви осознали разницу между пастырским служением и духовным коллаборационизмом.

Примечания

¹ ГАНО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432. Л. 12.

² За Родину (Псков). 1942. 7 ноября.

³ ГАНО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 432. Л. 12.

⁴ **Гудернан, Г.** Воспоминания солдата. Ростов-на-Дону. 1998. С. 160.

⁵ **Fireside, H.** Icon and Swastika. Cambridge. 1971. P. 59.

⁶ Ibid. P. 78.

⁷ **Шпеер, А.** Воспоминания. Смоленск. 1998. С. 150.

⁸ **Пикер, Г.** Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993. С. 50.

⁹ Там же. С. 198.

¹⁰ **Герцштейн, Р. Э.** Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996. С. 431.

¹¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. М., 1996. С. 285.

¹² **Ржевская, Е.** Геббельс. Портрет на фоне дневника. С. 275.

¹³ **Шкаровский, М. В.** Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 138–139.

¹⁴ Там же. С. 140.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 143.

- 17 **Киселев, А.** Облик генерала Власова. Нью-Йорк, 1977. С. 63.
- 18 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 204–205.
- 19 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 216.
- 20 ЦГА ИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 2.
- 21 Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхслейтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942). С. 22.
- 22 РГАСПИ, Ф. 69, Оп. 1., Д. 911. Л. 69–70.
- 23 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 48.
- 24 **Кулик, С. В.** Антифашистское движение сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). С. 309.
- 25 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 49.
- 26 **Ломагин, Н. А.** Неизвестная блокада. В 2 кн. Кн. 1. С. 356.
- 27 Там же. С. 358.
- 28 Там же. С. 372.
- 29 Там же. С. 358.
- 30 **Шкаровский, М. В.** Церковь зовет к защите Родины. СПб., 2005. С. 398.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 АУФСББО. Д. 2614. Л. 16.
- 35 АУФСБПО. Д. 2370. Л. 32.
- 36 Там же. Л. 34.
- 37 Там же. Л. 36.
- 38 Там же. Л. 145.
- 39 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 206.
- 40 ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
- 41 Там же. Л. 16.
- 42 **Alexeev, W., Stawrou, T.** The Great Revival. Minneapolis, 1976. P. 100.
- 43 ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.
- 44 Там же.
- 45 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 207.
- 46 АУФСБПО. Д. 2370. Л. 140–141.
- 47 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 233.
- 48 ГАПО. Ф. Р-1633. Оп. 1. Л. 18.
- 49 Там же. Д. 3. Л. 21.
- 50 Там же. Л. 14.
- 51 Там же. Л. 14 об.
- 52 Там же.
- 53 АУФСБПО. Д. 2370. Л. 48.
- 54 Там же. Л. 116.
- 55 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
- 56 Там же. Л. 220.
- 57 Там же. Л. 221.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Там же. Л. 223.
- 61 Там же. Л. 228.
- 62 Там же. Л. 229.

- 63 АУФСБНО. Ф. 7. Д. 33. Л. 18.
64 Там же.
65 Там же. Л. 19.
66 Там же. Л. 51.
67 **Шкаровский, М. В.** Церковь зовет к защите Родины. С. 407.
68 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 233.
69 Там же.
70 Там же. Л. 235.
71 Там же. Л. 231.
72 Там же. Л. 232.
73 Там же. Д. 38-846. Л. 3.
74 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
75 Там же.
76 Там же. Д. 39-958. Л. 59.
77 Там же. Л. 60.
78 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 571.
79 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 211.
80 АУФСБСО. Д. 9335. Л. 36 об.
81 Там же. Л. 19 об.
82 Там же. Л. 34.
83 Там же. Л. 41.
84 Там же. Л. 18.
85 Там же. Л. 16 об.
86 Там же. Л. 58 об.
87 Там же.
88 Там же. Л. 25.
89 Там же. Л. 20–21.
90 РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 550.
91 Там же. Ф. 69. Оп. 1 Д. 911. Л. 15.
92 АУФСБСО. Д. 9335. Л. 27 об.
93 Там же. Л. 29.
94 Там же. Л. 30–30 об.
95 Там же. Л. 29.
96 Там же. Л. 16.
97 Там же. Л. 22–24.
98 Там же. Л. 55 об. – 56.
99 ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.
100 Речь. 1942. 23 октября.
101 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 911. Л. 12.
102 Там же. Л. 13.
103 Там же. Л. 13–14.
104 Там же.
105 Речь. 1942. 1 ноября.
106 Речь. 1942. 10 июня.
107 ГАБО. Ф. 2608. Оп 1. Д. 14. Л. 170.
108 Там же. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
109 Там же. Д. 4. Л. 37.
110 Там же. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 66.
111 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

- 112 Там же. Л. 7.
113 Там же. Л. 13.
114 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
115 Там же.
116 Там же.
117 **Ибрагимбейли, Х. М.** Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 272.
118 **Пятигорское эхо.** 1942. 15 августа.
119 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 217.
120 **Беликов, Г.** Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 110.
121 **Бочкарев, А. А.** Критика чистого чувства. Ставрополь, 1996. С. 583.
122 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 207.
123 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 56.
124 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 67.
125 Там же. Л. 66.
126 **Поспеловский, Д. В.** Русская Православная Церковь в XX веке. С. 208–209.
127 Там же. С. 209.
128 ЦГА ИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 11.
129 Там же.
130 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 32.
131 АУФСБОО. Д. 1431. Л. 62.
132 Третий рейх и Православная Церковь // Наука и религия. 1995. № 5. С. 25.
133 СРАФ УФСБ СПб и ЛО. Материалы к литерному делу № 118. Л. 218.
134 **Алексеев, В. И.** Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории / В. И. Алексеев, Ф. Г. Ставроу // Русское Возрождение. 1980. № 11. С. 94.
135 **Шкаровский, М. В.** Церковь зовет к защите Родины. С. 406.
136 АУФСБСО. Д. 9335. Л. 38 об.
137

Национальный коллорационизм

Проблемам расовой чистоты и необходимости бороться за нее была посвящена одиннадцатая глава первой части «Mein Kampf» Адольфа Гитлера. Она называлась – «Народ и раса». «Вершина человеческой культуры» – арийцы противопоставлялись «стае голодных крыс» – евреям. Все остальные народы занимали в этой расистской пирамиде различное место. В зависимости от него кого-то предполагалось ассимилировать, а кто-то подлежал частичному или полному уничтожению.

20 июня 1941 года Альфред Розенберг заявил: «Россия никогда не была национальным государством, а всегда являлась государством многонациональным... Все народы оставались враждебными русским... Задача нашей внешней политики представляется мне следующей: в разумном и целенаправленном виде учесть стремление к свободе все этих народов и облечь их в определенную форму государственности. Это значит: на огромной территории Советского Союза органически нарезать государственные образования и настроить их против Москвы, чтобы на ближайшие столетия освободить германский рейх от дурного давления с Востока»¹. Однако большинство нацистских бонз отрицательно относились к идеям о каких-либо независимых национальных государствах на территории покоренного III Рейхом Советского Союза.

Многонациональный характер населения Советского Союза в предвоенных планах нацистов оценивался чаще всего лишь с той точки зрения, что межнациональные противоречия в СССР настолько велики, что он представляет собой «колосс на глиняных ногах». В условиях подготовки плана молниеносной войны никакой серьезной и продуманной политики по отношению к различным народам России не планировалось. Если и готовились какие-либо планы, то они касались полного или частичного уничтожения «недочеловеков», в первую очередь, евреев и цыган.

Одной из форм деятельности немецко-фашистской оккупационной политики было разделение населения по национальному признаку. Исходя из теории расового превосходства немцев над другими народами, в Третьем рейхе сформировалась своего рода школа «чистоты нации». Но она не была постоянной. По мере изменения военной и политической конъюнктуры ту или иную нацию могли признать «расово чистой» и наоборот. В целом, эта политика была подчинена успешному исполнению планов германского командования на каком-либо конкретном этапе войны. Деятельность пропагандистских служб осложнялась тем, что интересы народов Европы, с одной стороны, расходились с интересами Германии, а с другой – с интересами жителей определённых государств². Ведомство Геббельса на протяжении всей войны пыталось использовать малейший повод для разъединения борющихся с нацизмом сил по «национальным квартирам».

Общеизвестно, что в национал-социалистической идеологии многие народы относились к категории «Untermensch» (недочеловек). Впервые в Германии этот термин употребил 6 августа 1941 года Густав Херберт в нацистском официозе «Volkischer Beobachter». Пропагандистская машина рейха описывала «недочеловеков» как «ненавидящих европейскую цивилизацию славяно-монгольскую смесь народов».

Вершиной этого «Крестового похода цивилизованной Европы за чистоту нации» стало издание образовательным отделом СС в 1942 году иллюстрированной брошюры «Унтерменш». Эта расистская брошюра была направлена на разжигание ненависти ко всем народам на востоке. Рассуждения о «славяно-татарской гидре с еврейскими головами», о «гуннских ордах», о «раскосых глазах, которые горят жаждой убийства» вызывали негативную реакцию не только среди прагматично настроенных немецких пропагандистов

(последние возмущались, что после ознакомления русских с подобной печатной продукцией результат их работы сводится к нулю), но и у крупнейшего азиатского союзника Рейха – Японии.

Шеф имперской безопасности Гейдрих 17 июля 1941 года подписал так называемый «Оперативный приказ № 8», в котором предусматривались «чистки от нежелательного элемента», их должны были проводить «айнзатцкоманды» – группы из 4–6 человек, состоящие из представителей службы безопасности и гестапо. Под «нежелательным элементом» имелись в виду евреи, политические и административные работники.

На специальных построениях в лагерях военнопленных спрашивали об их национальности. Русских выстраивали в одну колонну, украинцев – в другую, татар и кавказцев – в третью и т. д. Евреи в первые же дни были отделены от основной массы пленных и уничтожены – расстреляны, замучены³.

В сентябре 1941 года на одном из совещаний военного руководства, которое рассматривало вопросы обращения с военнопленными, Отто Бройтигам, офицер связи Восточного министерства при Верховном главнокомандовании вермахта, жаловался, что «айнзатцкоманды» часто уничтожали всех «обрезанных» военнопленных, принимая их за евреев. Присутствующий при этом небезызвестный шеф гестапо Генрих Мюллер заявил, что он впервые слышит, что мусульмане практикуют обычай обрезания⁴.

С лета 1941 года на оккупированной территории России начался процесс создания немецких структур управления. Из местного населения предполагалось использовать в первую очередь тех, «чьи семьи пострадали от большевиков», но при этом предпочтение отдавалось «жителям окраинных государств», то есть Прибалтики и Украины⁵. Немецкие пропагандистские службы отмечали, что люди со стороны, не имеющие никаких связей в данном регионе, смогут более успешно проводить политику установления «нового порядка». Кадры обычно набирались путём освобождения военнопленных из национальных меньшинств⁶. Предварительно все они подвергались тщательной проверке на лояльность нацистам⁷.

Официально нацистское руководство в качестве «союзного населения» в 1941 году рассматривало только граждан бывших Прибалтийских государств: эстонцев, латышей и литовцев. Немецкие спецслужбы уже с 1940 года наладили тесные связи с различными

националистическими организациями Балтии, находившимися после присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в подполье.

В донесении командира оперативной группы А бригаденфюрера СС Шталъекера о деятельности группы в прифронтовой зоне Северо-Западной России и прибалтийских республиках говорилось: «Мы с самого начала стремились к привлечению надежного населения к борьбе против вредителей, в первую очередь, евреев и коммунистов»⁸.

Любимой идеей Альфреда Розенберга в 1941 году было удвоение территорий Балтийских республик, которые после войны стали бы составной частью Рейха, за счет России и Белоруссии и депортация подавляющей части балтийцев во вновь захваченные области. Предполагалось переселить около 50% эстонцев, всех латгальцев, свыше 50% латышей и 85% литовцев⁹.

Но эти планы держались в строжайшем секрете, так как население Балтии рассматривалось в качестве потенциального союзника, поддержка которого в антибольшевистской борьбе являлось весьма желательной для немецких властей. Представители германского командования в «неофициальных» беседах заявляли, что они приветствуют идею создания «Великой Эстонии» или «Великой Латвии» с включением в них части территории России.

После поражения вермахта под Москвой оккупанты начали открыто заигрывать с прибалтийскими народами. «Новая национальная политика» нацистов объяснялась их небеспочвенной надеждой использовать местные человеческие ресурсы в военных целях, т. е. в качестве «пушечного мяса». Поддерживая и всячески насаждая антирусские настроения, уже с лета 1941 года немцы формировали различные карательные отряды для борьбы с советским сопротивлением на территории России.

Несмотря на достаточно высокую мононациональность сельских районов Северо-Запада РСФСР, все без исключения старосты и коменданты в августе-сентябре 1941 года получили распоряжение, из которого следовало, что они обязаны в кратчайший срок известить германское командование о наличии в районах их проживания «иностранцев и жидов»¹⁰.

Задачу по очищению территории от «нежелательного национального элемента» офицеры вермахта возложили на карательные отряды, находящиеся при военных комендантах¹¹. Все они были сформированы из жителей Эстонии и Латвии. Привлечение к дан-

ным акциям граждан прибалтийских республик захватчики объясняли тем, что они не хотят допустить повторения 1937–1938 годов, когда «сосед сводил счёты с соседом из корыстных побуждений»¹².

После выявления евреев, коммунистов и комиссаров к концу осени 1941 года немцы на некоторое время прекратили разделять попавших в плен красноармейцев на отдельные национальные группы.

В декабре 1941 года нацисты вновь активизировали работу по усилению национальной розни среди пленных. Ю. В. Галь вспоминал: «Украинцев стали размещать в отдельном бараке, их не гоняли на работу и обещали, что из них будут вскоре комплектовать отряды полиции для оккупированных городов, в частности для Пскова. Казаки в лагере имели привилегированную работу – на бойне. Они были сыты, а излишками мяса спекулировали в лагере. Балтийские народы также получили привилегии. Они употреблялись только на внутрилагерных работах, а весной 1942 года их отпустили домой – в Эстонию, Латвию и Литву. Русских использовали на самых тяжелых работах: погрузка снарядов на железной дороге, рытье канав, строительство укреплений»¹³.

Стабилизация советско-германского фронта на севере и в центре весной 1942 года и последовавший за этим отвод немецких частей в тыл на отдых и переформирование на некоторое время ослабили силы сопротивления. Нацисты, в свою очередь, не доверяя во многом русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников как в жителях Прибалтики, так и в финских и эстонских деревнях на территории Северо-Запада РСФСР. Оккупационная администрация издала распоряжение, из которого следовало, что представители национальных меньшинств, пострадавшие от коммунистов, облагаются сниженным налогом. На сараях эстонских и финских дворов вывешивались объявления на немецком языке: «Реквизировать следующим отрядам строго воспрещается!»¹⁴ Поскольку план поставок обычно распределялся по районам, вся тяжесть дополнительных реквизиций перекладывалась на соседние русские хозяйства¹⁵.

С весны 1942 года немцами начался процесс вербовки бывших репрессированных и, особенно, из финского, латышского и эстонского населения Ленинградской области агентов для борьбы с подпольщиками¹⁶. В ряде районов захватчики пошли на вооружение групп эстонской молодёжи для борьбы с партизанским движением.

Подобные «силы самообороны» были обязаны задерживать подразделения народных мстителей до подхода немецких подкреплений¹⁷.

В 1942 году Гитлер был решительно против призыва в армию жителей Прибалтики для использования их на Восточном фронте. В феврале из Берлина в Ригу пришла депеша следующего содержания: «Фюрер не желает никаких воинских соединений из Прибалтики для использования их на фронте, так как после войны это привело бы к политическим требованиям с их стороны. Кроме этого, для этих целей нет оружия. Однако следует формировать возможно большее количество охранных батальонов для несения службы на оккупированной русской территории»¹⁸.

После неудачной попытки создать карательные отряды из русского населения для очистки лесов от партизан, немцы для этой цели стали использовать финнов и эстонцев, которые оказывали им активное содействие. Как признавали представители советского сопротивления, «партизанам появляться в деревнях, где есть хоть один финн или эстонец, рискованно»¹⁹.

В некоторые населенные пункты немцы приезжали со списком, составленным эстонцами из данной деревни, в который были включены все ушедшие в партизаны и коммунисты. В 1942 году в Кингисеппском районе Ленинградской области действовал специальный карательный отряд эстонцев – кайтселитовцев из Нарвы численностью до двух тысяч человек. Отряды из местных эстонцев были меньше, в них входило 69–80 человек. Они обычно действовали в районе своего постоянного проживания²⁰.

Работая с финно-угорским населением, представители фашистских пропагандистских служб разъясняли, что видят в нём потенциального союзника. Эстонцам было обещано, что после войны Кингисеппский и Псковский районы войдут в состав «Великой Эстонии»²¹.

Конечно, далеко не все представители прибалтийских национальностей встали на путь активного сотрудничества с нацистами. Но сам факт, что именно их гитлеровцы рассматривали в качестве «союзного населения» на Северо-Западе России, можно объяснить рядом причин.

Во-первых, необоснованными массовыми репрессиями по национальному признаку, которые проводились в Советском Союзе в 30-е годы.

Во-вторых, Эстония, Латвия и Литва вошли в состав СССР только в 1940 г. Многие граждане этих государств в потере своей национальной независимости обвиняли Сталина. Поэтому немецкие войска встречались ими как освободители.

В-третьих, немецкие разведывательные и пропагандистские службы имели здесь хорошо подготовленную агентурную сеть из местного населения.

В городах имели место факты предоставления преимуществ украинцам перед русскими. В основном они выражались в обещаниях и подачках во время вербовки в карательные отряды. Нацисты усиленно распускали слух о том, что на Украине создаётся национальное украинское правительство и что в скором времени все желающие будут отправлены домой для «установления жизни поновому»²². При этом заявлялось, что «первым долгом каждого честного украинца является беспощадная борьба с жидобольшевизмом и московским империализмом – главными врагами независимого украинского государства»²³. Эта «борьба» часто сводилась к участию в самых жестоких карательных акциях. Иногда даже члены СС брезговали выполнять ту «работу» (например, уничтожение женщин и детей в гетто), которую проделывали «украинские шуцманы»²⁴.

20 июня 1942 года, выступая перед своими подчиненными, рейхсляйтер Альфред Розенберг заявил: «Надо прилагать все усилия, чтобы вызвать национальное сознание украинцев. Надо способствовать появлению литературы о борьбе украинцев. Также следует поддерживать культ их вождей – гетмана Хмельницкого, Мазепы. И, наконец, на более позднее время можно иметь в виду и организацию политического движения, что-нибудь вроде «Свободного украинского казачества»²⁵.

Немецкая пропаганда, вовлекая украинцев для участия в карательных акциях на территории России, не скупилась на обещания, описывая будущие границы независимого Украинского государства. В него должны были войти Крым, Курск, Воронеж, Тамбов и Саратов²⁶.

В марте 1942 года в Берлине под покровительством министерства Розенберга состоялась конференция «Задачи науки на Востоке». На этой конференции с большим докладом на тему «Проблемы народностей Востока» выступил профессор Герхард фон Менде. Он заявил, что война против Советского Союза поставила перед

германской наукой совершенно новые задачи, поскольку армия и германские гражданские власти на оккупированной территории столкнулись с населением, которое до войны оценивалось как абстрактный противник, и можно было отвлеченно судить о его военном или экономическом потенциале, а не о национальном составе. Он также отметил следующую общегерманскую тенденцию: как до войны, так и в ее первые месяцы в Германии господствовали весьма смутные представления о народах Советского Союза, который виделся страной с единым русским населением или же, напротив, страной с глубокими национальными противоречиями²⁷.

В том же 1942 году в Германии начала издаваться книжная серия «Библиотека восточных территорий», в которой выходили не только брошюры, посвященные отдельным районам и областям СССР, но и отдельным народам, в частности, книга «Народы восточных территорий» под редакцией Г. Ляйббрандта.

С 1942 года восточные и тюркские народы в национал-социалистической пропаганде постепенно «реабилитируются». А. Даллин считает, что все началось с того, что Гитлер в своей речи от 26 апреля 1942 года причислил восточные народы к борющимся с мировым врагом – большевизмом²⁸. Подобный ход нацистского руководства можно объяснить с одной стороны, стремлением найти новых союзников в затянувшейся войне с Советским Союзом, а с другой – планами наступления вермахта весной-летом 1942 года на его южной территории.

Германское командование по мере продвижения вермахта к Кавказу летом 1942 года, стремясь внести раскол в советское общество по национальному признаку, издало ряд распоряжений и инструкций по общению немцев с местным нерусским населением. В одном из приказов командования группы армий «Юг» предписывалось следующее:

1. Уважать собственность горских народов. Изъятия проводить только за плату.

2. Все мероприятия, обусловленные войной и касающиеся горцев, следует обосновывать.

3. Уважать честь кавказских женщин.

По всему Северному Кавказу нацисты распространяли листовки, обращенные к черкесам, ингушам, карачаевцам, чеченцам. В одной из этих прокламаций, обращенных к «свободолюбивым народам Кавказа», говорилось: «Горец! У тебя теперь есть своя

власть. Твои права охраняет доблестная германская армия. Люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел снеговые горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев. Живи счастливо, хозяин гор! Пусть благословен будет твой труд и твоя сакля»²⁹.

Параллельно началось формирование вспомогательных войск из лиц татарского и кавказского происхождения. Кроме военной, важное место занимала идеологическая работа с новобранцами. На учебных курсах обсуждались следующие темы:

1. Национал-социализм рассматривает нацию как творение Бога, а большевики стремятся к национальной неразберихе.

2. Германия обеспечит татарскому (или чеченскому, или карачаевскому, или калмыкскому – в отличие от национальной принадлежности немецких союзников – *Б. К.*) народу свободное развитие собственной культуры, не посягает на старинные обычаи и привычки.

3. Германия обеспечивает полную религиозную свободу.

4. Советская система за время своего существования постоянно лишала татарский народ лучших его сил.

5. С Турцией Германию связывает старое братство по оружию со времён мировой войны. И сегодня Турция своими политическими и хозяйственными интересами привязана к Германии³⁰.

Пропагандистские службы вермахта получили из Берлина специальное указание, в котором говорилось: «Бессмысленно обращаться с пропагандой ко многим племенам сразу. Смешанный добровольческий корпус тогда не будет боеспособным. Нужно сформировать отдельные подразделения грузин, армян, черкесов, кабардинцев и т. д.»³¹.

В Крыму во всех горных деревнях немецким командованием создавались из татарских добровольцев отряды по борьбе с партизанами во главе с немецкими и румынскими инструкторами. Все, состоящие в этих отрядах, получали румынскую и немецкую форму и оружие, захваченные немцами при отходе Красной армии.

Орган крымско-татарских националистов, газета «Азат Крым» («Освобождённый Крым»), выходившая два раза в неделю в Симферополе, призывала местное население активизировать борьбу с большевиками и евреями, которые «разрушили нашу прекрасную родину, растоптали всю нашу культуру, резали и вешали наши национальные кадры...»³².

Нацисты не возражали против тезиса о том, что первоочередной задачей крымских татар является возрождение их нации. При содействии немецкого командования стали организовываться мусульманские комитеты в городах и районных центрах Крыма.

На собраниях населения ставились вопросы о создании добровольческих дружин для борьбы с партизанами, а также о помощи бедноте, старикам и семьям красноармейцев, многодетным семьям. Газета «Азат Крым» называла эти собрания «проявлением симпатии крымско-татарского народа к новому порядку»³³.

В условиях срыва плана молниеносной войны нацисты, не доверяя русскому населению, вынуждены были искать потенциальных союзников. На Северо-Западе РСФСР эту роль играли жители Прибалтики – эстонцы и латыши, а также финны, на юге – крымские татары и чеченцы.

В Крыму во многих горных татарских деревнях немецким командованием были созданы из татарских добровольцев отряды по борьбе с партизанами во главе с немецкими и румынскими инструкторами. Все лица, входящие в отряды, получали зарплату, продовольствие, лучшие наделы садов, виноградников, табачных плантаций, полностью или частично освобождались от налогов. При наделении татарских «дружинников» участками садов, виноградников и другим имуществом немцы обычно отбирали его у нетатарского населения, в первую очередь, у русских и греков³⁴.

Еще в феврале 1942 года рейхсминистерство по делам восточных оккупированных территорий разработало проект организации Национального союза за свободу Отчизны с отделениями в наиболее крупных городах центральной России: Орле, Смоленске и Брянске³⁵. Но нацистское руководство в тех условиях не считало необходимым использование русского населения в качестве вооруженного союзника. Оно пока еще рассчитывало в основном на свои собственные силы. Даже на пропагандистских курсах для коллаборационистов лекторам не рекомендовалось употреблять слово «Россия». Дело касалось и мелочей. Мотивируя тот факт, что на берегах Волги проживают многие народы, в песне «Волга, Волга, мать родная, Волга – русская река», слово «русская» в песеннике, изданном для населения оккупированных районов, было заменено на «мощная»³⁶.

С весны 1943 года, в условиях коренного перелома в войне, изменился национальный состав сил, используемых нацистами в

борьбе против партизан. В ходе вербовки в добровольческие вспомогательные отряды и Русскую освободительную армию в рядах карателей стали доминировать русские и украинцы при офицерском составе из немцев³⁷.

В условиях, когда нацисты предприняли попытку развязать на оккупированной территории гражданскую войну, особое значение приобрело сплочение всех наций в борьбе против фашизма и его идеологии.

Основную тяжесть в противостоянии оккупационных служб и сил сопротивления нацисты в 1943 году переложили на власовцев. В апреле генерал А. А. Власов сделал «Заявление по национальному вопросу»³⁸. Оно послужило основой для всех выступлений коллаборационистских пропагандистов по проблеме международных отношений в России. Ostprozug, курирующий соответствующие структуры в РОА, разработал основные тезисы, на которых должна была базироваться «новая русская национальная политика»³⁹. Она содержала следующие утверждения:

1) Дореволюционная царская Россия строилась по принципу угнетения национальностей и была тюрьмой народов.

2) Власть в СССР ничем не отличается от своего предшественника, более того, главным угнетённым теперь стал сам русский народ.

3) Новая Россия, союзная Германии, уничтожит любые проявления национального гнёта над населяющими страну народами.

4) Каждый народ получит национальную свободу, вплоть до права самоопределения⁴⁰.

Осуществление этих планов связывалось с победой Германии и уничтожением власти Сталина, «без чего немислимо счастье любого из народов страны»⁴¹.

Движение РОА было построено, согласно заявлениям её функционеров, на принципах интернационализма и антибольшевизма⁴². В условиях активизации партизанского движения и успешных наступательных операций Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны подобная политика легко разоблачалась силами сопротивления, которые резонно отмечали невозможность сосуществования фашизма и интернационализма⁴³.

Летом 1943 года на оккупированной территории Ленинградской области появились листовки и воззвания РОДа – Русского освободительного движения. В отличие от РОА, оно объявило себя

«носителем национализма и русского национального сознания»⁴⁴. РОД ставило перед собой следующие задачи:

- 1) возрождение мононационального русского государства;
- 2) борьба с интернационалистскими элементами внутри народа⁴⁵.

В связи с тем, что после победы советских войск под Курском и Белгородом на Северо-Западе РСФСР началась подготовка к всенародному вооружённому восстанию в тылу врага, пропагандисты РОА, и тем более РОДа, не смогли вести свою подрывную деятельность на значительной части территории. Все их попытки выйти за пределы крупных фашистских гарнизонов пресекались партизанами в самом начале⁴⁶.

Дефицит сил заставил службы вермахта активно привлекать к борьбе с сопротивлением так называемые «национальные подразделения». Против народных мстителей были выставлены, кроме немцев и РОА, части, сформированные в Прибалтике, а также из бывших военнопленных – украинцев, азербайджанцев, армян и др.⁴⁷

Коллаборационистские воинские формирования строились, как правило, по национальному признаку. Хотя Украинский легион, который находился в деревне Старь Орловской области и городе Рославль Смоленской области, состоял из русских. Но их фамилии переделывались на украинский лад. Так, легионеры Иванов и Васильев, перешедшие на сторону партизан, сообщили, что, находясь на немецкой службе, они носили фамилии Иваненко и Василенко⁴⁸.

К этому периоду практически все партизанские бригады обладали полиграфической базой. Это позволило им оперативно начать выпуск листовок к представителям тех национальностей, вооружённые формирования которых находились в сфере их деятельности. Посильную помощь в работе над ними оказали перебежчики. В сентябре-декабре были выпущены воззвания, как на русском языке, так и на языках легионеров (в том числе, написанные от руки из-за отсутствия подходящего шрифта): «К братьям-латышам», «К армянам в легионе “Армения”», «К азербайджанцам, состоящим на службе у немецких захватчиков», «К русским, украинцам, белорусам, казахам, татарам, азербайджанцам, состоящим на службе у немецких разбойников»⁴⁹.

Работа по разложению союзных вермахту формирований на Северо-Западе РСФСР курировались Ленинградским штабом партизанского движения, и ей придавалось большое значение.

В октябре в бригадных типографиях был отпечатан приказ штаба партизанского движения «Всем русским, украинцам, белорусам, латышам, эстонцам, литовцам, азербайджанцам и другим, состоящим на службе в немецкой армии». Он призывал: «Перебить немецких офицеров, разгромить военные объекты Пскова, Луги, Порхова, вывести из строя промышленные предприятия и средства транспорта, захватить оружие и, выполняя это задание, перейти к партизанам»⁵⁰.

За осень 1943 года только в партизанские бригады Ленинградской области явилось с оружием более 4 тыс. бойцов и офицеров из национальных легионов⁵¹.

Реальный успех советской пропаганды можно объяснить рядом причин:

- а) военными успехами Красной Армии и партизан;
- б) неверием в мощь фашистской Германии;
- в) разоблачением самими же перебежчиками нацистского утверждения о том, что «всех предателей партизаны уничтожают»;
- г) тем, что большинство легионеров были набраны в лагерях военнопленных, и служба Гитлеру виделась им тогда как единственная альтернатива голодной смерти;
- д) показом в советских прокламациях интернационального характера борьбы народов СССР против общего врага с подобными призывами: «Гитлер думал посеять вражду между народами и проглотить их поодиночке. В дружбе народов нашей страны наша непобедимость!»

Национальный вопрос с самого начала занял видное место в идеологии германского фашизма. Крайний национализм, согласно положениям которого исключительными правами обладает лишь немецкая нация, способствовал циничному подходу нацистов к решению проблемы межнациональных отношений на оккупированной территории. Если антиеврейская кампания фашистов имела первоначально преимущественно внутригерманский адрес, то антиславянская струя в фашистском расизме была ориентирована на «внешние объекты».

Оккупировав часть территории СССР, нацисты стремились посеять раздор между представителями различных наций. Это делалось, с одной стороны, для ослабления сопротивления захватчикам, а с другой – с целью физического уничтожению части местного населения. Всё это, по замыслу фашистов, должно было способствовать

освобождению жизненного пространства «Великой Германии» от нежелательного национального элемента.

Однако оккупантам за время своего хозяйничанья в западных областях РСФСР не удалось разыграть национальную карту в том объеме, на который они рассчитывали. Их запоздалая ставка на русский национализм провалилась.

Примечания

- ¹ Цит по: **Гилязов, И. А.** На другой стороне (Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы второй мировой войны). Казань, 1998. С. 18.
- ² **Пфеффер, К.** Немцы и другие народы во второй мировой войне // Итоги второй мировой войны: сборник. М., 1957. С. 505.
- ³ СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 46436. Л. 15.
- ⁴ **Датнер, Ш.** Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во второй мировой войне. М., 1963. С. 147.
- ⁵ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 11.
- ⁶ Там же. Л. 11.
- ⁷ Там же. Л. 19.
- ⁸ Палачи. Из тайных архивов спецслужб рейха // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 30.
- ⁹ **Рутковский, М. А.** Тень свастики над Балтией. Ярославль, 1993. С. 33.
- ¹⁰ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 50.
- ¹¹ Там же. Д. 102. Л. 30.
- ¹² АУФСБНО. Д. 2 А/1084. Л. 9.
- ¹³ СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 46436. Л. 15.
- ¹⁴ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 102. Л. 25.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. Д. 201. С. 81.
- ¹⁸ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 412. Л. 57–58.
- ²² Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 40.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: **Dean, M.** Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. N. Y., 2000.
- ²⁵ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ **Гилязов, И. А.** На другой стороне. С. 11.
- ²⁸ **Dallin, A.** German Rule in Russia, 1941–1945: A study of occupation Policies. L., 1957. P. 284.
- ²⁹ **Беликов, Г.** Оккупация. С. 90.
- ³⁰ Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.

- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 35 **Kosyk, W.** The Third Reich and Ukraine. N. Y., 1993. P. 202.
- 36 **Штрик-Штрикфельд, В. К.** Против Сталина и Гитлера. С. 175.
- 37 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 196. Л. 55–57.
- 38 ЦГИАПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 23.
- 39 АУФСБНО. Д. 1/7239. Л. 52.
- 40 ЦГИАПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 2.
- 41 Там же.
- 42 АУФСБНО. Д. 1/7241. Л. 64.
- 43 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 16-17.
- 44 ЦГИАПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1278. Л. 18.
- 45 Из беседы с комиссаром 5 ПБ Сергунным И. И. 12 марта 1993 г.
- 46 ГАНИНО. Ф. 250. Оп. 1. Д. 198. Л. 73.
- 47 ГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 160. Л. 12.
- 48 ЦГИАПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1743. Л. 11. Д. 1695. Л. 1–3.
- 49 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201. Л. 17.
- 50 Там же.
- 51 ЦГИАПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1232. Л. 36.

Детский коллораационизм

Можно выделить ряд форм детского коллаборационизма в условиях нацистской оккупации. Во-первых, гитлеровцы использовали детей и подростков как своих агентов, которым поручалось собирать сведения разведывательного характера, а также совершать различные преступления, в частности, поджоги и диверсии.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г., уголовная ответственность для лиц, совершающих преступления, наступала с момента достижения четырнадцатилетнего возраста. Однако за определенный круг преступлений постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., была введена уголовная ответственность для несовершеннолетних, совершающих преступления, с двенадцатилетнего возраста¹.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета от 7 июля 1941 г., несовершеннолетние подлежали уголовной ответственности за совершение как умышленных, так и неосторожных преступлений².

Уже в первые недели войны советские органы государственной безопасности выявили факты использования детей и подростков нацистским спецслужбами. Так, в Специальном сообщении УНКВД по Смоленской области в Особый отдел НКВД Западного фронта от 4 сентября 1941 г. давалась информация об использовании немецкой разведкой детей и подростков.

В нем говорилось о том, что «за последнее время германская разведка на Западном фронте практикует переброску через линию фронта детей и подростков с заданиями по разведке расположения наших аэродромов и частей Красной Армии, а также для подачи световой сигнализации в местах скопления войск Красной Армии и артиллерийских батарей»³.

В этих условиях Управлением НКВД по Смоленской области на линии фронта в районе Ярцево был задержан одиннадцатилетний мальчик по фамилии Петров Иван.

В ходе допроса Петрова удалось установить, что он совместно со своим товарищем, односельчанином Абраменковым Михаилом, 15 лет, 16 августа 1941 г. в лесу был задержан немецким офицером, который, выяснив их местожительство, предложил сходить за линию фронта и выяснить расположение частей Красной Армии, обещая по возвращении выдать им вознаграждение: Петрову — 2000 руб., а Абраменкову — 5000 рублей, причем тогда же Петрову он подарил ботинки и чулки, а Абраменкову — рубашку.

Получив согласие ребят следовать в расположение частей Красной Армии, немецкий офицер выдал им ракетницу и пять ракет для подачи световых сигналов в ночное время о местонахождении войск Красной армии.

Перейдя линию фронта, Петров и Абраменков 17 и 18 августа беспрепятственно курсировали в расположении частей Красной Армии. Абраменков записывал результаты наблюдений. В ночь на 18 августа, расположившись недалеко от одной из воинских частей Красной Армии, они выпустили имеющиеся у них сигнальные ракеты⁴.

Начальник Управления НКВД по Смоленской области майор госбезопасности С.Клепов отметил: «Характерно, что на бродивших по линии фронта Петрова и Абраменкова никто внимания не обращал. При отдельных расспросах патрулировавших красноармейцев Петров и Абраменков объясняли, что они местные жители, и их без проверки отпускали.

Собрав нужные сведения, 19 августа с.г. Петров и Абраменков направились в расположение частей немецкой армии, по дороге Петров был задержан, а Абраменкову удалось скрыться. Меры к его розыску и задержанию приняты»⁵.

Подобные случаи были не единичными. Так, 3 сентября 1941 г. в районе г. Вязьмы чекистами был задержан 13-летний Шалманов

Николай. По его показаниям, он, проживая в Смоленске, совместно со своими сверстниками Соловьевым Леонидом, Плисовым Николаем, Ивановым Николаем, 4 раза немцами посылался на разведку в расположение частей Красной армии, за что оккупанты их кормили и поили вином.

Перед этими малолетними преступниками нацисты ставили задачу: выявление месторасположения частей Красной армии и аэродромов⁶.

Из показаний Шалманова: «Кроме меня, Плисова, 13 лет, Иванова, 13 лет, и Соловьева, 18 лет, немцы также посылали из Смоленска Козюльского Виктора, 13 лет, его брата Козюльского Леонида, 16 лет, Иванова Евгения (брата Николая), 15 лет. Все они ходили в расположение частей Красной Армии и приносили немцам требуемые разведывательные сведения»⁷.

Немцы в процессе вербовки обращали в первую очередь внимание на беспризорных и безнадзорных детей. Так задержанный чекистами Николай Шалманов был одинок, его отец находился в рядах Красной армии, а нерадивая мать его бросила. Из Смоленска в Вязьму он пошел, направляясь искать себе хоть какого-нибудь пропитания.

Вербовкой подростков для службы гитлеровцам занимались и представители местной русской коллаборационистской администрации. Так, задержанный Софоновским РО УНКВД 26 августа 1941 г. Макуров Георгий из дер. Приселье Ярцевского района показал, что назначенный немцами старшина села Приселье Лиличкин Александр 10 августа вызвав к себе его, Макурова, вместе с Фроленковым Павлом. Староста предложил им идти к гитлеровцам и выполнить их поручение. Встретившие ребят немцы поручили им разведать, есть ли на реке Вопь переправа и имеются ли там красноармейцы. При попытке ребят отказаться немецкие офицеры угрожали расстрелом. Под угрозой расправы Макуров и Фроленков ходили в разведку, но по возвращении обманули немцев, заявив, что переправы и красноармейцев на р. Вопь не видели. Макурову и Фроленкову немцы за это давали табак.

Смоленские чекисты сделали следующий вывод: «Из приведенных фактов усматривается, что немецкая разведка путем подкупа, спаивания и принуждения широко использует в борьбе с Красной Армией малолетних детей и подростков, в связи с чем Управлением НКВД по Смоленской области приняты меры по

фронтным районам к задержанию и тщательной проверке всех проходящих детей и подростков»⁸.

Некоторые подростки вовлекались в разведывательные и пропагандистские службы противника помимо своей воли. Так, в июле 1941 года под Псковом гитлеровцами был захвачен детский дом, где находились подростки с замедленным психическим развитием. Там гитлеровцами был захвачен детский дом, где находились подростки с замедленным психическим развитием. Их не расстреляли. Более того, к ним были приставлены соответствующие специалисты. Они смогли внушить своим подопечным, что очень скоро за ними прилетит на самолете мама. После этого вместе с немецкими агентами, под видом эвакуированных, их отправили в Ленинград. Там больным детям вручили сигнальные ракетницы и расставили около особо важных объектов, в частности, Бадаевских складов. Во время налета немецкой авиации те стали пускать ракеты вверх, так как им было внушено, что это за ними прилетели их родители⁹.

В 1942 году Абвер активизировал свою работу с подростками и детьми. В связи с этим 20 февраля этого года вышло Указание НКВД СССР «Об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран»¹⁰. В нем отмечалось, что «в последнее время в прифронтной полосе германская разведка организовала сеть разведывательных школ. В них набирались дети и подростки в возрасте от 8 до 14 лет, главным образом, из семей репрессированных Советской властью родителей, из уголовно-хулиганского элемента и беспризорных. Такие школы выявлены в городах Мценск, Белгород, Славянск...»¹¹.

В течение 7–15 дней дети и подростки в этих школах обучались незаметному проникновению в расположение частей Красной Армии. Они должны были узнавать о количестве войск, названия и нумерацию частей, фамилии командиров, расположение артиллерии, танков, складов с боеприпасами и горючим. Чекисты сообщали советскому руководству о том, что «12 января 1942 г. Особым отделом Западного фронта при переходе линии фронта со стороны противника в районе ст. Бастеево Тульской обл. был задержан Крутиков Николай, 1930 г. р., сын врача, имеющий четыре привода за хулиганство. Он на допросе сознался в том, что был завербован германской разведкой и переброшен на нашу территорию с заданием выяснить расположение частей Красной Армии.

Как показал Крутиков, он прошел краткосрочные курсы разведчиков в г. Мценске, на которые немцами набраны дети в возрасте до 14 лет. На этих курсах дети обучаются умению владеть гранатой, советской винтовкой и револьвером, окапыванию и ползанию, обращению с военными картами, усвоению воинских званий комсостава Красной Армии и как вести агентурно-военную разведку»¹².

Разведывательные школы для детей и подростков создавались на всей оккупированной территории нашей страны. Так из показаний арестованной в марте 1942 г. Михайловой Валентины Егоровны, 13 лет, жительницы г. Ржев, было установлено, что в Ржеве дислоцируется немецкий разведывательный орган, при котором имеется школа по подготовке агентуры, забрасываемой в тыл Красной Армии, из числа девушек и мальчиков в возрасте от 13 до 17 лет. Указанную категорию агентуры вражеский разведорган забрасывал в тылы Красной Армии под видом нищих с заданиями выявлять дислокацию, численность и вооружение частей Красной Армии¹³.

Ленинградские чекисты выявили, что для вербовки агентов немцы используют в первую очередь следующий контингент:

1. Антисоветски настроенных лиц из местного населения, репрессированных в свое время органами НКВД, или родственников репрессированных.
2. Предателей.
3. Дезертиров из Красной Армии.
4. Подростков.

Что касается последних, отмечалось следующее: «Германские разведывательные органы широко использовали подростков, забрасывая их в наши тылы, в частности в г. Ленинград, с задачами сигнализации ракетами в районах расположения частей КА, военных заводов, мостов и т. д.

Так, например: 1) задержанный 10.10.41 г. при переходе зоны заграждения подросток Захаров Н.И. показал, что он завербован немецким офицером и переброшен через линию фронта для подачи сигналов ракетами во время налетов немецкой авиации на Ленинград в районах мостов, Кировского завода, стоянок кораблей Балтийского флота. При задержании у Захарова было обнаружено и изъято 38 ракет и одна ракетница; 2) задержанный 15.11.41 г. при переходе линии зоны заграждения подросток Федоров В.С. показал, что он завербован немецким капитаном и переброшен для по-

дачи сигналов ракетами немецким самолетам в районах расположения воинских частей»¹⁴.

Особым отделом Брянского фронта на основании агентурных и следственных материалов было установлено существование в г. Мценске разведывательной школы германской разведки. Данное заведение готовило подростков в возрасте 11–13 лет с последующей засылкой их в тыл Красной Армии для сбора шпионских сведений.

Обучающиеся в Мценской разведшколе малолетние разведчики воспитывались в духе преданности германскому фашизму, изучали технику конспирации, способы сбора разведывательных данных, а также технику совершения диверсионных актов.

В ориентировке Управления особых отделов НКВД СССР «О действующей в г. Мценске немецкой разведывательной школе, готовящей подростков для совершения шпионских и диверсионных акций в частях Красной Армии» от 5 июня 1942 г. писалось следующее: «Арестованный несовершеннолетний германский разведчик «Рославец» – Кузьмичев Н. И., 1929 г. рождения, окончивший германскую разведшколу в г. Мценске, имел задание офицера германской разведки Мореца пробраться в г. Ефремов, вступить в одну из воинских частей Красной Армии в качестве воспитанника и собирать сведения о наличии в Ефремове войсковых соединений, их численности и вооружении.

На случай задержания при переходе линии фронта Кузьмичев был проинструктирован офицером германской разведки Морецом выдавать себя за сына рабочего Конотопского завода Рославца Тимофея, которого немцы расстреляли как коммуниста, и вместе с отцом немцами также убита его мать. Желая мстить немцам за смерть родителей, он перешел линию фронта с тем, чтобы вступить в одну из действующих частей Красной Армии для осуществления своей цели.

Умело используя легенду, полученную от германской разведки, Кузьмичев при переходе линии фронта арестован не был, сумел устроиться воспитанником 18-го армейского запасного стрелкового полка и лишь впоследствии был разоблачен как агент германской разведки агентурным путем»¹⁵.

К 1943 г. военное командование и политическое руководство гитлеровской Германии убедилось в том, что ее диверсионные органы не справляются со своими задачами, действуют неэффективно.

В частности, им не удастся вывести из строя прифронтовые железнодорожные коммуникации Красной армии как один из самых важных стратегических объектов. Им также не удастся преодолеть барьеры советской военной контрразведки «Смерш». А их агенты – диверсанты, завербованные в лагерях советских военнопленных, или проваливаются, или отказываются выполнять задания и приходят с повинной.

В этих условиях руководители Абвера ищут новые приемы совершения диверсий, надежные кадры диверсантов, чтобы ударить по самому уязвимому месту Красной Армии – железнодорожному транспорту и прежде всего вывести из строя паровозный парк.

Для этого предполагалось широко использовать в качестве диверсантов детей-подростков. Во-первых, как рассуждали оккупанты, их много бродит по дорогам войны, осиротевших и неприкаянных. Во-вторых, психология подростков такова, что, используя бурную активность детей, их можно толкнуть на любые действия, на любую авантюру, лишь бы их удалось заинтересовать и увлечь. Гитлеровцы рассчитывали, что подростки-диверсанты не привлекут внимания советской контрразведки, а военнослужащие Красной Армии, население прифронтовой полосы отнесутся к ним снисходительно. Кому же из взрослых придет в голову, что несчастные дети, которые бродят по вокзалам или станциям, на самом деле закладывают мины под рельсы или забрасывают их в склады угля и тендеры паровозов?¹⁶

В качестве таких диверсантов нацисты начали использовать детей с шести лет. Под видом нищих они должны были побираться около железнодорожных станций, а при первой возможности подбрасывать в угольные кучи тол, замаскированный под уголь. Безусловно, большинство малышей не выполняли заданий немецких спецслужб, но кто-то за конфетку, шоколадку, а то и просто доброе слово отправлял советские эшелоны под откос. Таких было очень мало, но нацистов это несколько не смущало: рабочий материал был слишком дешев. Даже если из сотни русских детей один выполнял задание, прямая выгода была налицо: ребенку нужно меньше еды, да и обмануть его было гораздо легче, чем взрослого.

20 июня 1943 г. начальник Абвергруппы 209 («Буссард») капитан Фридрих Болц подал рапорт своему начальству, в котором, кроме всего прочего, говорилось о том, что: «Достоверно установлено, что забрасываемая нами агентура нередко задерживается не

столько вследствие усиления контрразведки, сколько по причине слабой маскировки агентов и низкого качества их документов прикрытия. Поэтому для усиления диверсионной деятельности предлагается усовершенствовать средства, тактику и способы совершения диверсионных актов, а также скрытность маскировки самих исполнителей.

Гарантии успеха будут обеспечены:

Во-первых, маскировкой заряда (мины) взрывчатого вещества большой мощности (гексанита) под естественные куски каменного угля (разработано лабораторией Абвера-2), а также простотой и доступностью способа применения этого средства путем подбрасывания его в тендеры паровозов или в неохраняемые склады угля на железнодорожных станциях.

Во-вторых, исполнителями диверсионных актов будут задействованы не взрослые агенты, а специально обученные подростки от 10 до 16 лет. На их подготовку потребуется гораздо меньше средств и времени. В России они не имеют никаких документов, ими забиты все крупные прифронтовые вокзалы и станции, отношение к ним военных и охраны участливое и снисходительное. Поэтому появление их у объектов диверсии не вызывает подозрений.

Вышеназванная категория бездомных подростков, потерявших родителей, в большом количестве скопилась и на занимаемой вермахтом территории, а также в концлагерях, в детских домах, приютах, городах и селах.

Учитывая психологические особенности возраста подростков, повышенную энергию, стремление подражать взрослым и самоутвердиться, а также их идеологическую неустойчивость и внушаемость, предлагается:

1. Под видом воспитанников и службы в Русской освободительной армии мобилизовать физически здоровых подростков и в порядке эксперимента сформировать команду в количестве 30-40 человек, временно дислоцируя ее на базе «Особого лагеря МТС» 203-й абверкоманды.

2. Воспитание и обучение в течение месяца подрывному делу, топографии, прыжкам с парашютом и строевой подготовке организовать на территории Германии, под Касселем, в моем охотничьем имении Гемфурт. Там будут созданы необходимые материальные условия и возможности для идеологической обработки, в том числе путем ознакомительных экскурсий.

3. Из числа штатного состава «Буссарда» создать рабочую группу – 5 единиц – во главе с обер-лейтенантом Ростовым-Беломориным по руководству «Особой командой Гемфурт», а также воспитанию и обучению подростков»¹⁷.

Немецкими спецслужбами было принято решение набирать детей для этой школы из детских домов и деревень, располагавшихся в районе Смоленска.

В плане работы предусматривались три стадии организации и подготовки подростков. На первой – подростки, мобилизованные из детских домов и деревень, должны были находиться в «Особом лагере МТС», где им предстояло адаптироваться и привыкнуть к порядку, который действовал в Русской освободительной армии в отношении воспитанников. Их статус приравнивался к статусу военнослужащего-добровольца этой армии, что предполагало полное обеспечение одеждой, усиленное питание и выплату денежного содержания в 30 немецких марок ежемесячно для приобретения личных вещей и туалетных принадлежностей.

Каждые тридцать подростков распределялись на три отделения для изучения уставов, строевой подготовки, стрелкового оружия и практики его применения. Было предусмотрено, что их бытовое и спальное расположение будет находиться отдельно от взрослых добровольцев, а более того – с максимальной изоляцией от них.

Каждому подростку была выписана персональная солдатская книжка с фотографией и установочными данными на немецком и русском языках. Вся их жизнь и поведение строго регламентировались жестким распорядком дня и режимом пребывания в охраняемой зоне лагеря. Перед сохранялось в секрете их будущее целевое использование. Увольнение подростков для свидания с родственниками разрешалось только в индивидуальном порядке и только с согласия руководства «Буссарда».

Основная идеологическая обработка и профессиональная подготовка были запланированы на второй стадии – в Германии, под городом Касселем, в местечке Гемфурт, в шпионской школе Вальдек, куда из Смоленска поездом была вывезена вся команда из тридцати человек. Пребывание и обучение в школе Вальдек дополнялись изучением подрывного дела с применением взрывчатых веществ. Здесь же они проходили парашютную подготовку, топографию и основы разведки.

Выезд в диверсионную школу маскировался как экскурсионная поездка в Германию для ознакомления с местными достопримечательностями. В процессе изучения подрывного дела лишь в самом конце обучения подростки посвящались в истинные планы их использования – совершать диверсии на прифронтовых железнодорожных коммуникациях Красной Армии.

На третьей стадии обученных и идеологически обработанных подростков планировалось забросить в советский тыл для выполнения заданий германского командования¹⁸.

Узнавшие об этих планах противника советские органы государственной безопасности отнеслись к ним с полной серьезностью. Наша агентура получила задание внедриться в эту школу. О деятельности «Буссарда» докладывалось лично И. В. Сталину: «1 сентября 1943 г. в Управление контрразведки “Смерш” Брянского фронта (г. Плавск Тульской области) явились два подростка:

Крутиков Михаил, 15 лет, уроженец г. Борисова БССР, русский, образование 3 класса, и Маренков Петр, 13 лет, уроженец Смоленской области, русский, образование 3 класса.

Оба они заявили, что в ночь на 1 сентября с. г. с Оршанского аэродрома на двухмоторном немецком самолете были заброшены на парашютах в район г. Плавска и имели задание немецкой разведки — проникнуть на любую железнодорожную станцию и незаметно подбросить в штабель угля, из которого паровозы заправляются топливом, по три куса взрывчатки, закамуфлированной под обычный каменный уголь. После чего перейти линию фронта на сторону немцев и доложить о выполнении задания.

Одновременно с Крутиковым и Маренковым в наш тыл с аналогичным заданием были заброшены еще 27 диверсантов-подростков в разные районы железнодорожных станций Московской, Тульской, Смоленской, Калининской, Курской и Воронежской областей. Это свидетельствует о том, что немцы пытаются этими диверсиями вывести из строя наш паровозный парк и тем самым нарушить снабжение наступающих войск Западного, Брянского, Калининского и Центрального фронтов.

Выброска на парашютах была произведена попарно с трех самолетов.

Крутиков и Маренков принесли с собой парашюты, по три куса взрывчатки, сумки с продуктами и по 400 рублей денег. Они были одеты в грязные поношенные, красноармейского об-

разца, гимнастерки, гражданские брюки, что придавало им вид беспризорников»¹⁹.

В процессе бесед и опроса подростков чекистами было установлено следующее: «Наличие диверсионной школы подростков в возрасте 12–16 лет, организованной германской военной разведкой. В течение месяца Крутиков и Маренков вместе с группой из 30 человек обучались в этой школе, которая дислоцируется на охотничьей даче, в 35 км от гор. Кассель (Южная Германия).

Основным контингентом обучаемых являются воспитанники детских домов, не успевших эвакуироваться в 1941 году, а также подростки, семьи которых проживают на временно оккупированной немцами территории.

Отбор подростков ведется под видом службы в Русской освободительной армии (РОА) в качестве воспитанников, с учетом детской психологии и романтических наклонностей этого возраста. Им улучшают жизненные условия, подвергают идеологической обработке в нацистском духе, устраивают экскурсии по городам и поместьям Германии, обещают награды и подарки.

В диверсионной школе установлен строгий режим и распорядок дня, четыре часа отводится на изучение основ топографии, подрывного дела, стрельбе, правилам прыжков с парашютом, строевой подготовке. Все обучающиеся тренировались на местности способам перехода линии фронта и сделали по одному тренировочному прыжку с парашютом.

Опросом Крутикова удалось установить официальных сотрудников школы, приметы и установочные данные на всех заброшенных подростков-диверсантов»²⁰.

В условиях перелома в войне гитлеровцы и их пособники были готовы призывать в ряды вооруженных сил и детей. Свои «воспитанники» и «сыновья полков» появились и в РОА. Они выполняли различные вспомогательные функции: служили адъютантами, переводчиками, пропагандистами. В. Н. Бурмистров, 1930 года рождения, позднее вспоминал: «С нами “занимался” переводчик коменданта. Ему было лет 16, не больше, одет он был всегда в форму власовца (немецкая форма с небольшими изменениями). Кто он был по национальности и откуда хорошо знал и русский, и немецкий языки, мы не знали. А главное его занятие с нами было — борьба. Это у него было как болезнь. Естественно, у нас не было никакого желания и физических возможностей составить ему конкуренцию.

Он был приземист, широк в плечах и отменно упитан, из нас же каждый был на 4-5 лет моложе его, худ и слабосилен от недоедания, и он без труда поочередно клал нас на лопатки и был очень доволен. Один из мальчишек, лет тринадцати или четырнадцати, не знаю, из какого села, как-то изловчился и положил Пискуна (так переводчика все звали за его визгливый голос) на лопатки. О Боже! Что тут началось! Сначала Пискун не понял, что произошло, долго лежал без движения. Потом вскочил, убежал в дом и выбежал оттуда с нагайкой, с которой он ездил на лошади, сопровождая коменданта, причем комендант всегда ездил на лошади белой масти, а Пискун – на две трети корпуса лошади сзади и сбоку, как привязанный, на лошади темной масти.

Победитель в борцовском поединке был нещадно избит плеткой, кулаками и уже лежащим – ногами»²¹.

Война не делает никаких скидок на возраст. Если говорить о детях, оказавшихся в экстремальных условиях оккупации, то они, как и взрослые, вынуждены были переносить все проблемы, лишения и сложности, связанные с ней. Страх – вот слово, которое чаще всего встречается в детских воспоминаниях о войне: «Было страшно, когда отец приходил домой и срочно отправлял старших сестер по дворам, где были дети старше 16-ти лет, чтобы предупредить об облавах, которые периодически устраивали немцы и полицаи с целью угона молодежи в Германию. Страх, что нас выгонят зимой из сарая, где жила наша семья, так как дом занимали немецкие солдаты, страх, что отца расстреляют за связь с партизанами»²².

Дети, наравне с взрослыми, вынуждены были выживать, любыми способами зарабатывать себе на жизнь. И если в сельской местности, в условиях натурального хозяйства, были шансы выжить не вступая ни в какие контакты с представителями оккупационных властей, в городах это было практически невозможно.

В книге Вайне Линна «Неизвестный солдат» рассказывается о том, как дети, пытаясь задобрить финских солдат, ругаются на их родном языке: «Приближаясь к своей казарме, они встретили ватагу маленьких ребятишек, просивших хлеба или сигарет. Они дали им сигарет, не сомневаясь, что те отнесут их своим отцам. Благодарность детей выразилась в залпе финских ругательств. Очевидно, они научились им у солдат и считали, что это подходящая плата за курево»²³.

В городах и деревнях дети наравне со взрослыми много и тяжело работали: «Время было тяжелое, голодное и холодное. Мы, подростки, как могли, работали: пахали и бороновали землю, в основном на коровах, потому что почти все лошади (тракторов не было вообще) или были “мобилизованы” еще в Красную Армию, или использовались немцами на свои военные нужды. Мы косили сено, пасли скот, который остался, работали со своими родителями на огородах, чтобы как-то прокормиться и не умереть с голоду»²⁴.

При этом следует отметить, что сельским жителям было в чем-то легче, чем жителям городов. И в предвоенные годы многие колхозники жили за счет своих приусадебных участков. У горожан такой возможности не было.

Детей наравне с взрослыми привлекали для выполнения различных физических работ. Так, часть жителей Новгорода и Пскова, не имевшая постоянной работы, привлекалась к снегоочистке железных дорог и другой неквалифицированной деятельности. Неявка на такую работу рассматривалась как саботаж, за который виновный мог быть отправлен в лагерь. Людям, работавшим в порядке трудовой повинности, полагалась ежедневная пайка хлеба, которую выдавала райжилконтора. К работе привлекались и дети. В мае 1942 года во Пскове были организованы юношеские рабочие дружины, состоявшие из детей 11–12 лет. Они работали на уборке города по 4 часа в день²⁵.

Среди детей и подростков в городах в это тяжелое время стала популярна профессия «рикши»: «Во время оккупации все неработающие жители, а это старики и дети, старались, как могли, найти пропитание. Детям в этом отношении было несколько “лучше”. Мы, ребята, переделали лошадиную двухколесную повозку под тележку и по очереди использовали ее для перевозки немцам их рюкзачков. Услугами этими не брезговали ни офицеры, ни рядовые. За то мы получали от “освободителей” то кусок эрзац-хлеба, то огрызок маргарина, то одну-другую оккупационную марку»²⁶.

В условиях каждодневного выживания дети и подростки были поставлены перед дилеммой – пытаться как-то заработать себе на пропитание или эту еду себе украсть. В оккупированных городах России появились группы подростков, готовых на все ради куска хлеба. Не брезговали они ни воровством, ни мелким хулиганством. Так, в газете «Новый путь», которая выходила в 1941–1943 гг. в Смоленске, была опубликована статья «Необходимо усми-

ритель хулигана»: «Пожилой человек с печальным лицом, держа в руках корзинку, зашёл в редакцию.

- Вот вы осуждаете в своих газетах тех, которые не обработали землю на своих огородах, а что делать тем, которые отдали все свои силы, чтобы взрастить овощи, а сейчас вынуждены проливать горькие слёзы?

- Почему слёзы? – удивлённо спрашиваем мы.

- Потому что хулиганы-подростки учиняют набеги на огороды и злостно уничтожают и воруют всё, что подвёртывается под руки. На нашей Западно-Кольцевой улице целая шайка таких молодчиков. Атаманом у них – 15-летний Юрка Перегонцев. Он зарабатывает большие деньги, подвозя на тележках багаж с вокзала. Но в свободное время ему хочется «поразвлечься», и вот он командует своей шайке:

- Лёнька, сейчас полезешь в тот огород и порубишь ножом тыквы. А ты, Валька, должен поломать подсолнух и стащить картошку в соседнем огороде.

Плачущий человек кладёт на редакционный стол зелёных несозревших тыкв и только что отцветших подсолнухов.

- Понимаете ли, как бывает горько, когда бессмысленно гибнет то, что ты взрастил?»²⁷.

В воспоминаниях некоторых детей, переживших оккупацию, встречается информация о том, как они ненавидели своих, как им казалось, «богатых» сверстников. Последние имели возможность ходить в школу, посещать киносеансы, над ними не висела угроза голодной смерти. Причиной «благополучия» этих детей были их родственники, работавшие в различных коллаборационистских структурах или просто занятые на производстве и имевшие возможности «подкармливать» свои семьи.

К началу Великой Отечественной войны поколение, выросшее при советской власти, представляло собой значительную силу. Разведуправление 61 пехотной дивизии вермахта признавало, что «в отношении молодёжи необходимо констатировать очень сильное влияние большевиков. Большевики сознательно уделяли много внимания молодёжи, воспитывали и продвигали её... Они сумели пробудить в ней сознание превосходства большевистской культуры и техники, а также вселили веру в лучшее будущее советского народа»²⁸.

Для разложения подрастающего поколения в крупных русских городах вводилась специальная должность «представителя министерства пропаганды по школам». Он непосредственно контролировал отдел просвещения городской управы. В качестве первоочередных задач, решаемых данным отделом, нацисты называли следующие:

1. Составление новых учебных планов и программ.
2. Подготовка зданий к учебным занятиям.
3. Регистрация педагогов.
4. Замена советских учебников новыми²⁹.

Отдел просвещения был обязан по запросам германского командования подготовить справки о школах и вузах на данной территории до июня 1941 года. Отдельно брались на учет все преподаватели высших учебных заведений, средних школ, работники дошкольных учреждений и дети школьного возраста.

Одной из главных проблем, которой должна была активно заниматься коллаборационистская администрация, немецкое командование назвало «дебольшевизацию населения и в первую очередь детей»³⁰. Делать это предполагалось руками педагогов.

В своих «Застольных разговорах» 11 апреля 1942 года Гитлер, рассуждая о будущей судьбе России, заявил своим слушателям: «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей. Если русские, украинцы, киргизы и прочие научатся читать и писать, нам это только повредит...

Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать покоренным народам об их истории...»³¹

Следовательно, можно сделать вывод, что вся политика оккупантов в сфере народного образования русского населения целиком и полностью относилась к пропагандистской акции и во многом курировалась соответствующими нацистскими службами. Нельзя забывать и о том, что оккупационные службы на местах нуждались в активном содействии их работе со стороны коллаборационистов. «Новая русская школа» должна была воспитывать людей пронемецки и пронацистски настроенных. В особенности это стало актуальным после срыва плана молниеносной войны Германии против Советского Союза. Для нацистов в этих условиях школа и ее ра-

ботники стали бы той силой, которая позволила бы контролировать русскую молодежь, способствовала ослаблению на нее влияния со стороны представителей советского сопротивления. На это постоянно обращалось внимание руководителей «новой русской администрации». Так в «Наставлении бургомистрам» говорилось о необходимости устройства школ на открытом воздухе: «В населённых пунктах, в которых из-за размещения в них войсковых частей учебная работа не возможна, следует попытаться обеспечить школьную молодёжь воспитанием и обучением путём учебной работы в школах на открытом воздухе. Такого рода школы можно соорудить в садах, парках, скверах, под временно оборудованными для этой цели навесами и т. п. Прилагать все усилия к тому, чтобы школьная молодёжь находилась бы под присмотром»³². Этот документ, составленный на немецком языке с параллельным переводом на русский, широко распространялся в центральных и северных областях России.

Организация учебного процесса осложнялась отсутствием новых учебников. Временно было решено сохранить старые, довоенные, предварительно уничтожив в них все упоминания и высказывания вождей Коммунистической партии и советского государства. Данную операцию ученики проделывали под жёстким контролем учителей. Переживший оккупацию ставропольчанин М. А. Горькавый так вспоминал об этом: «В начале сентября нас, мальчишек, живущих на Подгорных улицах, заставили идти в школу, которую открыли в двухэтажном большом доме. На первом занятии дал напутствие немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем достали мы свои учебники и начали по команде заклеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом появился батюшка в рясе и с крестом, и с того дня мы стали изучать Закон Божий»³³.

При «чистке» учебников не обошлось без курьезов. Нацистская инструкция требовала уничтожения любого упоминания о советской власти, Коммунистической партии и произведений еврейских авторов. Следовательно, программа по истории средних веков осталась без изменений. Но одна из ее тем звучала следующим образом: «Германия XII–XV веков» – 3 часа: 1. Немецкая агрессия на восток. Немецкие завоевания полабских и померанских земель, завоевание немцами Прибалтики. Тевтонский орден и захват новых земель. Борьба Литвы и Польши с Орденом. Грюнвальдская бит-

ва»³⁴. Эта программа в некоторых школах просуществовала до 1943 года, когда уроки истории были отменены.

В начальной школе рекомендовалось изучать следующие дисциплины: немецкий и русский языки, арифметику, краеведение, естествознание, гимнастику и пение. Основной упор делался на русский язык (по 8 часов в неделю в 1 и 2 классах, по 7 в 3 и 4 классах), арифметику (по 6 часов) и немецкий язык (по 3 часа в 3 и 4 классах). Количество часов в неделю составляло 18 часов в первом классе, 24 во втором и 30 в четвёртом³⁵.

Закон Божий первоначально в программах отсутствовал, хотя к преподаванию из-за дефицита учителей активно привлекались не только священнослужители, но и пожилые люди, изучавшие этот предмет до Октябрьской революции.

В планах воспитательной работы отмечалась необходимость «принимать навыки духовной культуры». От учителей требовалось следить за тем, чтобы дети вежливо и почтительно относились к учителям, родителям, ко всем старшим, а особенно к полицейским, германскому командованию и германским солдатам.

С немецкой педантичностью оккупанты выпускали различные приказы и распоряжения, регламентирующие работу русских школ. Согласно их требованиям? занятия в школе начинались в 8 часов. Перед началом занятий читалась молитва «Царю Небесный», а после занятий – «Достойно есть». Все дети должны были являться в класс за 15 минут до звонка чистыми, в опрятной одежде. Мальчики с волосами, подстриженными под машинку, а девочки – с заплетенными косичками. В классе дети во время перемены не имели права создавать беспорядка: шуметь, толкаться, бегать по партам. Все перемены проводились на воздухе. За порчу школьного имущества, инвентаря нес ответственность испортивший его. Продолжительность уроков – академический час – 45 минут. Перерыв между уроками составлял 10 минут. Работники школы, учителя, являлись на работу за 20 минут до начала занятий³⁶.

Деревенские школы, по замыслу их организаторов, должны были давать лишь азы грамотности. Этим объясняется их относительно низкая идеологизация. Определённым исключением являлись учебные заведения, находившиеся в Локотском самоуправлении. Коллаборационистам во главе с Брониславом Каминским, ведущим активную вооружённую борьбу с брянскими партизанами, необходимо было показывать заботу об образовании подрастающего по-

коления. Причем это делалось командно-административными методами. В приказе № 155 по Локотьскому окружному самоуправлению от 3 декабря 1942 года Каминский извещал старост, старшин и бургомистров о том, что несмотря на его приказ по округу № 108 от 25 октября 1942 года об обязательном семилетнем обучении, занятия в 5–7 классах в целом ряде школ из-за низкой посещаемости учащихся срываются, а отдельные бургомистры районов, старшины волостей и старосты местных управлений совершенно самоустранились от необходимых мероприятий по поднятию посещаемости указанных классов.

В целях реального осуществления приказа № 108 «Об обязательном обучении детей в объёме 7 классов средней школы» он приказывал:

«1. Старостам местных управлений при неослабном контроле со стороны волостных старшин и бургомистров районов в недельный срок со дня опубликования данного приказа привлечь к ответственности в виде денежных штрафов до 500 рублей всех родителей, дети которых без уважительных причин не посещают школы, а также взыскать полностью все недоимки с тех граждан, которые были подвергнуты таким штрафам ранее, но не уплатили их.

2. Всех граждан, которые после уплаты денежного штрафа будут злостно удерживать детей от посещения школ, привлекать к уголовной ответственности.

3. Обязать инспектора государственного контроля усилить проверку на местах исполнения приказа № 108 и обо всех нарушениях докладывать мне для принятия срочных мер необходимого порядка.

4. Бургомистрам районов, старшинам волостей, директорам школ и старостам местных управлений учесть, что если и в дальнейшем приказ № 108 и данный приказ не получают своего полного претворения в жизнь, то к виновным лицам мною будут приняты строгие меры вплоть до снятия с работы и предания суду»³⁷.

Силы советского сопротивления с первых дней нацистской оккупации пытались противодействовать немецкой политике в сфере образования. Наиболее успешно это осуществлялось в тех районах, где было сильно влияние партизан. Так, в районах, удалённых от крупных вражеских гарнизонов, влияние фашистской пропаганды на систему народного образования было сведено практически к нулю. Однако работа партизан и подпольщиков в крупных населённых пунктах и на железнодорожных станциях значительно ос-

ложнялась. Это объяснялось не только наличием здесь вражеских гарнизонов и представителей нацистских пропагандистских служб, но и более жёстким контролем со стороны последних за работой школ. На посты директоров обычно назначались люди, пострадавшие от советской власти или из числа бывших белоэмигрантов. Ученики старших, 5–7 классов, должны были, по замыслу фашистов, составить в будущем руководящее звено «Новой свободной от большевиков России»³⁸.

Весной 1942 года стабилизация Ленинградского участка фронта и последовавшее за этим немецкое наступление на Первый партизанский край значительно ослабили силы сопротивления и, как следствие этого, их помощь школам. Со стороны же захватчиков подобная работа значительно активизировалась. Провал плана молниеносной войны поставил перед службами министерства пропаганды новые задачи. В Риге и Берлине разрабатывались программы, учитывающие изменившиеся реалии. К этой работе активно привлекались русские эмигранты³⁹.

Конец учебного года ознаменовался повышенным интересом немецкой администрации к школам. В большинстве районов Ленинградской области, находившихся под ее контролем, прошли встречи учителей и отличившихся учеников с местными комендантами. Детям говорилось о том, что их главная задача состоит «в изучении опыта строительства Новой Германии. Этот опыт пригодится всем нам в строительстве Новой Европы, свободной от жидов и большевиков»⁴⁰.

Первый учебный год был во многом импровизационным как для немецкой, так и для советской стороны. Первые никак не могли предполагать, что война не закончится их победой осенью 1941 года, вторые же до начала боевых действий даже не предполагали саму возможность оккупации. Именно этим объясняется тот факт, что в школах, работавших в зоне партизанского контроля зимой 1941–1942 годов, использовались лишь довоенные материалы.

Отсутствие новых учебных программ компенсировалось коллаборационистами многочисленными методическими указаниями в оккупационной печати. С её страниц учителей призывали к «живой реакции на все происходящие события», как на занятой немцами территории, так и в советском тылу⁴¹. В феврале 1942 года, вскоре после опубликования в коллаборационистской «Правде», выходящей в Риге, статьи «Марина Цветаева не выдержала советской

жизни», по школам Пскова, Порхова, Дно прошли «уроки памяти повесившейся в Москве великой русской поэтессы»⁴².

Целенаправленная школьная политика оккупантов началась с весны 1942 года, когда план блицкрига был окончательно сорван Красной Армией. В этих условиях предполагалось организовать на базе школ своего рода нацистские пропагандистские пункты.

В сентябре 1942 года в Смоленске начали свою работу семилетние, так называемые «народные школы». Согласно немецким установкам, основная задача русской школы заключалась не в обучении школьников, не в овладении ими знаниями, а исключительно в воспитании дисциплины и послушания. Для достижения этого рекомендовалось использование телесных наказаний. Однако абсолютное большинство учителей всячески саботировало распоряжения немецкой администрации. Там, где это было возможно, сохранялась советская общеобразовательная программа (конечно, с некоторыми коррективами, например, введением Закона Божия). Заместитель бургомистра Б. В. Базилевский (агент советской разведки) после встречи учителей с представителем немецкой администрации доктором Цигастом, заявившем о допустимости и необходимости в школах телесных наказаний, предупредил педагогов о том, что при первой попытке ударить ученика они будут с позором уволены⁴³.

Роль связующего звена между русской и немецкой администрацией в сфере образования играл инспектор школ. В Смоленске на эту должность был назначен С. И. Блинов, который по мере сил старался ревностно проводить распоряжения германского отдела пропаганды. Он лично развешивал в школах портреты Гитлера, других вождей III Рейха и красно-белые полотнища со свастикой⁴⁴.

Рупором профашистских взглядов в вопросах воспитания молодежи стал журнал «Школа и воспитание», издававшийся в Смоленске профессором Д. П. Сошальским (судя по всему, звание «профессор» он присвоил себе сам, так как до войны являлся рядовым преподавателем латинского языка в одном из московских институтов)⁴⁵.

При школьных отделах окружных управ создавались методические комиссии из учителей города и села по корректированию программ и пересмотру учебников. Предполагалось, что они будут проводить работу «по очистке программ и учебников от всяческого коммунистического хлама и подбору более ценного материала»⁴⁶. Особое внимание обращалось на общественные дисциплины.

Объявлялось, что «на уроках обществоведения будет использован материал газет, брошюр, плакатов, из которых учащиеся узнают о прекрасной жизни народов Германии и вскроют ту жидо-большевистскую ложь, которой отравляли учащихся». Жизнь немцев после прихода Гитлера к власти изображалась как «вечный праздник истинно национального духа»⁴⁷.

Нападение на Советский Союз нацисты объясняли не только тем, что они «не в состоянии были больше терпеть демоническое варварство большевиков» по отношению к своему народу, но и стремлением принести в Россию европейскую культуру. В коллаборационистской прессе об этом писалось так: «Ещё не унялось зарево войны, ещё продолжается борьба с умирающим большевизмом, а германский народ, его вождь Адольф Гитлер уже позаботились о том, чтобы помочь нам приобщиться к подлинной культуре и современной науке»⁴⁸. Под «приобщением к культуре» захватчики понимали усиленное изучение немецкого языка и воспитание в русских детей чувства преклонения «перед великим германским народом, его победоносной армией и его вождём»⁴⁹.

Понимая роль народного учителя в воспитании подрастающего поколения, нацисты создали широкую сеть курсов по переподготовке педагогов, где с ними силами как штатных пропагандистов вермахта, так и различных представителей русской коллаборационистской администрации и средств массовой информации проводились специальные теоретические и практические занятия.

В Смоленске осенью 1941 года учителя не допускались к занятиям, пока они не прослушают обязательные лекции («Строительство германского государства», «Структура немецких школ», «Еврейский вопрос»)⁵⁰.

На педагогических конференциях и курсах переподготовки оккупанты всячески демонстрировали своё уважение к русской интеллигенции. Педагогов бесплатно размещали, кормили, обеспечивали их культурной программой, а также чисто пропагандистской продукцией: плакатами, фашистскими газетами, брошюрами и листовками⁵¹.

Курсы по переподготовке русских учителей действовали от одной недели до месяца. Так, на двухнедельных курсах в Смоленске во второй половине июля 1942 года присутствовало 84 учителя из города и 48 учителей из районов.

Основной задачей этих курсов, по замыслу их организаторов, было «сообщение учителям принципиальных установок, касающихся общих вопросов педагогики, в частности, вопроса о воспитании учащихся в духе строгой и разумной дисциплины, об установках методического характера, учитывающих те особые условия, в каких придется вести преподавание в новой школе, создаваемой, по существу, с начала, т. к. совершенно новыми являются учебные планы и программы новой школы»⁵².

На этих сборах учителя прослушивали как обязательные курсы, так и курсы по их выбору. К обязательным относились следующие:

1. Основные вопросы педагогики и задачи новой школы.
2. Задачи физического и художественного воспитания в школах.
3. Общие вопросы школьного дела.
4. Организация школьной работы в современных условиях.
5. Новая Европа под руководством Германии.
6. Новый порядок землепользования в освобожденных областях.

Специальными предметами считались методика преподавания отдельных учебных дисциплин, а также просмотр и критические разборки советских учебников по различным курсам. Последними продолжали пользоваться для преподавания. По окончании курсов учителям рекомендовалось создавать в своих учебных заведениях методические группы⁵³.

Учительские курсы в Орле функционировали на постоянной основе. Как заявлял бургомистр города Старов, переобучение должны были пройти все учителя города и округа. Одним из наиболее активных лекторов на них был главный редактор газеты «Речь» Михаил Октан. Если педагоги приезжали из близлежащих населенных пунктов, их размещали в общежитиях. Все слушатели обеспечивались при содействии немецкой комендатуры регулярным питанием. Лекции на этих курсах были рассчитаны на 10 дней и сопровождались показами кинофильмов. Методика преподавания конкретных учебных предметов здесь не рассматривалась. Учителей знакомили «с жизнью новой Германии, школами Германии, с проблемами организации Новой Европы и освобожденной России»⁵⁴.

Кроме курсов, учителей регулярно собирали на различные конференции и собрания. На них вместе с представителями отделов народного просвещения обычно присутствовали и немецкие офи-

церы, знающие русский язык. Преподавателей призывали к «плодотворной работе в деле обучения и воспитания молодого поколения, которое вместе с германским народом будет строить подлинно счастливую жизнь для всего человечества»⁵⁵.

Ожесточенной критике подвергалась советская школа, которая, по мнению коллаборационистов, готовила «совершенно безграмотных, грубых и некультурных людей»⁵⁶. После совещания педагоги получали памятку «Права и обязанности учителя в Новой России», книги, плакаты, журналы и просматривали пропагандистский кинофильм.

Основная цель таких мероприятий была не только в пропаганде идей национал-социализма среди учителей и их воспитанников, но и в активном привлечении их на свою сторону. Для этой цели при городских управах стали создаваться специальные отделы, занимающиеся только проблемами детей и молодёжи. Так в функции Орловского отдела воспитания культуры и просвещения в 1942 году входило следующее: «Образование и воспитание молодёжи, социальное обеспечение молодёжи, физкультура и спорт, область работы – воспитание и забота о молодёжи, охранение молодёжи, попечение сирот, организация детских домов и надзор за ними, спортивные площадки и площадки для игр, физкультура»⁵⁷.

Какими хотели видеть русских детей оккупанты, лучше всего даёт представление материал «Школьный праздник», опубликованный в Орловской газете «Речь» 29 июля 1942 года. В ней сообщалось о том, что 25 июля директором орловской начальной школы № 1 был устроен детский праздник, на котором присутствовал представитель германского командования генерал Гаманн, бургомистр Старов, заведомо просвещения г-н Ищенко и другие гости. «Праздник прошёл весьма оживлённо, – удовлетворенно сообщал автор статьи читателям. – Зал был украшен гирляндами и цветами. Под бодрящие звуки марша дети выстроились в зале, ожидая почётных гостей. Гости собрались точно к 3 часам дня. Под звуки оркестра гости направились в зал, где их радостно приветствовали поднятием руки (немецкое приветствие) дети, расположившиеся полукругом. Приятное впечатление производила передняя шеренга детей с букетами цветов в руках. Эта группа выделилась для приветствия г. генералу и другим гостям, проявившим большое внимание к школе».

Подчеркивая положительное отношение немцев к образовательному процессу в оккупированных областях России, статья отмечала,

что среди гостей дети видели и постоянных посетителей школы, с отеческой заботой относящихся к ним. «Гости заняли места. С приветственными словами на немецком языке выступала ученица 3-го класса Цыплакова. Держа огромный букет в руках, она передавала то, что чувствовали все дети: “Мы, ученики начальной школы № 1, – говорила она, – приветствуем германское командование и выражаем большую благодарность за открытие нашей школы, за постоянную заботу о нас. Мы обещаем быть достойными учениками новой школы”. Она очень трогательно поднесла букет генералу, который встал и пожал её тоненькую ручку. Её слова были переведены на русский язык ученицей 1-го класса А. Журавлёвой.

Генерал Гаманн, как самый почетный гость, встал и передал привет от главнокомандующего, выразил благодарность директору школы и всем учителям за проделанную работу, поблагодарил всех детей и особенно Цыплакову, ученицу 3-го класса “а” и Журавлёву, ученицу 1-го класса «а». Генерал говорил об открытии двух новых школ в г. Орле и просил всех детей передать своим товарищам об этом. Генерал пожелал детям хорошо отдохнуть, набраться сил для работы с 1-го сентября, а главное, быть всегда послушными и дисциплинированными.

После того все дети начали подносить букеты присутствующим гостям. Вступительная часть окончена, дети вернулись в ряды своих классов, и перед гостями выступили шеренги мальчиков 3–4 классов, которые чётко, под музыку выполнили вольные упражнения. Появляются девочки 1-го класса в сарафанчиках и косынках, а часть одета бабочками и стрекозами. Они пляшут и поют народную песню “Как у наших у ворот”. Легко разлетаются бабочки и стрекозы под польку Штрауса и выполняют танец бабочек. По окончании строем идут на свои места, на середину же выбегают мальчики 1–2 классов с пляской и песней “Земелюшка-чернозём”. Эту группу ребятишек сменила группа мальчиков того же класса, которые очень удачно в костюмах моряков выполнили народный танец “Яблочко”.

Занимательно было смотреть, писал педагог, на пляшущих и поющих детей, на быстроту движения ног, рук и грациозность плавных движений. Вот в белых платьях появились среди зала девочки 2-го класса, которые танцуют и поют “На горе, горе петухи поют”, а потом очень грациозно выполняют танец лебедей под музыку Бетховена. Девочки, ученицы 3-го класса, в украинских костюмах задорно поют “Калинка-малинка” и пляшут. Пляска растёт и

переходит без слов в украинский гопак. Как хороши и пластичны были в своих движениях девочки 4-х классов, которые создавали красивые фигуры с гирляндами в руках под музыку Тома из оперы “Раймонда”».

Но, конечно, это мероприятие, в котором принимали участие дети 7–10 лет, не должно было показывать любовь учащихся к русской, украинской и даже немецкой культуре. Преклонение перед идеями национал-социализма – такой была основная цель этого, на первый взгляд, безобидного мероприятия: «Утренник заканчивается построением фигур. Одна из них является немецкой эмблемой. Всё затихает на миг. Ученица 4-го класса Александрова выступает со словами: “Сегодня нам было очень весело. Большое спасибо за устроенный праздник”.

Гости направились в учительскую, а дети становились парами и непрерывным потоком шли в столовую, где их ждал вкусный обед из 3-х блюд. Представители германского командования и здесь наблюдали за детьми, угощали их сладостями. Глазки детей сверкали. Слегка утомлённые, но зато сытые и довольные, они расходились по домам. Недостаток помещения помешал директору пригласить родителей, но ученики новой школы покажут свои достижения и родителям, для которых будет устроен праздник 31 июля.

Каждый родитель увидит, как организованно веселятся дети в новой школе. Они увидят большой труд, большую заботу о детях, которые проявили директор, учительство начальной школы, работая непрерывно под руководством германского командования и местного самоуправления»⁵⁸.

Данный материал, подписанный директором начальной школы № 1 Домовой, был разослан по редакциям большинства коллаборационистских газет центральной России. Его рекомендовалось опубликовать как пример образцового функционирования «новой русской национальной школы под чутким контролем германского командования»⁵⁹.

В большинстве общеобразовательных школ занятия возобновились с октября 1942 года. Непосредственной подготовкой к учебному процессу занималась коллаборационистская русская администрация. Она готовила здания, запасала дрова, обеспечивала пайком учителей⁶⁰. Но все вопросы по открытию новых школ и даже количеству учащихся в них нужно было согласовывать с немецкой комендатурой. Так, военный комендант Орла генерал

Гаманн требовал ежемесячные отчеты от отдела народного образования со следующей информацией:

- 1) Количество открытых школ с разрешением на 4-х классные школы, 7-летки, специальные школы, техникумы.
- 2) Количество восстановленных, но не открытых школ с указанием причины.
- 3) Число учителей.
- 4) Общее количество школьников.
- 5) Число детей школьного возраста, которые не посещают школы⁶¹.

Особое внимание уделялось школьникам старших классов, в которых видели потенциальные кадры для отправки на работы в Германию.

Обучение в начальных школах по-прежнему оставалось бесплатным, на это в нацистской пропаганде постоянно обращалось внимание, хотя появились и частные школы для местной новоявленной «элиты» (например, в Дно) с углублённым изучением правил хорошего тона, немецкого языка и немецкой культуры⁶².

Немецкий язык занимал особое место в учебном процессе. Некоторые нацистские партийные руководители на начальном этапе войны были категорически против его распространения среди населения России. Бытовало мнение, что для унтерменшей, как для скота, достаточно знать несколько десятков приказов, которые им будут отдаваться, как собакам, германскими хозяевами.

После поражения немецких войск под Москвой и срыва плана молниеносной войны особую важность приобрел фактор стабильности в тылу вермахта. В этих условиях, когда решение многих острых проблем было переложено на коллаборационистов, возникла значительная потребность в людях, хорошо владеющих немецким языком. При школах стали открываться различные курсы по его изучению. Населению объявлялось о том, что «великий германский народ протянул свою братскую руку, и мы, не медля ни одной минуты, должны приобщиться к подлинной современной западной культуре, восприняв от германского народа его аккуратность, чёткость и организованность в работе»⁶³. Для большинства руководителей различных коллаборационистских служб посещение таких курсов при слабом знании или незнании ими немецкого языка было обязательным. В школах немецкий язык стал одним из основных предметов. Так в

орловских средних учебных заведениях его изучали со второго класса до выпускного, седьмого, 4–5 часов в неделю.

Одним из направлений нацистской оккупационной политики было «Взятие под контроль свидетельств германо-немецкого влияния на культуры местных народов и выявление элементов индо-германского происхождения в духе того или иного народа»⁶⁴. На Северо-Западе России, на территории, которая должна была войти в состав III Рейха, немецкие чиновники оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг» опрашивали всех русских учителей, что они знают о наличии в их местности «германских следов». В конечном счете это привело к крупномасштабным археологическим раскопкам. Летом 1942 года под руководством немецких властей в местечке Над-Белье производились раскопки сопки под видом изучения исторических данных этой местности. На самом деле учительница Торковичской школы, Оредежского района Е. С. Булыго рассказала немцам, что в летописях упоминается о похоронах в этой местности князя Рюрика в золотом гробу. Раскопки, которые, естественно, никаких результатов не дали, продолжались свыше двух месяцев⁶⁵.

На 1942–1943 учебный год немцами были утверждены следующие праздники и каникулы для русских школьников: 24 декабря – 9 января – зимние каникулы; 19 января – Крещение; 15 февраля – Сретенье; 7 апреля – Благовещение; 20 апреля – день рождения Вождя; 22–27 апреля – Пасха; 1 мая – национальный праздник; 3 июня – Вознесение; 12–15 июня – Троица. Учебный год должен был заканчиваться 31 июля, а начинаться 4 октября⁶⁶.

Но даже и во время отдыха школьники должны были подвергаться определенной идеологической обработке. В дни каникул все учителя обязывались один или два раза в неделю в организованном порядке посетить с учениками ближайшую церковь. В дни каникул предполагалось проводить с учащимися «не только прогулки по окрестностям своей школы и всевозможные игры на свежем воздухе и в классном помещении, но и политические беседы о характере современной войны цивилизованного мира против жидобольшевизма»⁶⁷.

Во всех школах обязательно вывешивались портреты Адольфа Гитлера. Занятия начинались с «благодарственного слова фюреру Великогермании»⁶⁸. Все учебники были заменены. На Северо-Западе России для учеников 1–4 классов за основу брались учебные

пособия, изданные в Риге на русском языке в начале тридцатых годов. Те, в свою очередь, во многом являлись перепечатками с дореволюционных изданий, особенно «Родное слово» для первого класса.

Элементы фашистской пропаганды возрастали по мере взросления учеников. В первом классе это были портрет фюрера и статья «Гитлер и дети». Кроме этого, Домом просветителей рекомендовалось перед Рождеством проводить утренник для детей 5–8 лет «Как детей чекист советский чудной ёлочки лишил, но затем солдат немецкий детям ёлку возвратил» (где в роли бабы-яги выступал работник НКВД)⁶⁹.

В учебнике для второго класса не было ни одного упоминания о Германии или национал-социализме. Учащимся предоставлялась возможность знакомиться с русскими народными сказками, произведениями А. Ахматовой, В. Бианки, А. Блока, А. П. Чехова, К. Чуковского и др. Основная тематика книги – ребёнок в семье, необходимость трудиться, красота природы, любовь к родному краю⁷⁰.

К третьему классу разница между «старыми» и «новыми» учебниками становилась все более заметной. Доминантой в использовании текстов русских писателей стало их отношение к Германии, к её культуре, искусству, политическим деятелям. Именно этому посвящались отрывки из Д. Мережковского, И. Шмелёва, В. Ключевского. Появились заметки о героях национал-социалистического движения – Шлагеттере, Хорсте Весселе, юных гитлеровцах.

Учебник для четвёртого класса был разбит по авторам (А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Тургенев, Н. Гоголь и др.) Он включал в себя рассказы о великих русских людях – Ломоносове, Репине, Глинке. По объёму учебник был несколько меньше предыдущего. Это можно объяснить заранее подготовленными программами, по которым ученикам 4–7 классов рекомендовалось знакомиться со специальной литературой. С пятого класса на неё отводились отдельные часы. Можно выделить три основных направления этих занятий – юдофобское, национал-социалистическое и антисоветское.

Уже на основе пособия для четвёртого класса у учеников складывалось впечатление, что все более или менее известные русские деятели науки, искусства и литературы были антисемитами и германофилами (в их числе были и здравствовавшие тогда Валентин Катаев, Михаил Шолохов и Михаил Зощенко).

Главное методическое указание сводилось к разъяснению учащимся всех классов, «кто является первым другом и злейшим врагом русского народа».

Биографии Адольфа Гитлера и истории национал-социализма посвятила страницы своей книги «Рассказы о германском вожде» Иоганна Гаарер. В ней подробно описывалась «жизнь и борьба честного и трудолюбивого народа», деяния «совести нации – национал-социалистов». Всё негативное связывалось с «носатými людьми с пейсами, картаво и с ошибками говорящими по-немецки»⁷¹.

Следующим этапом, рассчитанным на учеников 6–7 классов, было ознакомление с «Протоколами сионских мудрецов» и книгой А. Мельского «У истоков великой ненависти (очерки по еврейскому вопросу)». По ним каждый учащийся должен был подготовить доклад. Наиболее распространёнными являлись темы: «Великий обман “отечественной войны”», «Еврейское засилье в современном мире», «Германский бунт и ответ мирового еврейства»⁷². Поощрялось выступление учеников перед представителями как русской, так и немецкой администрации.

Летом 1943 года специально подготовленные учащиеся старших классов выступали перед земляками с лекцией на тему «Два года без большевиков вместе с германским народом строим новую Россию». В обязательном порядке при этом осуществлялась читка сводок верховного главнокомандования германской армии и обращение так называемого «Комитета народной помощи». Последний призывал русское население добровольно сдавать продовольствие и одежду для «могучей нарождающейся антибольшевистской силы – солдат Русской Освободительной Армии»⁷³.

Важное место в воспитании подрастающего поколения в духе «Новой Европы» занимало изучение истории России после 1917 года с антисоветских и антисемитских позиций. На уроках устраивались читка и обсуждение книг П. Краснова «Понять – простить», сборников «Россия на Голгофе», «В подвалах ГПУ». Все эти печатные издания подвергали ожесточеннейшей критике все действия и мероприятия со стороны советской власти и Коммунистической партии. Бездумному и бездуховному космополитическому жидобольшевизму противопоставлялся истинно народный «немецкий национальный социализм».

Летом 1943 года оккупантами было объявлено, что в районах, где для этого есть предпосылки, в городах будут открыты 8–10

классы. В Брянске для этого приступила к работе специальная комиссия. На нее возлагалась задача очистить программы и учебники от «всяческого коммунистического хлама» и подобрать более ценный материал. Учащимся и их родителям объявлялось, что «в следующем учебном году в курс преподавания войдут география, история, естествознание, обществоведение. На уроках обществоведения будут использованы материалы книг, газет, брошюр, плакатов, из которых учащиеся узнают о прекрасной жизни народов Германии и вскроют ту жидо-большевистскую ложь, которой отравляли учащихся»⁷⁴.

Но разговоры о полных средних школах и о гимназиях во многом являлись очередной пропагандистской уловкой нацистов. На страницах коллаборационистской прессы публиковались материалы, доказывающие, что ни один честный русский юноша или девушка не сядут за парту в «тяжелое для своей Родины время». В этих условиях общеобразовательные школы, якобы по требованию самих учащихся, предлагалось заменить на сельскохозяйственные и ремесленные⁷⁵.

Что касается высших учебных заведений, то их на оккупированной территории России практически не было. Единственным исключением являлось открытие в октябре 1942 года по инициативе Б. В. Базилевского в Смоленске учительской семинарии. Обучавшиеся там студенты не подлежали отправке в Германию.

Гораздо более сложная ситуация сложилась на Северном Кавказе в период нацистской оккупации летом-осенью 1942 года. Значительная часть профессоров и доцентов высших учебных заведений Ленинграда была эвакуирована в марте 1942 года на северокавказские курорты: Кисловодск, Ессентуки и Пятигорск. Всего в этот регион было эвакуировано 150 преподавателей и около 500 студентов. Здесь они должны были пройти реабилитацию после страшной блокадной зимы 1941–1942 годов. Многие оказавшиеся под немецкой оккупацией ученые являлись крупными специалистами в различных отраслях знаний, в том числе и в имеющих оборонное значение. Поэтому из Берлина была специально прислана комиссия по использованию их потенциала в интересах рейха. Но использовать их предполагалось не как преподавателей высшей школы, а именно как специалистов в различных военных и оборонных отраслях знаний.

В сентябре 1942 года в Ставрополе был открыт сельскохозяйственный институт, директором которого стал профессор Флоренс. В октябре начались занятия со студентами. Институт даже выпускал свою собственную газету, которую редактировал профессор С. А. Арамян. Преподаватели получали оклады и продовольственные карточки по высшей из возможных категорий. Подобное расположение оккупантов к данному учебному заведению можно объяснить тем, что его преподаватели, оперативно выполняя заказ тыловых служб вермахта, издали книгу «Краткое руководство по сельскому хозяйству Северного Кавказа», а также подготовили различные рекомендации по более эффективному использованию сельскохозяйственного потенциала этого региона⁷⁶.

Но несмотря ни на что, на страницах русскоязычной коллаборационистской прессы регулярно появлялись материалы о расцвете университетов и институтов в «Новой Европе». В газете «Речь» прошла серия статей об Одесском университете. При этом ничего не писалось о том, что он находился в румынской зоне оккупации, в так называемом генерал-губернаторстве «Транснистрия» и считался в Бухаресте румынским учебным заведением. «Успехи» высшей школы на Украине (в частности, в Житомирском сельскохозяйственном институте) объяснялись «изгнанием из числа преподавателей большевистских и еврейских элементов, которые раньше составляли абсолютное большинство в вузах»⁷⁷.

В условиях, когда немецкие войска стали терпеть систематические поражения на фронтах, а советское сопротивление все чаще использовало в своих листовках имена выдающихся деятелей русской истории: Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I и Суворова, нацистские оккупационные власти приняли решение о запрещении уроков истории в учебных заведениях. Они заменялись «уроками текущих событий». Директоров школ ставили в известность, что «преподавание истории надо прекратить, так как для этого предмета в настоящее время не существуют материальные и духовные предпосылки». «Уроки текущих событий» назывались полноценным предметом. Его преподавание должно было проводиться не менее двух раз в неделю в 5–8 классах. «Уроки текущих событий» проводились по плану, выработанному немецкими пропагандистскими службами. Для подготовки предполагалось использовать различную коллаборационистскую прессу. Объявлялось, что все учителя истории в обязательном порядке должны

будут пройти специальные курсы при «политической школе», где они получат специальные брошюры и книги. В библиотечку учителя-пропагандиста входили следующие издания: «Что такое национал-социализм», «Евреи и большевизм», «Является ли эта война отечественной для народов России», «Каторжный социализм», «Почему я враг советской власти», «К новой жизни», «Как сталинская шайка угнетала народ», «Что будет после войны», «Кто такой Адольф Гитлер», «Адольф Гитлер и дети», «Адольф Гитлер и трудящиеся», «Сталин говорит», «Всем женщинам и девушкам», «Мы побывали в гостях у германских крестьян», «Галя Заславская едет на работу в Германию», «Привет из Германии», «Война и новый порядок», «Крестьянский календарь на 1943 года»⁷⁸.

Тесное сотрудничество с оккупантами называлось «предпосылкой успешного преподавания этого предмета». Оно являлось обязательным для преподавателей. По «урокам текущих событий» предполагалось проводить устные и письменные испытания.

Темы уроков текущих событий сводились к следующей проблематике:

1. Настоящая война: причины этой войны, военные цели большевизма, Англии, США с одной – и держав Оси: Германии, Италии, с другой стороны. Значение этой войны для Европы и, в частности, для России.

2. Большевистское учение: материализм, атеизм, интернационализм, коммунизм, коллективизм. Учение о классовой борьбе. Карл Маркс.

3. Национал-социалистическое учение: национальная и социальная формы жизни, связанные с прошлым, с верой и религией народа. Общее благо перед частным благом. Частная собственность, частная инициатива. Принцип фюрера (вождя) и принцип ответственности.

4. Большевистская революция 1917 года: ход событий и правильное изложение событий. Не героическая освободительная борьба, а ужасное, небывалое в истории человечества кровопролитие. Уничтожение лучших слоёв населения, ликвидация классов, проповедь ненависти, гражданская война.

5. Национал-социалистическая революция 1933 года: ход событий, бескровный переход власти в руки национал-социалистической партии, устранение классовых противоречий, объединение народа и

устранение безработицы, установление порядка и восстановительная работа.

6. Большевиcтские вожди. Характеристика вождей: Ленин, Сталин, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев и др. Их национальное происхождение. Еврейский вопрос. Евреи до 1917 года, в 1917 году и при советской власти. Евреи в истории.

7. Национал-социалистические вожди. Адольф Гитлер как рабочий, солдат, художник и государственный деятель. Альфред Розенберг – биография, его борьба против еврейства и большевизма – министр восточных областей. Константин Гирдт и трудовая повинность – воспитательная школа народа. Фридрих Заукель – иностранные рабочие в Германии. Сотрудничество народов Европы.

8. Большевиcтская действительность. СССР – положение крестьян, разделение на 4 класса: батраки, бедняки, середняки, кулаки. Уничтожение кулаков как класса. Рабочие – стахановское движение, концентрационные лагеря. НКВД-ЧК-ГПУ. 1937 год. Голодовка в 1921–22 и в 1932–33 годах. Подготовка к войне. На той стороне советского фронта.

9. Национал-социалистическая действительность (Новая Германия) – крестьянство, рабочие (трудовой фронт), молодёжь, партия, народное движение. Картины из Германии.

10. Является ли эта война Отечественной для народов России.

Каждую из этих десяти тем нужно было проработать в течение двух уроков. На третьем уроке, куда обычно приглашался сотрудник отдела пропаганды, разбирались вопросы учащихся. После этого учитель резюмировал содержание пройденного материала. Завершалось изучение каждой темы написанием письменной работы⁷⁹.

1942–1943 учебный год на оккупированной территории убедительно показал, какое внимание уделяли захватчики моральному разложению подрастающего поколения в духе фашистской идеологии. Их работа до какой-то степени облегчалась тем, что антинацистские силы не могли противопоставить им какие-либо акции в данной сфере, особенно в городах и крупных населённых пунктах.

В мае 1943 года большая группа учителей из Смоленской и Орловской областей отправилась на ознакомительную экскурсию в Германию. Ее возглавил сотрудник смоленского отдела пропаганды по работе со школами доктор Цигаcт. Кроме посещения школ в городах Йена, Эрфурт, Вартбург, Зальцбург, для педагогов было организовано посещение Расового института в Веймаре. Профессо-

ра этого «научного» центра прочитали лекции о расовой теории и необходимости борьбы с мировым еврейством⁸⁰. О том, что славяне являются «недочеловеками», во время этих встреч ничего сказано не было. Сотрудники отдела пропаганды внимательно следили за тем, чтобы никому из экскурсантов не попал в руки журнал «Унтерменш», издававшийся при содействии данного института.

В условиях провала плана молниеносной войны резко осложнилось положение немецкой экономики. Насильственное использование населения оккупированных районов на работах в Германии способствовало активизации антифашистского сопротивления. Для того чтобы нейтрализовать его, нацисты попробовали через школьную сеть организовать пункты вербовки. Русских юношей и девушек 14–16-летнего возраста информировали о том, что им предоставлена широкая возможность поехать в Германию для поступления в ремесленные училища, где они могут получить специальность по их желанию⁸¹.

Директоров школ, средних и неполных средних, обязывали взять на учёт всю молодёжь указанного возраста, проживающую на территории той или иной школы, с указанием специальности, желающую поехать в Германию. Сведения предоставлялись районному инспектору народного просвещения, который, в свою очередь, докладывал эти сведения дальше по инстанции⁸².

Пропагандистская работа среди юношей и девушек, возложенная на учителей, должна была вестись по следующим направлениям:

1. В Германии русская молодёжь сможет получить любую специальность по желанию.

2. Своей честной работой она будет защищать не только интересы германского государства, но и интересы населения «освобождённых областей России» и таким образом ускорит окончание войны.

3. Хорошо организованный труд, хорошее питание, культурное жилище, весёлый отдых – вот условия работы и жизни в Германии.

4. Каждый юноша, каждая девушка, побывав в Германии, получают практическое знакомство с порядками и культурой страны, узнают подлинную заботу о человеке, увидят настоящее искусство, воочию убедятся в правдивом социализме, приобретут ценный и полезный опыт в деле строительства новой жизни, в деле формирования нового общества.

5. Каждый русский, вернувшись из Германии, сможет проявить на практике полученные им знания, навыки и способности.

6. Вербовка русской молодёжи в Германию заложит крепкий фундамент в деле восстановления русской промышленности, торговли, ремёсел и сельского хозяйства. Вербовка русской молодёжи в Германию внесет новый вклад в русскую культуру, в русский быт⁸³.

С середины 1943 года на учительских курсах немаловажное место стала занимать пропаганда идей Русской освободительной армии. Главной задачей, стоящей перед оккупантами и «новой русской администрацией», являлось вовлечение молодых людей в различные коллаборационистские формирования. В первую очередь это была работа в полиции и служба в рядах РОА.

Кроме вербовки добровольцев в вооруженные коллаборационистские формирования, учителя по требованию бургомистров и старост должны были сдать определенное количество книг для того, чтобы «помочь членам РОА лучшим образом использовать свои свободные часы и минуты»⁸⁴.

Представители советского сопротивления, воспользовавшись этим, клеивали в эти книги различные антифашистские листовки и воззвания, адресованные власовцам.

Воздействовать на подрастающее поколение нацисты пытались по-разному: через средства массовой информации, штатных пропагандистов и подпольную агентуру. Не ограничиваясь этим, оккупанты систематически стали устраивать для молодёжи гулянки. Все они обязательно предварялись выступлениями агитаторов, которые призывали юношей вступать в отряды самообороны, организуемые против партизан, а также в ряды Русской освободительной армии генерала Власова⁸⁵.

Летом 1943 года в период массового создания структур РОА на местах власовцами была предпринята попытка использования в своих целях групп из учителей и учеников. Было заявлено, что «воспитывать детей в национальном духе, в новой великой России – есть первейшая задача учительства»⁸⁶. Младших школьников привлекали для выступления перед гражданским населением с антисоветскими рассказами, частушками, песнями, стихами. Из старших учеников и учителей вербовали слушателей школ пропагандистов. Перед началом массовой депортации мирного населения из прифронтовой зоны осенью 1943 года все они были вывезены в Прибалтику и Германию.

Полагая, что молодые люди больше всего доверяют своим ровесникам, власовцы начали активную вербовку в «молодёжные школы». В них принимались юноши и девушки 16–20 лет. Кроме общепропагандистских задач, данные «образовательные учреждения» занимались подготовкой вербовщиков в Русскую освободительную армию. Им читались лекции по методике вербовки, о воспитании молодёжи в Германии, о задачах РОА и о роли пропаганды среди советского гражданского населения, находящегося в тылу у немцев⁸⁷.

Во время учёбы в школе курсанты по заданию немцев ходили на железнодорожные станции к эвакуируемым. Посещали лагерь военнопленных (для этого им выдавался специальный пропуск) и организовывали встречи с молодёжью. В ходе этих мероприятий распространялись газеты: «Доброволец», «Заря», журнал «Блокнот солдата РОА», прокламации с выступлениями генерала Власова и о нём. Основной целью, которая ставилась перед курсантами фашистским руководством, было вовлечение в РОА добровольцев и обеспечение очередного набора в пропагандистские школы⁸⁸.

К 1944 году практически вся территория РСФСР была очищена от немецко-фашистских захватчиков. Но тысячи мирных жителей нацисты смогли насильственно эвакуировать в свой тыл. Германское командование приняло решение использовать учителей в качестве «лагерфюреров». Предполагалось, что они будут исполнять роль уполномоченных министерства по делам Восточных территорий в рабочих лагерях и лагерях военнопленных. На них возлагались обязанности посредников между администрацией промышленного предприятия и находящегося при нем рабочего лагеря. В то же время они являлись и штатными пропагандистами. На специальных двухнедельных курсах по подготовке «лагерфюреров» заслушивались следующие курсы:

1. Государственное устройство Германии.
2. Еврейский вопрос.
3. О психологии немцев.
4. Организация беседы с русскими военнопленными.
5. Организация беседы с лицами, находящимися в рабочих лагерях.
6. Немецкий язык.

По окончании занятий всем курсантам выдавалось удостоверение⁸⁹.

Быстро меняющееся положение на фронтах Великой Отечественной войны, успешное продвижение Красной Армии вынуждало фашистов отказываться от какой-либо политики заигрывания с мирным населением. Насильственные мобилизации, выселение и физическое уничтожение затронули многих учителей. Жестокость по отношению к ним не была случайной. Значительные затраты оккупантов не оправдались. Несмотря на усиленную пропагандистскую работу, тщательно подготовленные планы гитлеровцев по отношению к русской интеллигенции не принесли желаемых для них результатов.

Активизация боевой деятельности партизан и подпольщиков позволила им осуществить более дифференцированный подход к пропагандистским акциям. Появились листовки, обращённые конкретно к учительству. В них говорилось о том, что «гитлеровцы пытаются вытравить из сознания нашего народа всё русское, опустошают его душу, заливают ядом фашистской пропаганды наших детей...»⁹⁰

Можно сделать вывод, что в молодежи нацисты видели одновременно и своих потенциальных союзников, и наиболее опасную силу для своего режима. С одной стороны захватчики понимали, что люди, выросшие в России после 1917 года, испытали на себе сильнейшее влияние советской пропаганды. Но при этом сотрудники ведомства Геббельса надеялись, что после определенной идеологической обработки из подрастающего поколения на оккупированной территории удастся подготовить покорных проводников «новых порядков». Именно поэтому все образовательные учреждения находились под жестким контролем различных нацистских оккупационных служб.

В условиях перелома в ходе боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны в пользу Советского Союза, во второй половине 1943 г., власовцы также попытались использовать в своих целях учителей и учеников русских школ.

Лишь незначительная часть педагогов и их воспитанников встала на путь предательства. Это объясняется не только победой Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны и, как следствие этого, ещё большей степенью воздействия советской пропаганды, но и безусловным недоверием русского населения к политике оккупантов в сфере народного образования, хотя на протяжении всей своей деятельности коллаборационисты утверждали обратное⁹¹.

Детский коллаборационизм в условиях нацистской оккупации мог проявляться в нескольких формах: участие в разведывательных и военных структурах нацистской Германии и ее союзников; оказание гитлеровцам каких-либо услуг бытового плана; обучение в школе с дальнейшей работой пропагандистом. В первом и последнем случаях после освобождения этой территории советскими войсками подростки могли привлекаться к уголовной ответственности.

Примечания

- ¹ **Трайнин, А.** Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская. М., 1944. С. 15.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2: Начало. 1 сентября – 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 18.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ АУФСБПО. Д. 100. Л. 58.
- ¹⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 141.
- ¹¹ Там же. С. 142.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 238.
- ¹⁴ Там же. С. 253.
- ¹⁵ Там же. С. 527.
- ¹⁶ **Губернаторов, Н. В.** «Смерш» против «Буссарда». М., 2005. С. 6–7.
- ¹⁷ Там же. С. 98–99.
- ¹⁸ Там же. С. 102–103.
- ¹⁹ Там же. С. 15.
- ²⁰ Там же. С. 16.
- ²¹ Говорят дети войны. Орел. 2005. С. 27.
- ²² Там же. С. 105.
- ²³ **Линна, В.** Неизвестный солдат. М., 1991. С. 76.
- ²⁴ Говорят дети войны. С. 53.
- ²⁵ Псков. История в фотографиях 20–50-гг. XX века. Псков, 2004. С. 73.
- ²⁶ Говорят дети войны. С. 107.
- ²⁷ Новый путь, 1942. 14 августа.
- ²⁸ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139. Л. 62.
- ²⁹ АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 13.
- ³⁰ АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 38.
- ³¹ **Пикер, Г.** Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 198–199.
- ³² ГАБО. Ф. 2608. Оп 1. Д. 14. Л. 192.
- ³³ **Беликов, Г.** Оккупация. С. 104.
- ³⁴ ГАОО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
- ³⁵ ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 681. Л. 1.

- 36 ГАНО. Ф. Р-808. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.
37 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.
38 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 20.
39 Там же. Д. 1/7256. Л. 90.
40 Там же. Л. 64.
41 АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 37.
42 Там же. Л. 39.
43 АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 16 об.
44 Там же. Л. 17.
45 АУФСБСО. Д. 9856-С. Л. 17.
46 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
47 Там же.
48 Там же. Д. 6. Л. 9.
49 Там же.
50 АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 14 об.
51 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
52 Новый путь. 1942. 13 августа.
53 Там же.
54 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 109.
55 Там же. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
56 Там же.
57 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
58 Речь. 1942. 29 июля.
59 ГАОО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
60 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 7.
61 ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.
62 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 131. Л. 13.
63 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
64 Картоотека «Z» оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942). С. 18.
65 СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 1464. Л. 115.
66 ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
67 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 192.
68 АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.
69 Там же. Л. 190.
70 См.: ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 668.
71 См.: ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1301.
72 АУФСБНО. Д. 1/3986. Л. 168.
73 Там же. Л. 176.
74 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.
75 СРАФ УФСБСПБЛО. Д. 43-508. Л. 78.
76 Ставропольское слово. 1942. 8 ноября.
77 Речь. 1942. 3 апреля.
78 ГАОО. Ф. 345. Оп. 1. Д. 15. Л. 15.
79 Там же. Л. 16.
80 АУФСБСО. Д. 27112-С. Л. 13 об.
81 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
82 Там же.
83 Там же. Л. 59.

- 84 ГАОО. Ф. Р-345. Оп. 1. Д. 32. Л. 46.
85 ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 191. Л. 36.
86 АУФСБНО. Д. 1/7256. Л. 212.
87 Там же. Д. 1/7276. Л. 35.
88 Там же. Д. 1/7271. Л. 3.
89 АУФСБСО. Д. 27112. Л. 15.
90 ЦГЛИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 1223. Л. 54.
91 ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 136. Л. 88.

Половой коллораборационизм

В 1924 году, отбывая пятилетнее заключение (фактически он провёл за решеткой всего 8 месяцев. – Б. К.) в крепости Ландсберг за участие в «пивном путче», Адольф Гитлер писал свой основной труд, которому предстояло стать библией национал-социализма – «Mein Kampf». Рассматривая вопросы брака и семьи, он утверждал следующее: «Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предается этим грехам, обречена...

...Необходимо понять, что брак не является самоцелью, что он должен служить более высокой цели: размножению и сохранению вида и расы. Только в этом заключается действительный смысл брака. Только в этом его великая задача»¹. Однако вступать в брак и иметь потомство, по мнению национал-социалистов, могли только представители высшей расы.

В 30-е годы XX века в Советском Союзе был очень популярен фильм «Богатая невеста», где звучала песня «И звонкой песнею пускай прославятся среди героев ваши имена!» Советская пропаганда создавала образ женщины-патриотки, беззаветно преданной своей Родине, готовой на все ради совершения трудового и военного подвига. Простые человеческие взаимоотношения представлялись обидными, мещанскими и даже не вполне приличными. На большой экран не был выпущен перед самой войной фильм «Сердца четы-

рех». Он показался руководству СССР слишком фривольным и распущенным.

Любая, даже маленькая ошибка противника – благо для противоборствующей стороны. И гитлеровская пропаганда в первые месяцы воспользовалась ею. В статье «Русская женщина – мученица и героиня», адресованной населению оккупированной территории, писалось следующее: «Что же происходило в семейном быту советской семьи? Какие изменения внесла в неё советская жизнь? Под влиянием грубой, жестокой действительности исчезала романтика любви, романтика семейной жизни.

Женщина на практике пресловутого советского равноправия должна была выполнять тяжёлую мужскую работу на производстве, нести всевозможные общественные нагрузки и, кроме того, какую-то часть времени отдавать семье и домашнему хозяйству. При отсутствии бытовых хозяйственных приспособлений и технического оборудования одна домашняя работа становилась тяжёлой и неблагоприятной задачей.

Октябрьская революция и советская власть не выполнили своего торжественного обещания перед русской женщиной. Они не раскрепостили, а ещё больше закрепили её. И всё-таки советская женщина бескорыстно жертвовала временем, своей молодостью, своими нарядами, чтобы поддержать семью и своих детей, чтобы поставить последних на ноги².

Немецкий пропагандист с пафосом писал о том, что «тяжела была доля фабричной работницы – этой дешёвой рабочей силы, призванной стахановскими темпами выполнять пятилетние планы – гигантские планы милитаризации страны. Жизнь её становилась всё срее и безрадостнее.

Ещё безрадостнее была жизнь и ещё тяжелее была доля советской женщины-крестьянки, вынужденной от зари до зари выколачивать на колхозной барщине трудодни. Мужественные женщины «раскулаченных» семей переносили невероятные страдания и пили чашу горя до дна.

Тяжела была доля великой мученицы – русской женщины. Но вот пришла спровоцированная большевиками война. Начались новые страдания, усугубились лишения, нужда и голод встали у самого порога. Жена, потерявшая своего мужа в застенках НКВД, провожала на бессмысленную войну своего единственного сына. Сестра сосланного в Сибирь инженера отдавала Молоху войны своего млад-

шего брата. Мать раскулаченной семьи оплакивала гибель на фронте своих сыновей. Невыразимое горе широкой волной залило семьи советских женщин»³.

Далее автор гневно отмечал тот факт, что: «Конечно, в семье не без уroda. В Советском Союзе мы встретим женщин, пошедших ради лёгкой жизни и нарядов на содержание к крупным чиновникам, или женщин, которые, пользуясь лёгкостью развода, выходят замуж в четвёртый или пятый раз. Встретим развязных, грубых женщин, ставших агентами НКВД, привыкших к своим мужским профессиям, утративших свою женственность. Некоторые прошли даже школы диверсии и шпионажа, стали парашютистками и находятся в бандах так называемых “партизан”. Нет ничего печальнее на свете грубости и распущенности женщины, потерявшей женский облик и подобие».

Выход из всего этого напрашивался один: «Настоящая русская женщина, безропотно несущая все тяготы и унижения, является гордостью и украшением русского народа. Мы преклоняемся перед тайной мужества русской женщины, сумевшей сохранить себя чистой и незапятнанной в этот век грубого материалистического расчёта и незаслуженных страданий, выпавших на её долю.

Мы зовём её, и она должна идти на совместную борьбу против общего зла, против общего врага, раздирающего нашу несчастную, многострадальную Родину».

В условиях начавшихся боевых действий против Советского Союза нацистская пропаганда стремилась внушить мирному населению России, что немецкий солдат несет им не только «освобождение от проклятого ига жидо-большевизма», но и является защитником «исконных русских ценностей, к которым, в первую очередь, относится семья»⁴.

Критикуя семейные устои в СССР в предвоенные годы, оккупационная пресса писала: «Что происходило в Советском Союзе? Вырастало поколение, развращенное с малых лет, привыкшее с пеленок к шпионажу и лишенное всего святого. Недаром идеалом советского молодого поколения был гнусный и омерзительный тип – пионер Павлик Морозов, донесший на родного отца»⁵.

Населению оккупированных областей России внушалось, что «иудо-большевистским властям были на руку такие развращенные семьи: управлять павликами морозовыми было несравненно легче, чем сильными духом крепкими людьми, выросшими в твердых семейных правилах и устоях. Ликвидируя духовное сословие и

разрушая крестьянство, большевики уничтожали тем самым биологическую крепость народа»⁶.

В условиях ведения активной антисемитской пропаганды выдвигался тезис о том, что «одновременно с разрушением русской семьи в Советском Союзе происходило невероятное укрепление еврейских семей. Очень часто евреи женились на русских девушках, а еврейки выходили замуж за русских, но дети, рожденные от этих смешанных браков, не только не были русскими по духу и по культуре, но, наоборот, типичными евреями...

Если бы германская армия не пришла на помощь русскому народу и не освободила его от страшного жидо-большевистского ига, можно с полной уверенностью сказать, что через несколько поколений русский народ окончательно и биологически выродился бы, а его место занял бы выросший на соках славянской крови паразитический Израиль»⁷.

Официально вопросы брачно-семейного права находились в ведении коллаборационистской «новой русской администрации». На словах именно от представителей русского населения выдвигались различные предложения, касающиеся брачно-семейных отношений. Но фактически все эти проблемы находились под жестким контролем нацистских оккупационных служб.

При русских городских управлениях создавались юридические отделы. При них действовали столы записи актов гражданского состояния. К функциям последних относилась регистрация браков, рождений и смертей.

В своих действиях юридические отделы руководствовались различными инструкциями и указаниями, исходившими как от немецких, так и коллаборационистских органов власти. В средствах массовой пропаганды эти документы характеризовались как «правила, упорядочившие брачные отношения и ликвидирующие хаос, вызванный в этой области большевизмом». Они были приняты практически во всех крупных русских городах, оказавшихся под немецко-фашистской оккупацией. Так, во Пскове в начале 1942 года отдел записей актов гражданского состояния получил от городской управы подробную инструкцию о совершении бракосочетания. В ней писалось о том, что «брак не есть обыкновенный договор или просто заявление должностному лицу в обыкновенном смысле. Своим заявлением вступающие в брак обязуются не только жить вместе и поддерживать друг друга, но и основывают совместную жизнь и в

духовном отношении. В благоустроенном государстве такая связь не может возникнуть без ведома и содействия государственной власти. А потому здесь необходимо вмешательство государственного учреждения, в данном случае – стола записей актов гражданского состояния»⁸.

Отмечалось, что стол ЗАГСа должен был охватывать все изменения в гражданском состоянии каждого лица в отдельности. Одна из основных целей стола загса формулировалась следующим образом: «В некоторых случаях брак может быть не разрешен, нежелателен или недопустим в интересах отдельных лиц. Поэтому до заключения брака следует точно установить, может ли быть в данном случае совершено бракосочетание. Если, таким образом, в настоящее время брак является актом выдающегося значения, то и оформление его должно быть совершено соответственно этому значению»⁹.

По новым правилам брак признавался действительным только тогда, когда он регистрировался по всем правилам в отделе записей актов гражданского состояния.

Процесс заключения брака предполагал несколько этапов. Прежде всего, желающие вступить в брак подавали соответствующее ходатайство. При этом производилась проверка удостоверения личности. Заведующий столом загса должен был получить точные доказательства правильности показаний брачующихся. Брак не мог быть надлежащим образом заключен, если брачующиеся не могли удостоверить свою личность и происхождение. Таким образом, беженцы, лица, не проживавшие постоянно в данной местности до начала военных действий, граждане, не имеющие документов, не имели права вступать в брак. В одной из инструкций Смоленской городской управы говорилось о том, что «данная мера не позволит советским агентам растворяться среди мирного населения нашего округа...»¹⁰.

Воспрещались браки:

– Между евреями и лицами других групп населения. К евреям относились лица, исповедующие иудаизм или имеющие в своем роду евреев среди родственников до третьего колена.

– Между единокровными по прямой линии; родными и полуродными братьями и сестрами брачного или внебрачного происхождения.

– Мужчинам до достижения 18 лет и женщинам до достижения 16 лет.

– Лицам, уже состоящим в законном браке.

Если вышеперечисленные причины вскрывались уже после заключения брака, то незаконно зарегистрированный брак объявлялся недействительным, а запись об этом уничтожалась.

Если у чиновников не имелось никаких сомнений в законности оформления брака, то бракосочетающимся назначалось время для «совершения таинства бракосочетания». Оно должно было состояться не раньше двух и не позже трех недель после возбуждения ходатайства о разрешении заключить брак. В течение этого срока делалось так называемое «оглашение», которое помещалось в специальном разделе газеты и на специальной доске, вывешенной при городском управлении. Завизированное бургомистром, оно включало в себя следующую информацию как о женихе, так и о невесте: данные о месте рождения, месте проживания и профессии.

Если за эти дни не поступало никакой информации, противоречащей той, которую сообщили о себе граждане, собирающиеся вступить в брак, назначался день «венчания». Брачующиеся и их свидетели были обязаны явиться в определенный час в стол ЗАГСа в опрятных одеждах.

Инструкция предписывала, чтобы бракосочетание проходило в особой комнате. Она должна была быть празднично обставлена: «необходимо позаботиться о цветах и корзинах...» В инструкции содержались подробные указания о порядке бракосочетания: «Заведующий столом ЗАГСа должен сидеть за красивым столом. Перед ним сидят брачующиеся, по обеим сторонам находятся места для свидетелей. Зав. ЗАГСом оглашает вначале имена: явились сегодня (зачитываются полностью имена, фамилии, место и дата рождения брачующихся и свидетелей). Они по обоюдному согласию заявили о своем желании вступить в брак. Затем все присутствующие приглашаются встать. Чиновник ЗАГСа также встает и продолжает следующим образом: “Я спрашиваю тебя (следует имя жениха), согласна ли здесь присутствующая (следует имя невесты) вступить в брак”. После “Да” – жениха и невесты заведующий столом ЗАГСа объявляет брачующимся, что согласно гражданскому праву их брак является заключенным»¹¹.

При браке невесте присваивалась фамилия мужа. Официально это объяснялось желанием «ликвидировать тот бедлам, который царил при советской власти, когда муж носил одну фамилию, жена другую, а дети зачастую третью, т. е. фамилию первого мужа жены»¹². Однако на практике это было направлено на то, чтобы вос-

препятствовать евреям или людям, носящим похожие на еврейские фамилии, изменять их.

Предполагалось, что молодые супруги после этого должны были получить от городской управы небольшой подарок. Редактор крупной коллаборационистской газеты «Речь», издававшейся в Орле, Михаил Октан, выдвинул предложение, чтобы «молодожены получали, как и в Германии, бессмертную книгу Адольфа Гитлера “Моя борьба”». Однако такая идея была с возмущением отвергнута представителями нацистских оккупационных служб. Они посчитали недопустимым распространение библии национал-социализма среди «унтерменшей» (недочеловеков)¹³.

Пойти в церковь и обвенчаться там по религиозному обряду можно было только после регистрации брака в отделе записи актов гражданского состояния. В распоряжении орловской управы священникам орловской епархии указывалось следующее: «Согласно распоряжения германского командования церковное венчание допускается лишь после оформления брака в загсе. Священнослужители, совершившие венчание без предварительного оформления брака в загсе, подлежат наказанию лишением свободы или денежным штрафом»¹⁴. Во Пскове совершение церковного обряда могло быть осуществлено лишь после регистрации брака в городском управлении. Силу документа имели лишь записи в метрических книгах городского управления. Священнослужителей и мирян предупреждали о том, что «засвидетельствование браков, совершенных в церкви, не заменяют собой указанных записей в столе загса»¹⁵.

Расторжение браков на оккупированной немцами территории России было воспрещено. Так, 28 апреля 1943 года Смоленское окружное управление разослало в районные управы бумагу, в которой говорилось о том, что «в настоящее время распоряжением Германского командования разводы запрещены, в исключительных случаях можно только допускать раздел имущества, но без права разошедшихся супругов вступать в новый брак. Незвестное отсутствие жены или мужа, а также и эвакуация НЕ ДАЮТ ПРАВА (выделено в документе. – *Б. К.*) оставшемуся здесь супругу вступать в новый брак»¹⁶.

Подобные действия можно объяснить желанием оккупантов осуществлять жесткий контроль за населением. В инструкции для мировых судов Смоленского округа от 2 июля 1943 года отмечалось, что в исключительных случаях при разрешении бракоразводных дел

необходимо иметь в виду следующее: «Обоюдное желание супругов не является законным поводом для развода». Предполагалось, что «при разрешении имущественных разделов разводящихся супругов суд должен стоять на стороне интересов правого супруга». Новый брак того супруга, по вине которого был произведен развод (это определял мировой суд), был воспрещен. Поэтому решение суда направлялось в стол загса, где в удостоверение личности ставился штамп о расторжении брака со словами «без вины» или «по вине»¹⁷.

В случаях изменения гражданского состояния, занесенных в метрические книги, заинтересованным лицам выдавались свидетельства в виде выписки из этих книг. Каждое свидетельство облагалось сбором в сумме 20 рублей. Регистрация брака оплачивалась сбором в сумме 100 рублей.

Любой отход от правил, связанных с регистрацией брака, наказывался денежным штрафом до 1000 рублей и принудительными работами. В распоряжении Смоленской управы «О временных правилах в отношении регистрации актов гражданского состояния» от 3 апреля 1943 года специально оговаривались следующие нарушения: совершение духовным лицом, принадлежащим к духовному сообществу, церковного венчания или удостоверение брака прежде того, как факт заключения брака внесен в реестр браков; умышленное внесение в реестр браков ложных сведений о брачующихся; недостаточно полный сбор информации о женихе и невесте; заключение брака людьми, которым было запрещено регистрироваться¹⁸.

При анализе различных инструкций и распоряжений коллаборационистских администраций, касающихся вопросов брака и семьи в различных городах на оккупированной территории России, видно, что все они весьма похожи друг на друга. Следовательно, данные документы исходили из одного центра, в данном случае – из Берлина. Рассматривая основные черты брачно-семейного права на оккупированной территории России, можно отметить, что все инструкции, указы и распоряжения как немецких оккупационных служб, так и марионеточной «новой русской администрации» были направлены на решение одной глобальной задачи: тотального контроля за населением.

Но в условиях многомесячной нацистской оккупации России повседневная жизнь складывалась далеко не так, как это виделось берлинским чиновникам. К тому же на оккупированной территории России был явный дефицит русских мужчин. Многие из них воевали

в Красной Армии и партизанских отрядах. Именно их забирали в первую очередь на работы в Германию. Да и многие немецкие солдаты видели в местных девушках и женщинах в первую очередь не представителей «унтерменшей» (недочеловеков), а именно девушек и женщин.

В одном из номеров коллаборационистской газеты «За родину», которая распространялась на оккупированной гитлеровцами территории Северо-Запада России, были опубликованы стихи «О пользе изучения языка»:

Всегда пригодится любая наука.
Немецкий и русский – хорошая штука.
Но странен учащихся выбор и вкус:
Все девушки учат – «их либе» и «кус».
Но знанье без практики – дело пустое.
И там, где учащихся встретится двое,
Только и слышишь из девичьих уст:
«Ах, милый, ах, милый, ещё один «кус».
А он отвечает, с досады, хоть плюй:
«О медхен, о медхен, нох айн... поцелуй»¹⁹.

В перевода на русский язык, употребляющиеся немецкие слова означают: «их либе» – я люблю, «кус» – поцелуй, «медхен» – девушка.

Почему происходили подобные встречи? Причин этому несколько. Безусловно, во многих случаях немецкие солдаты действовали с позиций силы. Совершенно не обязательно, что это было изнасилование. Просто оккупанты путем угроз, запугивания и шантажа могли получить желаемый результат. Немалую роль играло и материальное благополучие. В условиях каждодневной угрозы голодной смерти многие женщины соглашались сожительствовать с немцами за продукты. Еда была также необходима их детям и престарелым родственникам. Кто-то видел в немецком любовнике защиту от приставаний других солдат или русских полицаев.

Были случаи, когда возникали искренние чувства. Конечно, эти романы были обречены на несчастливый конец. Но в условиях повседневной угрозы смерти и один день относительного счастья стоит очень дорого.

Были и такие женщины, которые хотели «пира во время чумы». Об одной такой написал в своей книге «Война» Илья Эренбург: «Смазливая девушка. Выщипанные брови. Карминовые губы.

Прежде она была студенткой. Ее соблазнили подачки немецких офицеров, танцы, французское шампанское. Ее соотечественники мужественно сражались. Люди отдавали свою жизнь. А она улаждала палачей своего народа.

Она сейчас сидит у себя в комнате и плачет. Позднее раскаяние Измена, как ржа, разъела ее сердце. На улице праздник – люди смеются, обнимают бойцов. А она сидит в темной комнате и плачет. Она стала отверженной — для себя самой, нет кары тяжелее»²⁰.

Другой эпизод из книги известного советского писателя: «Я сидел в одном доме. Меня удивили глаза хозяйки: они казались сделанными из опалового стекла, в них не было жизни. Хозяйка неохотно отвечала на мои вопросы, а спрашивал я ее, только чтобы разрядить чересчур тяжелую тишину. В углу играл пятилетний мальчуган. Я спросил хозяйку: «Немцы к вам приходили?» Она ответила: «Нет». Я сказал: «Вам повезло». Но тогда мальчик закричал: «Отто приходил», и, упрямо стуча кулаком по стулу, он долго повторял: «Отто приходил». Женщина молча вышла из комнаты. Я больше не мог сидеть в этом доме. Мне показалось, что в комнате нет воздуха. Я выбежал на улицу. Был морозный яркий день. Сотни женщин жмурились и улыбались первому красному флагу на фасаде поврежденного снарядом дома. Мир жил и радовался. Только одна высокая белокурая женщина с пустыми опаловыми глазами не находила себе места в этом мире»²¹.

Людмила Джиованни, пережившая оккупацию Новгорода, вспоминала о том, что каждое утро из квартир, где проживали местные жители, как тараканы, разбежались немецкие солдаты. Они спешили в казармы от своих русских подруг.

В воспоминаниях шефа новгородского гестапо Бориса Филистинского, которые он издал уже будучи профессором Вашингтонского университета, так описывается жизнь в Приильменье зимой 1942 года: «За стеной слышалась однообразная игра на гармошке, русско-немецкий говор, взвизги и чмоканье.

– Жируют, – как-то совсем равнодушно кивнул в ту сторону старшина, бывший председатель колхоза “Завет Ильича”. И прибавил минуту спустя тем же безразличным тоном, повернувшись к стене и громко стукнув в нее кулаком: – Санька, подь сюда.

Стуча новыми сапогами, в горницу с вызывающим видом вошла старшая дочь старшины, полная краснощекая девка лет девятнадцати. Кофточка ее была помята, несколько пуговиц расстегнуто.

– Смотри у меня, не перегуляй. Жируй, да с осторожкой: завтра приезжает твой хауптман. Слышишь? – тем же равнодушным голосом предупредил отец.

– Отвяжись, без тебя знаю, – огрызнулась девка, а глаза ее добавили: сам, смотри, у меня не задирайся: я знаю, чем бы ты был без меня...

– Ну, иди. Нечего твоего гостя томить. Кто у тебя? Вахмистр?»²².

Кроме немцев, пытались найти свою любовь на новгородской земле и испанские солдаты «Голубой дивизии»: «В двухстах шагах, в единственном уцелевшем домишке, в жарко натопленной горнице сидел за столом испанский поручик. Он был полураздет, перед ним стояло несколько бутылок коньяка и водки, сковорода с недоеденной рыбой и крупно нарезанный лук. Чудесный домашний свежий ржаной хлеб и овсяный кисель, почти нетронутый, придавали пиршеству местный колорит. Вся семья хозяина дома – и сам хозяин с женой, и молоденькие дочери его, и старуха бабка – с раскрасневшимися лицами и мутными глазами сидели за столом. Хозяйский сынишка, парень лет четырнадцати, что есть силы терзал гармонь, а денщик-испанец подыгрывал ему не в тон на гитаре и выл что-то дикое и нечленораздельное. Я предъявил офицеру свой пропуск и свои документы. Он пьяно взглянул на меня и на возницу и сунул нам в руки объемистые кружки с коньяком:

– Пейте! Пейте, вам говорят! – на документы он и не взглянул.

– Они ничего, испанцы-то, щедрые. Все солдаты ихние на девках наших попереженились. По-православному. И в церкву нашу ходют. А девкам в подарок и коров, и свиней подарили. С соседних деревень грабанаули. Хороший народ, подходящий, – объяснял мне заплетающимся языком хозяин дома, помощник волостного старосты...

И мы опять на дровнях. Дорога вьется – однообразная и унылая, а возница рассказывает мне:

– В Курицко испанский комендант запретил солдатам с девками гулять... Ну да разве испанцы послушают кого? Поймали комендантские девок и баб с солдатами на гулянке в клубе. Девкам голову наголо сбрили, бабам полголовы выстригли, а солдат выпороли... Смех и грех!»²³.

Нацистское руководство было крайне обеспокоено фактами «морального разложения» своих солдат. 8 июня 1942 г. вышла «Памятка солдату о поведении в оккупированных восточных областях». В ней, в частности, говорилось о следующем: «В оккупированных областях

немецкий воин является представителем германской империи и её власти. Он должен это чувствовать и соответствующим образом вести себя. Затяжная война, пребывание на гарнизонной службе сопряжены с той опасностью, что отношения с женской половиной гражданского населения становятся более близкими, чем это желательно.

Поддержание престижа вооруженных сил и угроза опасности причинить вред чистоте расы требует того, чтобы этому вопросу было уделено серьёзное внимание и чтобы в этом отношении на солдат оказывалось постоянное воздействие.

Командующим издано постановление о запрещении дальнейшего пребывания немецких солдат у местных жителей. Все солдаты без исключения должны размещаться вместе. Поскольку для этого необходимы жилые дома, надлежит выселять из них гражданское население. В таких случаях местные жители переселяются в другие квартиры или эвакуируются.

В районе боевых действий, в условиях развивающихся военных операций, когда место стоянки требуется на короткий срок, нет необходимости в переселении местных жителей»²⁴.

Нужно отметить, что это распоряжение, несмотря на всю пресловутую любовь и уважение немцев к приказу и порядку, практически не выполнялось. Скорее всего, местных «отцов-командиров» раздражали подобные требования «берлинских чинуш», которые не могли понять всю сложность жизни простых фронтовиков.

Когда немецкому командованию стало понятно, что исключительно репрессивными мерами данную проблему решить невозможно, оно приняло ряд мер. В частности, в марте 1943 г. принимается решение, согласно которому при рождении ребенка от немецкого солдата русские матери имели право на алименты: «При регистрации внебрачных детей, которые происходят от германских отцов, надо одновременно представить доказательства, которыми подтверждается отцовство германского солдата.

Каждый раз, если мать при регистрации внебрачного ребенка в ЗАГСе указывает, что отцом ребенка является германский солдат, чиновник ЗАГСа должен снять с матери показания, кто является отцом (фамилия, имя, чин или знаки отличия, воинская часть, почтовый номер, в крайнем случае только род войск отца) и что привело к половому сношению (пребывание на квартире, работа матери в воинской части и подобное) и признает ли солдат отцовство. Од-

новременно надо спросить мать, с какими другими мужчинами она имела еще половое сношение в период зачатия.

Различные находящиеся на руках матери доказательства отцовства (письма, фотокарточки отца или подобное) надо приложить к акту.

Волостной старшина дает заключение, заслуживает ли показание матери доверия, допрашивает еще возможных со стороны матери знакомых свидетелей, берет у матери отпечатки всех 10 пальцев и, как можно скорее, отправляет материалы со своим заключением районному бургомистру.

Содержание детей, относительно которых установлено, что отцом их является германский гражданин, обеспечивается уплатой текущего пособия. Пособие составляет ежемесячно 200 руб. и выплачивается матери районной кассой ежемесячно вперед со дня рождения ребенка.

Если имеются на лицо особые обстоятельства, то пособие на содержание по заявлению матери или опекуна может быть увеличено до 300 руб. ежемесячно. Суммы, которые выплачиваются районами таким детям, должны быть взяты из общего фонда обеспечения, но проведены по особым счетам. Об их возврате в дальнейшем районы получают в ближайшее время указание.

Если отцовство германского гражданина не установлено с достаточной достоверностью, то текущее пособие на содержание не выплачивается. В этом случае матери должны получать помощь от районного Управления из общих средств обеспечения²⁵.

Но если ребенок, рожденный от немецкого солдата, в условиях оккупации мог быть определенной формой заработка, ситуация кардинально менялась после прихода советских войск. И здесь речь шла не только о моральном осуждении со стороны соседей. Ожидали и более строгой кары. В одном из партизанских воспоминаний описан следующий случай: за три года, пока Северо-Запад России был оккупирован нацистами, местная жительница «прижила» от них двух детей. В первый же день после освобождения своей деревни она вышла на дорогу, положила туда своих малышек и с криком «Смерть немецким оккупантам!» убила их булыжником²⁶.

Для удовлетворения половых потребностей солдат и офицеров на оккупированной территории России открывались публичные дома. Были среди них и фешенебельные: так в Смоленске в бывшей гостинице действовал бордель исключительно для офицеров-

летчиков. В нем работали профессионалки, прибывшие из Польши и Франции. В других русских городах все было «попроще». Так вскоре после освобождения Пскова от гитлеровцев обком партии получил от чекистов информационную записку о жизни города в условиях оккупации. В ней речь шла и о публичных домах:

«Публичные дома, или «Бордель-хаусы», в Пскове.

В Пскове на Горной и на Детской улицах были созданы крупные публичные дома, или «Бордель-хаусы», как их называли сами немцы. В эти дома зачастую брали девушек даже несовершеннолетнего возраста. Часть девушек шла в эти дома из-за материальной необеспеченности, а часть для того, чтобы своим телом подзаработать себе лишние «тряпки» и пожить праздной и развратной жизнью. «Бордель-хаусы» у немцев пользовались большим спросом, и были дни, когда перед этими домами выстраивались очереди. Несмотря на еженедельный медицинский осмотр всех женщин этих домов, все же заражение венерическими заболеваниями шло взаимное, и большинство женщин из этих домов возвращалось с венерическими болезнями.

Институт санитарно-поднадзорных.

Так как имевшихся в Пскове публичных домов для немцев не хватало, то они создали так называемый институт санитарно-поднадзорных женщин или, просто говоря, возродили свободных проституток, которые торговали своим телом на улицах города. Периодически они также должны были являться на медосмотр, о чем получали соответствующие отметки в особых билетах, которые получали на руки. Занятие проституцией без специальных билетов немцами юридически запрещалось, но фактически оно процветало, т. к. немцы своей разнузданностью в разврате способствовали этому.

Списки санитарно-поднадзорных установлены, фотокарточки сотрудников бордель-хаусов имеются»²⁷.

Илья Эренбург так писал об оккупации Курска: «Закрыли школы. Закрыли театры. Закрыли библиотеки. Что они открыли? Дом терпимости на улице Невского. Открыли торжественно. Герр доктор Фогт произнес речь: “Мы несем веселье в ледяную пустыню”».

Они не принесли веселья. Они принесли заразу. Перед войной в Курске совершенно исчез сифилис. Немцы заразили Курск. По немецкой статистике среди гражданского населения регистрировалось в декаду от 70 до 80 случаев заболевания венерическими болезнями.

Больных отправляли в городскую тюрьму. Свыше сотни из них немцы убили»²⁸.

Последнее утверждение не является выдумкой или преувеличением писателя. В архивах Курской области сохранились регистрационные карточки с именами многочисленных жертв.

Работа публичных домов на оккупированной территории привлекала особое внимание советских органов государственной безопасности. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, в подобных заведениях можно было вести работу по сбору сведений, которые могли разболтать подвыпившие клиенты. Во-вторых, открытие подобных заведений вызывало крайне негативную реакцию среди русского населения, а это, в свою очередь, было на руку антифашистскому сопротивлению. Так, в докладной записке начальнику Управления НКВД по Калининской области Токареву писалось следующее: «В последних числах октября 1942 г., по заданию фельдкомендатуры, бургомистр города Великие Луки Поморцев приступил к созданию дома терпимости под названием “Дом благородных девиц”, который должен “обслуживать” немецких солдат и офицеров.

Оборудование публичного дома было поручено начальнику строительного отдела управы, а обеспечение мебелью – начальнику жилищного отдела Снеготскому. Под помещение, в котором должен размещаться этот дом, было подобрано одноэтажное кирпичное здание, расположенное на улице Ботвина, рядом с 7-й школой. На оборудование дома терпимости и его ремонт городская управа отпустила 50.000 рублей из своего бюджета и выделила необходимое количество стройматериалов. Дом рассчитан был на 20–25 человек. Штат дома терпимости предполагался быть следующим: управляющая домом «благородных девиц», непосредственно подчиняющаяся бургомистру Поморцеву, наставницы и девушки. Кроме того, там должны были быть: доктор, швейцары, маникюрша, массажистка и другой обслуживающий персонал.

По внутреннему устройству дом терпимости должен был представлять следующее: зал ознакомления, в котором должны были находиться буфет, эстрада, столики для закусок. В середине зала танцевальная площадка. Далее были оборудованы кабинеты с отдельными входами и выходами, соединенные между собой только общим коридором. Кабинеты были оборудованы по-разному и делились на несколько классов. В кабинете первого класса стояла никелированная кровать, ванна и прочие удобства»²⁹.

Поморцев и начальник полиции Филиппков по согласованию с фельдкомендатурой управляющей дома назначили некую Древич, которая в свое время являлась притоносодержательницей в г. Одесса. Управляющая домом должна была набирать девушек и женщин в это учреждение. Все отобранные ею лица должны были посетить фельдкомендатуру, где они проходили медицинское освидетельствование и внешний осмотр. Желающие «работать» в «доме благородных девиц», т. е. в доме терпимости, подавали заявление непосредственно в фельдкомендатуру.

В первую очередь такие заявления подавали лица, ранее занимавшиеся проституцией. Немцы предполагали, что если из добровольно желающих не будет набран нужный им контингент, то они проведут специальную вербовку подходящих для этой цели девушек.

Впечатление у населения об открытии немцами дома терпимости было самым отвратительным. Гражданка Вишнякова Лидия Андреевна, 1890 г. рождения, домохозяйка, отзывалась о публичном доме так: «Когда я узнала, что в нашем городе организуется столь гнусное заведение, я сказала, что рада за то, что моя племянница погибла от бомбежки, что она не будет знать об этом ужасном доме и не попадет в него»³⁰.

Дом терпимости немцам открыть не удалось. Он был разбит снарядом и сгорел. Управляющая Древич, как еврейка, была самими же немцами расстреляна»³¹.

Но далеко не все русские женщины встречались с оккупантами по своей воле. Были и те, кто, выполняя приказания советского командования, собирали различные разведывательные сведения. Делать это на виду у земляков было очень сложно и тяжело. Абсолютное большинство из них носили кличку «фашистская подстилка». И во многом было страшнее и горше, когда Центр забывал или терял своих агентов. Так, полковник КГБ Зоя Воскресенская в своих воспоминаниях «Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы» описывает одну из своих встреч в Воркуте в 1954 году: «При 2-й шахте действовало дамское ателье, в нем обшивали воркутинских женщин. Возглавляла это ателье расконвоированная заключенная, осужденная на двадцать пять лет «за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами». Звали ее Оля. Спросила, что она натворила такого, что получила высший срок. «О, гражданин начальник. Я вам расскажу, но все равно вы мне не поверите». — «А все же...»

И она поведала мне свою историю. Оля из Орла. Была комсомолкой. Когда началась война, попросилась на фронт. Немцы подошли к городу. В военкомате молодой человек предложил ей остаться в Орле и, поскольку она в какой-то мере владеет немецким языком, постараться заслужить доверие гитлеровцев, выяснить их планы, настроение, потери, в общем, стать разведчицей. Два раза в месяц она должна была являться в условное место и закладывать в тайник свое донесение и вынимать оттуда (из дупла) очередное задание.

Оля дала свое согласие, отправила мать в эвакуацию, сказала ей, что задерживается здесь по комсомольским делам и потом приедет.

После оккупации города Оля быстро и легко вошла в офицерскую среду, вечера проводила в ресторанах, делая вид, что по-немецки она знает лишь несколько слов. Как условились, она ходила к тайнику в определенные и контрольные дни и... находила там свои донесения и никаких заданий.

Она была в отчаянии. Пыталась улизнуть из города, избежать грязных рук оккупантов. Но это ей не удалось.

Орел находился в руках гитлеровцев больше двадцати месяцев, и все это время Оля не теряла надежды, что ее разыщут.

После освобождения Орла от захватчиков советскому командованию посыпались донесения о предательском поведении этой «девки Ольги», которая плясала с эсэсовцами в ресторанах, пила с ними вино и водку, разъезжала в их автомобилях. Она была арестована и, как военный преступник, предстала пред военным трибуналом.

Из ее рассказа по специфическим деталям, знакомым мне как разведчику, я поняла, что она говорит правду, и посоветовала ей подробно описать свои злоключения и просить Верховный Суд пересмотреть ее дело. Олину исповедь я отправила фельдсвязью.

Минуло несколько месяцев, и вот однажды вечером, разбирая почту, я вскрыла правительственный конверт и, к неописуемой своей радости, прочитала постановление о полной реабилитации Оли «за отсутствием состава преступления»³².

Но далеко не все подобные истории заканчивались счастливым концом. И хотя обычно женщину только за половую связь к уголовной ответственности не привлекали, жить с клеймом «фашистская подстилка» было нелегко. Еще хуже приходилось детям, привыкшим с детства к кличкам «фашистенок», «немец» или «испанец».

Если же говорить обо всех женщинах, оказавшихся в тяжелейших условиях вражеской оккупации, то, говоря по-человечески, не

было в действиях большинства из них того самого «состава преступления». В священном писании сказано «Не судите – да не судимы будете». Да и нельзя судить женщину, когда она, никого не предавая, хотела накормить своих близких, хотела любви и защиты. А может быть, их собственный суд над собой был гораздо страшнее и строже. Но об этом судить не нам.

Примечания

- 1 **Hitler, A.** Mein Kampf. P. 208–210.
- 2 За родину (Псков). 1942. 8 марта.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Новый путь (Смоленск). 1942. 5 июля.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 АУФСБПО. Д. 5234. Л. 216.
- 9 Там же. Л. 217.
- 10 АУФСБСО. Д. 7634. Л. 47.
- 11 АУФСБПО. Д. 5234. Л. 218.
- 12 Там же.
- 13 Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»: коллекция документов.
- 14 ГАОО. Ф. Р–159. Оп. 1. Д. 29. Л. 13.
- 15 Там же.
- 16 ГАСО. Ф. Р–2576. Оп. 1. Д. 1. С. 57.
- 17 Там же.
- 18 ГАСО. Ф. Р–2575. Оп. 1. Д. 1. С. 58–61.
- 19 За родину (Псков). 1943. 18 ноября.
- 20 **Эренбург, И. Г.** Война 1941–1945. М., 2004. С. 376.
- 21 Там же. С. 381–382.
- 22 **Филиппов, Б.** Избранное. Лондон, 1984. С. 90.
- 23 Там же. С. 96.
- 24 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 173. Л. 31.
- 25 ГАОО. Ф. Р–159. Оп. 1. Д. 29. Л. 28.
- 26 АУФСБПО. Д. 100. Л. 114.
- 27 Псковские хроники. Вып. 4. Псков, 2004. С. 241.
- 28 **Эренбург, И. А.** Война 1941–1945. С. 375.
- 29 АУФСБПО. Д. С–9250. Л. 46.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 47.
- 32 **Вокресенская, З.** Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы. М., 1993. С. 216–219.

Заключение

Сейчас в это трудно поверить, но чуть более ста лет назад европейские интеллектуалы искренне заявляли о том, что XX век будет золотым веком для всего человечества. Веком научно-технического прогресса и мира без войн. По поводу развития науки и технологий они, конечно, угадали. Но две мировые войны и огромное количество локальных конфликтов сделали прошедшее столетие самым кровавым за всю историю цивилизаций.

Вторая мировая война была трагическим испытанием для многих миллионов людей. Смерть и разрушения, голод и нужда стали элементами повседневной жизни. Особенно тяжело переживалось все это на захваченных врагом территориях.

Любой человек хочет жить. Любой человек хочет, чтобы жили его родные и близкие. Но существовать можно по-разному. Есть определенная свобода выбора: можно стать участником движения сопротивления, а кто-то предложит свои услуги иноземному захватчику.

В условиях оккупации западных районов нашей страны деятельность коллаборационистов, взявших в свои руки оружие или предложивших оккупантам свой интеллектуальный потенциал, должна быть охарактеризована как измена Родине, как в уголовно-правовом, так и в нравственном смысле этого понятия.

Однако, осуждая тех лиц, кто реально сотрудничал с врагом, мы должны со всей ответственностью осознавать всю сложность положения миллионов наших сограждан, оказавшихся на захваченной территории. Их коллаборационизм во многом являлся вынужденным. Это был коллаборационизм выживания.

Список аббревиатур

АУФСББО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Брянской области.

АУФСБ по Костромской области – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Костромской области.

АУФСБКК – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Краснодарскому краю.

АУФСБКО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области.

АУФСБНО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Новгородской области.

АУФСБОО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Орловской области.

АУФСБПО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области.

АУФСБ по Самарской области – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Самарской области.

АУФСБСО – Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Смоленской области.

СРАФ УФСБ СПбЛО – Служба регистрации архивных фондов Управления Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

ГАБО – Государственный архив Брянской области.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

ГАКО – Государственный архив Курской области.

ГАНО – Государственный архив Новгородской области.

ГАОО – Государственный архив Орловской области.

ГАПО – Государственный архив Псковской области.

ГАСО – Государственный архив Смоленской области.
ГАОПИКО – Государственный архив общественно-политической истории
Курской области.
ГАНИНО – Государственный архив новейшей истории Новгородской об-
ласти.
ГАНИПО – Государственный архив новейшей истории Псковской облас-
ти.
ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской об-
ласти.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории, Москва.
ЦГАИПД – Центральный государственный архив историко-политических
документов, Санкт-Петербург.

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Биллингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

Ковалев Борис Николаевич

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В РОССИИ
В 1941–1945 гг.:
ТИПЫ И ФОРМЫ**

Монография

Редактор В. И. Макаров

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Изд. лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 26.03.2009. Тираж 500 экз.

Физ. печ. л. 19,55. Уч.-изд. л. 23,25. Формат 60 * 90 ¹/₁₆. Гарнитура *Times New Roman*.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-88.